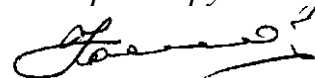

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

КАМАСHEB СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ**

Специальность 09.00.11 - социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени доктора
философских наук

Научный консультант –
доктор философских наук,
профессор Наливайко Нина Васильевна

НОВОСИБИРСК – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ОСНОВНЫХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	
1.1. Методология исследования образовательного пространства и его безопасности.....	28
1.2. Безопасность образовательного пространства в системе национальной безопасности России как объект социально-философского анализа.....	53
ГЛАВА 2. БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
2.1. Экономическая обусловленность безопасности образовательного пространства в условиях рыночных отношений.....	97
2.2. Социальная детерминация безопасности образовательного пространства.....	122
2.3. Зависимость безопасности образовательного пространства от духовных факторов: проблемы и противоречия.....	156
ГЛАВА 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	
3.1. Геополитика и геополитические аспекты исследования национальной и образовательной безопасности.....	193
3.2. Анализ современной цивилизационной геополитики в контексте обеспечения национальной и образовательной безопасности России.....	239

3.3. Геофилософия безопасности российского образовательного пространства: основное содержание концепции.....	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	315
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	327
ПРИЛОЖЕНИЯ	373

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью защиты российской образовательной системы от рисков и угроз, отсутствием целостной философской концепции безопасности образовательного пространства – при том, что – образование играет решающую роль в инновационном развитии страны и обеспечении ее национальной безопасности.

Во-первых, значительно возрастают потребности человека и общества в знаниях вообще и в образовании, в частности, поскольку увеличивается масштаб и сложность социальных трансформаций в современном мире. Социальная образовательная реальность является атрибутивной сферой общественной жизни, национальным приоритетом и приобретает ключевое значение для сохранения суверенитета и укрепления безопасности любого государства. Образование представляет собой базовым элемент социокультурной идентичности народа, основной инструмент достижения стабильности общества, а также богатства его духовно-культурной сферы. Именно эффективность и устойчивое развитие российской образовательной системы, состояния ее безопасности определяет уровень профессиональной подготовки, нравственных и политических ориентиров молодежи. В свою очередь, это обуславливает успех реализации инновационных стратегий в развитии страны, ее продвижения на международном рынке труда, новейших технологий и образования.

В то же время, целевые установки государства, предполагающие повышение качества, доступность и эффективность образования как важнейшего ресурса обеспечения свободы, благосостояния и безопасности граждан, еще далеки от воплощения. Общеизвестным фактом является несоответствие качества российского образования интересам общества, государства и потребностям личности. Это несоответствие достигло критического уровня и несет серьезную угрозу устойчивости образовательной системы и национальной безопасности. Социальное напряжение в самом образовательном сообществе, вызванное стратегией перманентного реформирования образовательной системы

по инокультурным образцам и рыночным критериям, также достигло критической точки.

Во-вторых, обращение к теме исследования обусловлено состоянием духовной сферы общества как среды образовательного пространства. Резкие социальные сдвиги вызвали не менее серьезные изменения в общественном менталитет, приводя зачастую к конфликту общественных и личных интересов. Наличие в обществе таких негативных явлений, как социальная апатия, правовой нигилизм, системная коррупция несет серьезные угрозы национальной и образовательной безопасности России.

В-третьих, значение безопасности образовательного пространства неизмеримо возрастает в связи с системным кризисом цивилизации и углублением противоречий, увеличением количества серьезных внешних угроз для России и ее образовательного пространства. Борьба за ресурсы, рынки сбыта, транспортные узлы, неравномерность мирового развития, варварское разрушение экосистем и истощение мировых природных богатств порождают глобальные, региональные и национальные риски, актуализируя проблемы сохранения общественного устройства и устойчивости образовательной системы, а также обеспечения их безопасности. Мир подошел к «точке бифуркации» (И. Валлерстайн), а значит, необходимо создание новой, полицентричной и более справедливой системы миропорядка. На международных конференциях в Мюнхене (2007, 2016 гг.) по безопасности и на заседании клуба «Валдай» (2014 г.) отмечалось, что западная стратегия «сдерживания» в отношении России, представляет угрозу; были предложены четкие определения границ национальных интересов России и заявлено о стремлении отстаивать их. Особую опасность представляют действия антироссийских сил в духовно-культурной сфере; в их числе – стремление разрушить традиционные основы российского воспитания-образования через навязывание западных образовательных стандартов, внедрением антироссийских ценностей и идей – как посредством продвижения учебников, так и благодаря деятельности СМИ, а также использованию информационных и коммуникационных технологий.

Нейтрализация и преодоление существующих рисков в условиях «управляемого хаоса» динамичного и взаимозависимого мира становятся важнейшими факторами не только развития, но и выживания общества. Не случайно российское государство уделяет пристальное внимание вопросам обеспечения национальной и образовательной безопасности, о чем свидетельствуют многочисленные документы, регулирующие отношения в этих сферах¹.

В то же время, наблюдается недостаток обобщающих философских работ, предлагающих способы преодоления духовного кризиса общества и возникающих рисков для образования, до сих пор отсутствует целостная философская концепция безопасности образовательного пространства. Очевидна необходимость философской рефлексии методов нейтрализации и преодоления глобальных, региональных и национальных рисков для образования и общества. Разработка и реализация современной парадигмы обеспечения безопасности общества и его образовательной системы – настоятельная потребность настоящего времени. Социально-политический аспект актуальности темы исследования обусловлен ее слабой научной разработанностью с философской точки зрения.

Степень научной разработанности темы исследования

Сегодня проблемы безопасности российского общества и его образовательной системы с философских позиций анализируются с учетом сложной структуры безопасности социальных явлений. Безопасность справедливо трактуется как отсутствие рисков и угроз, как основное условие устойчивого

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (дата обращения 07.06.2014); Федеральный закон «Об обороне» (с изменениями на 12 февраля 2015 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9020348> (дата обращения 18.05.2015); Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 дек. № 5976 (дата обращения 25.03.2016); Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/2056/> (дата обращения 27.02.2015); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (введ. в действие указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016); Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения 05.01.2016) и др.

функционирования и развития любой системы. В исследованиях, как правило, присутствуют альтернативные, порой полярные взгляды по проблемам национальной и образовательной безопасности. Безопасность социальных явлений рассматривается как национальная безопасность или безопасность социальных сфер и регионов; как безопасность общества или личности; как безопасность системы образования или отдельного учреждения, субъекта. Объект исследования, как правило, ограничивается внутренними связями, либо рассматривается во взаимосвязи с национальной или международной безопасностью.

Все наличные работы по теме диссертации объединены нами в несколько групп. Первая группа – работы, в которых исследуются сущность национальной безопасности России, ее различные виды и этнокультурные аспекты, место и роль образования в ее обеспечении. Эта группа представлена работами таких авторов, как: Э. Т. Агаев, Л. Я. Аверьянов, А. Г. Арбатов, О. А. Бельков, А. В. Возжеников, М. Г. Делягин, А. П. Дмитриев, М. Ю. Зеленков, О. В. Золотарев, В. Л. Иноземцев, С. В. Картунов, В. Л. Манилов, С. А. Модестов, В. Овчинский, И. Н. Панарин, В. С. Пирумков, А. А. Прохожев, С. М. Рогов, В. М. Родачин, В. В. Серебрянников, Г. Г. Силласте, Ю. Е. Сцепинский, Н. И. Турко, К. А. Феофанов, О. Ф. Шабров, Э. Г. Шевелев и др.² Глубокому видению общих проблем национальной безопасности здесь сопутствует отсутствие должного внимания вопросам безопасности образовательного пространства в его связи с национальной безопасностью.

² См., например: Арбатов А. Г. Уравнение безопасности. М. : РОДП, Яблоко. 2010. 296 с.; Бельков О. А. Политология военного управления : учеб. пособие. М. : Военный ун-т, 2008. 220 с.; Возжеников А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М., 2002. 423 с.; Дмитриев А. П. Методика формирования концепции национальной безопасности : учеб. пособие. М. : ВАГШ, 1994. 72 с.; Дмитриев А. П. Методологические основы общей теории безопасности // Общая теория : моногр. М.: Юрид. ин-т МИИТ, 2013. 196 с.; Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М. : Юрид. ин-т МИИТ, 2013. С. 73–91; Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1; Картунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности: учеб. пособие. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 307 с.; Модестов С. А. Стратегическое сдерживание на театре информационного противоборства // Вест. Акад. воен. наук. 2009. № 1. С. 33–36; Панарин И. Н. Информационная война и коммуникации. М. : Горячая линия-Телеком, 2014. 236 с.; Прохожев А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. М., 2006. 288 с.; Родачин В. М. Обеспечена ли национальная безопасность России? // Власть. 2005. № 3. С. 38–41; Феофанов К. А. Цивилизационная безопасность Российской Федерации. М., 2003. 254 с.

Вторая группа работ связана с исследованием регионального аспекта теории безопасности и ее исследованием по сферам общественной жизни. В осмысление видов угроз и их прогнозирования здесь внесли важный вклад теоретические исследования Г. А. Аванесова, Ю. Е. Аврутина, С. С. Антюшина, С. В. Бородина, В. А. Богомолова, А. Н. Волобуева, Л. Д. Глухмана, К. К. Горяинова, А. И. Гурова, И. П. Добаева, А. С. Емельянова, В. А. Золотарева, Л. В. Ивашова, В. В. Карякина, А. Кокошина, С. В. КОРТУНОВА, И. И. Карпеца, Б. П. Кондратова, В. Н. Кудрявцева, С. В. Кургиняна, Д. А. Ли, В. В. Лунеева, С. В. Максимова, Г. К. Мишина, В. С. Овчинского, С. З. Павленко, И. Н. Панарина, А. В. Понеделкова, В. К. Сенчагова, В. Н. Смирнова, В. П. Таранцова, Е. В. Ушаковой, Л. Л. Хоперской, И. Д. Эйнгорна и др.³

Безопасность различных сфер общественной жизни справедливо рассматривается здесь в пространственно-временном измерении. Автор диссертации согласен определением образовательного пространства, предложенным Е. Ушаковой: это онтологический аспект физического пространства, объемная совокупность многообразных компонентов образовательной системы⁴. Однако среди видов угроз для сфер общественной жизни в приведенных работах практически не рассматриваются угрозы для российского образовательного пространства, порождаемые в этих сферах.

Третью группу представляют работы, в которых вопросы безопасности образовательного пространства в той или иной мере связаны с национальной безопасностью. Такой подход к исследованию темы начал разрабатываться в философской науке лишь в последние два десятилетия и представлен в трудах

³ См., например: Богомолов В. А. Экономическая безопасность : учеб. пособие. М.: Юнити, 2012. 295 с.; Золотарев В. А. Военная безопасность государства Российского. М. : Кучково поле, 2001. 484 с.; Павленко С. З. Безопасность Российского государства как политическая проблема : автореф. дис... д-ра. политол. наук. М., 1998; Павленко С. З., Рыкунов В. И. Управление социальной безопасностью (концепции, технологии) : моногр. М., 1998; Проблемы безопасности и регионального развития в условиях дифференцированной этнокультурной среды: докл. и сообщ. на междунар. конф. Ростов н/Д., 2000; Сенчагов В. К. Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 10. С. 8–18.; Коновалов В. Н., Хоперская Л. Л. Национальная и региональная безопасность на Северном Кавказе // Политическая регионалистика. – Ростов н/Д., 2004.; Эйнгорн И. Д. Актуальные проблемы безопасности в Сибирском регионе: методология, методика, практика: материалы межвуз. науч.-метод. семинара. – Новосибирск : СибАГС, 2002. С. 102–108.

⁴ Ушакова Е. В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия: в 2 ч. Барнаул : АлтГУ, 1998. 556 с.;

М. Н. Берулавы, И. Болотина, А. Ю. Вифлеемского, С. А. Дятлова, И. А. Дюпюи, Л. Г. Ефремова, В. П. Казначеева, Е. Мельниковой, Л. Г. Можяевой, Н. В. Наливайко, Е. Н. Рудаковой, О. Н. Смолина, А. И. Субетто, А. Н. Тихонова, А. С. Царева, Л. А. Шипилиной и др.⁵ Однако взаимосвязь безопасности образовательного пространства с национальной безопасностью оказалась лишь обозначенной, без глубокой философского обоснования.

Четвертая группа работ связана с исследованием состояния образования в связи с процессами глобализации и информатизации социума. Из зарубежных философов и социологов здесь следует выделить работы М. Вебера, Г. Беккера, Г. В. Ф. Гегеля, П. Друкер, Э. Дюркгейма, Дж. Кендрика, Р. Д. Ламберта, Ж.-М. Леге, Дж. Минцера, Дж. Найта, Т. Парсонса, Т. Шульца и др.⁶

Эти же проблемы в связи с особенностями государственной политики в образовательной сфере глубоко исследованы и в трудах российских ученых: Н. М. Амосова, К. З. Акопяна, У. Бека, В. И. Беляева, В. В. Боброва, С. К. Булдакова, А. П. Булкина, Л. А. Василенко, Б. С. Гершунского, С. И. Гессена, В. А. Грачева, М. Г. Делягина, Г. Г. Дилигинского, В. И. Добренькова, И. А. Дюпюи, В. К. Егорова В. И. Жукова,

⁵ См., например: Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России. [Электронный ресурс]. URL: http://sci.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html (дата обращения 12.02.2016); Дюпюи И. А. Международные интеграционные процессы в образовании и национальная безопасность России : дис... канд. экон. наук. СПб., 2004. 225 с.; Дятлов С. А. Человеческий капитал России: проблемы эффективного использования в условиях переходной экономики. СПб., 1995. 209 с.; Рудакова Е. Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в образовательном пространстве России [Электронный ресурс]. URL: <http://knigilib.net/book/460-istoriya-i-politicheskie-nauki-vestnik-mgou-2-2012/30-mexanizm-obepecheniya-nacionalnoj-bezopasnosti-v-obrazovatelnom-prostranstve-rossii.html> (дата обращения 11.05.2015); Sapegin P. E. New educational landscape and philosophy of education // Old and new generations in the 21-st century: Shifting landscapes of education. – 14th Biennial Conference – 20-23 August 2014 – Cosenza, Italy. – P. 240 – 248; Смолин О. Н. Образование и национальная безопасность России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smo-lin.ru/news/3/2436> (дата обращения 25.09.2015); Субетто А. И. Образование: будущее России и человечества // Стандарты и качество. 1994. № 5. С. 53–55; Царев А. С. Высшее образование как социальный институт современного общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.education.rekom.ru/4_2006/34.html (дата обращения 04.10.2015)

⁶ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. 316 с.; Becker G. S. Human capital: theoretical and empirical analysis, with special reference to education. N. Y., 1964. P. 264; Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М. : Наука, 2000. 495 с.; Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999. 217 с.; Дюркгейм Э. Социология образования / под ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. М., 1986. 364 с.; Kendrick J. W. Formation and stocks of total capital. N. Y., 1976. P. 372; Lambert R. D. International education and international competency in the United States // European education. 1993. Vol. 28. № 3. P. 309–325.; Леге Ж.-М. Кого страшит развитие науки? / пер. с фр. М. Е. Рыгалова. М. : Знание, 1988. 192 с.; Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. P. 281–302; Найт Дж. Последствия международной торговли образовательными услугами // Экономика образования. 2006. № 5. С. 58–65; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. 215 с.; Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. N. Y., 1971. P. 189.

В. М. Жураковского, В. П. Зинченко, В. А. Змеева, Г. Л. Ильина, В. Л. Иноземцева, В. В. Кочеткова, В. И. Кудашова, Ф. Г. Кумбса, Е. Б. Куркина, Б. Ф. Ломова, М. К. Мамардашвили, В. Э. Меламуда, Н. В. Наливайко, А. М. Новикова, Н. Н. Молчанова, А. А. Овсянников, В. Д. Пароджанова, Н. Н. Пахомова, В. В. Полякова, С. И. Плаксия, И. А. Пфаненштиля, А. И. Ракитова, Н. С. Розова, А. Я. Савельева, В. А. Садовниченко, А. Л. Самсонова, В. А. Слостенина, О. Н. Смолина, Е. А. Спирина, В. В. Сударенкова, А. Д. Урсула, В. В. Филлипова, А. К. Черненко, А. Н. Чумакова, Н. М. Чуринова, Ю. В. Яковца и др.⁷

Указанные здесь авторы в своих работах предлагают собственный анализ влияния процесса глобализации на развитие образования и воспитания с позиции социальной философии. В ряде работ показывается, что образовательная политика государства, состояние российского образования и образовательной системы как ядра образовательного пространства не в полной мере соответствуют национальным интересам общества и потребностям личности, атрибутивной цели воспитания-образования. Следует заметить, что глубокий анализ вопросов обеспечения безопасности образования в их задачу не входит, а потому проблемы безопасности в данных работах глубоко не рассматриваются. Фрагментарный характер рассмотрения вопросов безопасности образования отмечается и самими авторами этих работ.

Пятая группа работ включает научные труды Д. Грея, В. Гусейнова, М. Кастельса, М. Я. Сарафа и др., в которых рассматриваются проблемы

⁷ См., например: Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.; Государственные приоритеты в науке и образовании / под ред. А. И. Ракитова. М. : ИНИОН РАН, 2001. 232 с.; Дзалиев М. И., Урсул А. Д. Основы обеспечения безопасности России. М. : Экономика, 2003. 423 с.; Добренков В. И., Нечаев В. Я. Общество и образование. М. : Инфра-М, 2003. 381 с.; Дюпюи И. А. Международные интеграционные процессы в образовании. СПб. : СПбГУ, 2003. 104 с.; Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 144–159; Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. М. : Эгвес, 2000. 272 с.; Овсянников А. А. Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. № 3; Плаксий С. И. Парадоксы высшего образования. М. : Нац. ин-т бизнеса, 2005. 424 с.; Садовничий В. А. В поисках нового подхода к развитию образования и производительных сил в России // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 7–11; Слостенин В. А. Основные тенденции развития современной образовательной политики в Российской Федерации // Педагогическое образование и наука. 2005. № 3. С. 20–28; Смолин О. Н. Осенний марафон: новые старые ветры в образовательной политике // Народное образование. 2006. № 10. С. 9–15;

социокультурной обусловленности образования и его безопасности, но без должного внимания вопросам обеспечения безопасности культурного и образовательного пространств⁸.

Геополитические аспекты национальной и образовательной безопасности, важные для обоснования теоретической концепции, рассматриваются в работах зарубежных политологов (А. Мэхена, Н. Спикмэна, З. Бжезинского, С. Козна, Р. Коллинза, С. Хантингтона и др.) и российских ученых (Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева, Л. Г. Ивашова, Л. П. Карсавина, А. Л. Нарочницкого, П. Н. Савицкого, В. П. Таранцова, Н. С. Трубецкого, В. Л. Цымбурского и др.). Однако глубокому анализу геополитических концепций здесь сопутствует почти полное отсутствие образовательной проблематики.

Общие вопросы взаимосвязи жизнеспособности нации с состоянием ее духовности, свойствами «народной души», «национального характера» всегда были в центре внимания классиков социальной и философской мысли России – Н. А. Бердяева, П. Я. Данилевского, И. А. Ильина, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова и др. Их глубокие идеи будут использованы нами в качестве общетеоретической основы, но они не решали конкретную задачу духовного обеспечения безопасности образовательного пространства.

Анализ научной литературы показывает, что избранная нами тема в качестве самостоятельного социально-философского исследования до сей поры не рассматривалась. Автор диссертации не смог обнаружить исследований, ставящих целью формирование философской концепции безопасности образовательного пространства, наряду с обеспечением национальной безопасности и с учетом новых вызовов современности. Несмотря на обилие опубликованных научных работ и диссертационных исследований, освещающих вопросы безопасности образовательной системы и национальной безопасности, философское осмысление проблем безопасности образовательного пространства

⁸ Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М. : Праксис, 2003. 368 с.; Гусейнов В. Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка? // Вестник аналитики. 2001. № 3. С. 83–114; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.; Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. № 4 (6) С. 15–19;

осуществляется с разных методологических позиций, носит разнонаправленный или фрагментарный характер; практически не уделяется внимание взаимовлиянию национальной и образовательной безопасности, что еще раз подтверждает актуальность избранной темы исследования. Вместе с тем, совокупность наработок философских и конкретных наук в данной области научного знания создает возможность их дальнейшего философского обобщения, углубления и развития, создания современной философской концепции безопасности образовательного пространства в связи с национальной безопасностью и с учетом геополитических факторов.

Состояние изученности темы, наличие нерешенных проблем обуславливают *проблемную ситуацию* – наличие и обострение противоречия между огромным значением образования для инновационного развития и национальной безопасности России и отсутствием целостной концепции безопасности образовательного пространства, разработанной во взаимосвязи с национальной безопасностью и с учетом новых геополитических вызовов. Разрешение этого противоречия видится в достижении поставленной нами цели исследования, в научном обосновании целей, задач, средств и направлений обеспечения безопасности образовательного пространства во взаимосвязи с национальной безопасностью и в контексте сценариев будущего развития России (онтологические, эпистемологические и аксиологические аспекты). В диссертации предпринимается попытка создания варианта концепции, содержащей теоретические и методологические основания для построения моделей обеспечения безопасности российского образования в ее взаимосвязи с национальной и глобальной безопасностью.

Объект исследования – современное образовательное пространство России.

Предмет исследования – безопасность российского образовательного пространства во взаимосвязи с национальной безопасностью и геополитическими факторами.

Цель исследования – формирование современной философской концепции безопасности образовательного пространства, выявляющей критический уровень деструктивных факторов в устойчивом функционировании образовательной системы.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. На основе диалектического метода и методологии философии образования раскрыть содержание понятия «образовательное пространство», показать преимущества исследования образования в координатах «пространство-время-технологии».

2. Раскрыть содержание понятия «безопасность образовательного пространства» во взаимосвязи с национальной безопасностью через определение внутрисистемных факторов определяющих его безопасность.

3. Показать экономическую обусловленность безопасности образовательного пространства и влияние рыночных отношений на воспроизводство деструктивных факторов критического уровня, препятствующих обеспечению безопасности образовательной системы и снижающих ее влияние на безопасность страны.

4. Обосновать социально-политическую взаимозависимость безопасности образовательного пространства и оптимизации социальной и образовательной политики, что необходимо для обеспечения устойчивого развития и безопасности образования.

5. Исследовать аксиологический аспект безопасности образовательного пространства, его зависимость от духовных факторов, выявить основные линии их взаимосвязи, основные угрозы, проблемы и противоречия, воспроизводимые в духовной культуре общества.

6. Осуществить социально-философский анализ геополитического аспекта национальной и образовательной безопасности, выявить содержание и особенности западных (на основе американских концепций) и российских школ геополитики, установить новые внешние угрозы безопасности образовательного пространства, пути их нейтрализации и преодоления в образовательной практике.

7. Проанализировать особенности обеспечения национальной и образовательной безопасности России в свете современной цивилизационной геополитики.

8. Обосновать и реализовать геофилософский подход в анализе безопасности образовательного пространства, сформулировать основные положения философской концепции безопасности образовательного пространства.

Методологическая основа исследования представлена многоуровневой методологией:

- общефилософской с ее принципами познания;
- методологией отдельных отраслей философского знания (философии образования, философии политики, общей теории безопасности и др.);
- общенаучной с общенаучными методами исследования;
- методологией конкретных наук со специфическими методами и системой конкретных подходов в научном познании в зависимости от характера объекта исследования.

В исследовании отдельных сторон избранного объекта применены различные научно-философские *подходы*: системно-философский (Ю. Абрамов, Б. Юдин), структурно-организационный (Л. Берталанфи, С. Мелюхин), аксиологический (М. Каган, Н. Наливайко); пространственно-временной и цивилизационный (Е. Ушакова, И. Валлерстайн), геополитический и миросистемный (И. Валлерстайн, А. Изгарская), в том числе, обоснованный автором диссертации, геофилософский подход. Такой инструментарий анализа объекта исследования позволил выявить диалектику общего и частного, сущности и явлений, детерминизма и индетерминизма, холизма и парциализма, обосновать не только экономическую, но и социокультурную, мировоззренческую детерминацию безопасности образовательного пространства, его национальные и международные, миросистемные и геополитические аспекты. Реализован междисциплинарный подход с использованием теоретических наработок других наук, выявлены характерные черты и функции безопасности образовательного

пространства как целостной системы взаимосвязанных элементов. В конечном итоге, преодолевается отмеченная нами фрагментарность исследования объекта и достигается его социально-философская глубина на базе общего комплексного подхода к исследованию.

В качестве **теоретической основы** мы используем концептуальные подходы и научные положения отечественных и зарубежных ученых, о чьих работах упоминалось выше, в обзоре литературы. Особый интерес представляют те работы, авторы которых исследуют состояние образования, сущность и пути обеспечения национальной и образовательной безопасности в условиях глобализации, информатизации общества (О. Н. Смолин, В. И. Булавин, М. Ю. Захаров, А. И. Поздняков В. Н. Турченко, С. И. Черных и др.).

Эмпирической базой исследования выступают опыт и результаты развития образовательных систем и обеспечения их безопасности на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Информационной базой изучения опыта послужили данные Росстата и международной статистики, аналитические обзоры, электронные ресурсы и другие релевантные материалы по избранной проблематике⁹.

Область диссертационного исследования относится к паспорту специальности 09.00.11 – «Социальная философия» и соответствует пунктам паспорта: 11. «Стимулы и механизмы становления человека и общества. Социально-философские проблемы антропосоциогенеза»; 15. «Пространство и время как факторы и формы социокультурного процесса»; 33. «Глобальные проблемы современной цивилизации»; 34. «Исторические судьбы России, перспективы ее развития в XX веке», которые исследуются автором в их взаимосвязи и логической последовательности достижения поставленной цели и задач исследования.

⁹ Россия в цифрах 2005. / разд. 8. Образование. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641; Россия в цифрах. 2015. Краткий стат. сб. М. : Росстат, 2015. 543 с.; Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Январь 2014. Основные выводы и рекомендации [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/eo/surveys/Overview_RUSSIA_Rus_2013.pdf и др.

Новизна исследования обусловлена содержанием концептуального анализа безопасности образовательного пространства России во взаимосвязи с национальной безопасностью и новыми вызовами времени и состоит в основных научных результатах:

1. Предложен новый методологический и мировоззренческий подход к изучению образовательной и национальной безопасности и созданию философской концепции обеспечения безопасности образовательного пространства в новых условиях нарастания социальной динамики и взаимозависимости геополитических процессов. На базе диалектических принципов в качестве ведущих для исследования российского образовательного пространства приняты междисциплинарный и комплексный подходы. В исследовании международных и глобальных образовательных отношений использован разработанный автором геофилософский подход, как представляющий собой синтез миросистемного и геополитического подходов. Выделение атрибутивных свойств социальной образовательной реальности обусловило возможность разработки системы понятий для формирования концепции безопасности образовательного пространства с механизмом ее обеспечения. Выявлено содержание понятия «образовательное пространство» как динамичной многомерной социальной реальности открытого социального энергоинформационного поля, которое формируется взаимодействием субъектов образовательной системы, ее подсистем и всех образовательно ориентированных процессов по развитию и социализации личности, воспроизводству духовно-интеллектуальной культуры общества, с использованием имеющихся адекватных образовательных технологий.

2. Обосновано выделение безопасности образовательного пространства в качестве одной из сфер национальной безопасности. Дана современная интерпретация безопасности образовательного пространства (во взаимосвязи с национальной безопасностью): как защищенность и устойчивость функционирования и развития всей его структурно-функциональной организации, возможность нейтрализации и преодоления неблагоприятных воздействий

внутренних и внешних угроз, стимулирования позитивных тенденций развития, обеспечиваемых силами и средствами государственных, общественных и образовательных структур. Нижний предел устойчивости образовательной системы и ее безопасности – такое их состояние, которое гарантирует простое ее воспроизводство, удовлетворяет образовательные потребности личности, общества и государства на минимально-достаточном уровне. Понимание субъектами образования единства безопасности образовательного пространства и национальной безопасности обозначено как «культура безопасности образовательного пространства», что подразумевает их гармоничную организацию квалифицированными специалистами безопасности образовательного пространства во взаимодействии с другими образовательными системами.

3. Исследовано влияние экономического детерминизма (абсолютизация рыночного материализма в ущерб идеальной сути образования) в современном образовании на безопасность образовательного пространства. Установлено, что такая тенденция принижает атрибутивную роль образования в обществе и негативно воздействует на духовно-интеллектуальное содержание всей образовательной сферы. Экстраполяция рыночных экономических законов в духовно-интеллектуальную образовательную сферу ведет к прагматизации содержания образования, искажению целеполагания и приоритетов его реформирования, к увеличению платности и снижению доступности образования, оценке эффективности учебного заведения на основе экономических показателей и к принятию неверных политических решений в реформировании образовательной системы.

4. Обосновано, что образовательные отношения как основа духовного воспроизводства человека и общества складываются в рамках социальных отношений и являются фундаментальной, атрибутивной их частью. Поэтому даже в рыночном обществе они не могут быть сугубо рыночными, а образование – сферой рыночных услуг, наряду с другими услугами. Ресурсы, вложенные в образовательное (общественное) благо, неправомерно считать затратными,

поскольку вкладываются в настоящее и будущее развитие человеческого потенциала и в дальнейшем многократно окупаются. Вскрыт механизм образования общественных образовательных благ: социальная политика государства ограничивает «ненасытность» индивидуальных потребностей и, независимо от желания самодостаточного индивида, направляет часть созданного им фонда потребления на обеспечение общественно значимых благ, в том числе образования, на обеспечение потребностей не самодостаточной части населения.

5. Проанализирована совокупность угроз для образования в духовной сфере, как по уровням, так и по формам общественного и индивидуального сознания, показано, что новую идеологическую парадигму необходимо направить на обоснование и реализацию стратегии построения постиндустриальной, духовно ориентированной, справедливой евразийской цивилизации, возвышающей общество и личность над утилитарно-потребительскими духовными ценностями. Образование должно быть признано всеми субъектами атрибутивной сферой духовной жизни общества, приоритетным объектом финансирования, важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности, международного сотрудничества, освоения этнокультурных, национальных и общечеловеческих ценностей.

6. Всесторонне исследован геополитический аспект проблемы безопасности образования, что позволило обнаружить новые внешние геополитические угрозы и риски для России и ее образовательного пространства, обосновать оптимальные векторы геополитических устремлений России, в том числе в образовательной сфере. Геополитический аспект анализа безопасности образования актуализирует развитие методологии, теории и практики обеспечения национальной и образовательной безопасности с учетом геополитических факторов, усиление мировоззренческо-воспитательной функции российского образования. От усвоения геополитических теорий и практик во многом зависят широта мировоззренческого кругозора обучаемых, их отношение к Отечеству. Это предполагает обогащение геополитическими идеями программ учебных

заведений, содержания гуманитарных предметов и их использование в учебно-воспитательном процессе.

7. Впервые изучены некоторые особенности обеспечения национальной и образовательной безопасности России в контексте современной цивилизационной геополитики. Установлено, что смещение приоритетов в современной геополитике от силовых методов достижения господства в сторону информационно-психологических, идеологических, национально-этнических и религиозных факторов значительно повышает роль мировоззренческо-воспитательной функции образования, выдвигает новые требования к построению моделей национальной и образовательной безопасности, требует включения идей цивилизационной геополитики в программы учебных заведений по гуманитарным наукам. В современной геополитической ситуации образовательная система призвана не только противостоять расширению конфликтосферы и тенденциям социальной деконструкции в мире. Она должна также использовать позитивные стороны геополитической науки, реальных процессов глобализации и информатизации для повышения эффективности и качества образования, формирования глобального мировоззрения обучаемых, средством интеллектуального совершенствования в ноосферной образовательной стратегии.

8. На основе авторского геофилософского подхода – синтеза геополитического и миросистемного подходов в рамках современной цивилизационной постнеклассической геополитики, впервые сформулирована *целостная философская концепция безопасности образовательного пространства в условиях информатизации и глобализации* и представлена в различных аспектах:

- как самостоятельная сущность, как зависимость безопасности от состояния самой образовательной системы;
- в ее зависимости от состояния национальной безопасности;
- во взаимосвязи с основными сферами общества, с культурным пространством;

– в тесной связи с геополитическими факторами общественного развития, процессами глобализации и информатизации социума;

– с учетом основных трендов развития образования на современном этапе (включая глобальное), коими являются: интеграция и интернационализация, диверсификация и массовизация, открытость и делокализация, технологизация и прагматизация, нелинейность и гибкость траекторий образования, рост коммерциализации высшего образования и другие тренды, представленные выше.

Положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что «образовательное пространство» выступает не только как совокупность физических элементов образовательной системы, но включает и энергоинформационные отношения между этими элементами. Взаимодействие разносодержательных полей, вещественных и биосоциальных элементов в образовательном пространстве приводит к расширению взаимодействия субъектов образования, многообразию форм социализации обучаемых и индивидуальных образовательных траекторий. Единство и многообразие компонентов и отношений образовательного пространства, их функционирование в координатах «пространство-время-технологии-отношения» образует качественно новое, интегрально-системное образование, отличное от свойств и качеств составляющих элементов (подсистем) и приобретающее общую тенденцию развития во времени. В таком ракурсе образование приобретает сложнейшую сетевую и вертикально организованную структуру, пирамиду взаимосвязанных подпространств (личностное, учрежденческое, муниципальное, городское, региональное, национальное, мировое). В ходе взаимодействия образования со всей духовной культурой оно приобретает мультикультурное измерение, расширяет свои возможности взаимодействия с другими образовательными системами. Логика трансдукции культуры нацеливает на обеспечение диалога цивилизаций и образовательных систем, с одновременным противодействием вестернизации инокультурных западных ценностей на российскую почву.

По мере движения личности по ступеням образования или по образовательным траекториям образовательной среды, энергоинформационные связи и отношения постоянно усложняются, понуждая человека «вписываться» всякий раз в качественно новый пространственно-временной континуум. Такое видение образовательного пространства, на наш взгляд, позволяет уточнить определение его сущности, актуализирует дальнейшие исследования предмета, будет способствовать формированию новых подходов в разработке методологии образовательной теории, практики реформирования и обеспечения безопасности образования.

2. Установлено, что безопасность образовательного пространства, принимаемая как его устойчивость и защищенность от внутренних и внешних (в том числе геополитических) угроз может быть адекватно исследована лишь в единстве и во взаимозависимости с национальной безопасностью, как одна из основных ее сфер. Атрибутивная роль и характер образования в системе общественных отношений предполагает выделение образовательной сферы и ее безопасности среди главных сфер национальной безопасности. Закономерность их взаимовлияния заключается в том, что все элементы безопасности образовательного пространства экстраполируют сопряженные с ними факторы и свойства национальной безопасности, и, уже в новом качестве, усиливают свое влияние на обеспечение безопасности общества. С другой стороны, надежная национальная безопасность России является гарантом успешного функционирования и обеспечения безопасности ее образовательного пространства.

3. Доказано, что состояние безопасности и наличие рисков и угроз для образовательного пространства обусловлено образовательной политикой государства, состоянием национальной безопасности, экономической, социальной и духовной сфер жизни общества и самого образования. В экономической сфере установлена зависимость основных угроз для образовательного пространства от структуры и темпов роста экономики, бюджетной политики развития человеческого капитала, уровня бедности и социального неравенства населения.

Установлена опасность экономического детерминизма в перманентном реформировании образования и во всей образовательной сфере. Экстраполяция рыночных экономических законов в духовно-интеллектуальную образовательную сферу принижает атрибутивную роль образования в обществе, искажает истинные цели образования, уничтожает главную, духовно-интеллектуальную сторону обучения и воспитания цельного человека. Это обуславливает ошибки в целеполагании реформирования, способствует формированию «усеченного» индивида как элемента рыночной экономики (за счет недооценки мировоззренческо-воспитательной функции образования, превращения образования в «сферу услуг», нарастания коммерциализации обучения, девальвации воспитания, оценки эффективности образовательных по экономическим показателям и пр.).

4. Обосновано, что образование в социальной сфере способствует воспроизводству его профессиональной и социальной структуры, обеспечивает горизонтальную и вертикальную мобильность в обществе, гармонизацию социальных отношений или, напротив, консервирует и углубляет противоречия между элементами социальной структуры (по вопросам собственности, организации труда, источников и размеров распределения доходов и т. д.). Избыточное социальное неравенство, ограниченность ресурсов общества, величины и доступности общественно значимых благ для населения (и, особенно, в образовании), увеличивают риски и угрозы для образовательного пространства, снижают устойчивость развития и эффективность функционирования образовательной системы.

5. Установлено, что наиболее серьезные угрозы национальной и образовательной безопасности России в духовной сфере связаны со сменой традиционных ценностей и нарушением национальной идентификации, деидеологизацией и депатриотизацией сознания, наличием конфликта общественных и личных интересов. На идеологическом уровне негативное влияние оказывает отсутствие национальной идеи и цельной идеологической парадигмы развития общества и его образовательной системы, воздействие

западной идеологии мировоззренческого релятивизма и «глобальной этики», распространение антиценностей в СМИ. На уровне общественной психологии и общественного мнения основными рисками для образования выступают резкое снижение ценностной гомогенности, нарастание эгоцентризма и обособленности индивидов, утрата умения налаживать межличностные контакты, хаотизация и «атомизация» сознания, инверсия нравственных устоев общества и рост потенциала безадресной агрессивности.

6. Обосновано, что геополитический подход в единстве с миросистемным подходом, используемый в американских и российских школах геополитики, расширяет и углубляет рамки исследования национальной и образовательной безопасности на национальном и наднациональном уровнях, позволяет найти ответы на глобализационный, технологический, информационный и нравственный вызовы XXI века. Геополитические аспекты анализа безопасности образовательного пространства раскрывают современные особенности диалога образовательных систем, культур и цивилизаций, проблем вестернизации и навязывания инокультурных ценностей, образовательных программ и моделей, других процессов, оказывающих существенное влияние на обеспечение безопасности российского образования. Современная российская образовательная геополитика, в отличие от западной, имеет социокультурную специфику. Здесь не преследуется цель насильственной экспансии российских образовательных технологий в другие социокультурные пространства, но должна, безусловно, пресекаться насильственная экспансия инокультурных образовательных концептов и технологий, разрушительно воздействующих на менталитет, определяющий индивидуальное и социальное поведение граждан нашей страны.

7. Обосновано, что распространенное в научной среде определение современной постнеклассической геополитики как «геофилософии» автор диссертации считает несостоятельным по причине избыточного расширения в данном термине содержания и объема понятия «геополитика». На наш взгляд, цивилизационная, постнеклассическая геополитика выступает как новый, современный этап развития геополитики на основе парадигм классической

и неклассической геополитики, расширяя ее собственной, постнеклассической парадигмой преимущественного использования духовного фактора, новых политических и информационных технологий в достижении политических целей. «Цивилизационная постнеклассическая геополитика» как наука есть система знаний об управлении людьми в ситуации управляемого социально-политического «хаоса», преимущественно путем манипулирования сознанием масс и национальных элит, реформатирования культурно-конфессиональной идентичности народов, цель которого перераспределение сфер влияния субъектов в жизненно важных пространствах посредством применения новейших информационных и политических технологий «мягкой силы» и «непрямых действий». Приоритеты в современной цивилизационной геополитике смещаются от силовых методов достижения господства в сторону информационно-психологических, идеологических, национально-этнических и религиозных факторов. Образовательная система в реализации своих функций должна надежно противостоять манипулированию сознанием масс и национальной элиты, реформатированию конфессиональной и всей культурной идентичности народов России, насаждению чуждых образовательных стандартов, опасности появления глобальной конфликтосферы на планете.

8. Предлагается методология *геофилософского подхода* к исследованию безопасности образовательного пространства, при котором образовательное пространство рассматривается в системе глобальных образовательных взаимодействий, на принципах воплощения концепции национальной безопасности, сохранения социокультурной идентичности российского образовательного пространства, с отторжением опасных инокультурных воздействий и освоением лучших достижений мировой образовательной среды. В диссертации такой подход применяется вместе с миросистемным и геополитическим подходом в обосновании *философской концепции безопасности образовательного пространства*. Концепция и механизм обеспечения безопасности образовательного пространства выстроены на основе устоявшихся, разработанных или уточненных нами понятий. Концепция исходит из того,

что степень безопасности образования (при заданной образовательной политике) определяется наличием и качеством существующих (в том числе геополитических) угроз, реальным состоянием общества, его материальными и духовными возможностями обеспечения устойчивого и эффективного развития образования. Краткое содержание концепции, выстроенной на основе разработанной системы понятий, представлено в заключительном параграфе диссертации.

Теоретическая значимость исследования заключается в заполнении исследовательского вакуума в социальной философии и философии образования созданием целостной концепции безопасности образования, в органической связи с национальной безопасностью России. Это позволяет преодолеть традиционную фрагментарность исследований национальной и образовательной безопасности, развить теорию безопасности на основе современных мировоззренческих концепций и методологических подходов: миросистемно-геополитического и цивилизационного, геофилософского. Теоретические положения исследования послужат активизации научного поиска новых методологических подходов в изучении проблем обеспечения безопасности образования и общества, построении эффективных моделей безопасности образовательного пространства. Предполагается, что оптимальная реализация диалога культур через образовательные системы, решение проблем интеграции российского образования в европейское и мировое образовательное пространство, широта мировоззренческого кругозора обучаемых во многом будут зависеть от усвоения ими основных положений предлагаемой концепции безопасности образовательного пространства.

Практическая значимость состоит в возможности использования разработанных здесь идей и конструктов в реальной практике обеспечения национальной и образовательной безопасности. Рассмотренные концепты могут использоваться в подготовке кадров в системе обеспечения национальной и образовательной безопасности и в качестве конструктивных мировоззренческих ориентиров при моделировании геополитических ситуаций. Результаты

исследования применимы как в деятельности управленческих структур государства, так и в педагогической практике, в содержании курсов по философии образования, теории национальной и образовательной безопасности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации изложены в 58 научных публикациях, из них 37 – в реферируемых и приравненных к ним изданиях ВАК РФ. Кроме того, 3 статьи опубликованы за рубежом.

Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры права и философии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», обсуждались на заседаниях НИИ философии образования НГПУ.

Основные идеи работы апробировались автором на международных, всероссийских, межрегиональных и международных научно-практических конференциях: международной конференции молодых ученых (Новосибирск, 2006 г.); V-й Российский философский конгресс «Наука. Философия. Общество» (Новосибирск, 2009 г.); «Философия образования Востока и Запада: развитие диалога» 23–24 сентября 2010 г., НГПУ, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск); «Инновационное образование в развитии российского общества глазами молодых ученых (глобальный и региональный аспект)» 24 ноября 2010 г., НГПУ (Новосибирск); «Новая философия образования – ответ на вызов времени», 30.03.2011, НГПУ; международной научно-практической конференции «Образование и культура в развитии современного общества» (Новосибирск, 2009); во время телемоста «Инновационное образование как фактор развития человеческого капитала в условиях общества знаний» (Сумы Украина – Новосибирск, 2010–2011); всероссийской конференции «Инновационное образование в развитии российского общества глазами молодых ученых» (Новосибирск, 2011); всероссийской конференции с международным участием «Инновационные аспекты современного профессионального образования» (Новосибирск, 2011); сибирском философском семинаре «Российское образование в условиях реформирования» (Новосибирск, 2011); всероссийской конференции

«Образование как ценность и духовно-нравственные ценности в системе регионального инновационного образования» (Новосибирск, 2011); «Новая школа – новый учитель» (Новосибирск, 2011); всероссийской конференция «Трансформация институциональных форм российского образования» (Новосибирск – Москва, 2012); международной конференции «Ментальная и духовная целостность казахской культуры», всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Роль педагогического образования в системе современного гуманитарного образования» (Новосибирск, 2013); всероссийского круглого стола с международным участием «Наука, образование и право как стабилизирующие факторы развития современной России» (Новосибирск, 2013); всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Профессиональное образование в условиях интеграционных и дезинтеграционных процессов в мире» (Новосибирск, 2014), круглого стола «Российское образование как фактор формирования положительного имиджа на постсоветском пространстве» (Новосибирск, 2014), VIII российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, 2015), юбилейной всероссийской конференции с международным участием «Российское образование в контексте проблем новой геополитики» (Новосибирск, 2015), вебинар с Институтом теории и стратегии развития образования РАО (г. Москва) «Проблемы качества отечественного образования» (Новосибирск, 2015).

Материалы диссертации используются в преподавании социальной философии в Новосибирском государственном педагогическом университете.

Структура диссертации определяется логикой поставленных задач исследования и включает в себя: введение; три главы, состоящие из восьми параграфов; заключение; список литературы, включающий 525 наименований и приложения.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ОСНОВНЫХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Методология исследования образовательного пространства и его безопасности

Задача параграфа: на основе выбранной во введении общей методологии исследования – диалектического метода и методологии философии образования – определить методологический инструментарий решения поставленных научных задач, осуществить теоретико-категориальный анализ понятия «образовательное пространство», установить его место и функции в социальном пространстве.

Происходящие в России глубокие социальные сдвиги, реформы и преобразования во всех сферах, наличие серьезных (в том числе новых) угроз развитию общества и образовательной системы обуславливают потребность в разработке новых подходов (мировоззренческих, методологических и концептуальных) для решения вопросов обеспечения безопасности российского образовательного пространства. Выбор методологии исследования обозначенного объекта является принципиально важным моментом не только по причине неоднозначного понимания самого термина «методология», но и для изучения закономерностей возникновения, функционирования и изменения научной теории, обеспечения ее глубины и результативности. Необходимость совершенствования методологического обеспечения научных исследований появляется тогда, когда появляется или обостряется проблема, но конкретные рекомендации по ее решению не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. В этом случае использовавшиеся ранее традиционные методы становятся малоэффективными для исследования конкретной предметной области и практического применения теории, сдерживают продвижение вперед научных поисков. Иногда обнаруживается отсутствие необходимой методологии и теории

для решения существующей проблемы. Именно в такой ситуации находится сегодня теория и практика безопасности образовательного пространства.

Философия безопасности образовательного пространства в современных условиях изменчивости социума, усиления рисков и угроз (для образовательных систем) и повышения степени их разнонаправленности является достаточно новым направлением социальной философии. Это обстоятельство требует дальнейшего развития понятийного аппарата, актуализирует проблемы создания и применения такой методологии исследования и деятельности, которая учитывала бы влияние всей совокупности экономических, политических, идеологических и культурно-нравственных факторов и условий на систему «опасность – безопасность» как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Необходимо определить содержание методологии, выбрать методологический инструментарий данного исследования и обосновать методологию практического воплощения его результатов.

Под *методологией* в настоящей работе понимается учение о структуре, логической организации, методах и свойствах объекта исследования, проблем оптимизации его функционирования. Выбор конкретного инструментария исследования безопасности образовательного пространства осуществляется на основе синтеза трех уровней методологии. Всеобщая методология (диалектический метод и методология философии образования) используются для определения основных понятий предмета исследования, выяснения роли образования и образовательного пространства в обеспечении национальной безопасности. Методология общей теории безопасности обеспечивает исследования безопасности образования в рамках стратегии национальной безопасности. Методология специальной теории безопасности служит основой рефлексии безопасности системы образования с использованием внутренних ресурсов системы¹⁰. Исходя из этого, инструментарием данного исследования является системно-деятельностный подход на основе диалектических принципов

¹⁰ Камашев С. В. Методологические проблемы исследования безопасности образования // Философия образования. 2013. № 2(47). С. 116–117.

объективности, историзма, всесторонности и системности. Системно-деятельностный подход позволяет выявить характерные черты и функции безопасности образования как целостной системы взаимосвязанных элементов, установить факторы и механизмы обеспечения безопасности, связанные с деятельностью самого человека. Следует отметить, что выбранный здесь основной инструментарий исследования будет дополняться другими подходами – в зависимости от характера исследуемых отношений или аспектов предмета. Так, исследование сущности образовательного пространства и геополитических аспектов его безопасности потребовало применения пространственно-временного подхода, рассмотрения образовательного пространства как элемента социокультурного пространства. В изучении состояния культурного и образовательного пространств России мы опирались на идеи К. Маркса, М. Вебера и Р. Коллинза о сущности социальных отношений, использовали социологические методы. В исследовании генезиса теорий безопасности использован исторический метод познания; при рассмотрении общества как системы и образования как его атрибутивной сферы использован системный подход (Ю. Абрамов, И. Блауберг, В. Орлова, Б. Юдин); в исследовании организации социально-правовой базы образования – структурно-организационный подход (Л. Берталанфи, В. Кремянский, С. Мелюхин); при анализе взаимосвязи образования с социокультурной и другими сферами общества – пространственно-временной и цивилизационный подходы (Е. Ушакова, И. Валлерстайн); при рассмотрении геополитических аспектов теории безопасности и взаимосвязи цивилизаций – геополитический, цивилизационный и миросистемный подходы (И. Валлерстайн, А. Изгарская, А. Наумова); для анализа ценностных установок человека в обществе и в образовании – аксиологический подход (Р. Апресян, М. Каган, И. Осинский); в аспекте обобщения социальных, экзистенциальных и аксиологических аспектов отечественного образования – комплексный и аксиологический подходы (В. Миронов, Н. Наливайко, Л. Сандакова, О. Смолин).

Такой инструментарий рефлексии объекта исследования позволил глубоко рассмотреть диалектику общего и частного, обосновать не только экономическую, но и социокультурную, мировоззренческую детерминацию безопасности образовательного пространства, его национальные и международные, миросистемные и геополитические аспекты. На основе обозначенных выше принципов и методов реализуется междисциплинарный подход с использованием теоретических наработок других наук и их методологий. Тем самым, расширяются границы и возможности познания, познаются характерные черты и функции безопасности образовательного пространства как целостной системы взаимосвязанных элементов. В конечном итоге преодолевается отмеченная нами фрагментарность исследования объекта и достигается его социально-философская глубина.

Исходными понятиями для решения задачи данного раздела работы являются понятия «образование», «образовательное пространство» и «безопасность образовательного пространства». Образование, как заметил в своем докладе один из ведущих специалистов Государственной Думы РФ в образовательной сфере, О. Смолин: «...воздействует на все без исключения уровни национальной безопасности (безопасности общества, государства, личности) и на все без исключения ее структурные элементы»¹¹.

Понятие «образование» определяется в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (далее – «ФЗ об образовании в РФ»), как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или)

¹¹ Смолин О. О роли образования в обеспечении национальной безопасности России. [Электронный ресурс]. URL: http://libelli.ru/magazine/96_3/smolin.htm (дата обращения 25.09.2015)

профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»¹².

Заметим, что слово «воспитание», используемое наряду с «обучением» в законодательном акте, совсем не случайно находится на первом месте: формирование «образа действия» (обучение) без формирования «образа человека и его жизни» (воспитание) невозможно. Вот почему при анализе состояния образования и его безопасности необходимо всегда учитывать его воспитательную функцию, «нераздельность» (Л. Н. Толстой) воспитания и образования. Выдающийся русский философ И. А. Ильин приоритет воспитания возводил в статус устойчивой традиции российской образовательной системы: «Образование без воспитания есть дело ложное и опасное, оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов; оно развязывает и поощряет в человеке «волка»¹³.

В научной литературе образование онтологически исследуется в различных аспектах и содержательных трактовках: как ценность, как система, как процесс и как результат¹⁴, как атрибутивное обществу социальное явление, его важнейшая функция и особая сфера жизнедеятельности, как специфическая, образовательная деятельность субъектов или только как процесс усвоения знаний, и др.¹⁵ В государственной программе «Развитие образования на 2013–2020 годы» определены общие цели: «...обеспечение соответствия качества российского образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам развития российского общества и экономики, повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного, социально ориентированного

¹² Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015 года) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 25.03.2016)

¹³ Джуринский А. Н. История педагогики. М. : ВЛАДОС, 1999. 432 с.

¹⁴ Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М. : Педагогическое общество России, 2002. С. 27, 42.

¹⁵ Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Современные образовательные теории: учеб.-метод. пособие для вузов. М. : Университетская книга, 2004. С. 38.

развития страны. Качественные изменения системы образования до 2020 года должны произойти на всех уровнях образования»¹⁶.

В Национальной доктрине образования на 2000–2025 гг. указаны стратегические цели и задачи образования, которые заключаются: «в преодолении социально–экономического и духовного кризиса, обеспечении высокого качества жизни народа и национальной безопасности; восстановлении статуса России в мировом сообществе как великой державы в сфере образования, культуры, науки, высоких технологий и экономики; создании основы для устойчивого социально–экономического и духовного развития России...<...> Система образования призвана обеспечить:

- историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры;
- воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью;
- разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, формирование навыков самообразования и самореализации личности;
- формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межэтнических отношений;
- систематическое обновление всех аспектов образования, отражающего изменения в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий;
- непрерывность образования в течение всей жизни человека;
- многообразие типов и видов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию образования;
- преемственность уровней и ступеней образования;

¹⁶ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162182/?frame=1#p30 (дата обращения 17.02.2016)

- развитие дистанционного обучения, создание программ, реализующих информационные технологии в образовании;
- академическую мобильность обучаемых;
- развитие отечественных традиций в работе с одаренными детьми и молодежью, участие педагогических работников в научной деятельности;
- подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий;
- экологическое воспитание, формирующее бережное отношение населения к природе»¹⁷.

Содержание образования ориентировано на обеспечение самоопределения личности; создание условий для ее развития и самореализации посредством участия в развитии общества; на совершенствование правового, социального, демократического государства, эффективное развитие экономики; на укрепление взаимопонимания и сотрудничества между людьми и народами; на обеспечение национальной безопасности государства. Приведенные характеристики образования в государственных документах и научной литературе позволяют определить *образование*, в широком смысле, как социально значимый, целенаправленный процесс и результат воспитания и обучения с целью духовного, физического и профессионального развития личности, передачи культурного наследия общества от поколения к поколению, удовлетворения образовательных потребностей и интересов личности, общества и государства. Воспитание в образовании рассматривается нами как первичное и «всеобщее» по отношению к обучению («общему») и призвано формировать осознанную ответственность, организованность и свободу человека в его взаимодействии с другими людьми, обществом и природой.

¹⁷ Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2025 годы. Введение [Электронный ресурс]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения 05.01.2016)

Приведем основные тенденции развития современного глобального образования, которые отчасти характерны и для российского образовательного пространства. Такими трендами являются: интеграция и интернационализация; диверсификация и массовизация; открытость и делокализация; прагматизация и технологизация; гибкость и нелинейность образовательных траекторий. Существенным из отрицательных трендов выступает нивелирование законов духовного воспроизводства в образовании за счет абсолютизации экономических законов рынка, нарастающая коммерциализация высшего образования, расширение его платного сектора и торговля образовательным продуктом, изменение отношений «преподаватель – студент» на отношения «производитель – потребитель» («консюмеризация», «макдональдизация» образования).

В научной литературе в контексте глобального образования (в российском сегменте) можно выделить и другие тренды, фиксирующие новые парадигмы отдельных сторон образования, образовательной среды и их безопасности:

- организационных форм, содержания, цели образования и др.:
- усиление роли безопасности образовательного пространства для устойчивого развития образовательной системы; - интеграция образования как фактор его безопасности;
- отказ от формата ЕГЭ как механизма оценки знаний;
- расширение «культуры честности» и открытости образования через отказ от профанации образования, продажи дипломов и развитие «своих» сайтов;
- переход к бесплатному и всеобщему высшему образованию;
- «университеты для миллиарда»;
- увеличение доли пожилого населения в образовании;
- развитие дистанционного образования на базе новых технологий;
- поляризация элитного и массового образования;
- кластеризация вузов, бизнеса и профессиональных сообществ;
- геймификация (включение игр, симуляторов) в образовании;

- переход от системы образования к образовательной сфере (возможность получить любое образование вне образовательной системы);
- усиление роли международных стандартов и рыночных законов в деятельности образовательных учреждений (от создания и продажи собственной интеллектуальной продукции до «бизнес-инкубаторов» и «товарного обмена» студентами);
- непрерывность образовательной траектории развития самого учителя, постоянное расширение его функций и компетенций;
- расширение вариативности образовательных программ, содержания и технологий образования;
- свобода выбора индивидуальных траекторий обучения;
- единство общего и дополнительного образования с увеличением доли дополнительного образования в учебно-воспитательном процессе;
- обогащение инфраструктуры учебно-воспитательного процесса (отказ от использования мела, классной доски и кодоскопа в пользу цифровым образовательным ресурсам), и т. д.¹⁸

Отметим, что сложные современные модели образования (объекты, события, связи и отношения) не являются линейными, обладают определенной протяженностью в социальном пространстве, развиваются во времени, образуя свою историю, и потому требуют рассмотрения в пространственно-временных координатах. Как важнейший философский инструмент миропонимания, категория «пространство» прошла длительный путь своего становления и развития: от представлений Платона о месте человека в границах его «идеального города», через учение Демокрита (развитое и дополненное Ньютоном) о

¹⁸ Форсайт: основные тренды образования будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tpu.ru/actual/2013/09/09/20082/> (дата обращения 03.04.2016); Какой должна быть школа будущего? [Электронный ресурс]. URL: http://vio.uchim.info/Vio_117/cd_site/articles/pavlovsk1.pdf. (дата обращения 11.04.2016); Ключевые тренды в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://itmultimedia.ru/klyuchevye-trendy-v-obrazovanii/> (дата обращения 11.04.2016); Тренды в образовании XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-xecutive.ru/wiki/index.php/> (дата обращения 11.04.2016); Николаева Е. М., Щелкунов М. Д. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/696/word/trend> (дата обращения 11.04.2016); Проблемы и тренды современного образования. Форум «Образование завтра»: тьюторство, инновации, пути развития. О будущем российской школы. [Электронный ресурс]. URL: http://vio.uchim.info/Vio_117/cd_site/articles/art_3_7.htm (дата обращения 03.04.2016)

пространстве какместилище материальных объектов, до его трактовки Р. Декартом (и в последствии – К. Марксом) как протяженности вещей, как формы существования материи. Современное физическое понимание пространства связано с дальнейшим развитием этой категории: трактовкой А. Эйнштейна на основе созданной им общей теории относительности.

Сегодня утвердилось общее понимание пространства как «способа бытия материи», свойства реальности, характеристики ее протяженности, структурности и взаимодействия элементов. Понятие «пространство» является фундаментальным (наряду со временем) понятием человеческого мышления, отображающим множественный характер существования мира, его неоднородность. Множество предметов, их характеристик и свойств формирует в человеческом восприятии сложный пространственный образ мира, являющийся необходимым условием ориентации в любой человеческой деятельности. Усилиями ряда исследователей (Э. Дюркгейма, П. А. Сорокина, Б. Верлена и др.) с середины XIX в. представление о пространстве стало включать не только физический континуум, но и охватывать гуманитарно-культурную сферу.

Категория пространства выступает как универсальное понятие, удобное для описания различных предметных областей, поскольку в нем можно отойти от простого описания фактов, зафиксировать как особенности, так и единство разнокачественных явлений в цельности мира. Пространство часто рассматривается как результат деятельности субъекта, как объективизация чувства пространственности в процессе культурогенеза. Это уже не только физическое пространство тел, но и пространство происходящих процессов, взаимодействующих отношений и смыслов. Перенесенные из области естествознания в гуманитарную сферу, пространственно-временные параметры позволяют воспринимать и исследовать общество как пространство социальных отношений, как систему многообразных связей, возникающих в экономическом, политическом, социальном, культурном и образовательном подпространствах и между ними.

В настоящее время утверждение в науке нелинейного представления об образовании и осознание преимуществ изучения образовательной реальности во взаимосвязи пространства, времени и технологий обусловили широкое применение понятия «образовательное пространство». Эта теоретическая речевая конструкция используется с середины 1980-х годов для характеристики целостных образовательных процессов взаимовлияния личности, педагога и общества в континууме «прошлого, настоящего и будущего. Пространственно-временные параметры используются для обозначения не только предметной области общественных явлений (социокультурное, виртуальное, образовательное пространство) и характеристики человеческого мышления, но и как способы исследования в отдельных науках (пространственно-временной, миросистемный подходы и др.).

Пространственно-временное рассмотрение всех компонентов образования является преимущественным подходом философско-методологического (в отличие от педагогического) анализа образовательной системы как сложной, нелинейной, динамичной, постоянно меняющейся системы связей и отношений. Пространственно-временной подход переводит анализ образования из традиционного понятийного ряда в систему философских категорий пространственно-временных координат, с возможностью использования таких понятий, как движение, количество, качество, мера, скачок. Такой подход с использованием системного анализа предполагает определить категорию «образовательное пространство» через его всеобщие свойства, как «сложную синтетическую категорию, в которой представлены все аспекты функционирования и развития системы образования в разных образовательных измерениях (глобальном, национальном, региональном и др.)»¹⁹. По мнению авторов этого определения, углубленное изучение данной категории связано

¹⁹ Наливайко Н. В., Паршиков В. И. Философия образования как объект комплексного исследования. Новосибирск : СО РАН, 2002. С. 73.

с конкретизацией анализа образовательной системы в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксеологическом аспектах²⁰.

В данной работе по созданию философской концепции безопасности образовательного пространства мы рассматриваем образование как социальную ценность не только в пространственно-временных координатах, но и комплексно: как род деятельности, социальный институт, процесс передачи и приобретения знаний и ценностей, движитель производства, науки и общества, источник оптимизации внутринациональных и межцивилизационных, геополитических отношений.

Методология исследования социума и образовательной реальности как нелинейных систем, во взаимосвязи пространства, времени и технологий была создана М. Кастельсом²¹ и взята на вооружение многими российскими исследователями в философии, в педагогике и других науках²². Широкое распространение пространственно-временного подхода в теории и практике образования с середины 1990-х годов связано с тем, что он позволяет соотнести образовательное пространство с образовательной средой, анализировать процессуально-деятельностный, аксиологический и творческий компоненты деятельности субъектов образования, взаимодействие с социокультурными, технологическими и природными подпространствами социума. Категория «образовательное пространство» позволяет более глубоко осмыслить образование как систему целей, содержания, средств и методов, определить взаимосвязи его элементов, структурную иерархию, тенденции развития и оптимизации во времени, изучать образование в единстве процессуально-деятельностного,

²⁰ Там же. С. 70–74.

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 385; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 495–505.

²² Антимова Е., Мосина А. Модель проектирования воспитательного пространства факультета // Alma mater: Вестник высшей школы. 2006. № 9. С. 61–63; Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та. 2009. №12 (16). С. 132–140; Леонова О. Образовательное пространство как педагогическая реальность // Alma mater: Вестник высшей школы. 2006. № 1. С. 36–40; Образовательное пространство в современной философии и теории образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcde.ru/method/985.html> (дата обращения 08.04.2015); Егоров В. В., Скибицкий Э. Г., Храпченков В. Г. Педагогика высшей школы. Новосибирск : САФБД, 2008. 260 с.; Самерханова Э. Принципы организации единого образовательного пространства в вузе // Alma mater: Вестник высшей школы. 2006. № 4. С. 54–56; Черных С. И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества. Новосибирск : НГАУ, 2011. 254 с.

аксиологического и творческого компонентов взаимодействия субъектов образования, выявлять основные его тренды.

Любое социальное пространство, в том числе образовательное, характеризуется определенным типом общественных связей и отношений, содержание которых определяют специфику данного пространства (семья, образовательная система, государство) и обуславливают его целостность, способность выполнять определенные функции, объединять людей для решения определенных задач в различных областях и сферах общественной жизни. В этом смысле образовательное пространство – это система с особым типом общественных отношений, в которых реализуется важнейшая задача обеспечения и воспроизводства самоидентичности личности и общества. По мере движения личности по ступеням образования или по образовательным траекториям пространство-время образовательной среды, энергоинформационные связи и отношения постоянно усложняется и уплотняется, понуждая человека «вписываться» всякий раз в новый пространственно-временной континуум.

Все элементы образования существуют во взаимосвязи пространства, времени, технологий и образовательных энергоинформационных отношений. В результате образование приобретает сложнейшую сетевую и вертикально-организованную структуру, представляя собой «пирамиду» взаимосвязанных подпространств (личностное, учрежденческое, муниципальное, городское, региональное, национальное, мировое пространства). В сетевом ракурсе организации каждое образовательное пространство включает вещественные (здания, оборудование, ресурсы, технические средства обучения), биосоциальные (субъекты образования) и социальные (возникающие взаимосвязи, отношения обмена информацией в системах управления, обучения и воспитания) элементы. Важным элементом является также внешняя природная, социальная и культурная воспитывающая среда. Единство и многообразие компонентов и отношений образовательного пространства, их функционирование в координатах «пространство–время–технологии–отношения» образует качественно новое, интегрально-системное образование, отличное от свойств и качеств

составляющих элементов (подсистем) и приобретающее общую тенденцию развития во времени.

Такая же взаимосвязь части и целого, приобретение целым свойства эмерджентности (возникновения нового качества), обнаруживается и в рассмотрении соотношения образовательного и культурного, национального и мирового пространств, что усложняет анализ социального пространства, взаимосвязи его подпространств и одновременно расширяет и усиливает образовательные функции. Взаимодействие разносодержательных полей, вещественных и биосоциальных элементов в образовательном пространстве приводит к расширению взаимодействия субъектов образования, многообразию форм социализации обучаемых, обеспечивает единство обучения и воспитания, выбор индивидуальных образовательных траекторий, повышает требования к обеспечению безопасности образования. При этом влияние одинаковых факторов на состояние безопасности разновелико в различных объемах образовательного пространства и его временных состояниях. Влияние и последствия воздействия угроз, вызванных макрофакторами, как правило, проявляется при воздействии на образовательное пространство региона или всего общества. По мере уменьшения объема пространства (до учебного заведения, учебной группы или отдельного субъекта) или упрощения ситуации во времени (снижение внешних угроз, улучшение финансирования и др.) на передний план выходят микрофакторы, зачастую внутренние для образовательной системы (угрозы, продуцируемые в организации и обеспечении учебного процесса, содержании учебных программ, качестве преподавателей, техническом оснащении учебно-воспитательного процесса и др.).

На этой основе и с учетом положений Е. В. Ушаковой об энергоинформационном содержании образовательного пространства, понятие *«образовательное пространство»* определяется нами как динамичная многомерная социальная реальность открытого социального энергоинформационного поля, которое формируется взаимодействием субъектов образовательной системы, ее подсистем и всех образовательно ориентированных

процессов по развитию и социализации личности, воспроизводству духовно-интеллектуальной культуры общества с использованием имеющихся адекватных образовательных технологий²³.

Ядром образовательного пространства является система образования, так же имеющая сложную содержательную и организационную структуру образовательных и взаимодействующих с образованием организаций:

- государственные требования, федеральные государственные образовательные стандарты и программы;
- организации образовательной деятельности и ее субъекты;
- органы государственного, регионального и местного управления образованием;
- организации, осуществляющие научно-методическое, ресурсное и информационно-технологическое обеспечение образовательной деятельности, а также оценку качества образования;
- общественные и государственно-общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования, участвующие в сетевой форме реализации образовательных программ. Образование подразделяется также на общее, профессиональное, дополнительное образование и профессиональное обучение, каждое из которых включает определенные уровни или подвиды образования²⁴.

Если вычленишь из представленной структуры образовательного пространства только организации образовательной деятельности, мы получим огромное пространство со сложной взаимосвязью элементов. На начало 2014–2015 гг. в России (с учетом сведений по Крымскому федеральному округу) функционирует 92 912 образовательных организаций (вместе с дошкольными),

²³ В определении частично использованы положения Е. Н. Рудаковой о структуре образовательного пространства и Е. В. Ушаковой об его энергоинформационном содержании: Рудакова Е. Н. Образовательное пространство России и национальная безопасность // Актуальные и научные вопросы: реальность и перспективы: сб. науч. тр. Тамбов : Бизнес–Наука–Общество, 2012. Т. 5. С. 117–118; Ушакова Е. В. Системная философия и системно-философская научная картина Мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч. 1, 2. Барнаул : Изд-во АГУ, 1998. С. 221.

²⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015 года) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 25.03.2016)

в которых обучается 28 млн 785 тыс. человек²⁵. В российском образовательном пространстве сегодня функционируют 43 200 дошкольных образовательных организаций, в которых находят место 6 млн 347 тыс. детей. В системе общего среднего образования насчитывается 44 846 школ (около 3 тыс. гимназий и лицеев), в которых обучаются 14 млн 399 тыс. учеников. Среди учреждений профессионального образования – 1007 начальных профессиональных организаций (727 тыс. человек) и 2909 – среднего звена (2 млн 103 тыс. человек), В системе высшего профессионального образования функционирует 950 вузов, в которых обучаются 5 млн 209 тыс. студентов (вместе с 129 932 иностранными гражданами). На выходе из образовательной системы в 2014 году страна получила 1 млн 291 тыс. специалистов – выпускников вузов (171 человек на 10 000 занятых в экономике). В вузах успешно трудятся (без учета внешних совместителей) 299700 преподавателей, в школах – более 1 миллиона. На 10 000 человек населения приходится 356 студентов. По состоянию на 1 октября 2014 г., направления на работу получили 149 тыс. специалистов (44 %), окончивших на бюджетной основе очные отделения государственных образовательных организаций (См. : *Приложения 2, 3, 4*). Количественные показатели развития образования неплохо позиционируют Россию в мировом образовательном пространстве. Статистика Департамента ОЭСР²⁶ по образованию за 2014 г. показывает, что доля населения с высшим образованием в России одна из самых высоких мире. В Российской Федерации, без учета жителей Москвы, 94 % взрослых людей в возрасте от 25 до 64 лет имеют полное среднее образование (в среднем по ОЭСР – 75 %). По данному индикатору Россия занимает 1-е место среди стран ОЭСР (среди стран БРИКС более чем в два раза опережает Бразилию и более чем в четыре раза – Китай)²⁷.

²⁵ Расчеты проводились автором на основании данных, приведенных в: Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. // Росстат. М., 2015. С. 138–153.

²⁶ Организация экономического сотрудничества и развития – международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики (англ. *Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD*)

²⁷ Ежегодный доклад «Обзор образование: индикаторы ОЭСР» [Электронный ресурс]. URL: <http://oecd.ru/zip/Russian-Federation-EAG2014-Country-Note-russian.pdf>. (дата обращения 29.11.2015)

Структура только общего образования сегодня включает: образовательные организации для детей дошкольного и младшего школьного возраста; общеобразовательные организации и школы-интернаты (начальные, основные, средние, с углубленным изучением отдельных предметов, гимназии, лицей); кадетские образовательные организации; общеобразовательные школы-интернаты с первоначальной подготовкой; общеобразовательные организации для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья; специальные учебно-воспитательные учреждения для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением; образовательные организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; оздоровительные образовательные организации санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении; образовательные организации для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, вечерние (сменные) общеобразовательные организации.

В пространственно-временном измерении образование становится предельно открытой системой, включающей для взаимодействия не только внешние образовательные пространства (региональное, мировое), но все образовательно-ориентированные социальные структуры, предметы, средства и явления общества: производственные и некоммерческие организации, музеи и туристические объекты, эффективные средства трансляции знаний и культуры (интернет, кино, музыка и др.). Вместе с тем, свойство «открытости» расширяет возможности и усиливает воздействие деструктивных факторов, позволяет осуществлять продвижение западных ценностей, внедрение инокультурных моделей учебных заведений и стандартов, программ и учебников, противоречащих российским образовательным традициям, что необходимо учитывать в образовательных стратегиях, повышает требования к его безопасности.

Сложная система образовательных структур органически включена в культурное пространство общества и взаимодействует с сопутствующими сферами (структурами) общества и мировой образовательной системой.

Стержнем культурного пространства общества является его духовная культура, вне которой немислим адекватный анализ образования. Сложность понятия «культура» предопределила трудности его формально-логического определения (через определение рода явления и выделение отличительных признаков) и породила многочисленность (их не менее 500) определений в научной литературе – в зависимости от аспекта рассмотрения и предпочтений авторов. Культура рассматривается как в узком смысле (как специфическая сфера духовной жизни), так и в широком (как «возделывание» материальных и духовных ценностей во всех формах жизнедеятельности людей). Для анализа структуры и функций культуры используются аксиологический, деятельностный, структуралистский, социологический, гуманитарный и другие методологические подходы; представляется, что только их совокупность дает наиболее полное познание ее сущности.

Односторонность и некоторую незавершенность определений культуры удалось преодолеть в теории «диалога культур» В. Библера (с опорой на М. Бахтина)²⁸. В своих работах он понимал культуру как очеловеченную природу, универсальную форму человеческой деятельности, самодетерминации индивида и как складывающийся веками уникальный «портрет» общества, народа, с устойчивыми особенностями его сознания и поведения, с присущими ему символами, обрядами и обычаями. Он показал особенности развития культуры: в отличие от науки или материального производства, культура не развивается по восходящей линии или путем диалектического «снятия» предыдущих достижений. Личность, как и общество, может быть (и является) одновременно носителем разных типов и форм культуры, которые являются результатом взаимного диалога, общения культур, но не обобщения пройденного этапа развития с новым результатом. Культура развивается «на грани культур»,

²⁸ Культурологические идеи В. С. Библера отражены в работах: «Мышление как творчество» (1975); «XX в. и диалогическое содержание культуры» (1988), «М. М. Бахтин или поэтика культуры» (1991); «Культура, мораль, современность» (1991); От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. 413 с.; Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6; Ман П. Диалог и диалогизм // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В. Л. Махлина. М. : РОССПЭН, 2010. С. 191–203 и др.

во взаимодействии с другими культурами. У диалога культур нет временных границ: прошлые, забытые культурные смыслы могут возрождаться в преобразованном или прежнем виде и переживать свой «праздник возрождения»²⁹. Различные культуры одной эпохи (Запада и Востока, Африки и Европы) также не располагаются линейно (выше или ниже), но находятся вместе в индивидуальном или общественном сознании. Философия Платона и Маркса, Аристотеля и Бердяева, или различные гуманитарные науки, развиваются в общем пространстве полифонии культуры.

В качестве механизма межкультурных взаимодействий В. Библер, вслед за М. Бахтиным, предлагает логику «трансдукции» культуры. В противовес индукции (обобщения) и дедукции (выведения частного из общего), это не механическое их «складывание» в общее или выведение субкультуры малого народа из общепризнанной культуры, не обобщение, но взаимообогащение, общение, диалог различных культур. В ходе такого диалога культура нации, любой социальной общности обогащается, сближает народы и их культуры и, вместе с тем, отбирает из взаимодействующей «другой» культуры лишь то, что соответствует фундаментальным характеристикам «своей» культуры, не теряя, тем самым, собственной идентичности, не обедняя национальную культуру³⁰. Эти идеи В. Библера имеют основополагающее значение для концепции безопасности образовательного пространства как в части диалога цивилизаций и образовательных систем, так и для противодействия инокультурных западных ценностей на российскую почву.

В понятие «культура» В. Библер вкладывает три определяющих смысла:

– культура как форма одновременного бытия и общения людей различных культур в историческом времени, проявляющаяся и определяющая себя на грани различных культур в процессе взаимодействия;

²⁹ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 373.

³⁰ Библер В. С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения.) // Вопросы философии. 1989. С. 31–42

– культура как форма самодетерминации индивида в его движении к личности, в преодолении детерминации извне, определения своей судьбы с осознанием меры ответственности;

– культура как изобретение «мира впервые», позволяющее как бы заново породить бытие окружающего мира вещей и явлений и свое собственное бытие. Любое творение культуры «втягивает» в свою «воронку» не только всю «свою» культуру, но и всю «свою» цивилизацию, порождая стремление человека к пониманию бытия³¹.

На этой основе В. Библер выводит окончательное определение понятия «культура». «Культура – это вся человеческая деятельность (во всех ее формах – духовных и материальных), все общение человека, все его мышление <...> как феномен самоустремленности, <...> преодолевая мощные силы детерминации извне – самому индивиду <...> свободно предопределять свою жизнь, поступки, сознание, судьбу – во всех ее самых отдаленных последствиях»³². Уже из определения становится понятно, что культура в понимании В. Библиера существует в пространственно-временных координатах, выступает как «социум культуры», как часть социального пространства, имеющая свою историю развития во времени³³.

К сожалению, ранее разработанные методологические положения редко используются в отечественных исследованиях сущности и содержания культурного пространства, его состояния в России и механизмов зарождения рисков для образования, путей обеспечения его безопасности. Между тем, они значительно облегчают понимание современных сложных процессов духовной жизни. Автор диссертации полностью разделяет и использует обозначенные идеи в качестве методологии дальнейшего исследования духовной культуры и ее взаимосвязей. Духовная культура является результатом и средством развития общества и личности на всех этапах исторического развития. Она пронизывает

³¹ Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. 413 с.

³² Он же. Указ. соч. С. 354.

³³ Библер В. С. Указ. соч. Введение.

все общественное и индивидуальное бытие, определяет через систему принятых норм и ценностей все человеческие отношения (к природе, другим людям и к самому себе). От содержания духовной культуры, богатства духовных отношений, характера принятых в обществе идей, ценностей и целей, норм и убеждений, от состояния образования, науки, идеологии, философии и религии зависят духовные качества людей, способности личности в человеческом общении, творчестве и труде, качество самого социума. Духовная культура традиционно рассматривается как общее явление, охватывающее не только формы и уровни общественного сознания, но и стихийные, неосознанные компоненты духа и воплощение элементов духовной культуры в архитектурные, литературные, художественные и другие артефакты как результаты духовной деятельности человека.

Духовная культура определяется нами как совокупность выработанных и принятых обществом представлений о мире, духовных ценностях, нормах и правилах поведения, регулирующих существующие общественные отношения и обеспечивающих социальное равновесие общества. Культура характеризует сущность человека, выступает мерой его духовности, показателем уровня его развития, в опосредованном виде отражает степень развития социума. Каждое смысловое наполнение сущности понятия «культура» в той или иной мере уязвимо для критики, но не исключает его теоретического использования.

«Взаимодействие мировоззрений (культур) на территории России происходило в разных сферах с различной степенью интенсивности. На протяжении веков осуществлялось взаимообогащение культур, из которых складывалась уникальная мозаика российской цивилизации. Диалог культур был и остается основным в развитии российского общества»³⁴. С другой стороны, стремление навязать собственные субкультурные особенности и атрибуты всему (или другому) обществу при существенных отличиях субкультур от общенациональной культуры (национальные, классовые, региональные,

³⁴ Камашев С. В. Диалог мировоззрений – основание для безопасного развития мировой цивилизации // Философия образования. 2012. № 5 (44). С. 91–97.

поколенческие, клановые, криминальные и др.), может порождать конфликтные отношения и даже войны. Такое взаимодействие различных субкультур воспроизводит дополнительные риски и угрозы для образовательного пространства, поскольку в коллективах образовательных систем взаимодействуют представители самых разных субкультур.

Рассмотренные методологические положения отрицают сведение субкультуры малого народа к доминирующей культуре, а значит могут служить основой критики навязывания инокультурных ценностей, попыток ряда стран привить свой образ жизни другим народам. Предложенная В. Библером логика «трансдукции» культуры требует такого диалога разных культур, который ведет к их взаимообогащению, с отбором из «другой» культуры лишь тех элементов и ценностей, которые соответствуют традиционным ценностям «своей» культуры, что развивает национальную культуру, сближает народы и не приводит к потере собственной идентичности. Игнорирование этих требований ведет к неоправданному заимствованию инокультурных ценностей, слепому копированию образовательных моделей, противоречащих российским образовательным традициям и, в конечном итоге, снижает уровень безопасности образовательного пространства.

Существенными для нашего исследования являются и работы, в которых рассматриваются существенные признаки и различия традиционной и современной культуры,³⁵ подчеркивается сложность и многомерность культурного пространства общества и его духовной культуры. Социокультурное пространство «...не только многоструктурно, но и многомерно. Оно включает в себя и физическое пространство, и пространство историческое, пространство ментальное, духовное, и пространство социальных отношений, и виртуальное пространство. <...> В их структуру <...> входит <...> пространство гражданского общества <...> пространства этнонациональных и региональных культур»³⁶.

³⁵ Медведев М. С. Сравнительный анализ традиционной и современной культуры // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 80–87.

³⁶ Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 15–19.

Вычленим из предложенного М. Сарафом содержания социокультурного пространства основные элементы духовной культуры общества, к которым, на наш взгляд, относятся:

– человек (и сообщества) как творец и носитель культуры, с миром культуры, ценностями и творческими способностями;

– понятия и концепты духовной культуры (мировые и национальные, светские и религиозные);

– культурные ценности – отобранные и одобренные общественным и индивидуальным сознанием жизненно важные ориентиры и мотивы жизни и деятельности людей (воинская доблесть или исполнительность, материальное богатство или духовное совершенство, и др.);

– совокупность нравственных, эстетических и других норм, эталонов поведения, технологических приемов духовной жизнедеятельности, способов взаимосвязи поколений, приема-передачи информации;

– стереотипы и модели сознания и поведения, сложившиеся и закреплённые, устойчивые схемы и образцы отношения к миру, природе и человеку, облегчающие индивидуальный выбор в динамичном мире;

– общественные символы культуры: государственные атрибуты суверенитета (герб, флаг, гимн), язык, общепринятые моды, манеры, жесты;

– предметный мир, артефакты, произведения духовной культуры, включающие все произведенное человеком в духовной сфере, вместе с технологиями и средствами духовного производства;

– культурные и образовательные учреждения и сообщества как производители и трансляторы культуры (дошкольные, школьные, лицеи, вузы, семья, армия, церковь и др.);

– вербальные и технические средства трансляции элементов духовной культуры (СМИ, интернет, литература, кино) и др.

Все элементы духовной культуры, благодаря их ценностно-нормативному содержанию, выполняют функцию социализации личности посредством

их трансляции различными средствами в сознание человека и образ его жизни в системе образования, семье, на работе, армии и других общественных институтах. Человек как бы погружает себя в культурное пространство, впитывает культурные ценности, обнаруживает совпадение (или несовпадение) смысла и ценностей личного бытия со смыслом бытия культуры, самоопределяется в обществе. Воспроизводство и распространение духовных ценностей в культурном пространстве обеспечивают целостность, стабильность и организованность всего общества, укрепляют как безопасность образования, так и национальную безопасность.

Образование функционирует в единстве с культурой и изменяется со сменой социокультурных или образовательных парадигм, посредством образовательных реформ. Так, новые требования инновационной экономики уже вызвали к жизни конкретные образовательные модели, которые учитывают не только новые экономические запросы, но и интересы консолидации общества и обеспечения конкурентоспособности на рынках инноваций, труда и образования³⁷.

Итак, образование определяет статус человека в обществе и общества в мире. Образование и образованность являются определяющими факторами прогрессивного развития и сохранения суверенитета России, обеспечения как национальной, так и международной безопасности. Пространственно-временной подход позволяет изучать образование в единстве процессуально-деятельностного, аксиологического и творческого компонентов в деятельности субъектов образования, выявлять основные его тренды. Сложная система образовательных структур органически включена в культурное пространство общества и взаимодействует с сопутствующими сферами (структурами) общества и мировой образовательной системой.

³⁷ Волков А. Е. [и др.] Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561970/model2020.pdf> (дата обращения 11.02.2016)

Образование реально функционирует в единстве с духовной культурой и изменяется со сменой социокультурных или образовательных парадигм, посредством образовательных реформ. Вне духовной культуры немислим адекватный анализ образования, его мультикультурных свойств. Пространственное видение образовательной системы в рамках культурного пространства является объективно обусловленным и научно эффективным. Состояние духовной культуры, ее ценности воздействуют на социализацию личности, как в процессе образования, так и вне его, усиливая или ослабляя безопасность образования, устойчивость развития образовательной системы.

Понятие «образовательное пространство» уже находит свое применение в официальных документах РФ. В новой программе развития образования на 2013–2020 годы среди системных приоритетов Российской Федерации провозглашается укрепление единства *образовательного пространства России* (выделено автором). Укрепление единства означает «...выравнивание образовательных возможностей граждан России независимо от региона проживания, развитие ведущих университетов во всех федеральных округах Российской Федерации, проведение единой политики в области содержания образования, распространение лучших практик регионального управления образованием на все регионы России»³⁸. Диалектика единичного, особенного и общего дает возможность определить место и роль образовательного пространства в социокультурном пространстве страны и в более общих пространствах социальных и образовательных отношений (региональных, национальных и мировых).

«Образовательное пространство» отражает не только «объемную» совокупность компонентов образовательной системы, но и энергоинформационных отношений между ними. Единство и многообразие компонентов и отношений образовательного пространства, их функционирование в координатах «пространство–время–технологии» образует качественно новое,

³⁸ Новая программа РФ «Развитие образования на 2013–2020 годы»: цели, прогнозы и результаты реализации. [Электронный ресурс]. URL: http://sch1934uv.mskobr.ru/files/DOCUMENTS/progr_razv_obr/new_progr_RF.pdf (дата обращения 17.02.2016)

интегрально-системное образование, отличное от свойств и качеств составляющих элементов (подсистем) и приобретает общую тенденцию развития во времени.

В ходе развития и обогащения новыми элементами образовательное пространство во взаимодействии со всей духовной культурой все больше приобретает мультикультурное измерение, расширяет свои возможности взаимодействия с другими образовательными системами. Логика «трансдукции» культуры нацеливает на построение безопасности образовательного пространства (с учетом обеспечения диалога цивилизаций и образовательных систем) и на последовательное противодействие вестернизации инокультурных ценностей на российскую почву.

Такое видение образовательного пространства может стать источником новых подходов в исследовании образовательной теории, в практике прогнозирования развития образования и руководства его реформированием. Оно помогает оценить новые тренды развития глобального образования, отобрать (для российского образовательного пространства). Среди современных трендов выявлен существенный отрицательный тренд: нивелирование законов духовного воспроизводства в образовании – благодаря абсолютизации экономических законов рынка, нарастающей коммерциализации высшего образования, расширению его платного сектора и торговле образовательным продуктом, изменению отношений «преподаватель – студент» на отношения «производитель – потребитель» («консюмеризация», «макдональдизация» образования).

1.2. Безопасность образовательного пространства в системе национальной безопасности России как объект социально-философского анализа

Основная задача данного параграфа – проанализировать понятия «национальная безопасность» и «безопасность образовательного пространства» в

их взаимосвязи, определить их онтологическую природу, гносеологические и праксиологические функции.

Уяснение сущности и содержания безопасности образовательного пространства в настоящей работе раскрывается в соответствии с выдвинутой гипотезой в трех аспектах ее обеспечения: в связи с национальной безопасностью и внутрисистемными, собственными ресурсами; во взаимосвязи с основными сферами общественной жизни; с учетом внешних, геополитических факторов общественного развития. Ниже, наряду с определением понятия безопасности образовательного пространства, мы осуществляем его исследование с целью выявить основные внутрисистемные факторы образовательного пространства обеспечивающие национальную безопасность (онтологические, эпистемологические и аксиологические аспекты).

Успешное функционирование образования возможно только в том случае, если обеспечивается его безопасность, что определяет возможность устойчивого и эффективного функционирования образовательной системы. Безопасность в истории научной мысли еще с античных времен рассматривалась как возможность человека и/или общества защититься от любой опасности (беды), как состояние без опасности, как ситуация отсутствия угроз для жизнедеятельности человека, любого человеческого сообщества, любой организованной системы. По определению С. Ю. Ожегова, опасность означает возможность причинения вреда, нанесения ущерба. Напротив, безопасность – отсутствие опасности для объекта (субъекта) или защищенность от нее. Понятие «угроза», как правило, применяется для характеристики возможного разрушающего воздействия неосознанных природных или техногенных сил³⁹. Современные трактовки безопасности исходят из этих понятий; поэтому безопасность понимается как состояние и/или степень защищенности человека, социальной группы и человечества, любой социальной, техногенной системы от жизненно важных опасностей и угроз.

³⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1984. 797 с.

Категориальный анализ понятия «безопасность» позволяет определить основные функции безопасности образовательного пространства и содержание механизма их обеспечения как инструмента поддержания системной инвариантности образовательной системы, устойчивости присущих ей родовых свойств в условиях внешних воздействий, рисков и угроз. С философских позиций безопасность рассматривается в литературе в качестве гносеологической категории, отражающей жизнеспособность и жизнестойкость любых объектов реального мира. Предметом философии безопасности является защита человека и человечества от природных и социальных опасностей и угроз⁴⁰. Основным субъектом и объектом безопасности является человек, поэтому философия безопасности является интегральной наукой, использующей данные самых различных наук о человеке и обществе.

В западных теориях безопасности, как правило, господствует технократический подход, когда объект безопасности, будь то человек или общество, рассматривается как сложная биотехническая система, в которой уже заложен механизм поддержания стабильного состояния. Угрозы социальным системам понимаются как результат несовпадения целей их развития или отсутствия обратной связи в ходе реализации решений, как следствие запаздывания реакции субъектов системы на внешние воздействия. На уровне индивида такими причинами угроз выступают личностные механизмы: противоречивость, нерешительность, неосведомленность или нечувствительность, эгоизм, недальновидность, иррационализм, недостаток знаний или умений в преодолении дестабилизирующих воздействий. Для преодоления любых рисков и угроз определяются шесть возможных уровней действия: индивидуальный, местный, национальный, региональный, международный или глобальный⁴¹.

В отечественной литературе существуют различные подходы к определению сложного и многоуровневого понятия «безопасность». Безопасность определяется как отсутствие опасности или как свойство системы противостоять

⁴⁰ Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. М. : Московский психол.-социал. ин-т, 2006. 269 с.

⁴¹ Камашев С. В. К вопросу о концептуальном анализе безопасности образования России в современных условиях // Профессиональное образование. 2013. № 2. С. 29–34.

угрозам, как особый вид деятельности по защите от угроз или как состояние отношений между людьми и государствами. Столь же велико и количество определяемых видов безопасности. Исходя из самых различных оснований, исследователи выделяют:

- экономическую, политическую, духовную, социокультурную безопасность;
- личную, социальную (общественную), государственную, национальную безопасность;
- генетическую, медицинскую, экологическую, демографическую, военную, ядерную, технологическую, информационную безопасность;
- территориально-пограничную, региональную, тактическую, стратегическую, геополитическую, глобальную, цивилизационную, планетарную безопасность и др.

Теоретические исследования категории «безопасность» в российской науке, как правило, касаются общественной безопасности (национальная, государственная, международная и др.), безопасности определенного вида деятельности (безопасность дорожного движения и др.), личной безопасности (ОБЖ в школе, безопасность труда на производстве и др.). Реже исследуются те или иные аспекты безопасности отдельных сфер общественной жизни; исследований посвященных безопасности образования, изучению образовательного пространства как самостоятельной подсистемы общества, совсем мало.

Анализ нормативных документов (См. : *Приложение 1*) по обеспечению вопросов безопасности государства позволяет сделать следующие выводы:

- вопросы безопасности государства относятся к разряду приоритетных;
- безопасность государства, общества и личности рассматривается многоаспектно: в геополитическом, военном, экономическом, экологическом, научном, образовательном, культурном и других аспектах;

– понятие «безопасность» не остается неизменным и наполняется новым содержанием в зависимости от решаемых задач, обусловленных изменением приоритетов, а также воздействующих внешних и внутренних факторов.

Исследование безопасности образовательного пространства в данном параграфе осуществляется со следующих позиций:

1) в ее зависимости от состояния национальной безопасности, способности государства предотвращать опасности и угрозы в отношении системы образования, обеспечивать благоприятные условия для ее развития;

2) в зависимости безопасности образовательного пространства от состояния самой образовательной системы, с ее внутрисистемными возможностями преодоления отрицательных воздействий, обеспечения устойчивого функционирования и развития.

Первое связано с факторами, которые являются внешними для образовательной системы. Второе – исходит из достоверной гипотезы о зависимости безопасности образовательного пространства от качественных характеристик самой образовательной системы, ее возможностей предотвращения и нейтрализации потенциальных и реальных угроз.

При таком подходе безопасность образовательного пространства рассматривается в единстве с национальной безопасностью. С другой стороны, образовательное пространство может быть представлено как органическая системная целостность во взаимосвязи ее элементов (цели, ресурсы, пути, средства и методы). Сама же теория обеспечения безопасности станет обоснованием способности этой системы сохранять свою целостность при наличии любых разрушающих факторов. В такой постановке вопроса обеспечение безопасности образования становится частью образовательной системы, ее функционирования и развития.

Здесь, при использовании системно-деятельностного подхода (Г. П. Щедровицкий), объект опасности не противопоставляется ее источнику. Они рассматриваются в единстве, в системе отношений «опасность–безопасность», что позволяет сосредоточить основное внимание на внутренних

проблемах системы, искать решение проблем в функционировании образования и в деятельности самого человека как образовательного субъекта. Дело в том, что источниками опасности выступают, как правило, не сами по себе предметы и явления действительности (природа или технические системы, экономика или политика, общество или культура своего или других государств). Появлению рисков и угроз способствуют, прежде всего, незнание причин их появления, неумение прогнозировать их возникновение и развитие, недостаточность методов или ресурсов общества для нейтрализации этих угроз. Таким образом, именно человеческий фактор влияет на вероятность рисков для образовательного пространства и его подсистем.

Избранный нами подход позволяет четко ограничить и определить объект обеспечения безопасности, выявить и классифицировать источники опасности, необходимые знания, пути и методы обеспечения безопасности образовательной системы. Наличие методологии обеспечения безопасности сохранить целостность системы и ее устойчивое развитие, не допустить (или ликвидировать) внутренние и нейтрализовать любые внешние угрозы.

Категориальный анализ понятия «безопасность» позволяет определить *основные функции безопасности образовательного пространства:*

– обеспечение физической безопасности субъектов образования и образовательных учреждений: антитеррористическая, противопожарная, экологическая, дисциплинарная и другие подвиды безопасности образовательного пространства учреждения;

– обеспечение безопасности учебно-воспитательного процесса: доступность и адекватность учебных материалов, охрана педагогического и учебного труда, забота о сохранении здоровья субъектов образования;

– обеспечение безопасности образовательной системы (локальной, региональной и национальной) и всех ее элементов: (содержание, средства и методы образования, материально-техническая и научно-методическая база, информационное поле и др.), сохранение целостности, устойчивого

функционирования и развития системы в условиях внутренних и внешних угроз и рисков.

Реализация этих функций осуществляется посредством механизма обеспечения безопасности образовательного пространства как инструмента поддержания системной инвариантности образовательной системы, устойчивости присущих ей родовых свойств в условиях внешних воздействий. Мы разделяем точку зрения Е. Рудаковой, которая перечисляет следующие основные звенья такого механизма: цель, уровни, сферы, параметры и методы оценки безопасности, позволяющие блокировать деструктивные, разрушающие воздействия и способствующие функционированию и развитию образовательного пространства как идентификационного целого⁴².

На этой основе определим содержание каждой из составляющих механизма обеспечения безопасности образовательного пространства:

Цель безопасности заключается в обеспечении устойчивости функционирования образовательной системы и всех ее элементов, что достигается совокупной деятельностью субъектов деятельности по обеспечению безопасности.

Уровень безопасности – степень защищенности образовательного пространства от потенциальных и реальных опасностей и угроз (определяется оценкой вероятности риска в результате отклонений от параметров устойчивого развития).

Уровень безопасности образовательной системы как ядра образовательного пространства определяется ее возможностями обеспечить свое устойчивое развитие и расширенное воспроизводство, удовлетворение образовательных потребностей личности, общества и государства.

Достаточный уровень безопасности образовательного пространства достигается в том случае, если образование наполнено национально-гуманным

⁴² Рудакова Е. Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в образовательном пространстве России [Электронный ресурс]. URL: <http://knigilib.net/book/460-istoriya-i-politicheskie-nauki-vestnik-mgou-2-2012/30-mexanizm-obespecheniya-nacionalnoj-bezopasnosti-v-obrazovatelnom-prostranstve-rossii.html> (дата обращения 11.05.2015)

содержанием, использует передовые технологии, обеспечивает высокое качество, является общедоступным, удовлетворяет основные социальные потребности общества и государства, соответствует интересам и ожиданиям людей.

Нижний предел устойчивости образовательной системы и ее безопасности – такое их состояние, которое обеспечивает простое ее воспроизводство, удовлетворяет образовательные потребности личности, общества и государства на минимально достаточном уровне.

Сферы безопасности – объекты ее обеспечения: от отдельных элементов, то есть образовательных subsystem (общее или профессиональное образование, учреждение или городская система, содержание образования или система управления и др.), до образовательной системы в целом (определяются структурой образовательного пространства).

Параметры безопасности – критерии оценки состояния образовательного пространства и допустимых границ его отклонений в развитии без снижения безопасности образовательной системы до критического уровня. К таким критериям относятся уровень финансирования, качество обучения, относительная численность субъектов, степень отклонения показателей системы от среднемирового уровня, соответствие экономическим и социальным потребностям общества, устойчивость внутренних и внешних связей и ряд других. Соответствие допустимым критериям поддерживается совокупностью стратегических и тактических действий субъектов, обеспечивающих полноценную реализацию функций системы.

Наличие и характер опасностей – степень вероятности и разрушительности их воздействия, возможности его предотвращения и нейтрализации (оцениваются как маловероятные, потенциальные, реальные, существенные, несущественные, обратимые или необратимые и др.).

Оценка состояния безопасности образовательного пространства – определение степени устойчивости его развития и эффективности функционирования, сопротивляемости угрозам, возможности отклонений в развитии при неблагоприятных воздействиях без потери устойчивости

образовательной системы (измеряется в соответствии с параметрами безопасности).

Определение системы принимаемых мер для снижения уровня опасности и преодоления опасных воздействий. Система мер обеспечения безопасности конкретного образовательного пространства и его субпространств определяется исходя из поставленных задач, наличия материальных, финансовых и кадровых возможностей, состояния системы образования и стадии ее развития, характера опасностей и степени вероятности их воздействия.

Рассмотренные функции и механизм их реализации убеждают нас в том, что безопасность образовательного пространства обеспечивает системную целостность и устойчивое развитие образовательной системы и всего общества.

На основе рассмотренных признаков образовательного пространства и его безопасности дадим определение этому феномену. *Безопасность образовательного пространства* представляет собой важную сферу национальной безопасности, состояние защищенности, устойчивого функционирования и развития всей его структурно-функциональной организации; возможность нейтрализации и преодоления неблагоприятных воздействий внутренних и внешних угроз; стимулирование позитивных тенденций развития, обеспечиваемых силами и средствами государственных, общественных и образовательных структур. Понимание субъектами образования единства и взаимосвязи безопасности образовательного пространства и национальной безопасности обозначено как *«культура безопасности образовательного пространства»*, что подразумевает их гармоничную организацию во взаимодействии с другими образовательными (и всеми сопутствующими) системами.

Как было отмечено, одним из недостатков существующих теорий безопасности образовательного пространства является то, что данные теории строятся вне контекста национальной безопасности, а потому, как правило, их предмет ограничивается сферой образовательно-воспитательной деятельности и сводится к обоснованию путей обеспечения физической безопасности субъектов

образования или безопасности образовательного учреждения. Этим отчасти обусловлено и отсутствие общей теории безопасности образовательного пространства.

На наш взгляд, философская рефлексия безопасности образовательного пространства возможна только во взаимосвязи с национальной безопасностью. В современных условиях одно без другого не существует: обеспечение государством безопасности образования и конструктивное использование образовательной системы для укрепления национальной безопасности – это двуединый процесс успешного функционирования общества. Поскольку образование является основополагающей, атрибутивной сферой общества, постольку безопасность образовательного пространства имеет статус атрибутивного элемента национальной безопасности.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – «Стратегия») сформулировано понятие «национальная безопасность», определены национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты. Выделим некоторые положения руководящих документов о национальной безопасности, которые необходимо использовать в дальнейшем анализе безопасности образовательного пространства (в его взаимосвязи с безопасностью национальной). В «Стратегии» национальная безопасность рассматривается как «...состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую,

транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» («Стратегия», Ст. 6)⁴³.

Закон «О безопасности» (ст. 2, 3) определяет принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности. К принципам обеспечения безопасности относятся:

- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- системность и комплексность применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- взаимодействие ответственных субъектов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Среди основных направлений деятельности отмечены:

- прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности;
- разработка и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;
- организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности;
- участие граждан, общественных объединений и координация деятельности ответственных субъектов в обеспечении безопасности, и др.⁴⁴

В «Стратегии» определены основные национальные интересы и приоритеты. Подчеркнуто, что «...обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации следующих стратегических национальных приоритетов: оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический

⁴³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Введ. в действие указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). [Электронный ресурс]. . URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

⁴⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.htm> 1 (дата обращения 07.06.2014) (дата обращения 07.06.2014)

рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство»⁴⁵. Выделение науки, технологии, образования и культуры в отдельный раздел не случайно: именно в этих сферах, прежде всего, происходит предотвращение и нейтрализация угроз и рисков для общества, осуществляется инновационное развитие страны, самосохранение и воспроизводство цивилизационной целостности России в бурно изменяющемся и противоречивом мире. В качестве стратегических целей обеспечения национальной безопасности, снижения рисков в области науки, технологий и образования «Стратегией» определены: развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований.

В «Стратегии» предусмотрен целый ряд мер, среди которых: комплексное развитие научного потенциала; развитие перспективных высоких технологий; развитие взаимодействия образовательных организаций и научно-исследовательских центров с промышленными предприятиями; развитие системы среднего профессионального образования в целях подготовки квалифицированных рабочих; создание благоприятных условий для научной деятельности; повышение роли школы в воспитании молодежи; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий; развитие системы поддержки талантливых детей, внешкольного дополнительного образования,

⁴⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Ст. 30. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

детского технического и художественного творчества, решение проблем переполненности общеобразовательных организаций и др.⁴⁶

В «Стратегии» также дано определение понятия «угроза», выделена совокупность угроз и рисков для различных сторон и сфер общественной жизни (в том числе для культуры и образовательного пространства), обусловленных внешними и внутренними факторами. «Угроза национальной безопасности понимается как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»⁴⁷.

В научной литературе существуют разнообразные толкования сущности, источников и видов угроз и рисков. Социальные риски возникают в результате дисбаланса внутренних и внешних связей в отношениях человека и среды его обитания (общества, природы и космоса), что приносит значительный ущерб любой из подсистем деятельности человека и функционирования общества. Выделяются следующие подсистемы с возможностью возникновения рисков: человек – человек; человек – социум; человек – техносфера; человек – природа; социум – техносфера; техносфера – природа; социум – природа и др.⁴⁸

Источниками рисков, на наш взгляд, выступают: конкурентная борьба социальных структур и политических институтов, дисгармония общественных отношений, разрушительное влияние человека и общества на природу, отсутствие знаний законов развития общества и эволюции Вселенной и др. Многообразную совокупность рисков можно сгруппировать по сферам их зарождения:

– социально-политические риски, или риски разрушения общественной системы, прямых потерь или убытков по причине неблагоприятных изменений внутренней и внешней политической ситуации или социальных кризисов (одно из проявлений – сегодняшняя «война санкций»);

– техногенные риски, или риски, порождаемые применением современной техники в деятельности человека;

⁴⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

⁴⁷ Там же: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

⁴⁸ Социальные риски [Электронный ресурс]. URL: <http://bgdstud.ru/bezopasnost-zhiznedeyatelnosti/601-socialnye-riski.html>. (дата обращения 18.12.2015)

- природные риски, или риски природных катаклизмов;
- космические риски, или риски человечества, связанные с антигуманным использованием и засорением космического пространства.

По широте и глубине разрушительных воздействий выделяются:

- геополитические риски, связанные с глобальными противоречиями в мире и несущие угрозу жизни всему человечеству;
- региональные риски, порождаемые противоречиями между ядром и периферией мира, мусульманским и христианским миром и др.;
- национальные риски, как результат дисбаланса внутреннего развития отдельных стран и народов или внешних воздействий, направленных на разрушение или ослабление национальной системы.

Из всей совокупности угроз, обозначенных в «Стратегии» выделим лишь некоторые из последней группы – внутренние угрозы и риски, ослабляющие национальную и образовательную безопасность России.

Угрозы безопасности в сфере *общественной безопасности* – «...деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Ст. 43). Здесь же указаны угрозы разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, террористических и экстремистских организаций, преступных организаций и группировок, наносящая ущерб национальным интересам. К этой же группе угроз отнесена деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической

и социальной стабильности в обществе; преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности; коррупция; стихийные бедствия, аварии и катастрофы⁴⁹.

Факторы, негативно влияющие на национальную безопасность в области *науки, технологий и образования* – «отставание в развитии высоких технологий, зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении российских научных и образовательных организаций, недостаточное развитие нормативно-правовой базы, неэффективная система стимулирования деятельности в области науки, инноваций и промышленных технологий, снижение престижа профессий преподавателя и инженера, уровня социальной защищенности работников инженерно-технического, профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава, качества общего, среднего профессионального и высшего образования (Ст. 68)⁵⁰.

Угрозы в области *культуры* – «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» (Ст. 79)⁵¹.

⁴⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> / (дата обращения 02.03.2016)

⁵⁰ Там же: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

⁵¹ Там же: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

Среди внутренних угроз национальной безопасности, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на неустойчивость и слабость экономики, ее конкурентоспособности, значительное технологическое отставание от передовых стран (США, Японии, Южной Кореи и др.), особенно в развитии цифровых технологий; недостаточную развитость политической системы, слабую эффективность и коррумпированность госаппарата; высокий уровень бедности, социального и духовного расслоения общества; системный кризис и проблемы в развитии образования, науки и культуры.

Таким образом, *обеспечение национальной* (а стало быть, и образовательной) *безопасности* заключается в деятельности государственных и общественных структур по ограничению или устранению всеми законными средствами существующих угроз и опасностей для суверенитета и территориальной целостности государства, материальных и духовных ценностей общества, прав и свобод личности, устойчивого развития образовательной системы. Уже в самом определении утверждается *единство и взаимосвязь безопасности образовательного пространства и национальной безопасности*. Состояние системы культурно-образовательных институтов и всего образовательного пространства, уровень их защищенности и безопасности относятся к важнейшим факторам нейтрализации или устранения внешних и внутренних угроз обществу, личности и государству. В свою очередь, высокое качество, доступность и безопасность образования прямо зависят от создания благоприятных условий его развития, от состояния национальной безопасности. Нейтрализация и снижение рассмотренных выше рисков (помимо международных регулятивов по уменьшению рисков) достижимы только благодаря совокупности мер – средствами науки, технологий и образования-воспитания, что находится в сфере влияния политики государства.

Системный подход с использованием теоретического и эмпирического уровней анализа позволяет трактовать безопасность образовательного пространства как часть уже рассмотренной нами более крупной системы (национальной безопасности), раскрыть природу и генезис этих понятий, сложное

строение безопасности образования во взаимосвязи его элементов с национальной безопасностью. На этой основе будут исследованы сущность безопасности образования в системе отношений «опасность–безопасность», определены цели, пути, ресурсы, средства и методы ее эффективного обеспечения в единстве с национальной безопасностью, пути усиления обратного влияния безопасности образовательного пространства на состояние национальной безопасности.

Общая закономерность взаимосвязи общественного развития, национальной безопасности и безопасности образования заключается в том, что любая сфера общественной жизни, включая образование, выступает одновременно в разных ипостасях: как потенциальный источник опасности; как объект безопасности; как ресурс и средство обеспечения собственной безопасности и безопасности национальной. Все элементы безопасности образовательного пространства обуславливают сопряженные с ними факторы и свойства национальной безопасности, и, уже в новом качестве, способствуют обеспечению безопасности общества.

Таким образом, национальная безопасность является гарантией успешного функционирования и обеспечения безопасности образовательного пространства. Если общество не обеспечивает защиту образовательной системы от природных, экономических, социально-политических, идеологических (внутренних или внешних) опасностей и рисков, то это ослабляет ее эффективность, или даже может разрушить образовательную систему. В свою очередь, высокий уровень безопасности образовательного пространства выступает условием успешного развития общества, являясь «ключевым фактором национальной безопасности» (О. Смолин), будь то безопасность государства, общества или личности. По оценкам Всемирного банка, вклад человеческого ресурса в экономику в развитых странах достигает 70 % и более (в России он составляет пока 40 %) ⁵².

Очевидно, что система образования является одним из основополагающих структурных элементов национальной безопасности, отвечающей не только за воспроизводство кадров государства, но и за функционирование и развитие

⁵² Дмитриев Д. Гонка на грани вымирания // Top-manager. 2007. № 6. С. 30.

социально-экономической системы страны в целом. С позиции национальных интересов, образование (в первую очередь высшее) представляет собой не только сферу обеспечения национальной безопасности, но и мощную социальную, экономическую и политическую систему, в рамках которой реализуются текущие конкурентные преимущества отдельных отраслей и формируются перспективные конкурентные преимущества как на мегауровне, так и на макро-, мезо- и на локальных уровнях социально-экономических систем. Таким образом, наличие специалистов различных профессий предполагает как появление конкурентных преимуществ, так и развитие их⁵³.

Именно в образовательной сфере развивается человеческий ресурс, сохраняется, мобилизуется и актуализируется интеллектуальный и нравственный потенциал инновационного развития России. В образовании происходит расширенное воспроизводство национальной культуры, гражданской и этнической идентичности общества, сохраняются и развиваются нравственные, гуманистические и патриотические традиции и ценности. Одной из задач образования является формирование у обучаемых культуры безопасности, знаний и навыков обеспечения личной безопасности и безопасности его непосредственной среды обитания. В системе образования осуществляется и подготовка кадров («менеджеров безопасности») в области организации систем безопасности для различных объектов (социальные общности, предприятия и учреждения, регион или все общество). Дополнительная функция образовательного пространства заключается в том, что оно ограждает интеллектуальную элиту общества от безработицы и криминала в кризисные периоды общественного развития и сохраняет ее в качестве потенциала будущего.

Основным субъектом обеспечения безопасности образования является государство, которое осуществляет ее посредством укрепления национальной безопасности и обеспечения единства действий всех субъектов образования и сопряженных с ним сфер по развитию образования и укреплению

⁵³ Плотников В. Н. Национальная и экономическая безопасность высшего образования: вопросы теории и практики: моногр. СПб. : СПб. ГЭУ, 2015. С. 60.

его безопасности⁵⁴. Важное место в комплексе системы мер безопасности образования мы отводим ежегодным посланиям Президента РФ Федеральному Собранию (См. : *Приложение 5*).

Объектами безопасности выступают образовательная система и сопряженные с ней сферы общественной жизни: экономическая, внутривластная, социальная, научно-образовательная, духовная, информационная, экологическая, международная, военная, оборонно-промышленная, а также сфера общественной безопасности. Структура объектов не оставляет сомнений в том, что безопасность образовательного пространства не существует вне и независимо от безопасности основных сфер общественной жизни, от национальной безопасности.

Зависимость безопасности образовательного пространства от *состояния самой образовательной системы* в отечественной философии образования, педагогики и других науках рассматривается в ряде работ⁵⁵.

Безопасность образовательного пространства достигается тогда, когда образование удовлетворяет все основные социальные потребности, соответствует интересам общества и ожиданиям людей и обеспечено необходимыми ресурсами устойчивого развития. На наш взгляд, современное состояние образования требует создания более благоприятных условий для его развития, совершенствования механизмов финансирования и государственного управления. Назрела необходимость значительных изменений содержания и технологии образования, обеспечения его доступности и высокого качества. Можно с достаточной достоверностью утверждать, что ни одно из этих требований пока не обеспечено обществом и государством, что обуславливает состояние

⁵⁴ Там же. С. 80–83.

⁵⁵ Егорова И. В. Качество образования как проблема // Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 72–78; Новичкова Г. А. Культура образования и социализация как две составляющие человеческого бытия // Педагогика и просвещение. 2013. № 3. С. 234–246; Попов Е. А. Современная социология и человек: грани объективации мира в науке и образовании // Педагогика и просвещение. 2012. № 1. С. 36–41; Система образования в России с точки зрения обеспечения национальной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/pedagogics/3c0a65635a2bd68b4d53a89521216d26_0.html (дата обращения 27.09.2015); Тинякова Е. А. Образ преподавателя современного вуза для общественного диалога // Политика и Общество. 2013. № 3. С. 104–107.; Управление развитием образования: учеб. для вузов / под ред. М. М. Поташника, В. С. Лазарева. М. : Новая школа, 2008. 302 с.; Урсул А. Д., Урсул Т. А. Эволюционные парадигмы и модели образования XXI века // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 1. С. 1–67 и др.

его безопасности на критическом уровне и недостаточность его влияния на обеспечение национальной безопасности. Рассмотрим *общее состояние российского образования* на современном этапе как интегральную потенциальную угрозу и выделим четыре основные системные угрозы развитию образовательного пространства.

Вступление человечества в знаниево-информационную эпоху, повышение роли человеческого фактора привело к осознанию новых движителей общественного развития и критериев оценки жизнеспособности общества. ООН основным показателем достижений или неудач той или другой страны определила человеческий потенциал, который складывается из индексов благосостояния, долголетия и образования. По этим критериям в переходный момент российской истории (1998 г.) Комитет ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) провели исследование динамики уровня и «жизнеспособности народов» по итогам которого Россия заняла 62 место среди 174 государств⁵⁶. Деграцию сфер жизни, определяющих жизнеспособность общества, Россия не может преодолеть вплоть до настоящего времени.

Состояние безопасности общества и его образовательной системы в 1990-х годах ушедшего века подошло вплотную к красной черте. Это означает наличие реальной угрозы потери суверенитета для общества и угрозу для образовательной системы – неспособность к собственному воспроизводству и удовлетворению образовательных потребностей личности, общества и государства. Так случилось в результате действий «горе-реформаторов», разваливших великую державу и распродавших ее национальное достояние кучке нуворишей, превратившихся в результате ограбления народа в новую прослойку общества – «новых русских». Процесс резкой, скачкообразной деграции российского общества, его образовательного и культурного пространства, связь этого процесса с состоянием национальной безопасности убедительно подтверждается статистикой.

⁵⁶ Арин О. Проблемы образования в России или иллюзия бурной деятельности (ИБД). [Электронный ресурс]. http://olegarin.com/olegarin/Problemy_obrazovania_v_Rossii.html (дата обращения 15.06.2015)

За пять лет на рубеже веков (1995–2000 гг.) ввод новых школ в эксплуатацию уменьшился в четыре раза, при значительном росте числа учащихся. Книжные магазины превратились в дорогие «бутики»: лишь 30 % населения могли позволить купить себе книгу. Система образования также приблизилась к «красной черте». По результатам социологического опроса, проведенного в 1995 году, преподаватели российских вузов государственную политику в области высшего образования оценили негативно: лишь 1 % опрошенных согласились, что «она способствует развитию высшего образования», а 43 % посчитали ее «губительной». Показательно, что в тот же период, в середине 1990-х годов, директор Института социально-политических исследований РАН Г. Осипов определил, что по 20 из 24 показателей национальной безопасности наша страна находилась у «красной черты» или за «красной чертой»⁵⁷. Такова неумолимая логика взаимосвязи состояния образования и других сфер общества с национальной безопасностью. Подтверждается взаимозависимость состояния безопасности образовательного пространства, и состояния общества, его материальных и духовных возможностей, инновационной и образовательной политики государства, его безопасности.

Сегодня, если судить на уровне количественного анализа, ситуация, на первый взгляд, значительно улучшилась, чего, однако, не скажешь о качественных показателях. Впрочем, уже на данном уровне анализа очевидны внутрисистемные угрозы, которые могут ослаблять безопасность образовательного пространства. Они связаны с резким сокращением количества школ и дошкольных учреждений, числа учреждений профессионального образования первичного звена и увеличением количества частных вузов и их филиалов. За прошедшие 15 лет (с 2000–2001 учебного года до 2014–2015 года) число дошкольных образовательных учреждений сократилось на 8100 единиц, а с круглосуточным пребыванием детей – более чем в три раза. В результате, более половины дошкольников не могут использовать первый уровень образовательной

⁵⁷ Система образования в России с точки зрения обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/pedagogics/3c0a65635a2bd68b4d53a89521216d26_0.html (дата обращения 27.09.2015)

системы. Общеобразовательные учреждения (без учета вечерних) сократились на 23 084 единиц (почти на 6 млн учащихся), что связано не в последнюю очередь с демографической ситуацией, введением подушевого финансирования и ликвидацией малокомплектных, в основном сельских школ. Около четверти государственных школ (9900 единиц) организуют занятия в 2–3 смены, возникли трудности образования в сельской местности. Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, так необходимых для инновационной экономики, сократилось почти в четыре раза (с 3893 до 1007 единиц), а число обучающихся в них – почти на миллион (на 10 000 чел населения 15 лет назад приходилось 115 учащихся, сейчас – 50). На 206 единиц увеличилось число средних специальных учебных заведений (2909 единиц). В системе высшего образования (950 вузов) число государственных вузов (548 единиц) уменьшилось на 59 единиц, но значительно (на 44 единицы) увеличилось количество частных вузов (402 единицы), не считая множества их филиалов, которые не имеют необходимой учебной и кадровой базы. Если сравнить с 1993–1994 учебным годом, число частных вузов выросло на 324 единицы. В вузах обучается более 5 млн человек, то есть почти на полмиллиона больше, чем 15 лет назад. Несмотря на рост количества частных вузов, конкурс при поступлении увеличился более чем в два раза – с 1,87 до 4,46 чел. на одно место⁵⁸.

Качественный анализ образования в его отдельных аспектах обнаруживает еще большее количество угроз и привлекает значительное внимание ученых⁵⁹. В научной литературе делается акцент на исследование образования в свете

⁵⁸ Россия в цифрах. 2015. С. 138–153.

⁵⁹ Гуртов В. А. Финансирование системы образования – Свердловский государственный университет. М. : Ажур. 2010. 85 с.; Кананыкина Е. С. Педагогические модели развития образования стран романо-германской правовой семьи // Философия и культура. 2010. № 2. С. 104–107; Лихачев Б. Т. Педагогика: курс лекций. М. : Прометей, 2005. 589 с.; Михеева Н. Н., Мордвинцева Н. В. Новая система оценки знаний: зарубежный опыт // Актуальные проблемы реализации образовательных стандартов нового поколения в условиях университетского комплекса: материалы всеросс. науч.-метод. конф. Оренбург : ОГУ, 2011. С. 993–999; Розин В. М. Прогнозирование и методологическое осмысление российского образования и социальности // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 44–56; Урсул А. Д. Процесс футуризации и становление опережающего образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 20–33; Юсманов И. Проблемы современной российской системы образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epochtimes.ru/problemu-sovremennoj-rossijskoj-sistemy-obrazovaniya-98913405/> (дата обращения 28.09.2015) и др.

основных положений федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 30.12.2015 года) «Об образовании в Российской Федерации». Ряд авторов подвергает серьезной критике содержание данного закона. Так, доктор философских наук С. В. Иванова замечает, что в законе есть весьма существенное упущение: цели образования не согласуются со статьей 29 (1) Конвенции ООН о правах ребенка, где эти цели четко сформулированы в пяти пунктах. Более того, понятие «цели образования» вообще не присутствует среди основных понятий, сформулированных в законе. Понимание целей образования размыто в содержании других понятий, принципов образовательной политики, приоритетов и уровней образования. Если удастся «выудить» все нюансы из разных разделов закона и собрать в подобие определения цели образования, и все равно по качественным параметрам эти законодательные определения не вмещают всех посылов Конвенции о правах ребенка⁶⁰.

В последние годы на основе нового закона об образовании приняты существенные меры по повышению эффективности образовательной системы, введены новые общефедеральные государственные образовательные стандарты начального и среднего (полного) общего образования, был несколько увеличен средний уровень заработной платы преподавателей. Однако остается нерешенным целый ряд проблем, влияющих на состояние, развитие и безопасность образовательного пространства. В 2014 г. для оценки эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования были разработаны критерии, основанные на показателях образовательной, научно-исследовательской, международной, финансово-экономической деятельности, состоянию инфраструктуры, кадрового состава и трудоустройства студентов.

В ходе исследования нами выявлены наиболее важные, системные угрозы развитию российского образования (две из них обозначены в «Стратегии»). Анализируя их в контексте актуального состояния образовательного пространства, отметим, что система образования России находится на очередном

⁶⁰ Иванова С. В. О целях образования и механизмах их достижения (российский опыт) / Вест. Росс. филос. общества. 2014. № 4 (72). С. 73–79.

этапе перехода от традиций и наследия советской школы к современному образованию с его европейскими тенденциями и ориентацией на инокультурные образцы, далеко не всегда учитывающие отечественные традиции и российский менталитет.

Первая угроза – несоответствие образовательной политики, общего состояния образования вызовам времени, потребностям личности, общества и государства. Общие тенденции воспроизведения рисков в развитии образовательной системы, отмеченные нами в количественном анализе, относительно ситуации в начале XXI века, продолжают действовать и в период 2012–2015 гг. Обнаруживается тренд дальнейшего уменьшения количества школ (на 2035 единиц) с одновременным увеличением числа школьников (на 595 тыс. человек). Сохранилась и тенденция сокращения заведений начального профессионального образования: с 2012 года число таких учебных заведений уменьшилось на 712 единиц и на 111 тыс. учащихся, несмотря на значительный рост спроса на квалифицированных рабочих. Число средних профессиональных образовательных организаций с 2013–2014 учебного года увеличилось на 200 ед. и на 119 тыс. обучающихся в них студентов, достигнув прежнего уровня 2012–2013 учебного года. С 2012 года просматривается общая тенденция увеличения филиалов вузов, с последующим их сокращением и уменьшением общего количества студентов почти на 866 тыс. человек. Всего в сфере образования занято 5492 тыс. человек (8,1 % от числа занятых в экономике), что сопоставимо с западными странами (в США – 9 %, в Швеции – 11 %)⁶¹. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости существенной реструктуризации сети учреждений образования и их финансирования.

Если говорить только о подсистеме высшего образования образовательного пространства в России на современном этапе (См. : *Приложение 2, 3, 4*), то следует отметить следующие тенденции:

Во-первых, внедрение рыночных механизмов в систему образования привел к сокращению бюджетных мест в вузах, снижению статуса образования

⁶¹ Россия в цифрах. 2015. С. 138–153.

до получения образования обычной «услуги»⁶² и, в конечном итоге, к снижению обеспечения государства необходимым кадровым составом. Во-вторых, сокращение количества вузов и числа обучающихся в них говорит о том, что образовательная политика не согласуется со стратегическими целями социально-экономического развития. В-третьих, введение общих для всех образовательных учреждений критериев оценки эффективности деятельности (среди которых есть и финансово-экономические критерии) ведет к искажению сути воспитания-образования, к дискриминации и снижению количества образовательных учреждений гуманитарного профиля. В-четвертых, сокращение количества аспирантов и докторантов пропорционально уменьшает численность персонала, занятого научными исследованиями, что неминуемо ведет к сокращению научного и инновационного потенциала государства. В-пятых, переход к двухуровневой системе образования «бакалавриат – магистратура» не достигает конечной цели вхождения в единое европейское образовательное пространство, но увеличивает трудности адаптации учебных программ под новую систему обучения, поскольку представления о предназначении магистратуры весьма различны (в Европе – это подготовка будущих аналитиков и/или научных сотрудников, в России это далеко не так), а кроме того вызывает отторжение российских работодателей, которые предпочитают «специалистов». В-шестых, рост количества обучаемых по заочной форме обучения (из-за недостатка средств на очное и увеличения желающих получить второе высшее образование) ведет к снижению качества образования у выпускников по конкретной специальности. В-седьмых, увеличение доли преподавателей, имеющих ученую степень, в негосударственных вузах обуславливает снижение их доли и качества образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Так, при увеличении количества негосударственных образовательных организаций в 2000–2013 годах на 3 % сокращение преподавательского состава в государственных (муниципальных) вузах в эти же годы составило 5 %.

⁶² Камашев С. В., Панарин В. И. Образование в условиях рынка // Философия образования. 2008. № 3 (24). С. 196–201.

В то же время, доля преподавательского состава, имеющего ученую степень, оказалась выше в частных образовательных организациях. Если в 2000 году в государственных (муниципальных) вузах было 57,8 % преподавателей с ученой степенью, в частных – 52,78 %, то в 2013 году – 68,53 % и 71,6 % соответственно. Таким образом, в государственных (муниципальных) вузах увеличение количества преподавателей с ученой степенью составило 10,73 %, а в частных – 18,82 %.

Вторая угроза образовательному пространству в сфере образования любого уровня, влияющая на национальную безопасность (и она отмечена в «Стратегии») – снижение престижа профессий преподавателя и инженера, уровня их социальной защищенности. Основная причина недостаточная материально-финансовая обеспеченность образовательных учреждений, которая, помимо отмеченной угрозы, порождает кадровый голод учебных заведений – недостаток опытных преподавателей, физическое и моральное устаревание материальной базы, увлечение руководителей учебных заведений коммерческой деятельностью, рост платного сегмента образования, распродажа (или сдача в аренду) материальной собственности.

В то время как в развитых странах Запада существуют тренды движения к бесплатному высшему образованию (Австрия, Германия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция и др.), в России господствует тренд увеличения доли платного образования. Степень коммерциализации образования достигла критического для безопасности образования и всего общества уровня: неформальные платежи и «подарки» родителей в школах, платные дополнительные занятия, коммерческое обучение студентов, увеличение доли студентов среднего профессионального образования, обучающихся за свой счет. Фактически разрушена бесплатная система учреждений дополнительного образования и обеспечения досуга детей по интересам, закрываются или перепрофилируются центры детского творчества. В нарушение законов, обучение в среднем звене государственных образовательных учреждениях по государственным образовательным стандартам оплачивается студентами. Каждый четвертый студент из принятых

в 2014–2015 учебном году в системе среднего профессионального образования учиться с полным возмещением затрат. И хотя произошел отказ от идеи резкого сокращения абсолютного числа бюджетных студентов, это не повлияло на тенденцию к относительному сокращению бюджетных мест.

Высокая доля платного образования «девальвирует» содержание статьи 43 Конституции Российской Федерации о бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных учреждениях⁶³, углубляет социальное неравенство среди детей и молодежи. Социальная несправедливость, порожденная в пореформенные 1990-е годы, продолжает утверждаться в образовательной системе и в новом столетии. Инициированное руководством реформирование (переход на 12-летнюю систему, введение ЕГЭ) и уход государства из образовательной сферы в части финансирования (доля госфинансирования в реальных расходах на образование в начале XXI века упала ниже отметки 50 %)⁶⁴ усилили процесс социального расслоения учеников и студентов и снизило доступность образования для малообеспеченных граждан.

Во многих учебных заведениях устаревшая до критического уровня материальная база не позволяет обучать технологиям современного производства на оборудовании, списанным еще в советское время. Несмотря на попытки обновления основных фондов вузов и ввод в действие новых, степень износа продолжает увеличиваться (рост на 10,5 % за период 2005–2012 гг.). В 2014 году более шести тысяч общеобразовательных организаций (13 % от общей численности) требовали капитального ремонта и 536 находились в аварийном состоянии⁶⁵. Низкая финансовая обеспеченность не позволяет своевременно обновлять материально-техническую базу учебных заведений, развивать образовательные технологии, расширять образовательное пространство, а порой даже оплачивать коммунальные услуги.

⁶³ Конституция Российской Федерации / Официальное издание. М. : Юрид. лит., 2014. С. 17.

⁶⁴ Независимая газета. 2001. 4 мая.

⁶⁵ Плотников Н. В. Национальная и экономическая безопасность высшего образования: вопросы теории и практики: моногр. СПб. : С–Петербург. ГЭУ, 2015. С. 24.

Несмотря на стремление поднять уровень заработной платы педагогов до уровня средней по региону данная задача выполнена не до конца. Но даже при ее выполнении оплата труда педагога не уравнивается с заработком инженерно-технических работников и, тем более, будет многократно ниже учительских зарплат в развитых странах, и по-прежнему не будет соответствовать его реальным трудовым затратам. Творческий труд преподавателя не поддается строгому учету: он четко не регламентирован и не укладывается в формальные рамки. К тому же сегодня зарплата зависит не от уровня образованности и характера труда специалиста, но больше от воли вышестоящего чиновника. Неадекватная оценка труда отразилась и на размере его оплаты: так профессор МГУ стал получать на уровне дворника, но не директора завода, как в недавнем прошлом.

Обеспокоенность педагогической и научной общественности вызывает и система подушевого финансирования, ведущая к сокращению малокомплектных школ и интеллектуальному «обезглавливанию», уничтожению перспектив развития сельских поселений. На наш взгляд, подушевое финансирование тормозит и достижение цели повышения качества образования, которое предполагает создание режима наибольшего благоприятствования инновационным учебным организациям любого вида и уровня (независимо от количества обучающихся).

Третьей угрозой, на наш взгляд, является *неоптимальность структуры и связей* между элементами образовательного пространства, то есть между системой образования и общественной средой, образованием и наукой, вузом и производством. Образовательная система таким образом сводится к совокупности образовательных учреждений, что не обеспечивает горизонтальную и вертикальную преемственность видов и ступеней образования.

С точки зрения вертикальных связей, оптимальное соотношение дошкольного, школьного и профессионального образования до сих пор

не найдено и не определено⁶⁶. Сокращение дошкольных учреждений, отсутствие свободных мест и должной кадровой обеспеченности, занятость родителей вопросами выживания не дают возможности большинству детей получить необходимый объем знаний для успешного перехода на школьную ступень образования. Столь же заметно отсутствие преемственности в подсистеме «школа – профессиональное образование». Объединительные тенденции в действиях министерства, переполненность классов, перегруженность учителя несвойственными ему функциями и целый ряд других причин снижают качество школьного образования. Школа в условиях отсутствия национальной идеи не справляется с задачами не только социализации, но и подготовки молодежи для поступления в лицеи, колледжи и, особенно, в высшие учебные заведения, несмотря на усилия активно развивающейся платной системы репетиторства.

В профессиональном образовании продолжают готовить по узким специальностям, не давая фундаментальных знаний и навыков их широкого практического применения. Вузовское образование отличается несогласованность программ бакалавриата, специалитета и магистратуры, особенно в частных вузах, где они реализуются в основном в заочной форме обучения. Не оптимизированы и горизонтальные связи между блоками образовательных программ, между традиционным и онлайн-образованием, когда информационное пространство не разделено между ступенями и блоками образования, а сложные вопросы предлагается усваивать без приобретения системы базовых знаний в данной дисциплине. До сих пор не до конца отлажены и внешние связи структуры и содержания российского образования с европейским образовательным пространством в рамках Болонского процесса.

На всех уровнях образования ослаблены горизонтальные связи с сопутствующими сферами общественной жизни, особенно с культурой и производством. Ценности культуры транслируются в основном через СМИ, что приносит образованию порой больше вреда, чем пользы. Особую опасность

⁶⁶ По данным на 2015 год, в вузах обучалось почти в два раза больше студентов, чем во всей системе начального и среднего профессионального образования.

представляет слабая взаимосвязь всех уровней профессионального образования с экономикой, производством, наукой, потребностями общества, несоответствие специализации в профессиональном образовании с потребностями рынка труда и отсутствие представителей бизнеса в органах управления учебных заведений. Образовательные программы даже в государственных вузах не всегда отвечают потребностям российской экономики и, в большинстве своем, не соответствуют возросшим требованиям современного производства. Результаты опроса Центра мониторинга человеческих ресурсов при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ свидетельствуют о том, что большинству компаний приходится создавать собственные корпоративные университеты для переподготовки пришедших к ним специалистов из профессиональных учебных заведений. По разным данным, бизнес тратит сегодня на переобучение вчерашних выпускников 500 млрд рублей – вдвое больше, чем все расходы федерального бюджета на высшее образование⁶⁷. Сегодня, в соответствии с законом об образовании, сами университеты могут создавать факультеты, на которых вместе с работодателями будет организовано практическое обучение.

Не до конца оптимизированы и вертикально-горизонтальные связи между общенациональным (федеральным) и региональными образовательными пространствами, особенно в системе управления ими, что создает угрозу разрушения единого образовательного пространства. Реализация единых федеральных стандартов обучения и единых требований в оценке его результатов на всей территории России (в соответствии с законом об образовании) находится под вопросом. Происходят существенные изменения экономической, демографической и этнокультурной ситуации в регионах, усиливаются различия в содержании информационных полей СМИ, интернета и их взаимодействия в учебном процессе и в сознании образовательных субъектов. Внедрение инклюзивного образования, наличие индивидуальных траекторий обучения для

⁶⁷ Проблема образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=564563> (дата обращения 12.01.2016)

особых групп (инвалиды и др.), расширение вариативности программ (которые отданы на усмотрение учителя), разночтение переведенных на национальные языки учебников и их электронных версий делают внедрение единых требований и стандартов труднодостижимым. Единый государственный экзамен также не может сгладить остроту проблемы, поскольку тестирует лишь элементарную (не функциональную) грамотность, не может выявлять гражданскую идентичность, мировоззренческие устои и нравственные ценности выпускника школы. В результате, все больше увеличиваются различия федеральных и региональных компонентов в стандартах обучения, особенно в части изучения гуманитарных дисциплин, ослабляется единство общенационального образовательного пространства.

К четвертой из системных угроз образовательному пространству следует отнести *неадекватность управления* развитием образовательной системы. Во-первых, оставляет желать лучшего согласованность управленческих уровней принятия решений в образовании. В условиях повышения роли регионального образования необходимое количество специалистов того или иного профиля продолжает определяться центральными органами управления. Кроме того, обеспечение начального и среднего образования возложено на бюджеты регионов и муниципальных образований, что в условиях неравномерности развития регионов и без увеличения федеральных трансфертов обуславливает существенные различия финансирования региональных учебных заведений (от 31 до 164 тыс. р. на одного учащегося) и состояния их материальной базы⁶⁸.

Во-вторых, падение престижа профессиональных училищ и безудержный рост массового спроса на высшее образование, стремление к получению «любого» диплома о высшем образовании обусловили рост «дипломированной безработицы». До недавнего времени предпочтение отдавалось подготовке юристов, экономистов и менеджеров, управленцев, оказавшихся невостребованных в таком количестве. На юридических факультетах учатся

⁶⁸ Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Январь 2014. Основные выводы и рекомендации. С. 43–46. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/eo/surveys/Overview_RUSSIA_Rus_2013.pdf (дата обращения 12.08.2015)

в 8 раз больше студентов, чем на физико-математических отделениях или на факультетах, изучающих информационные технологии. Само по себе насыщение социума грамотными юристами – скорее благо, чем зло. Но несбалансированность рынка труда и образования является отрицательным фактором как для развития общества (нехватка специалистов, востребованных обществом и экономикой), так и для безопасности образовательного пространства, в котором формируется неадекватная потребностям образовательная система. По этой причине более половины специалистов с высшим образованием работают не по специальности или применяют полученные в России знания за рубежом. По официальной статистике, в 2014 году по состоянию на 1 октября направления на работу получили 149 тыс. специалистов (44 %), окончивших на бюджетной основе очные отделения государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования⁶⁹. В целом, при высокой совокупной доле учащихся среди занятого населения обнаруживается дефицит предложения квалифицированной рабочей силы, востребованной на рынке труда.

В-третьих, наполнение образовательного пространства откровенно плохими, но дорогостоящими для потребителей образовательных услуг вузами и их филиалами, занятыми зарабатыванием денежных средств, стимулировали коррупцию в образовательной сфере, блокировали вертикальную мобильность детей из бедных семей, привели к общему снижению качества высшего образования. Такое состояние системы вызвало запоздалое, но в целом оправданное стремление Рособнадзора провести тотальную проверку вузов и их филиалов на предмет их профессиональной пригодности (состояние материально-технической базы, библиотек, качество преподавателей, забота о студентах и др.). По итогам мониторинга, число вузов в 2013 году сократилось на 52 частных вуза и 134 их филиалов, а также на 150 филиалов государственных вузов. В 2014 году 33 образовательные организации отзывали свои заявления на государственную аккредитацию (убеждены, что не смогут устранить недостатки), а 49 вузам

⁶⁹ Россия в цифрах. 2015. С. 138–153.

и филиалам было отказано в аккредитации отдельных образовательных программ. В 2015 году планировалось провести еще более 1 тысячи проверок⁷⁰.

В-четвертых, зачисление на бюджетные места в вузах определяется исключительно школьной успеваемостью и результатами ЕГЭ, что дает преимущества абитуриентам из городских и элитных школ (лицеев, гимназий), а также из более обеспеченных семей. Тем самым, общедоступное демократическое образование постепенно, но уверенно переходит к элитарной, селективной модели, углубляющей социальную дифференциацию общества. Депутат Госдумы Ф. Зиятдинова сообщала, что из элитных гимназий, лицеев и спецшкол в престижные вузы поступает 85,2 % выпускников, тогда как доля выпускников из массовых школ составляет всего 6,5 %⁷¹. Как показала практика, введение ЕГЭ не только способствовало снижению качества образования (потому и было вновь введено сочинение по литературе, устный экзамен по иностранному языку и др.), но и не справлялось с задачей увеличения доступности образования – по причине малой доступности элитного образования, невозможности использования репетиторства для бедных семей и наличия существенных различий в качестве обучения в столице, крупных городах и на периферии.

В-пятых, введение и упорное отстаивание ЕГЭ (и другие управленческие решения) не достигли цели снижения коррумпированности образовательной сферы. Сегодня по-прежнему продолжаются денежные поборы с родителей обучающихся и хищения бюджетных средств, продажа фальшивых дипломов и взяточничество. Согласно результатам «Ежегодного барометра коррупции Transparency International–Россия», больше, чем в системе образования «покушаются на карман россиян» лишь в правоохранительных органах. По данным исследователей Высшей школы экономики и Фонда «Общественное мнение», в 2007 году российские родители истратили на зачисление своих детей

⁷⁰ Интервью газете «Известия» руководителя Рособнадзора Сергея Кравцова [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&date=&sid=32260&ntype=nuke (дата обращения 15.04.2016)

⁷¹ Там же: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&date=&sid=32260&ntype=nuke (дата обращения 15.04.2016)

в вузы почти 520 долларов, из которых четверть были собраны в Москве⁷². С тех пор приняты правоохранительные и разъяснительные меры, проведены конференции и «круглые столы» с целью формирования у всех субъектов образования правовых знаний в области противодействия коррупции и антикоррупционных стандартов поведения, но отлаженный механизм взяточничества за поступление в вуз и поборов за курсовые и сессии продолжает исправно функционировать. Коррупция приобрела системный характер, стала повсеместной, превратилась в инструмент обогащения и жизненную мотивацию преподавателей и чиновников в системе образования.

Подготовка высококвалифицированных управленческих кадров в образовательной системе, возрождение и усиление воспитательной функции в системе образования призваны не только усилить процессы социализации обучаемых и самоорганизации общества, но и преодолеть недостатки в управлении образованием.

Четвертой, и самой основной системной угрозой безопасности образовательного пространства (она также выделена в «Стратегии»), выступает *низкое качество общего и профессионального образования*, которое хотя и имеет тенденцию к улучшению, но достаточно слабую. По данным ЮНЕСКО, Россия в 1995 году по качеству образования занимала 13-е место в последней, третьей группе слаборазвитых государств. Сегодня, согласно рейтингу аналитического отдела британского журнала «Economist», Россия вошла в двадцатку стран с лучшими системами образования⁷³.

От качества образования зависит уровень рентабельности инвестиций в его развитие – насколько повышается производительность труда, вклад образованного человека в развитие общества. Во всех постиндустриальных странах наблюдается устойчивый рост доли работников с высшим образованием в общем количестве занятого населения. В России спрос населения

⁷² Морарь Н. Коррупция в вузах: \$618 млн. и – никаких проблем? // The New Times. 2008. № 22. С. 15–16.

⁷³ Реформа образования в России (1991–1999) [Электронный ресурс]. URL: <http://newsruss.ru> (дата обращения 07.11.2015); Почему Россия заняла 20-е место в мире по уровню образования [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1081981/> (дата обращения 12.01.2016)

на образовательные услуги также достаточно высокий, наравне с другими развитыми государствами. За последние 15 лет выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием на рынок труда возрос почти в два раза (193 %) ⁷⁴, значительно увеличилась их численность среди занятого населения. Однако к состоянию образования как символу авторитета России в мире россияне по-прежнему относятся скептически. Так, по результатам социологического опроса населения, проведенного в 2011 году, образование в числе факторов национального престижа в мире назвали лишь 2 % опрошенных (остальные упомянули богатство природных ресурсов – 29 %, военную мощь – 22 %, большую территорию – 11 % и др.).

В то же время, общими символами, которыми страна должна вызывать уважение других государств, названы высокий уровень благосостояния (80 %), военная мощь (22 %), высокий уровень развития науки и техники (13 %), высокоразвитая культура (10 %), соблюдение прав человека (9 %) и только затем идут природные ресурсы и др. ⁷⁵ Такие результаты, хотя и косвенно, показывают реальное состояние образования и оценку его качества населением, определяют его место в шкале ценностей.

Изучение опыта передовых государств показывает, что основным фактором развития образования и обеспечения его высокого качества является размер вклада государства и общества в развитие человеческого капитала, то есть в образование. Обнаруживается закономерность: чем выше затраты на образование, инвестиции в образовательные технологии и воспроизводство профессоров и преподавателей, тем выше уровень развития и качество образования.

Среди критериев оценки качества работы образовательного учреждения – состояние материальной базы учреждения, качество преподавательского состава, соответствие ФГОС и отечественным традициям образования, учет специфики региона, содержание и степень актуализации учебных программ и планов, их соответствие потребностям рынка труда, уровень заботы об учащих и др.

⁷⁴ Россия в цифрах. 2015. С. 138–153.

⁷⁵ Леонидова Г. В. Образование: вчера, сегодня, завтра // Проблемы развития территории. 2013. № 5 (67). С. 7–15.

Однако, некоторые используемые до сих пор критерии искажают реальную картину эффективности учреждения, приводят порой к сокращению добротных или социально необходимых (например, для инвалидов) учебных учреждений. К таковым критериям прежде всего можно отнести оценку учреждения по количеству иностранных студентов или среднего балла ЕГЭ, по используемой площади на обучаемого или количеству денежных средств на преподавателя и другие.

Особое недовольство у образовательного сообщества вызывает *абсолютизация финансово-экономических критериев* деятельности образовательного учреждения, оценка эффективности функционирования духовной сферы на основе экономических законов. Качество знаний обучающихся как основной индикатор качества образования при данной образовательной политике зависит не от экономической прибыли образовательного учреждения, но от качества преподавателей (преподавания) и учебников, сбалансированности связей элементов системы образовательного учреждения, набора учебных предметов, стандартов и программ обучения, использования медиасредств и передовых технологий и затраченного на обучение времени. Время, затраченное на образование, дает человеку приращение знаний и навыков и, как следствие, проявляется в качестве труда, индексируется увеличением заработной платы. В России, как и в мире, обнаруживается устойчивая тенденция роста времени, затраченного на образование каждым работающим (В 1917 г. – 1 год обучения; в 1941 г. – 4 года; в 1960 г. – 6 лет; в 1990 г. – 10,5 лет; сегодня, по данным Департамента ОЭСР по образованию, на получение образования в возрасте от 5 до 39 лет уходит в среднем 16 лет (по ОЭСР, 17,7 года)⁷⁶.

Время – самый ценный, невозобновляемый ресурс, поэтому недопустимо тратить его на обучение сомнительного качества. Показательно, что каждый дополнительный год образования в России, при прочих равных условиях,

⁷⁶ Ваш индекс лучшей жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/russian-federation-ru/> (дата обращения 04.02.2016)

приводит к увеличению зарплаты лишь на 4–5 % – в два раза меньше, чем в развитых странах⁷⁷. В этом косвенно проявляются качественные показатели образования и закономерность, согласно которой темпы прироста уровня грамотности, «образованности» человека значительно отстают от темпов роста затраченного на их приобретение времени. Порой другие социальные факторы или смена критериев оценки «образованности» разрушают эти закономерные связи или кардинально перестраивают их. Многолетние исследования, проведенные в США известным культурологом Е. Хиршем, показали, что средний уровень грамотности американцев в начале XX века был выше, чем в конце XX века (когда время на обучение значительно выросло). Каждый четвертый школьник плохо говорит по-английски, не понимает, о чем говорят в классе. Каждый седьмой американец в возрасте 18–24 лет не может найти на карте свою страну, каждый четвертый – Тихий океан, а каждый пятый не может назвать ни одной страны Европы⁷⁸.

Есть подобные примеры уровня образованности и в России. Результаты «Тотального диктанта–2015», оглашенные 22 апреля 2016 года, показали всеобщую безграмотность нашего общества (по крайней мере, в части знания русского языка). Лишь 1 % участников написал диктант на «пятерку», а более 70 % сделали ошибку в слове «вполуха». По свидетельству О. Смолина, в диктанте на журналистском факультете МГУ подавляющее большинство сделали по 18 и более ошибок на страницу текста⁷⁹.

Эти факты подтверждают закономерность: конечным результатом высокого качества образования, всего обучения человека должно быть не количество знаний, но степень их усвоения, понимания, соответствие требованиям времени и умение самостоятельно добывать информацию, применять знания на практике. По данным международных исследований по основному показателю качества

⁷⁷ Гуриев С. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М. : Альпина Бизнес Букс. 2011. С. 175–176.

⁷⁸ Арин О. Проблемы образования в России или иллюзия бурной деятельности (ИБД) [Электронный ресурс]. URL: http://olegarin.com/olegarin/Problemy_obrazovania_v_Rossii.html (дата обращения 15.06.2015)

⁷⁹ Депутат Госдумы рассказал РИА «Омск-Информ» о причинах тотальной безграмотности – в обществе, политике и даже в сфере образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omskinform.ru/news/80004> (дата обращения 18.10.2015)

образования – уровню грамотности, компетенций (умение понимать и использовать письменные тексты в труде и общественной жизни) Россия занимает 29-е место среди 34 стран ОЭСР. Россия является единственной в ОЭСР страной, в которой средний уровень грамотности взрослых с третичным образованием (среднее профессиональное и высшее) оценивается ниже 280 баллов и отличается от грамотности лиц, не имеющих полного среднего образования всего на 30 пунктов (в странах ОЭСР, участвовавших в обследовании – на 60 баллов)⁸⁰. Конечно, любой сравнительный анализ в области образования предполагает учет исторических традиций и менталитета, иначе он теряет смысл. Однако, помимо всего прочего, это говорит о слабом «приращении» знаний и навыков по мере движения к верхним ступеням в иерархии российской образовательной системы.

Приведенные выше данные о деятельности Рособнадзора подтверждают данные показатели: только пятая часть из проверенных образовательных учреждений выполняет лицензионные требования в полном объеме и обеспечивает необходимое качество образования. Такое состояние не в последнюю очередь обусловлено качествами субъектов образовательного процесса. Обучаемые в каждой ступени образования зачастую приходят немотивированными на приобретение знаний, не подготовленные к восприятию более сложного материала, не говоря уже о тенденции к ухудшению физического здоровья. Исследование, проведенное в 2014 году, показало, что в вуз за знаниями приходит только 15–20 % студентов, остальные – за дипломом о высшем образовании⁸¹.

Недостаточная социальная защищенность и низкая заработная плата педагогов в учебных заведениях порождает тенденцию к снижению кадрового потенциала образования. В системе образования задерживаются в основном преподаватели, не имеющие профессионального педагогического образования,

⁸⁰ Ежегодный доклад «Обзор образование: индикаторы ОЭСР» [Электронный ресурс]. URL: <http://oecd.ru/zip/Russian-Federation-EAG2014-Country-Note-russian.pdf> (дата обращения 29.11.2015)

⁸¹ Мордвинцева Н. В., Михеева Н. Н., Резник И. А. Проблемы современной системы образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.osu.ru/handle/123456789/764> (дата обращения 11.02.2015)

не занимающиеся научной работой или не соответствующие профилю учебных программ, для которых педагогическая работа – не более чем заработок. С февраля 2015 года и этот заработок перестали выдавать своевременно: в образовании и здравоохранении был зафиксирован рост задолженности по зарплате на 46 %. Невыплата зарплат вызвала почти забытое явление – забастовку учителей Забайкальского края, которым более месяца не выплачивали аванс и средняя зарплата которых составляет 29 тыс. р. В 2014 году снижение покупательной возможности учителей на 15,4 % привело к снижению их жизненного уровня и массовый переход в ту часть населения, которая проживает за чертой бедности⁸².

На низкое состояние качества образования существенное воздействие оказывают *попытки радикальной трансформации национального менталитета, забвения воспитательной функции образования, игнорирование или принижение отечественных образовательных традиций и неоправданная, бездумная ориентация на западные модели, уровни и стандарты образования*. При этом содержание и технологии образования все больше отстают от требований экономического, социального и духовного развития общества. В условиях отсутствия национальной идеи в образовательной системе начинает господствовать технократическая идеология, идеализация «профессионального кретинизма» (Э. Ильенков). За идеал принимается цель не всестороннего развития личности, способности осваивать любые конкретные профессии и трудиться во благо общества, но развитие узкоспециализированных способностей, подготовки «частичного» человека, своего рода средства для функционирования машинного производства или «человека потребляющего». Проблему усиливают *низкое качество и высокая вариативность учебников*, недостаточная обеспеченность ряда школ учебной литературой по предметам базисного учебного плана (особенно на языках народов России в регионах).

Все выявленные и рассмотренные нами внутрисистемные угрозы образовательного пространства проявляются в приведенных количественных

⁸² За чертой бедности. Аргументы и факты. 2015. № 13. С. 18.

и качественных характеристиках образовательного пространства и его безопасности. Во-первых, это некоторые количественные характеристики, связанные с резким сокращением количества школ и дошкольных учреждений, сокращением числа учреждений профессионального образования первичного звена, увеличением количества частных вузов и их филиалов. Во-вторых, качественные показатели современного состояния образовательной системы, среди которых основными являются недостаточная материально-финансовая обеспеченность образовательных учреждений, отсутствие оптимальных связей между элементами образовательного пространства, между системой образования и средой, низкое качество образования и высокий уровень коррупции.

Помимо рассмотренных здесь объективных причин порождения рисков и угроз для образования, существенную роль играют причины субъективные. Создание, допущение или провоцирование опасностей и угроз для образовательного пространства и его подсистем обусловлено прежде всего, человеческим фактором. Основная беда состоит в несогласовании управленческих решений с научными обоснованиями новых парадигм развития общества и его образовательной системы. Сколько ни говорилось о значении человеческого капитала, неприемлемости ряда западных образовательных стандартов и ценностей, предлагаемых Д. Соросом учебников, искажающих историю и др. – рекомендации так и остаются не услышанными, нереализованными в образовательных и общественных реформах. Тенденции реформирования образования позволяют утверждать, что оно до сих пор не освободилось от внешнего управления.

Между тем, специфика образовательной сферы заключается в значительной консервативности и инерционности ее развития. Поэтому образовательная система зачастую не успевает реагировать на социальные изменения. С другой стороны, реализация недостаточно выверенных политических решений в развитии образования (недофинансирование, забвение воспитательной функции, снижение качества, коррупция) или в реформировании образования (внедрение нетрадиционных моделей, западных технологий и стандартов) обретает свойство

необратимости. Это обстоятельство закономерно вызывает регрессивные изменения в обществе и обеспечении его безопасности задолго до осознания и исправления ошибок воплощенных решений. Такая взаимосвязь определяет высокую цену ошибок и заблуждений в реформировании образования как для национальной безопасности (вплоть до потери независимости и суверенитета), так и для безопасности образовательного пространства (вплоть до деградации и разрушения образовательной системы общества) и настоятельно требует существенной ротации управленческой элиты в образовательной сфере. Необходимы такие социальные и образовательные реформы, которые способны повысить качество российского образования до лучших международных стандартов, сохранив российские образовательные традиции и достижения.

Итак, безопасность образовательного пространства может успешно функционировать и адекватно исследоваться только в единстве с национальной безопасностью России. Высокая степень безопасности российского образовательного пространства служит важнейшим фактором обеспечения безопасности общества, необходимым условием успешной реализации функций образования по сохранению и передаче культурной самобытности народа, обеспечению духовной интеграции, единства и гармонии интересов всех социальных групп российского общества. Такая роль безопасности образовательного пространства в обществе требует ее выделения в качестве ключевой сферы национальной безопасности как необходимого условия эффективного теоретического и прикладного взаимодействия данных комплементарных областей социальной реальности.

Безопасность образовательного пространства определяется наличием и сущностью существующих угроз, состоянием национальной безопасности, материальными и духовными возможностями общества по обеспечению устойчивого развития и защиты образования, культурной и образовательной политикой государства, реальным состоянием культурного пространства общества и самой образовательной системы. Высокая степень безопасности российского образовательного пространства служит важнейшим фактором

обеспечения безопасности общества, необходимым условием успешной реализации функций образования по сохранению и передаче культурной самобытности народа, обеспечению духовной интеграции, единства и гармонии интересов всех социальных групп российского общества.

Наиболее важной проблемой для достижения достаточного уровня безопасности образовательного пространства является обеспечение доступности и высокого качества образования, преодоление его прагматической ориентации, гуманизация и гуманитаризация образования, его ориентация на формирование высоких нравственных ценностей, на всестороннее развитие личности, на восприятие позитивных элементов российской культуры. Тренды перехода от подготовки человека экономического и социально-производственного к подготовке человека социально-духовного, от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение всей жизни» являются адекватными ответами на вызовы времени.

Выводы

Образование является важнейшей, атрибутивной подсистемой общества и его социально-культурной сферы. Образование определяет статус человека в обществе и общества в мире. Уровень образованности общества является определяющим фактором прогрессивного развития и сохранения суверенитета России, обеспечения как национальной, так и международной безопасности. Система образования является основным элементом российского образовательного пространства, сложным комплексом, включающим 92 912 учебных заведений, 28 млн 785 тыс. учащихся, и 299 700 преподавателей⁸³.

На каждом уровне системы образования, в каждой подсистеме образовательного пространства имеются серьезные проблемы, устранение которых требует кардинальной перестройки работы всех субъектов образования, принятия и воплощения стратегических решений в образовательной сфере. Необходимо значительное снижение существующих угроз, основные из которых нами установлены: снижение престижа профессий преподавателя и инженера,

⁸³ Россия в цифрах. 2015. С. 138–153.

уровня их социальной защищенности, снижение качества общего и профессионального образования, неоптимальность структуры и слабость связей элементов образовательного пространства.

Для обеспечения высокого качества образования, обеспечения его устойчивого и безопасного развития требуются такие образовательные реформы, которые способны обеспечить образовательные учреждения и субъекты образования всем необходимым для продуктивной работы по повышению качества российского образования. Нужны современные, обученные и материально обеспеченные учителя, мотивированная на обучение молодежь, высокий уровень развития материальной базы, информационного и учебно-методического обеспечения учебного процесса, отлаженные внутренние и внешние связи элементов образовательного пространства и его субпространств.

Образование рассматривается в пространственно-временных координатах и комплексно: как род деятельности, социальный институт, процесс передачи и приобретения знаний и ценностей, движитель производства, науки и общества, источник оптимизации внутринациональных и междивилизационных отношений. *Пространственно-временной подход* позволяет изучать образование в единстве процессуально-деятельностного, аксиологического и творческого компонентов в деятельности субъектов образования, выявлять основные его тренды. Сложная система образовательных структур органически включена в культурное пространство общества и взаимодействует с сопутствующими сферами (структурами) общества и мировой образовательной системой. Образование реально функционирует в единстве с духовной культурой и изменяется наряду со сменой социокультурных или образовательных парадигм посредством образовательных реформ. Вне духовной культуры немислим адекватный анализ образования, его мультикультурных свойств.

На основе принципов диалектического метода и системного подхода осуществлен философский анализ понятия «*безопасность образовательного пространства*» в единстве и в рамках национальной безопасности, установлена взаимозависимость безопасности образовательного пространства с национальной

безопасностью. Использование избранного инструментария позволило определить основной вектор исследования, направленный непосредственно на образовательную систему, на обоснование ликвидации дефицита собственных сил, средств и знаний для обеспечения адекватной и достаточной реакции на реальные или прогнозируемые угрозы.

Рассмотрение структуры возможных рисков и угроз, субъектов и объектов обеспечения безопасности образовательного пространства не оставляет сомнений в том, что она не существует вне и независимо от безопасности основных сфер жизни общества, от национальной безопасности в целом. Философская концепция безопасности образовательного пространства определяет, что безопасность достигается тогда, когда образование функционирует в безопасном обществе, удовлетворяет все основные социальные потребности, соответствует интересам и ожиданиям людей.

Высокая степень безопасности российского образовательного пространства является важным фактором обеспечения национальной безопасности, основным условием успешной реализации функций образования по сохранению и передаче культурной самобытности народа, обеспечению духовной интеграции, единства и гармонии интересов всех социальных групп российского общества. Сама сущность безопасности образовательного пространства требует ее выделения в качестве ключевой сферы национальной безопасности как необходимого условия эффективного теоретического и прикладного взаимодействия данных комплементарных областей социальной реальности. Необходимо формирование превентивной стратегии управления системой обеспечения безопасности образовательного пространства, наряду с созданием специальных органов управления – как на государственном, так и на региональном уровнях. Основная задача органов управления – обеспечение защиты образования от реальных угроз, минимизация их воздействия и недопущение снижения уровня безопасности образовательного пространства до критического.

Глава 2. БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Экономическая обусловленность безопасности образовательного пространства в условиях рыночных отношений

Основной задачей данного параграфа является анализ взаимозависимости безопасности образовательного пространства России и состояния российской экономики, динамики ее развития.

Образовательное пространство как часть социального пространства взаимосвязано с его подсистемами: экономической, социально-политической, культурной, технологической, информационной. Существенные структурные и функциональные сдвиги в подсистемах социума закономерно влекут изменения в образовании, способствуют развитию образовательной системы (или тормозят ее), укрепляют безопасность образования или, напротив, увеличивают риски и угрозы в его функционировании.

Определяющей подсистемой социума является экономическая сфера общества, которая создает материально-финансовые условия функционирования образования. В экономической сфере образуются и основные риски образования, обусловленные состоянием экономики. Российская и международная практика показывает, что объемы финансирования, материального обеспечения образования при заданном качестве образовательной политики во многом коррелируют с состоянием экономики. Если экономика находится на подъеме, то и финансирование образования при адекватной политике увеличивается, и наоборот. В настоящее время в мировой экономике господствуют финансово-олигархические силы, выносящие на глобальный уровень самые крайние формы индивидуального и группового эгоизма. К тому же глобализация крайне обостряет конкуренцию на мировом рынке, придавая ей все более бескомпромиссный и жесткий характер. В результате формируются новые вызовы мировому сообществу, порождающие у многих его участников острую

неудовлетворенность своим положением в нем и требование создания более приемлемой для них социально-экономической и политико-правовой инфраструктуры – с тем, чтобы учитывать интересы всех участников международной деятельности.

Экономическая обусловленность образовательного пространства требует глубокой научной рефлексии закономерностей взаимосвязи экономики и образования, обоснования способов управления экономическими рисками в образовательном пространстве. Современная российская экономическая наука не в состоянии глубоко объяснить взаимосвязи экономики и образования, поскольку переход экономики на неоклассические позиции исключил человека из системы экономических отношений. Предмет этой науки ограничился рынком и факторами движения произведенных товаров. Неадекватная методология затормозила развитие науки, обусловила ее неспособность объяснить кризисные явления в обществе, свела ее достижения к ретрансляции западных идей, превратила в «продуктовую онтологию», не связанную с антропологической онтологией. Поэтому вопросы экономической обусловленности образования и обеспечения его экономической безопасности, путей формирования человеческого капитала в российской науке более успешно разрабатываются в основном в рамках различных ответвлений прикладной экономики⁸⁴.

Важно, что в ряде работ делаются попытки определения понятия экономической безопасности образования. Так, В. Водянова определяет

⁸⁴ Аналитическая записка по вопросу «О нормативно-подушевом финансировании имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://urlid.ru/c8ep> (дата обращения 03.04.2016); Астафьева Н. В. Нормативное бюджетное финансирование как фактор инновационных изменений регионального образования // Народное образование. 2006. № 10. С. 106–113; Батова В. Н. Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений высшего профессионального образования в новых условиях финансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 24. С. 36–50; Васюнина М. Л. О нормативах бюджетного финансирования высшего образования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 7 (241). С. 13–20; Она же. Результативность расходов бюджета на оказание образовательных услуг: методологические подходы к оценке // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 10. С. 26–31; Индекс человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705> (дата обращения 24.03.2016); Кирсанов К. А. Экономическая безопасность образования и образовательных учреждений: проблемы периодизации // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 2. С. 65–79; Майбуров И. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4. С. 3–13; Сергеев В. Влияние экономики на систему образования России [Электронный ресурс]. URL: <http://8i1.com/good/914/> (дата обращения 05.09.2015); Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. 2014. № 5. С. 97–108; Чернова В. В. Экономическая безопасность системы образования как фактор устойчивого развития регионов : дис. ... канд. экон. наук. Ярославль, 2003. 189 с.

экономическую безопасность образовательного учреждения как «...функционирование экономической системы вуза в рамках действующего законодательства, обеспечивающее его независимость, целостность и устойчивое развитие как социально-рыночной системы, а также его защищенность от действия внешних и внутренних угроз»⁸⁵. В других работах раскрывается сложность системы финансирования образования и его механизм. Каждый вуз (их более 300), в зависимости от типа (университет или институт), статуса (федеральный или исследовательский), направлений подготовки и специальностей (их более 600), видов дополнительных образовательных услуг и территориального места расположения, имеет разные затраты на обучение одного студента, которые различаются порой в 4–5 раз. Значительное внимание российских ученых уделяется исследованию структуры человеческого капитала по его формам. Выделяются живой капитал (знания, навыки и здоровье человека), институционально-структурный капитал (сеть менеджмента, воплощающая знания в патенты, лицензии) и неживой капитал (знания, воплощенные в материальные формы)⁸⁶.

Исходя из вышеизложенных экономических постулатов, с позиций социальной философии и в аспекте проблем безопасности российского образования мы считаем необходимым:

– во-первых, исследовать основные экономические факторы, направления воздействия экономики на состояние образования и возникновение экономических рисков;

– во-вторых, определить современное состояние российской экономики по основным показателям, в том числе по выполнению социальных программ и материально-финансовому обеспечению образовательной системы, рассмотреть сущность человеческого капитала и его влияние на экономику;

⁸⁵ Водянова В. В. Экономическая безопасность. Системное представление. М. : ГУУ, 2010. С. 35.

⁸⁶ Батова В. Н. Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений высшего профессионального образования в новых условиях финансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 24. С. 36–50.

– в-третьих, выявить допустимые пороговые значения различных показателей экономического развития, обуславливающие дефицит выделяемых на образование ресурсов, а следовательно, продуцирующие угрозы для развития и безопасности образования;

– в-четвертых, определить основные внешние и внутренние риски в образовании, вызванные состоянием экономики, выявить пути их нейтрализации средствами образовательной политики государства и возможностями образовательных учреждений;

– в-пятых, обосновать опасность экономического детерминизма в перманентном реформировании образования и во всей образовательной сфере. Экстраполяция рыночных экономических законов в духовно-интеллектуальную образовательную сферу принижает атрибутивную роль образования в обществе, искажает истинные цели образования, уничтожает главную, духовно-интеллектуальную сторону обучения и воспитания цельного человека. Такой подход влечет ошибки в целеполагании реформирования, способствует формированию «усеченного» индивида как элемента рыночной экономики (за счет недооценки мировоззренческо-воспитательной функции образования, превращения образования в «сферу услуг», нарастания коммерциализации обучения, девальвации воспитания, оценки эффективности образовательных учреждений по экономическим показателям и пр.).

Российская экономика воздействует на состояние и безопасность образовательного пространства (от образовательной системы до отдельного учреждения и субъекта образования) как минимум по пяти направлениям. Во-первых, посредством материального обеспечения развития культурного пространства общества, интеллектуально-духовной среды, взаимодействия с мировым образовательным пространством. Во-вторых, благодаря созданию условий востребованности высококвалифицированных кадров (развитие инновационной экономики, создание высокотехнологичных и наукоемких отраслей производства). В-третьих, через строительство и реконструкцию объектов образовательной системы, материально-техническое и информационное

оснащение образовательных учреждений и учебно-воспитательного процесса. В-четвертых, через обеспечение квалификационного роста научно-педагогических кадров, социальную защищенность субъектов образования, всех работников учебных заведений, достойную оплату трудовой и учебной деятельности. В-пятых, благодаря выделению достаточных средств на разработку образовательно-воспитательных технологий, развитие и постоянное обновление научного и информационного фонда общества, фундаментальных и прикладных исследований в образовательной системе.

Основными факторами, влияющими на безопасность образования в экономической сфере, на наш взгляд, являются, во-первых, общее состояние российской экономики, динамика ее развития; во-вторых, состояние структуры экономики и формирования инновационного рынка труда; в-третьих – качество государственной политики в развитии человеческого капитала. Обратимся к первому фактору и проследим общее состояние российской экономики, динамику ее развития и возможности по материально-финансовому обеспечению безопасности образовательного пространства (в качестве точки отсчета – примем 2000 год).

Экономические риски и угрозы для образования при заданной образовательной политике зависят, прежде всего, от *состояния и темпов роста российской экономики*, которые активно обсуждаются на страницах печати учеными⁸⁷. Среди представителей научного сообщества существует консенсус в оценочных взглядах на реформы 1990-х годов. Отмечается некорректность сравнений современной динамики российской экономики с ситуацией, характерной для середины 1990-х годов. Неолиберальные реформы привели к разграблению природных богатств (народных), полному развалу экономики, ее внутренних и внешних связей. Основные причины – неверно выбранная стратегия

⁸⁷ Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 11–14.; Герасимов А. Н., Левченко С. А. Проблемы функционирования и развития региональных социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2. С. 27–31; Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов: науч. докл. / РАН. М. : НИР, 2007. 134 с.; Модернизация России: ключевые проблемы и решения. М. : ИНИОН РАН, 2014; Россия: тенденции и перспективы развития / РАН, ИНИОН; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. Вып. 9. Ч. 1. М., 2014. 682 с.

реформ, их проведение с оглядкой на Запад, без учета российских особенностей и в полном отрыве от социокультурной трансформации общества, со слепой верой в силу рыночных регуляторов. Экономисты и руководители либерального крыла до сих пор выступают против государственного регулирования рынка, полагая, что произойдет самопроизвольный отказ от ориентации на ненасытное потребление. Однако, по справедливому замечанию П. Козловски, «...рынки, если им позволить нормально работать, очень хорошо достигают поставленных перед ними целей, но эти цели далеки от общего предназначения человека...»⁸⁸. Только в новом столетии государство начало оказывать некоторое влияние на рыночные механизмы. Однако до сего дня отечественные либеральные экономисты настойчиво продолжают делать ставку на положения американской экономической теории, изложенной в «Экономикс», которые служат руководством в экономической политике и внедряются в посредством образования в сознание молодежи в вузах.

На рубеже веков, в связи с позитивными изменениями экономической политики, структурными реформами и ростом нефтяных доходов начался ежегодный рост ВВП в среднем на 7 % (за исключением кризисного 2009 года). Это привело к удвоению реальных доходов населения, увеличению иностранных инвестиций, резкому снижению оттока капитала и ликвидации огромной финансовой задолженности России из 1990-х годов. Россия по международным рейтингам вошла в этот период в группу стран с высоким уровнем развития человеческого капитала и в семерку экономически сильнейших стран мира. Продажи Рособоронэкспорта за рубеж (8,7 млрд долларов) выросли по доле на мировом рынке вооружений с 2001 по 2010 год в 10 раз и уступали только США. С 2007 года предпринимаются некоторые попытки создания высокотехнологичного производства, успешно развивается оборонно-промышленный комплекс. Но доля вложений в НИОКР, в развитие менее прибыльного, несырьевого сектора экономики оставалась чрезвычайно низкой, что тормозило воспроизводство специалистов в системе профессионального

⁸⁸ Козловски П. Принципы этической экономики / пер. с нем. В. Н. Белова. СПб., 2002. С. 311.

образования и развитие вузовской науки. Зависимость от цен на нефть, от мировых экономических кризисов и политического давления преодолеть не удалось, что отразилось в период кризиса 2008 года на конъюнктуре нефтяных цен и в виде внешних торгово-финансовых ограничений. В 2009 г. темпы роста ВВП России оказались в минусе на 7,9 %. Только масштабные антикризисные меры позволили исправить ситуацию и сохранить достигнутые результаты экономики. В целом, по сравнению с 2000 годом, к концу 2014 года стоимость основных фондов увеличились в 8,4 раза, среднемесячная заработная плата и среднедушевые доходы увеличились более чем в 10 раз, повысилось благосостояние населения. В этот период были осуществлены крупные экономические, социально-политические и спортивные проекты, созданы особые экономические зоны. В итоге за последнее десятилетие объем ВВП страны увеличился на 30,9 % (в США – на 11 %, Германии – на 12 %, Франции – на 5 %, Казахстане – на 69 %, Беларуси – на 56 %, в Китае – более чем в 2 раза). Объем ВВП России на душу населения (25 033 долларов в 2013 году) пока значительно отстает от большинства развитых стран (США 52 985, Германия – 43 108, Франция – 37 556), но занимает передовые позиции среди стран БРИКС⁸⁹.

Основной объективной причиной трудностей для современного состояния российской экономики является сочетание геополитических факторов с замедлением экономического развития основных потребителей сырья (Европа, Китай), с решением стран ОПЕК не уменьшать объем добычи нефти, падением нефтяных цен и с западными санкциями. Надо специально отметить, что используя в качестве повода добровольное и исторически оправданное, справедливое воссоединение Крыма с Россией и события на Украине, Запад создал трудно выносимые условия для российской экономики, с целью изменения внешней политики России.

В своем Послании Федеральному Собранию в 2015 г. Президент РФ сформулировал ближайший целевой экономический ориентир: вырваться из ловушки нулевых темпов роста, в течение трех-четырех лет выйти на темпы роста

⁸⁹ Россия в цифрах. С. 32–33, 540–544.

выше среднемировых. Тогда же, а также в выступлении на XVIII Петербургском международном экономическом форуме, им был поставлен ряд задач для достижения этой цели, что позволит снизить риски для образовательной системы, как в плане от создания новых технологий и реализации национальной технологической инициативы, так и в повышении устойчивости банковской системы.

Для успешного решения поставленных задач и подготовки высококвалифицированных кадров были намечены срочные меры по изменению системы подготовки учащихся, организации обучения инженеров в передовых вузах – с опорой на новые профессиональные и образовательные стандарты (в течение двух лет создать более 800 новых профстандартов). Особо отметим, что были предложены меры по усилению поддержки одаренных детей, которые уже в школе проявили склонность к техническому и гуманитарному творчеству, к изобретательству, добились творческих успехов. Для этого было предусмотрено предоставлять ежегодно 5 тыс. президентских грантов в размере ежемесячной выплаты по 20 тыс. р., с обязательством грантообладателей работать определённое время в России. Не были забыты и ранее поставленные задачи по ликвидации дефицита дошкольных учреждений и переполненности школьных классов, созданию дополнительно 4,5 млн учебных мест⁹⁰. Данные тенденции развития образования и обеспечения его безопасности получили развитие и в 2016 году.

Заметим, однако, что все намеченные цели и задачи необходимо проанализировать в контексте философских категорий «возможности» и «действительности», а также реальных тенденций развития. Можно констатировать, что все эти правильные заявления и планы не были систематизированы и оформлены в законченный модернизационный проект и, тем более, не были воплощены в социально-экономической политике, в новой модели экономического роста. Поэтому реальная ситуация в экономике

⁹⁰ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию на 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 16.09.2015); Выступление Путина В. В. на ПМЭФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html> (дата обращения 28.04.2016)

и образовании на сегодняшний день значительно отличается от намеченных планов и представляет реальную угрозу развитию отечественной системы образования.

Данные Минэкономразвития и Центробанка позволяют проанализировать некоторые признаки состояния российской экономики, обуславливающие риски развития российского образовательного пространства:

- в 2014 году чистый отток капитала приблизился к уровню 2008 года – 125 млрд долларов;
- по сравнению с 2013 годом годовая инфляция превысила 10 %, рост ВВП составил менее 1 % (по другим данным – нулевой рост);
- золотовалютные резервы сократились на 111 млрд долларов. Почти в два раза обесценилась национальная валюта;
- более чем на 7 % сократились экспорт и импорт продукции. Заметно снизились реальные доходы населения⁹¹.

За первые четыре месяца 2014 года отток капитала составил 65 млрд долларов, инвестиции в основной капитал снизились на 4,5 %. Во втором полугодии 2014 года объем иностранных инвестиций в небанковский сектор экономики (по сравнению с вторым кварталом) обвалился в 10 раз – до 1,0 млрд долларов⁹². В 2015 и в 2016 годах эти тенденции еще более усилились.

В современных условиях дефицита иностранных инвестиций и низких цен на нефть экономические менеджеры России попытались оживить экономический рост за счет увеличения налогов и сборов, урезания социальных статей бюджета, индексации зарплат и пенсий, перекраивания бюджетов, повышения процентных ставок по кредитам, создания дефицита финансов в реальной экономике и их избытка в финансовом секторе. В особом почете у финансистов – идея «оптимизации бюджетных расходов», фактически представляющая собой способ ухудшения качества жизни людей. Но это отнюдь не новая экономическая

⁹¹ Российский экономический кризис: антирекорды 2014 года в графиках [Электронный ресурс]. URL: <http://daily.rbc.ru/photoreport/29/12/2014/549df5479a794792e5567938/1.shtml> (дата обращения 09.08.2015)

⁹² Выступление Путина В. В. На ПМЭФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html> (дата обращения 28.04.2016)

модель, а все тот же гайдаровско-чубайсовский курс разорения страны и народа, уничтожения среднего класса. За 15 лет такого курса импорт вырос в 15 раз, а производство достигло лишь 85 % советского уровня⁹³. Такое состояние экономики не может обеспечить материальные и финансовые потребности образовательной системы и достаточный уровень ее безопасности.

Антикризисный план правительства успехом не увенчался (выполнен лишь на 60 %), отток капитала не прекращается, программа амнистии капитала не сработала, деньги вливаются не в производство, но в банки и для погашения долгов регионов (более 300 млрд р. ежегодно). Коммерческие долги регионов постепенно уменьшаются, но производство не развивается, количество дотационных регионов не уменьшается, расходы на социальные статьи, развитие человеческого капитала продолжают урезаться. Реальные доходы и потребительские расходы, туристический бизнес и авиаперевозки сокращаются, малый и средний бизнес сворачиваются из-за повышения налогов, поборов, кадастровых оценок и арендных платежей. По данным Росстата доля среднего класса в России сократилась с 18 % в 2013 г. до 10 % в 2015 году⁹⁴. Недавний опрос «Левада-центра» установил, что уменьшение реальной заработной платы (на 10 %) и доходов населения (на 5 %) привело 2015 году к резкому увеличению (в 4 раза, до 20 %) количества тех, кто считает себя бедными (хватает денег лишь на пропитание, невозможно обеспечить достойное образование детей). Вызванное этим падение спроса на продукцию, усиленное дороговизной кредитов и снижением инвестиций в реальный сектор экономики (несмотря на рост прибыли в производственном и банковском секторах) еще более снизило стимулы для производства и экономического роста в целом⁹⁵.

Среди накопившихся проблем в экономике, которые способны вызвать риски для образования, следует назвать снижение количества и качества рабочей силы, сокращение иностранных и отечественных инвестиций, моральное и физическое старение средств производства, недостаточное внимание к проблемам

⁹³ Сокращение доли среднего класса в России // Аргументы факты. 2015. № 44. С. 30.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Дмитриева О. Забились под корягу? // Аргументы факты. 2016. № 14. С. 4.

развития человеческого капитала, скудность инфраструктуры, недостаточно комфортный деловой климат для малого бизнеса и неэнергетических компаний, повсеместная коррупция⁹⁶.

На наш взгляд, системные дисбалансы и низкая эффективность экономики, влияющие на безопасность российского образования, зависят не только от объективных условий и западных санкций. В большой степени они обусловлены низким уровнем компетентности руководства экономического и финансового блоков правительства. Об этом свидетельствует отсутствие адекватной сложившимся условиям модели экономического роста, долгосрочного (на 40–50 лет) многоуровневого плана-прогноза экономического развития и низкое качество текущих прогнозов. Настораживают значительные расхождения оценок динамики ВВП и инфляции в России, которые предоставляют ведомства Центробанка и Минэкономразвития, от оценок со стороны международных экспертов. В антикризисном плане совершенно не задействованы кредитно-финансовые и налоговые инструменты. И самое главное: упущены время и средства на развитие несырьевых отраслей производства в период высоких нефтяных цен.

К субъективным причинам можно отнести нежелание управленцев прислушаться к рекомендациям отечественных экономистов. Сколько бы ни рекомендовали ученые и экономические эксперты стимулировать спрос на товары, инвестировать в реальный производственный сектор и технологии, поддерживать малый и средний бизнес, не разорять регионы, вводить прогрессивное налогообложение, – никаких реальных изменений не происходит годами. Куда чаще реализуются рекомендации Всемирного банка и МВФ, западных «покровителей» России, складывается впечатление, что до сих пор управленческая элита не вышла из-под внешнего управления. В результате, сокращение численности среднего класса, рост уровня бедности и имущественное расслоение населения не только продолжают, но и ускоряются, порождая все новые угрозы для развития образования, всей социальной и духовной сферы.

⁹⁶ Россия в цифрах. С. 540–544.

«Прозападный», либеральный финансово-экономический курс вывел Россию на лидирующие позиции по упадку экономики, коррупции, оттоку капитала, снижению уровня жизни, по инфляции и неустойчивости развития.

В этой ситуации способность экономики обеспечить устойчивое развитие образования, его безопасность, а также возможность создать новое качество человеческого потенциала, сформировать высококвалифицированные управленческие и инженерные кадры остаются под вопросом. В Послании Федеральному собранию на 2016 год Президент РФ напомнил и о реализации уже запущенной национальной технологической инициативы и о необходимости использования инвестиционного потенциала внутренних сбережений. «Долгосрочной повесткой» Президент определил «...сбережение нации, воспитание детей и раскрытие их талантов – то, что определяет силу и будущее любой страны, в том числе и нашей»⁹⁷. Продление программы «материнского капитала», рост рождаемости, развитие дошкольного образования, улучшение здравоохранения, рост продолжительности жизни, прекращение разорения социальной инфраструктуры села озвучены как приоритеты внутренней, в том числе демографической, политики. Успешная реализация этих целей благотворно скажется и на развитии образовательной системы, повышении уровня ее безопасности. Одним из ожидаемых результатов станет увеличение на 3,5 млн в течение десяти ближайших лет числа школьников. Принято решение уже в 2016 году направить на строительство и ремонт школ до 50 млрд р. за счет федеральных средств. Был намечен и ряд мер в области развития образовательной системы, которые мы рассмотрели в предыдущей главе. «На пути любого развития всегда есть трудности и препятствия, подчеркнул В. Путин. – Мы ответим на все вызовы, будем действовать творчески и результативно, трудиться ради общего блага и ради России»⁹⁸.

Еще один экономический фактор, связанный с обеспечением безопасности образования *состояние структуры экономики и рынка труда*. Без их

⁹⁷ Путин В. В. Россия: общие идеи и общие ценности. Российская газета. 2015. № 275 (6846). С. 4.

⁹⁸ Там же.

оптимизации невозможно выстраивание и устойчивое функционирование современного российского образовательного пространства. Переход России от индустриального к постиндустриальному социально-экономическому укладу требует структурных преобразований в пользу высокотехнологических производств и стимулирования инвестиций в развитие несырьевых отраслей, что является основой перехода к инновационной экономике, обеспечения ее устойчивого роста. Современная мировая постиндустриальная практика показывает, что оптимальная структура экономики складывается при достижении приоритетности развития человеческого капитала, внедрении новейших технологий, отлаженной организации производства и управления им. Так, в США, несмотря на все недостатки их экономики и, сегодня 20 % занятого в материальном производстве населения (17 % в промышленном и 3 % в сельскохозяйственном) обеспечивают высокий уровень потребления⁹⁹.

Однобокость российской экономики была показана Всемирным банком через исследование доли человеческого капитала в составе национального богатства. В США основные производственные фонды составляют 19 % национального богатства, природные ресурсы – 5 %, а человеческий капитал – 76 % (примерно такое же соотношение в Западной Европе – 23 %, 2 % и 75 %, соответственно). В России (без поправки на традиционный уклад экономики) человеческий капитал определяет 50 % национального богатства страны, а 40 % создается природными ресурсами¹⁰⁰.

Потребности сырьевых производств в квалифицированной рабочей силе значительно ниже, чем обрабатывающих. Подсчитано, что нефтегазовый комплекс России требует не более 30 млн человек рабочей силы, не всегда квалифицированной, что не создает стимулов для развития образования и науки и может повышать уровень безработицы. Однако именно сюда сегодня направляется основная часть средств для предотвращения и преодоления кризиса.

⁹⁹ Кортунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности: учеб.-метод. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 373 с.

¹⁰⁰ Майбуров И. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4. С. 3–13.

На промышленных предприятиях, в строительстве и на транспорте в российской экономике в 2014 году было занято более 9 млн квалифицированных рабочих и основная доля специалистов среднего и высшего уровней квалификации¹⁰¹.

Слабая развитость обрабатывающих производств, в сочетании с неоптимальной структурой образовательной системы (низкая доля начального и среднего профессионального образования в образовательной системе и др.) порождают риски рассогласования между спросом производства и предложениями труда образовательной системой. За время школьного обучения часть учащихся поступает в учреждения профессионального образования. Другая часть после школы оканчивает вузы и устраивается по специальности. По данным службы государственной статистики сейчас, по сравнению с началом 1980-х годов вдвое больше доля населения с высшим образованием и втрое выросло число студентов. В то же время, в ходе социологических опросов 40 % трудоустроенных специалистов указывают, что их работа не соответствует полученному образованию и специальности¹⁰².

Несмотря на такую ситуацию, либералы от экономического и финансового управленческих блоков думали не о структурной перестройке, но играли на банковском поле в проценты и ставки. На сегодняшний день лишь 30 % товаров и услуг производятся внутри страны, все остальное никак не замещается, но продолжает импортироваться¹⁰³.

Как справедливо отмечает С. Ю. Глазьев, «если возможности структурной перестройки российской экономики на основе нового технологического уклада будут упущены, в дальнейшем ее эволюция будет идти по инерционному сценарию и ограничена сырьевой периферией мировой экономики... Цели экономического развития страны и приоритеты экономической политики должны определяться, исходя из понимания объективных закономерностей современного

¹⁰¹ Россия в цифрах. С. 92–102.

¹⁰² Росстат об образовании россиян [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&sid=27050 (дата обращения 22.12.2015)

¹⁰³ Аргументы и факты. 2015. № 39. С. 2, 5.

экономического роста, состояния и конкурентных преимуществ российской экономики¹⁰⁴.

Важным аспектом решения задачи настоящего параграфа является *анализ политики развития человеческого капитала*, поскольку эта политика является сегодня потенциальным источником рисков для образования, но может быть и важнейшим средством их нейтрализации.

Особую актуальность приобретают актуальные для России проблемы развития и применения в экономике теории «человеческого» (живого) капитала как движущей силы экономического развития. Основы анализа человеческого капитала были разработаны уже на заре индустриальной эпохи. В трудах У. Петти, А. Смита, Дж. Стюарта Милля была выявлена взаимосвязь между образованием и развитием экономики. В конце XIX века ведущие русские экономисты и педагоги В. П. Вахтеров, А. И. Чупров, И. И. Янжул показали, что развитие промышленности может быть успешным только при параллельном развитии профессионально-технического образования, основы которого закладываются во всеобщем начальном образовании, приобщающем массы к национальной и мировой культуре.

Во второй половине XX века в трудах американских ученых Т. Шульца и Г. Беккера была сформулирована теория человеческого капитала¹⁰⁵. Экономическая наука была переориентирована с проблем занятости на вопросы создания рабочей силы, соответствующей новым требованиям технического прогресса. Качество человеческого капитала они рассматривали как имеющий экономическую ценность ресурс (знания, навыки, здоровье, мотивация и др.), производство которого требует материальных затрат (на развитие образования, культуры, охрану здоровья, информатизацию и др.), которые окупаются в будущем. Позже основные положения работ Г. Беккера и Т. Шульца получили значительное тематическое расширение и оформились в специальную науку –

¹⁰⁴ Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/razvitie-rossijskoj-ekonomiki/> (дата обращения 23.11.2015)

¹⁰⁵ Шульц Т. У. Экономика пребывания в бедности // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: 5 т. Т. V. Кн. 1. М. : Мысль, 2004. С. 366.

экономику образования. Среди создателей этой науки следует выделить ряд зарубежных экономистов (М. Блауга, Р. Лэйарда, Э. Лэзера, Дж. Псахаропулоса и др.) и российских ученых (С. Г. Струмилина, Р. И. Капелюшникова, В. И. Марцинкевича, С. А. Дятлова, С. А. Курганского, А. И. Добрынина и др.).

Выделим основные теоретические *положения общей теории человеческого капитала*, которые необходимы для анализа безопасности образовательного пространства:

– вложения средств в образование создает и развивает человеческий капитал, как основу и «движитель» современного экономического развития, повышают квалификацию и способности личности, повышая производительность труда и конкурентоспособность производства;

– механизмы воздействия вложенных инвестиций в физический и человеческий капитал по своей сути идентичны;

– человеческий капитал требует постоянного воспроизводства - обновления и пополнения знаний и навыков;

– эффективность человеческого капитала находится в прямой зависимости от технологической развитости производства и от соответствия продукта образования рынку труда;

– человеческий капитал в современной экономике стал важнейшей составной частью национального богатства (по расчетам Всемирного банка, в денежном эквиваленте он должен занимать две трети объема национального богатства от его итоговой оценки)¹⁰⁶.

В практике передовых стран вложения в человека считается предпочтительнее обычных капиталовложений. Основные тенденции такой практики сводятся к нескольким положениям.

Во-первых, практика доказала закономерную, частично уже показанную нами, зависимость состояния экономики и темпов ее развития от объема и качества вложений в человеческий капитал и, прежде всего, в развитие

¹⁰⁶ Ботнева Н. Ю., Филаткин В. Н. Образование и его влияние на рост экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibl.ru/konf/021210/105.html> (дата обращения 12.12.2015)

образования. И чем выше технологическая ступень производства, тем прочнее и глубже эта зависимость.

Во-вторых, количественная оценка взаимовлияния образования и экономики (Т. Шульц, Дж. Кендрик и др.) позволяет утверждать, что развитие и накопление человеческого капитала должно опережать темпы накопления физического капитала, как это и было на протяжении всего XX века.

В-третьих, материально-финансовое благополучие образовательной системы и ее отдельных учреждений в большинстве государств определяется значительным общим объемом финансирования.

В-четвертых, основным источником финансирования образования в абсолютном большинстве случаев являются средства, выделяемые государством (сметы, субсидии, подушевое финансирование и т. д.). К примеру, затраты на обучение в национальных исследовательских и в федеральных университетах России на 20 – 60 % выше, чем в обычных вузах¹⁰⁷. Образовательная политика государства в XXI веке должна учитывать эти международные и национальные практики и строиться в соответствии с ними.

В условиях ужесточения глобального соперничества стран и регионов добиться успеха может только инновационная экономика, конкурентоспособное производство товаров с высокой добавочной стоимостью, основанное на знаниях, человеческом капитале. Увеличением инвестиций возможно обеспечить около половины экономического роста. Другая половина может быть обеспечена только повышением производительности труда на основе преодоления однобокости экономики и развития человеческого потенциала, образования и науки. Но данная закономерность никак не проявляется в российской действительности. Задачи увеличения расходов на человеческий капитал, увеличения заработной платы работников социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры и науки) до уровня стран ОЭСР в базовом сценарии долгосрочного прогноза экономического развития России до 2030 года даже не предусматриваются.

¹⁰⁷ Герасимов А. Н., Громов Е. Н., Нинева Е. Н. Совершенствование региональной системы управления пространственными экономическими образованиями региона. Ставрополь : Агрус, 2012. С. 25–37.

Не планируется и заметный рост доли наукоемких отраслей в ВВП – до 2020 года она останется стабильно-низкой: около 6,5–6,7 % ВВП. Консолидированные расходы на образование к 2030 году составят 5,4 %. В том числе из бюджетной системы – 4,3 % ВВП, что значительно уступает параметрам развитых стран¹⁰⁸ (См. : Приложение б).

Вместо роста человеческого капитала происходит его существенное истощение. Доля оплаты труда в распределении ВВП составляет около 40%, против 70–80 % в странах с развитой экономикой. Производственные компании тратят в среднем всего 6–7% своего бюджета на инновационные цели (в Японии – до 70%)¹⁰⁹. В экономической и бюджетной политике правительства РФ также не просматриваются признаки перехода от бесперспективной модели сырьевой экономики к инновационной модели, с опорой на воспроизводство креативного человеческого капитала в образовательной сфере.

По сравнению с 2014 годом расходы на образование и здравоохранение, на культуру, спорт и физкультуру были значительно уменьшены. Хуже всего обстоит дело с финансированием молодежной политики, которая, судя по расходам, вообще перестала быть приоритетом федеральных органов управления. Оптимизация бюджета в апреле 2015 года ситуацию не исправила. Напротив, в новой редакции закона о бюджете от 20 апреля 2015 года расходы на образование были уменьшены на 27млрд р., на здравоохранение – почти на 34 млрд р., на культуру – на 7,5 млрд р. Если говорить об общих (федеральных, региональных и муниципальных) расходах на образование, то ситуация выглядит на первый взгляд совсем неплохо. Бывший глава Минобрнауки Д. Ливанов сообщил, что рост инвестиций в образование опережает рост ВВП страны, впервые в 2014 году

¹⁰⁸ О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5 (дата обращения 18.01.2016)

¹⁰⁹ Тумилевич Е. Н. Инвестиции в человеческий капитал: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <http://economy-gu.com/rossiyskaya-ekonomika-rf/investitsii-chelovecheskiy-kapital-problemyi.html> (дата обращения 12.10.2015)

их объем превысил 3 трлн р. и в 2015 г. составит 3,3 трлн р¹¹⁰ (См. : Приложение б).

Но это только «на первый взгляд». Во-первых, большая доля объемов прироста ассигнований «съедается» инфляцией. Во-вторых, рост общих вложений в образование не всегда верно отражает ситуацию в неоднородном образовательном пространстве и в разных регионах РФ существенно различается, в том числе по доле различных источников финансирования. В-третьих, несмотря на некоторый периодический рост общих расходов на образование (при резком уменьшении расходов на общее образование с 67,4 млрд р. в 2013 г. до 34,9 млрд р. в 2015 году), доля расходов на образование в общем объеме расходов государственного бюджета последовательно сокращается. С другой стороны, не факт, что региональные и местные бюджеты справятся со своими обязательствами финансирования образования. В-четвертых, происходит относительное «обнищание» образования: доля в ВВП выделяемых из бюджета средств снизилась от 1 % в 2013 г. до 0,79 % в 2015 году. Та же тенденция наблюдается и с долей в ВВП расходов консолидированного бюджета на образование: с 4,5 % в 2013 г., до 3,6 % в 2015 году (с повышением до уровня 4,3 % к 2030 г.)¹¹¹.

Анализ принятого на 2016 год бюджета не вызывает сомнений в обнаруженной здесь тенденции *истощения человеческого капитала*. С учетом засекреченных статей («серая зона»), общегосударственные, оборонные (включая безопасность) расходы достигнут 39,78 % более трети федерального бюджета. Увеличились и социальных расходы (включая пенсии), но их рост составит всего 5,66 %, что гораздо ниже не только фактической, но и запланированной на этот год инфляции (6,4 %). Расходы на образование продолжают сокращаться как в абсолютном выражении (с 611 млрд р. в 2014 г., до 579 млрд р. в 2015 г.

¹¹⁰ Расходы на образование в России в 2015 году составят 3,3 трлн рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2014/10/31/428887/> (дата обращения 18.02.2015)

¹¹¹ Доля расходов от ВВП определяет уровень финансирования в зависимости от объема ВВП и от численности учащихся, образовательных учреждений. Расходы на образование в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/economy/3c0b65625b3ac79b5d53b88521216d27_0.html (дата обращения 22.12.2015); Федеральный закон от 01.12.2014 № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов». Прил. № 14. С. 253–345; Аргументы и факты. 2015. № 45. С. 15.

и 557,8 млрд. р. в 2016 г.), так и по доле в бюджетных расходах (соответственно 4,65 %, 3,81 % и 3,46 %). Значительное увеличение выделяемых средств на здравоохранение запланировано в основном на высокотехнологичную медицинскую помощь, но, в значительной мере, за счет сокращения расходов на кадровое обеспечение медицины – на 22,36 % (См. : Приложение б).

По утверждению О. Н. Смолина, ни одна страна мира не сумела модернизироваться, затрачивая на образование менее 7 % от ВВП (как было в СССР в 1970 году)¹¹². Образование должно быть не частью услуг, но важнейшим элементом сферы производства в части воспроизводства самого человека по принципу ООН и ЮНЕСКО «Образование – для всех». «...Без образования нет современного производства, современных технологий, социальной стабильности, гражданского общества, соответственно, политических партий, способных принимать нормальные, взвешенные политические решения. Без образования нет безопасности культурного развития, потому что образование формирует ценности нации, а нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу»¹¹³.

Состояние вузовской науки, как существенной составляющей человеческого потенциала, можно проанализировать, исходя из данных официальной российской статистики. Научно-исследовательские разработки в России ведутся в 3605 организациях, среди которых 673 вуза. В 2013 г. на научные исследования и разработки затрачено почти 750 млрд р., из которых почти 0,5 трил р. – из бюджетов всех уровней. Из средств федерального бюджета на развитие вузовской науки выделяется 0,64 % ВВП (из собственных сил и средств учреждений – 1,13 % ВВП). По философским наукам с защитой диссертаций кандидата и доктора наук выпущено всего 86 человек¹¹⁴.

Уменьшение платежеспособности населения в связи с современной экономической ситуацией увеличивает долю российских семей, детям которых

¹¹² Для промышленно развитых стран такой показатель, по всей вероятности, является объективно заданным пределом, поскольку для вложений в образование необходимо увеличивать вложения в другие сферы общественной жизни и, прежде всего, в экономику.

¹¹³ Смолин О. Н. Образование и национальная безопасность России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolin.ru/news/3/2436> (дата обращения 25.09.2015)

¹¹⁴ Россия в цифрах. С. 361–374.

доступ к высшему образованию закрыт из-за невозможности оплачивать их обучение. Престиж и оплата труда педагогов и научных работников до сих пор остаются низкими. Повышение зарплат учителей до уровня среднего по региону практически остановилось в конце 2013 г., достигнув уровня 78 % от средней зарплаты по стране и еще меньше – по регионам. Продолжился рост задолженности по заработной плате: в феврале 2015 года в образовании и здравоохранении она увеличилась на 46 %¹¹⁵. Указание Минфина об «оптимизации» расходов с целью усиления адресной помощи было воспринято на местах буквально как сокращение финансового обеспечения всего и вся, в том числе в образовательной сфере и оплате труда педагогов.

Образование российских детей все дороже обходится их родителям. Темпы роста платного обучения в вузах значительно превышают темпы роста приема на бесплатной основе, на всех уровнях образования постоянно растет объем платных образовательных услуг¹¹⁶. Этому способствуют увеличение платы в системах дополнительного образования детей и дополнительного профессионального образования, требования платы за факультативные учебные курсы и дополнительные занятия в школах, высокая стоимость занятий по подготовке к сдаче ЕГЭ и поступлению в вуз, поборы с родителей на развитие школьных учреждений.

Вынашиваются и планы возврата к состоянию платности пребывания детей в группах продленного дня, которые вынужденно посещают сегодня около 80 % детей в возрасте от 6,5 до 10 лет (с 11 июля определение размера оплаты «продленки» передано на усмотрение субъектов РФ)¹¹⁷. В итоге, возникает ситуация, когда снижение уровня государственного финансирования ведет к ограничению доступа детей из бедных семей к обучению или ложится тяжким

¹¹⁵ Впервые с 2008 года в 2015 году рост реальной заработной платы в России приобрел минусовые показатели. Общая просроченная задолженность по заработной плате в 2014–2015 гг. удерживается на уровне двух млрд р., при этом одна из самых низких – в образовании и здравоохранении (5 млн р. на начало 2015 г.). См.: Россия в цифрах. С. 455–456; Аргументы и факты. 2015. № 13.

¹¹⁶ Из 7 302 млрд р. общего объема платных услуг (быт, ЖКХ, транспорт, учеба и др.) население в 2014 г. потратило на образование – 6,5 % (477 млрд р.), на услуги культуры – 1,7 % (121 млрд р.), См.: Россия в цифрах. С. 352 – 356.

¹¹⁷ Судьбы продленки // Аргументы и факты. 2015. № 28. С. 15.

бременем на семейный бюджет. Для обеспечения законного равенства образовательных возможностей и обязательности общего образования всего населения возникла настоятельная необходимость полного финансирования из государственного бюджета пребывания детей в группах продленного дня, всех факультативных и дополнительных занятий в других образовательных организациях.

Неадекватность политики развития человеческого капитала порождает существенные *риски и угрозы* для образования. Основными среди них выступают:

- хроническое недофинансирование образования и объектов образовательной системы, низкий уровень государственной поддержки, передача функций его обеспечения на региональный и местный уровни. Недофинансирование ведет к потере кадрового потенциала, снижению мотивации и квалификации педагогических кадров, увеличению платности образования, снижению его доступности и качества;

- снижение качества образования и НИР, их связи с производством, возможностей обеспечения кадрового потенциала инновационной экономики;

- усиление тенденций платности образования и снижение его равнодоступности; слабая защищенность и утрата квалифицированных научно-педагогических кадров;

- неразвитость инновационного рынка труда, рассогласование между предложениями труда и потребностями спроса;

- устаревание материально-технической базы, слабость технического, технологического и информационного оснащения образовательного процесса;

- рост зависимости образования от научно-образовательных систем других государств. Основная часть из них подтверждается и в выводах экспертов ОЭСР¹¹⁸.

Итак, основными факторами, влияющими на безопасность образования в экономической сфере являются, во-первых, общее состояние российской

¹¹⁸ Экономические обзоры ОЭСР. РФ. Янв. 2014. Основные выводы и рекомендации [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/eo/surveys/Overview_RUSSIArus_2013.pdf (дата обращения 12.08.2015)

экономики, динамика ее развития; во-вторых, состояние структуры экономики и формирования инновационного рынка труда; в-третьих – качество государственной политики в развитии человеческого капитала. В условиях ужесточения глобального соперничества стран и регионов успешной может быть только инновационная экономика, конкурентоспособное производство товаров с высокой добавочной стоимостью, основанное на знаниях, человеческом капитале. На основе общей теории человеческого капитала и экономики образования установлено, что человеческий капитал является основой и «движителем» современного экономического развития: вложения в него повышают квалификацию и способности личности, повышают производительность труда и конкурентоспособность производства, создают большую часть добавочной стоимости. Эффективность человеческого капитала находится в прямой зависимости от технологической развитости производства и от соответствия продукта образования рынку труда. Развитие и накопление человеческого капитала должно опережать темпы накопления физического капитала. Объем выделяемых средств должен определяться в зависимости от содержания, особенностей и результатов деятельности образовательного учреждения с учетом территориальных, статусных и профильных различий затрат на обучение в тех или иных учебных заведениях.

Современная финансово-экономическая политика российского государства не соответствует требованиям данной теории и международной практике и ведет к истощению человеческого капитала, консервации статус-кво сырьевого характера экономики, что, в конечном счете, подрывает и безопасность образования. Переориентация приоритетов государственной экономической политики в направлении развития человеческого капитала и не сырьевых отраслей производства определяется как основной путь не только решения экономических проблем, но и снижения воспроизводства рисков для образовательного пространства.

Существуют допустимые пороговые рубежи разных сторон экономического развития, обуславливающие дефицит выделяемых на образование ресурсов,

продуцирующих расширенное воспроизводство угроз для развития и безопасности образования. Пороговые рубежи могут изменяться в зависимости от состояния общества и под воздействием кризисных колебаний, экономической и образовательной политики государства. Нами установлено, что в настоящий момент российская экономика и средства, выделяемые из бюджетов всех уровней, удовлетворяют расчетные потребности образовательных учреждений лишь частично, что порождает существенные риски для образовательного пространства. Трудности в экономике и стратегически неверное отношение к образованию, передача значительной части функций по его содержанию и развитию на уровень регионов и муниципалитетов создали тяжелую ситуацию в образовательной системе. На всех уровнях образования не хватает средств на капитальное строительство и ремонт учреждений. Увеличение расходов предприятий и населения на образование ситуацию выправить не может.

Для снижения и нейтрализации выявленных здесь рисков экономической природы, обеспечения безопасности образовательного пространства государство должно вернуться в образование, значительно увеличить (до уровня стран ОЭСР) общие и бюджетные расходы государственного бюджета на его развитие. Необходимо в полной мере обеспечить издержки воспроизводства рабочей силы субъектов образования, устойчивое развитие образовательной системы и всего образовательного пространства. Первостепенными задачами являются: определение долгосрочных целей и стратегии экономического развития; кардинальное повышение инвестирования в реальный сектор экономики; техническая и технологическая перевооруженность производства; интеграция производства и бизнеса с наукой и образованием; подготовка высококвалифицированных кадров.

Для ликвидации причин воспроизводства рисков для образования в экономической сфере необходимо разорвать порочную цепочку, имеющую тенденцию замыкания в «порочный круг». Развитие образования, повышение его качества тормозится слабым материально-финансовым обеспечением и отсутствием востребованности специалистов высокого уровня экономикой

и обществом. Эти причины, в свою очередь, обусловлены недостаточным уровнем экономического развития, технологий производства. Последние факторы вызваны отсутствием оптимальных долгосрочных стратегий развития с опорой на человеческий, территориально-ресурсный, научно-технический, военно-технологический и культурный потенциалы. На бумаге сверстаны самые разные стратегии (экономические, научно-технические, военные, национальной безопасности и др.), не скоординированные по ресурсному обеспечению, замкнутые на «тощий» государственный бюджет, слабо вписанные в какую-либо нишу глобальной мировой экономики. Управленческий экономический блок не имеет перспективных целей, занят проблемами сегодняшней выживаемости, но не долгосрочного развития.

Первостепенными задачами для снижения воспроизводства экономических рисков для образования являются:

во-первых, переход от сырьевой экономики к инновационной, техническая и технологическая перевооруженность несырьевых отраслей производства и подготовка для них востребованных высококвалифицированных кадров;

во-вторых, интеграция производства и бизнеса с наукой, образованием и новыми технологиями, ликвидация диспропорций рынков труда и образования;

в-третьих, определение стратегических целей социально-экономического развития, встраивание в отдельную нишу (поток средств и товаров) мировой экономики, выбор опорных ресурсных потенциалов России, создание новых стратегий развития и обеспечения безопасности России, сбалансированных в ресурсном обеспечении. Смена экономического курса в направлении перехода от сырьевой к инновационной экономике, увеличение инвестирования в реальный сектор экономики не только актуальны, но и жизненно необходимы.

Предлагаемые здесь меры позволят, на наш взгляд, вывести российское образование на новый уровень, который обеспечит производство, науку и систему управления высококвалифицированными кадрами. Станет возможным необходимое повышение производительности труда, инновативности экономики и уровня ее конкурентоспособности, высокий интеллектуальный потенциал

общества. Усиление экономического импульса образовательной системе уменьшит возможные риски для образования и может превратить само образование в высоко конкурентную отрасль экономики.

2.2. Социальная детерминация безопасности образовательного пространства

Основная задача параграфа – исследовать зависимость безопасности образовательного пространства от состояния социальной сферы жизни российского общества, выявить основные угрозы для безопасности образования и обосновать пути их снижения в обществе и нейтрализации в образовании. Решение задачи предполагает использование избранной нами методологии с привлечением международных оценок и результатов современных социологических исследований в области социологии безопасности.

Одной из важнейших подсистем социального пространства общества выступает социальная сфера общественной жизни. Социальная сфера – это совокупность индивидов, социальных общностей и отношений между ними. Отношения между социальными группами и индивидами носят достаточно сложный характер. Сложность обусловлена противоречивостью интересов социальных групп (по поводу собственности, организации труда, источников доходов), ограниченностью общих ресурсов их жизнедеятельности, различиями величины и доступности общественно значимых благ. Наличие социальных проблем и воспроизводимых ими рисков для образования и общества закономерно обуславливают необходимость выяснения сущности, общих оснований социальных отношений и путей их оптимизации в социальной политике российского государства. Без учета этих оснований невозможно обеспечить общероссийское согласие, исторически сложившееся государственное единство России, научно определить не только способы эффективной социальной защиты населения, но и пути смягчения социальной напряженности, предотвращения социальных конфликтов и нейтрализации потенциальных угроз

для общества и его образовательной системы. Выяснению сущности и способов гармонизации социальных отношений в современных реалиях посвящается все большее количество работ¹¹⁹.

Структура социальных отношений определяется социальной структурой общества, наличием различных страт и социальных групп в социальной сфере общественной жизни (этнические, демографические, региональные, поселенческие, профессиональные, образовательные и др.). Внутри социальных групп, страт складываются, как правило, гармоничные отношения людей на основе общего образа жизни, сходных мировоззренческих установок и стереотипов поведения. Между социальными группами выстраиваются сложные, порой противоречивые, отношения, определяющиеся неоднородностью общества. Образование в социальной сфере общества выступает средством воспроизводства этой социальной и профессиональной структуры, обеспечения горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, гармонизации или консервации социальных отношений. Оно может способствовать как сглаживанию, так и углублению противоречий между элементами социальной структуры (по вопросам собственности, организации труда, источников и размеров распределения доходов и т. д.).

Состояние социальных отношений, социальной сферы общественной жизни во многом определяется состоянием экономики. Без высокоразвитого производства и устойчивых темпов развития экономики невозможно достаточное распределение произведенных благ, осуществление эффективной и справедливой

¹¹⁹ См., например: Аверин А. Н. Государственная система социальной защиты населения : учеб. пособие. М. : РАГС, 2010. 124 с.; Андре А. Принцип социального государства и его закрепление в конституции / Социальный прогресс. Бонн, 1990. С. 1–6; Ариели Д. Поведенческая экономика. М. : МИФ, 2013. 288 с.; Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М. : Аспект Пресс, 1997. 256 с.; Глушенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика) : моногр. СПб. : ВЛАДОС, 1998. 441 с.; Осипов Е. И. Социология (социальная безопасность). Иваново : Ин-т Гос. противопожар. службы МЧС России, 2014. 96 с.; Проблемы и перспективы развития социальных отношений в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.vevivi.ru/best/index.php?s=9cbd5457f33c4d51b0d1d9b947b776f8&autocom=downloads&req=download&code=confirm_download&id=138109 (дата обращения 16.10.2015); Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Ин-т социологии РАН. – М. : Весь Мир, 2015. – 336 с.; Россия: путь к социальному государству // Материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2010 г.). М. : Научный эксперт, 2010. С. 318–336; Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учеб. – М. : ПБОЮЛ, 2001. – С. 43–46; Тимофеев Ю. В. Современные проблемы реализации государственной социальной политики в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 8. С. 82–87.; Юнусов А. М. Социальная безопасность в социологическом дискурсе // Вестн. Моск. гос. обл. гум. ин-та. 2012. № 1. С. 67–71 и др.

социальной политики. Если до половины производства валового продукта находится в «теневом» секторе и не принимает участия в наполнении доходов бюджета, то социальная сфера фактически лишается экономической базы, достаточных благ и не может быть эффективной. Закономерна и обратная связь: неадекватность социальной политики и дезинтеграция социальных отношений не обеспечивают должное воспроизводство рабочей силы, тормозят развитие экономики, производство социальных благ и устойчивое развитие общества. Рост безработицы, углубление поляризации населения ведут к обнищанию значительной доли населения, усилению социальной напряженности, истощению человеческого потенциала. Такие тенденции создают риски для социальной стабильности, национальной и образовательной безопасности.

Основными средствами оптимизации социальных отношений выступают количество и качество социальных благ (в денежной или вещественной форме), выделяемых населению обществом (государством). Способ воспроизводства и распределения общественных благ (в том числе для образования) с целью гармонизации социальных отношений определяется государством и осуществляется посредством проводимой им социальной политики. Среди благ частного, корпоративного или общественного происхождения, потребляемых в социальной сфере общественной жизни, важнейшее значение принадлежит общественным, социально значимым благам (здравоохранение, образование, культура, социальное обеспечение и социальная защита населения и др.). Научная рефлексия понятия «общественное благо» пока не дает нам четкого представления этого явления. А. Борисов в «Большом экономическом словаре» (и ряд других авторов) под общественными благами понимает определенный набор «товаров и услуг»¹²⁰. Такой подход, на наш взгляд, не соответствует назначению и специфике социальных благ: они служат не для обмена и продажи (как товар), но для свободного коллективного или индивидуального потребления. Отличительными признаками общественных благ ряд исследователей справедливо считают их неконкурентность (неделимость и общность

¹²⁰ Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М. : Книжный мир, 2004. С. 546.

потребления) и неисключаемость (любое использование такого блага не исключает и не сокращает его потребление другим человеком)¹²¹.

Под социальными благами мы будем понимать часть национального дохода, ресурсы фонда потребления, выделяемые населению и распределяемые обществом (государством) для свободного потребления, помимо трудовых доходов каждого, с целью снижения социального расслоения общества и повышения качества жизни его граждан. Ресурсы, вложенные в общественное благо, по своей сути не являются затратными, поскольку вкладываются в развитие человеческого потенциала. К таким благам относится и образование, которое, с одной стороны, принадлежит всему обществу, а с другой — является достоянием каждого гражданина. Образовательные отношения как основа духовного воспроизводства человека и общества являются фундаментальной, атрибутивной частью социальных отношений общества. Развитие и распределение образовательных благ определяется государственными и общественными организациями на основе бюджетно-финансовой политики.

Затраты на образование некорректно считать «затратными», поскольку они являются необходимым условием воспроизводства трудовых ресурсов и всей общественной жизнедеятельности. *Образовательные отношения даже в рыночном обществе* не могут быть чисто рыночными, а образование — сферой рыночных услуг, наряду с другими услугами. Некорректно использовать сугубо экономический подход к оценке роли образования в обществе. Экономические законы, перенесенные в духовную образовательную сферу, искажают истинные цели образования и его атрибутивную роль в расширенном воспроизводстве населения, всей общественной жизни. Такой подход делает невозможной достижение поставленных целей повышения качества и воспитательной роли образования, уводит образование в сферу купли-продажи образовательных услуг, замыкает на узко финансовую оценку духовной деятельности субъектов образования и его учреждений.

¹²¹ Куликов Н. М. Общественные блага: проблема многогранности понятия // Дискуссия : журн. Екатеринбург : Ажур, 2014. № 10. С. 84–88.

Потребление образовательных благ (приобретение знаний и навыков) социализирует личность, является основой будущей трудовой деятельности и социально-политической активности. На этих основаниях образовательные отношения принято рассматривать в контексте социальных отношений, а образовательную политику – как важнейшую часть социальной политики государства. «...Образование, – справедливо утверждает М. Мухудадаев, – является общественным благом, объектом общественной собственности, важнейшей отраслью общественного сектора»¹²².

Международные исследования факторов удовлетворенности человека в обществе подтвердили сохранение этой традиции среди населения (по основным показателям они принципиально не расходятся с российскими исследованиями). Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) представила результаты интерактивного исследования «индекса лучшей жизни» (факторов счастья человека) на основе официальной статистики и опросов Gallup. Иерархия основных факторов в мире такова: удовлетворенность жизнью, здоровье и образование (в странах БРИКС – образование, удовлетворенность жизнью и здоровье, в Японии – безопасность, удовлетворенность жизнью и образование). В России на первом месте оказалось *образование*, на втором – социальная поддержка и на третьем – работа. Показатель удовлетворенности жизнью в России оказался одним из самых низких в рейтинге ОЭСР – 5,3 балла из 10 возможных (средний – 6,7)¹²³. Эти показатели, на наш взгляд, исключительно важны для формирования как социальной, так и образовательной политики государства. К сожалению, новоявленные российские нувориши, которые даже сегодня, в кризис, продолжают богатеть, не восприняли эту меценатскую традицию и больше думают не об образовании, но о сохранении своих капиталов за рубежом.

¹²² Мухудадаев М. О. Социальная политика и образование // Коммуникация и образование. / под ред. С. И. Дудника. СПб. : СПб. филос. о-во, 2004. С. 384–403.

¹²³ ОЭСР уровень жизни в России и мире // Ведомости. 2014. 20 апр.

Общепринятого *определения понятия «социальная политика»* в общественных науках до сего дня не выработано. Будем считать, что социальная политика – это деятельность государства и негосударственных организаций в области воспроизводства, развития и регулирования социальных отношений между элементами социальной структуры посредством справедливого (в социальном государстве) распределения общественных, социально значимых благ. Она включает принципы построения и практические меры по созданию системы социального обеспечения и социальной защиты населения от рисков, обусловленных состоянием и дифференциацией общества. Основная цель – обеспечение необходимых условий жизнедеятельности, удовлетворение социальных потребностей населения, создание благоприятного социального климата в обществе. Элементами социальной политики являются субъекты и их деятельность, цели и задачи, адресаты и средства. Субъектами, реализующими социальную политику, являются государство и его нижестоящие структуры, общественные организации, профсоюзы, политические партии, социальные фонды и работодатели (как правило, в той мере, в какой их социальная и благотворительная деятельность не препятствует получению максимальной прибыли). Объектами социальной политики является все общество и отдельные социальные группы. Ее содержание, направленность на рост или сдерживание социальных расходов определяются характером государства, состоянием экономики, расстановкой политических сил, степенью зрелости гражданского общества, общественными традициями и социальной стратификацией. Социальная политика государства ограничивает потребительский выбор, и, независимо от желания самодостаточного индивида, направляет часть созданного им фонда потребления на обеспечение общественно значимых благ, в том числе для образования не самодостаточных слоев населения.

Социальная политика государства всегда требует экономического обоснования: пределы социальной политики в достижении ее целей регламентируются допустимым соотношением между фондом накопления и фондом потребления, за счет которого повышается благосостояние граждан,

расширяется набор и увеличивается объем потребляемых ими благ. В период экономических спадов и увеличения доли неработающего по разным причинам населения (демография, возраст, безработица, эпидемии, болезни и др.) возможности государства выполнять свои социальные обязательства сужаются вместе с уменьшением фонда накопления. В России, как и в большинстве современных государств (так, в ЕС действуют, по меньшей мере, четыре модели социальной защиты), увеличение объемов средств и расширение направлений социальной защиты достигло пороговых значений. Все большее напряжение в социальной политике вызывают старение населения, безработица, бедность, социальная дезинтеграция, дефицит средств, распределение полномочий центра и регионов. Становится все более актуальной необходимость смены парадигмы социальной политики, диверсификация источников ее финансирования, оптимальное сочетание обязательных и добровольных социальных программ и социальное партнерство в их обеспечении. Не менее важным становится перераспределение потоков средств и оптимизация направлений социальной защиты населения. В центре внимания всегда остаются уровень и качество жизни населения - их повышение и выравнивание.

Социальная политика Российского государства исторически сложилась на основе экономических отношений как основной инструмент самосохранения государства. При Иване Грозном идея общественного призрения воплотилась в жизнь, превратившись при Петре Первом и Екатерине Второй в государственную систему социального обеспечения, получавшую финансирование из государственной, губернской или городской казны и сосуществующую вместе с широко распространенной благотворительностью. В СССР социальным обеспечением считалось оказание поддержки за счет средств общественных фондов потребления заслуженным перед Отечеством индивидам, пострадавшим от социальных и природных катаклизмов, особо нуждающимся категориям граждан и людям, оказавшимся в затруднительных для жизни обстоятельствах.

В 1990-е годы спонтанный и резкий переход к рыночной экономике расширил зону социальных бедствий, снизил уровень и качество жизни

населения, углубил противоречия в социальных отношениях. Социальная политика была пересмотрена в направлении снижения социальных издержек при сохранении неясности ее стратегических целей и параметров. По сути, она была уничтожена политикой «шоковой терапии». Образование, как и наука, культура, здравоохранение, оказалось вне адекватного государственного планирования, материального и финансового обеспечения. Такие тенденции вошли в противоречие с положением Конституции РФ о социальном характере российского государства, которое призвано обеспечить достойные условия жизни и свободное развитие человека. Это противоречие не преодолено до сих пор по причине живучести наследия 1990-х годов: бюрократической неэффективности и коррупции власти, чрезмерной дифференциации населения, неэффективности права, отсталости социальной сферы общества. На практике российское государство больше отвечает критериям либерального государства с его идеологией рыночного капитализма, невмешательства в социальную и экономическую жизнь. Это, конечно, гуманнее принципов классического капитализма или сегодняшней политики ряда развивающихся государств (Северной Африки, Карибского бассейна), где выживание человека диктовалось и диктуется законами дарвинизма, но не в полной мере соответствует социальному характеру государства¹²⁴.

Социальные отношения в современной России при заданных социальных приоритетах развиваются на основе Конституции РФ и правительственных документов, расширяющих и закрепляющих права человека в области социального обеспечения и защиты. Согласно Конституции РФ, российское государство является социальным. Каждому человеку от рождения определены и закреплены неотчуждаемые права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на труд и отдых, на охрану здоровья и медицинскую помощь, на жилище, образование и благоприятную окружающую среду.

¹²⁴ Некоторые исследователи выхолащивают сущность социального государства, сводят его роль к сглаживанию структурного социального неравенства и предотвращению массового обнищания населения. См. : Россия: путь к социальному государству // Материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2010 г.). М. : Научный эксперт, 2010. С. 318–336.

Семья, материнство и детство находятся под защитой государства¹²⁵. Тем самым определено, что труд человека, экономика страны нацелены на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей гражданина, а государство, будучи социальным по своему характеру, проводит социальную политику в интересах народа. К основным направлениям социальной политики относятся: повышение общественного благосостояния, уровня доходов и потребления населения (жизненный уровень, потребительская корзина и др.); обеспечение занятости и воспроизводства труда (оплата труда, забота о материнстве, занятость, страхование); социальная защита граждан (гарантии, социальное обслуживание, пенсионное обеспечение, поддержка нетрудоспособных и малоимущих слоев); развитие социальной сферы общества (здравоохранение, наука, образование, культура, система соцзащиты); развитие инфраструктуры среды обитания (жилье, дороги, транспорт, связь); политика в области демографии (материнство, рождаемость, продолжительность жизни), экологии окружающей среды и миграционных процессов; региональная социальная политика.

На основании ст. 7 и ст. 39 Конституции РФ об обеспечении достойной жизни и свободного развития человека, гарантий социального обеспечения и социальной защиты реализуются социальные программы, создана стройная система социальной защиты населения. Существующие социальные программы, сущность и структура социальной защиты представлены автором в приложениях. Социальное обеспечение, формирование социальных благ (культура, образование, медицина) финансируется из государственного бюджета, из средств республиканского и территориальных фондов социальной поддержки граждан, а также из внебюджетных фондов: Пенсионного фонда, фонда социального и обязательного медицинского страхования. Основная цель социального обеспечения – реализация прав и гарантий, занятости, улучшение качества жизни, выравнивание социального положения граждан, попавших в объективно трудную жизненную ситуацию, с положением самодостаточных членов общества.

¹²⁵ Конституция Российской Федерации. М. : Юрид. лит, 2010. С. 6, 9–17.

Несмотря на емкие социальные программы, социально значимые блага в России пока не обладают востребованным населением качеством и объемом, свойством всеобщей и справедливой доступности, в том числе и, особенно, в медицинской и образовательной сферах. Качество жизни пока далеко от стандартов развитых государств. Уровень бедности населения постепенно повышается, но, вместе с тем, усиливается социальная дифференциация, поляризация и, в конечном итоге, риск дезинтеграции общества. Превращение образования в сферу услуг, а его продукта в товар сопровождается уходом государства из образования, его хроническим недофинансированием, усилением тенденции его платности. Наряду с инфляцией, усилением платности медицины, образования и повышением стоимости других услуг, это легло тяжким бременем на население, родителей обучающихся, особенно в нуждающихся семьях. Происходит общественное осознание нерешенности проблем социальной политики в человеческом измерении и нарастающих трудностей их решения.

Из всех сфер социальных отношений (и социальной политики) в рамках настоящей работы рассмотрим лишь те, в которых формируются существенные риски для безопасности образования. К таковым, на наш взгляд, относятся, во-первых, уровень и качество жизни населения, усиление бедности (охватывает часть общества) и во-вторых, углубление социальной дифференциации, социального неравенства и поляризации общества (характерно для всего общества).

Первое – состояние уровня и качества жизни населения и проблема бедности. Под уровнем жизни обычно понимается уровень потребления материальных и духовных благ в соответствии с потребностями населения. Его характеризуют национальный доход и фонд потребления на душу населения, потребление продуктов питания на человека, обеспеченность жильем, непродовольственными товарами и услугами. Уровень жизни в единстве с конкретными жизненными условиями и средой обитания (занятость, доходы, накопленные средства и имущество, социальное обеспечение, доступность образования и медицины) образует качество жизни человека. Основные его

показатели – степень реализации прав человека, уровень здоровья, образования, интеллекта и культуры, комфортность и продолжительность жизни, качество среды обитания.

От уровня и качества жизни зависит цена рабочей силы, а также ее реализация в труде, продуктивность работников, что, в свою очередь, влияет на объем произведенных потребительских благ. Состояние уровня и качества жизни населения во многом определяет, какой будет производительность труда, станет общество прогрессировать или же напротив – его ждет регресс. Рост уровня и качества жизни принято считать основным показателем социальной защищенности человека, благосостояния общества. В настоящее время в философии, социологии, в международных исследованиях принято выделять четыре уровня жизни: полный достаток (когда личность, семья удовлетворяют все необходимые потребности для жизни и всестороннего развития); нормальный достаток (потребляемых благ хватает на рациональное потребление, восстановление физических и интеллектуальных сил); бедность (блага обеспечивают только биологическую выживаемость, воспроизводят рабочую силу в минимально допустимом объеме); нищета (состояние, при котором даже минимальные биологические потребности человека превышают возможности их удовлетворения).

Понятие «бедность», на наш взгляд, характеризует экономическое положение индивида или группы с критически низким уровнем удовлетворения их материальных и духовных потребностей, невозможность возмещать стоимость необходимых благ, поддерживать приемлемый уровень жизни. Употребляется также понятие «относительная бедность», которая определяется на основе осознания избыточного неравенства (бедными считают себя около 40 % граждан России). Относительная бедность, в отличие от абсолютной, не может быть преодолена полностью при любой модели социальной политики по причине неустранимости общественного неравенства, имманентно присущего общественному бытию с природными различиями способностей и потребностей индивидов. Социологи также установили еще одну категорию бедности – не по

доходам, а по лишениям (несчастья, болезни, многодетность и др.), доля которой в России на 2013 год составила 20–22 % населения. К примеру, семьи с детьми составляют более половины семей бедных домохозяйств, тогда как в общей численности домохозяйств их вдвое меньше. Многодетные семьи с тремя и более детьми в России составляют половину бедных, семьи с двумя детьми составляют 30 % бедных, а семьи с одним ребенком – лишь 15,7 %. Осознание этой закономерной связи вызывает репродуктивное поведение части индивидов, а недостаточная помощь государства таким слоям населения формирует их негативное отношение к мироустройству. Рыночные отношения, равно как и сосредоточение власти и собственности в руках коррумпированных бюрократов, богатых и криминальных персон представляются в сознании людей нелегитимными и аморальными, а общество – несправедливым¹²⁶. Данная установка, закреплённая в сознании подростков, вливающих в учебные коллективы любого уровня образования, затрудняет их воспитание и создает угрозу образованию.

По данным ООН, бедность на планете сокращается, уровень жизни человечества постепенно повышается. Показатель уровня крайней нищеты (менее 1 доллара в день на одного человека) с 1990 года сократился вдвое: с 36 до 18 % населения, однако проблема бедности сохраняется. На 2014 год в мире свыше 2,2 млрд человек (15 % населения) живут в условиях абсолютной бедности или близки к этому состоянию. Почти 80 % населения мира не имеет всеобъемлющей социальной защиты, около 12 % (842 млн человек) страдают от хронического голода. Почти половина всех занятых – более 1,5 млрд человек – трудятся в условиях неформальной или ненадежной занятости. Особенно от бедности страдают дети. В развивающихся странах живет 92 % детей¹²⁷.

Широкое распространение бедности (как абсолютной, так и относительной) получила и в российском обществе, что выдвигает эту проблему в разряд

¹²⁶ Юревич А. В., Журавлев А. Л., Юревич М. А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // NB: Национальная безопасность. 2013. № 2. С. 182–202.

¹²⁷ Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf> (дата обращения 22.11.2015)

актуальных. Российская бедность имеет разнообразные политические, экономические, социокультурные и психологические основания. Спектр причин бедности в России чрезвычайно широк – экономический спад, безработица и низкая оплата труда, глубокая дифференциация доходов и слабый уровень социальной защиты, региональные различия. Эти причины усиливаются миграцией рабочей силы извне, семейными неурядицами и болезнями, маргинализацией и люмпенизацией части населения (бытовая распущенность и лень, алкоголизм и наркомания и даже традиционный для советского периода иждивенческий менталитет). Но главная ее характеристика – индустриальный тип, избыточное предложение низкоквалифицированного труда и его низкая оплата, недостаточность социальных трансфертов и сложность семейной ситуации (большая иждивенческая нагрузка, болезнь и др.).

Российская бедность по ключевым показателям ближе к бедности развитых стран (разрыв в 1,6–1,8 раз), чем к странам БРИКС (разрыв в 1,9–6 раз), что важно учитывать в концептуализации феномена бедности и в применении методик ее оценки¹²⁸. Однако при анализе разных международных рейтингов уровня бедности и благосостояния необходимо учитывать специфику российской бедности.

Прожиточный минимум в России (стоимость потребительской корзины и обязательные платежи) определяется ежеквартально, отдельно для трудоспособного населения, пенсионеров и детей. В потребительскую корзину входит набор товаров и услуг, минимально необходимых для жизнедеятельности человека. По размерам потребительского бюджета все население делится на группы высокообеспеченных, среднеобеспеченных, малообеспеченных и бедных. Согласно выводам Всемирного банка, благодаря экономическому росту и активной социальной политике в России слой бедного населения в 2000-х годах постоянно уменьшался, росла численность среднего класса (до 25 % населения к 2013 г.), изменяя социальную структуру общества, отношения между ее элементами, модели поведения социальных групп.

¹²⁸ Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. 2014. № 4. С. 59–95.

Некоторые показатели уровня жизни в России (потребление, жилищные условия, накопленные имущество и финансы и др.) и ее качества (сфера занятости и безработица, состояние культуры, здравоохранения и образования, экологической среды, криминализации и др.) приведены в приложениях, составленных нами на основе данных Росстата. Как видно из приведенных таблиц, благосостояние и качество жизни по мере экономического роста и социального развития постоянно улучшаются. Однако заметим, что приведенные в ней данные не дают полного представления о состоянии здоровья и уровне образованности населения, их реальной стоимости, о качестве образования и медицинской помощи, комфортности жилой среды и состоянии личной безопасности. И не только потому, что статистика не безгрешна – она по определению не может дать качественных характеристик и требует уточнения данных Росстата показаниями международных экспертов и выводами российских социологов (официальные данные и результаты массовых опросов порой различаются в 1,5–2 раза).

Но уже из приведенных данных видно, что уровень заработной платы в России ненамного превышает рекомендованный ООН еще в середине 1980-х гг. (не ниже трех долларов в час) и в разы меньше заработной платы в государствах ОЭСР, Европы и США. Несложно подсчитать, что Росстат определил зарплату(32611 р.) в долларах по курсу 38 р. за 1 доллар. Реально же по состоянию на август 2015 года этот курс составляет более 60 р за один доллар и тогда, по нашим подсчетам, средняя заработная плата составит не более 550 долларов или 3,4 доллара в рабочий час. К тому же только сумма зарплат И. И. Сечина (600 млн р. в год) и А. Б. Миллера (400 млн р.), поделенная на 75 млн трудоспособных россиян дает прибавку к их зарплате в 1 р. А если Росстат так добавляет в «общий котел» многомиллионную зарплату узкой прослойки самых богатых россиян, то в усредненном виде она легко увеличивается сразу на 13 тыс. р. Из показателей, приведенных в таблицах также видно, что доля бедного населения снижается медленнее, чем увеличивается доля состоятельных

и богатых людей (с 6,8 % до 15,6 %), что ведет к дальнейшему углублению расслоения общества.

Приведенные данные Росстата показывают, что происходит рост цен на товары и услуги (более чем в 2 раза за последние 10 лет) и уменьшение покупательской способности рубля, что значительно снижает эффект роста заработной платы и пенсионных пособий (в 1975–1985 гг. инфляция составляла в среднем 3 % в год, ныне – до десяти и более процентов). Увеличение среднедушевых доходов населения и снижение его доли с доходами ниже прожиточного минимума (абсолютная бедность составляет сегодня 16,1 млн человек или 11,2 %, против 33,5 % в 1992 г.) также не дают должного эффекта по причине наличия галопирующего роста потребительских цен.

В 2015 году число бедных снова увеличилось: по данным академика А. Аганбегяна, реальный уровень жизни не соответствует данным Росстата. В результате опережающего роста инфляции и тарифов на услуги по отношению к росту доходов только в первом квартале 2015 г. число бедных (с доходами ниже прожиточного минимума) увеличилось на 3,1 млн человек и достигло 22,9 млн (16 % всего населения, с большой долей пенсионеров)¹²⁹. Бедность усиливается также в связи с недостаточным уровнем оплаты труда: до 30 % бедных семей составляют те семьи, где все взрослые имеют работу. Территориально наибольшая концентрация бедности обнаруживается в дотационных регионах, малых городах и сельской местности¹³⁰.

Особую опасность представляет безработица, резко усиливающая бедность населения и требующая огромных социальных затрат при ее массовом характере. В условиях экономического спада она присутствует во всех странах. В промышленно развитых странах сегодня вызывает беспокойство в основном «технологическая» безработица, избыток неквалифицированного труда. Российская безработица вызвана сырьевым характером экономики, слабым

¹²⁹ Аганбегян А. Тающие пенсии // Аргументы и факты. 2015. № 31. С. 9.

¹³⁰ Повышение зарплаты бюджетникам 2015–2016 г.г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assessor.ru/notebook/oplata_truda/povyshenie_zarplaty_byudjetnikam (дата обращения 02.02.2016); Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2014. 304 с.

спектром специальностей и недостаточным числом востребованных высококвалифицированных рабочих и специалистов в нефтегазовых отраслях производства. По данным Росстата, количество безработных снизилось и по состоянию на июнь 2015 года составляет 4,1 млн человек (5,4 %) экономически активного населения (72,4 млн человек). Суммарная задолженность по заработной плате составила более 3 млрд р. и на 1 июля 2015 г. увеличилась за год на 37 млн р.¹³¹ Меры по поддержке безработных и созданию рабочих мест отвлекают огромные средства из других сфер социальной политики и увеличились за последнее десятилетие в 15 раз, достигнув 23 млрд р. 2015 году.

Уровень российской бедности регулярно замеряется. С конца 1990-х годов она сократилась по российским критериям оценки в 2,5 раза, по американским оценкам – с 64,4 % до 30,6 %. А если российскую бедность измерить по критериям оценки развивающихся стран (1,25–2 доллара в день на человека), то ее в России вовсе не обнаружишь¹³². По методике измерения благосостояния экспертами ОЭСР, рост уровня жизни россиян значительно скромнее, чем показано Росстатом. Например, заработок россиянина, по данным экспертов ОЭСР составляет 13 911 долларов в год против среднего в ОЭСР в 22 387 долларов. Лишь в пяти странах ОЭСР доходы населения ниже: в Венгрии, Эстонии, Мексике, Турции и Чили¹³³.

Данные международной и российской статистики уточняются также социологическим инструментарием. Социологические исследования показывают, что идет процесс роста социального капитала конвергенция запросов, ценностей и моделей потребления бедного и среднего слоев населения. Ученые-социологи констатируют улучшение экономического и ухудшение социально-психологического состояния россиян, смену отношений к происходящим преобразованиям. Заметим, что такой вывод был подтвержден и в ходе прямой линии с Президентом страны 17 апреля 2015 года. Среди вопросов,

¹³¹ Кузьменко А. В. Занятость и безработица в РФ в июне 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/centers/labourlaw/messagelist.asp?blockID=42> (дата обращения 18.10.2015)

¹³² Бедность в России по данным Всемирного Банка [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/bednost-v-rossii-po-dannym-vsemirnogo-banka/> (дата обращения 12.02.2016)

¹³³ ОЭСР уровень жизни в России и мире // Ведомости. 2014. 20 апр.

заданных В. В. Путину, основная доля пришлась на социальные проблемы, ЖКХ, курс рубля, антикризисные меры и борьбу с коррупцией. На этом основании можно отметить возросшее единство и зрелость общества, которые определяют и более ответственное, консолидированное отношение людей к проводимым реформам, к модернизации страны. Важно, что бедность, усиленная безработицей, инфляцией, многодетностью, местом проживания или несправедливостью распределительных отношений, создает тупиковую ситуацию, вызывает и обостряет чувство обездоленности, несправедливости, порой толкает людей на крайности в социальном поведении, но чаще всего – порождает апатию, безразличие. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2015 г., по сравнению с 2013 годом, в целом уменьшилась, но продолжают оставаться огромные региональные различия: например, в Республике Калмыкия доля такого населения в среднем почти в три раза выше, чем в Московской области, да и в среднем по России. Народ, как и бизнес, и власть, просто пытаются переждать кризис, не борясь с ним: по сравнению с началом 2000 гг., среди «бедных по доходу» доля имеющих дачу или садово-огородный участок, как подспорье для поддержания уровня жизни, сократилась втрое¹³⁴.

Для преодоления этих тенденций, поддержки наиболее уязвимых слоев населения и повышения их активности в общественной жизни в федеральном законе РФ «О государственной социальной помощи» (ст. 3) гарантировано «поддержание уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума». В апреле 2014 года правительством была утверждена очередная государственная программа РФ «Социальная поддержка граждан» 2013–2020 годы¹³⁵. В программе поставлены задачи и определены средства для достижения благой цели – повышения благосостояния нуждающихся категорий граждан, снижения бедности, повышения качества и доступности социальных

¹³⁴ Дмитриева О. Забились под корягу? С. 4.

¹³⁵ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан"» // Собрание законодательства Российской Федерации. Ст. 2059. 2014. № 17.

услуг. Но, как это часто бывает, жизнь оказалась сложнее намерений и планы и бюджеты на 2015 и 2016 годы не согласуются со стратегическими намерениями.

Как видно из приведенной статистики, программа социальной поддержки граждан не решает проблемы преодоления бедности населения и неравенства в образовании. Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума через 5 лет прогнозируется лишь на 1,4 % (в ряде субъектов РФ она останется за пределами высокой, на уровне 15–20 %). Одним из объективных препятствий и существенным фактором напряжения социальной политики является старение населения. В России численность молодежи младше трудоспособного возраста (0–15 лет) в перспективе растет, но может колебаться в зависимости от демографической ситуации, а число людей старше трудоспособного возраста неуклонно увеличивается. Каждый седьмой россиянин (13,3 %) в настоящее время относится к возрастной категории 65 лет и старше (норма по международному критерию – не выше 7 %) ¹³⁶. В результате значительно усиливается демографическая нагрузка на трудоспособное население. Экономически активная часть населения вынуждена все большую долю доходов отдавать на содержание неработающей его части, что не совпадает с интересами работающих, сужает возможности социальной политики, уменьшает объем средств, выделяемых для обеспечения равнодоступности образования.

Для решения проблемы преодоления бедности в силу ее сложности не может быть готовых рецептов. Ясной представляется только стратегия: необходимо значительное расширение доходной части бюджета, совершенствование распределительных отношений в пользу бедных слоев населения и развития человеческого капитала. Для этого следует ориентироваться на развитие производства, ресурсное обеспечение предлагаемых мер и изменение баланса интересов элиты общества, противоречащего, общественной практике и потребностям основной части общества.

¹³⁶ Проблемы и перспективы развития социальных отношений в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.vevivi.ru/best/index.php?s=9cbd5457f33c4d51b0d1d9b947b776f8&autocom=downloads&req=download&code=confirm_download&id=138109 (дата обращения 16.10.2015)

Одна из угроз бедности населения заключается в том, что она нарушает принцип равнодоступности в образовании, ограничивает образовательные возможности, доступ детей и молодежи из бедных семей к полноценному образованию, а в дальнейшем – и к другим общественным благам, снижению их конкурентоспособности на рынке труда. В последнее время решению этой проблемы стало уделяться больше внимания. В соответствии с «Федеральной целевой программой развития образования на 2011–2015 годы» предусматривается довести уровень доступности образования для всех категорий граждан независимо от местожительства, социального и имущественного статуса и состояния здоровья до 78 %. Все дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, дети, из семей с низким социально-экономическим статусом, будут иметь возможность бесплатного обучения по программам дополнительного образования, а 25 % вузов приспособят к обучению инвалидов¹³⁷. Бывший министр образования и науки на совещании у Президента России 7 мая 2015 года доложил о «достижениях» Минобрнауки, в число которых включил и очередь в детские сады – 280 тыс. человек (в Ингушетии доступность составляет менее 40 %), об увеличении наполняемости групп и нагрузки на воспитателей с 9 до 21,5 человек в группе и 11, 2 человек на одного педагога), о достижении доли занятых в дополнительных секциях и кружках до уровня советских времен (60 % детей) и сокращения организаций дополнительного образования в 2013–2014 гг. на 150 единиц, специальных школ для детей с ограниченными возможностями здоровья на 68 единиц, 64 филиала вузов. Есть и реальные позитивные показатели: приток в сферу образования молодых педагогов, подвижки в разработке и внедрении профессиональных стандартов (в том числе для педагогов) и образовательных программ, учебника истории, продвижение русского языка¹³⁸.

¹³⁷ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан"» // Собрание законодательства Российской Федерации. Ст. 2059. 2014. № 17.

¹³⁸ Уже в 2015–2016 учебном году вступают в силу новые ФГОСТы для общего образования – более 26 млн школьников старше 9 лет продолжат свою учебу по новым стандартам. См. : Тезисы министра образования и науки Российской Федерации к совещанию у Президента России 7 мая 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fxn> (дата обращения 18.09.2015)

В прошедшем учебном году в 8 международных олимпиадах российские школьники завоевали 19 золотых, 16 серебряных и 3 бронзовых медали. Уменьшилась число школьников, идущих по траектории «школа-вуз» и увеличилась доля молодежи, желающей получать среднее профессиональное образование (до 44 %) ¹³⁹. Для нас важны сдвиги в социальных аспектах: благодаря росту доступности дошкольного образования 600 тыс. молодых мам смогли продолжить профессиональную карьеру. Увеличение зарплат преподавателей выводит большинство из них из состояния бедности. Введение с 1 сентября 2016 г. 5 тыс. специальных стипендий для лучших выпускников школы (20 тыс р. на весь срок обучения в вузах) и увеличение бюджетных мест по востребованным в регионах специальностям повысят доступность высшего образования ¹⁴⁰.

Второй аспект проблемы безопасности образования в рамках социальных отношений – *дальнейшее углубление социальной и имущественной дифференциации*. Еще раз отметим, что социальное неравенство и поляризация общества, увеличение разрыва между бедными и богатыми слоями населения остается серьезной проблемой социальных отношений в российском обществе и порождает угрозы для образования.

Социальное неравенство, деление людей на богатых и бедных, грамотных и неграмотных, успешных и не очень существовало всегда, в любом обществе. В самом общем плане – это неравномерность распределения особо востребованных социальных ресурсов, ликвидных ценностей между индивидами и различными слоями, группами населения – от власти и денег, до образования и медицинского обеспечения. Такая неравномерность распределения благ предопределяет разные возможности удовлетворения актуальных потребностей и интересов людей. Неравенство в восприятии населения и в науке характеризуется как справедливое и несправедливое, легитимное и нелегитимное, нормальное и избыточное.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

Дифференциация слоев и групп населения, состояние неравенства в обществе, как утверждают многие ученые и политики, играют прогрессивную роль в развитии общества, стимулируют «конструктивное напряжение социальных сил» (А. Шевяков), рост производительность труда, стремление людей улучшить свое положение в обществе. Различные толкования сущности, причин и роли неравенства мы обнаруживаем в подходах П. Бурдьё, Т. Парсонса, М. Вебера, П. Сорокина, А. Шевякова, О. Шкаратана и других ученых. Социальная практика так же изобилует разными моделями, как поддержания социального неравенства, так и его преодоления. В советские времена поддерживалась «уровнировка» и осуждалось неравенство, хотя и с изрядной долей лицемерия. В пореформенные 90-е годы происходит слом прежних общественных отношений, складывается новая стратификация населения, формируются социальные слои и группы по политическим, экономическим, культурным и престижным основаниям, возникают новые социальные отношения. На формирование статуса «верхних» социальных групп большое влияние оказали объем властных полномочий, владение капиталом, личное богатство, связь с криминалом и степень влияния на перераспределение накопленного народом богатства. Основная масса населения не получила свою часть общественного «пирога», усилились неравенство и бедность, расширилось «социальное дно». Либеральные вдохновители, не заботясь о последствиях приватизации и «шоковой терапии», утверждали, что рост неравенства за пределы нормального неизбежен и безусловно необходим для процветания страны. К руководству социальными преобразованиями пришли представители новой элиты, имеющие разные интересы и проявляющие завидное единство лишь в стремлении к личному обогащению. Основная их часть сконцентрировалась в управленческих, экономических и силовых структурах. Для объяснения массового усиления бедности и нищеты, попадания людей в жизненную тупиковую ситуацию, роста числа личных и семейных трагедий ими использовался в качестве главного один аргумент: «не вписались в рынок» (по А. Чубайсу).

Не будем вдаваться в подробности о способах первичного накопления капитала и ограбления народа «новыми русскими» нуворишами, о кощунственности подобных объяснений перехода людей в категорию бедноты. Заметим, что в тот же период, в 1990-х гг. среди зарубежных и российских ученых в качестве реакции на происходящие перемены начал складываться консенсус в отношении того, что уменьшение неравенства в доходах позитивно сказывается на экономическом росте и развитии общества. Сегодня все больше ученых приходит к справедливому выводу о необходимости поддержания допустимой меры неравенства¹⁴¹ как стимула общественного развития, не приводящей к запредельной поляризации общества, обеспечивающей его единство на основе относительного равенства и справедливости распределительных отношений¹⁴².

В научном труде А. Юревича с соавторами показано, что такой мерой является нормальное неравенство – без крайней бедности и нищеты, когда коэффициент неравенства (отношение доходов 10 % богатых слоев от общей численности населения к доходам 10 % самых бедных) не превышает 6–8 раз. Превышение этой меры ущемляет чувство справедливости, вызывает экономические и социальные дисфункции, ухудшает состояние многих сторон общественной жизни (репродуктивную, демографическую, социально-политическую, нравственную, воспитательно-образовательную, криминогенную и др.), усиливает бедность и поляризацию в обществе, напряженность и взрывоопасность социальных отношений. Другие исследования зарубежных и российских ученых (Т. Персон и Г. Табеллини, Ф. Ларрэн и Р. Вергар, А. Алезина

¹⁴¹ Верхняя граница нормального неравенства – когда коэффициент неравенства (отношение доходов 10 % богатых слоев от общей численности населения к доходам 10 % самых бедных) не превышает 6–8 раз.

¹⁴² Елецкая М. А. Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 82–96; Мареева С. В. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013. С. 54–76; Надель С. Н. Социальные факторы экономического роста // Социальные источники экономического развития. М. : ИМЭМО РАН, 2005. С. 7–18; Проблемы бедности в трансформационный период: науч. докл. – Уфа : РИО БАГСУ, 2006. 232 с.; Руденко Д. Ю. Альтернативные подходы к измерению бедности в регионах России // XII-я междунар. конф. по проблемам развития экономики и общества. М. : ВШЭ, 2012. Т. 2. С. 589–598; Сверхвысокое неравенство – реальная угроза стабильности общества: обсуждение научн. сообщения // Вестн. РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 314–316; Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М. : Наука, 2008. 423 с.; Alesina A., Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1994. Vol. 109. No. 2. P. 465–490; Larrain F., Vergara R. Income Distribution, Investment and Growth. Development Discussion Paper. No. 596. Harvard University. August 1997; Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence // American Economic Review, 1994. Vol. 84. P. 600–621 и др.

и Д. Родрик и др.) также приводят к однозначному выводу, что «неравенство негативно коррелирует с экономическим ростом». Повышение доли нормального неравенства в общем неравенстве ведет к снижению избыточного, негативного неравенства (как разницы между фактическим и нормальным неравенством), что оказывает многостороннее позитивное воздействие на развитие общества, расширяет средний класс, повышает потребительский спрос, гармонизирует социальные отношения. А. Юревич приводит данные А. Ю. Шевякова о том, что при снижении избыточного неравенства на 1 % темп экономического роста повышается примерно на 5 %, а темп роста инвестиций – на 6,2 %. В работе показано, что высокий коэффициент неравенства в России характерен лишь для стран «третьего мира»; так указывается, что «в современной России, по данным независимых исследований, разрыв в доходах 10 % самых состоятельных и 10 % наиболее бедных граждан составляет 25–30 раз, а в ее столице и ряде других городов достигает 40–50 раз, что ставит нашу страну в один ряд с государствами со слабо развитой экономической и несправедливой социальной структурой»¹⁴³.

В докладе Аналитического центра при правительстве РФ (АЦП) о развитии человеческого потенциала также обращается серьезное внимание на проблемы экономического и социального неравенства в России. Доля «неблагополучного» населения с доходами ниже трех прожиточных минимумов выше всего среди занятых в легкой промышленности (81 %), сельском хозяйстве (79 %), сфере культуры и спорта (76 %), здравоохранении (71 %), образовании (70 %). Меньше всего – в добыче полезных ископаемых (23 %) и финансовой деятельности (28 %). Несмотря на рост социальных выплат, глубина неравенства домохозяйств по доходам остается «избыточной и нелегитимной». Неравенство приводит к потере половины потенциального экономического роста, накладывает ограничения на репродуктивное поведение и здоровье более чем 50 % россиян¹⁴⁴. Это не может не сказываться на качестве абитуриентов на входе в образовательную систему и, возможно, на их качестве на выходе из нее.

¹⁴³ Юревич А. В., Журавлев А. Л., Юревич М. А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // *НВ: Национальная безопасность*. 2013. № 2. С. 182–202.

¹⁴⁴ Социальное неравенство в России признали избыточным и нелегитимным // *Коммерсантъ*. 2015. 26 фев.

«Вести» в прямом эфире от 5 августа 2015 г. сообщили о выводах экспертов швейцарского банка Credit Suisse Global Wealth о том, что уровень неравенства в России «значительно выше, чем в любой другой крупной экономике мира». Сто одиннадцать российских миллиардеров (по данным журнала Forbes, в 2008 году их было 32) контролируют 19 % богатства страны, 10 % населения обладают 84,8 % (к середине 2015 г. – уже 87 %) богатства (в США – 74,6 %, Китае – 64 %, Японии – 48,5 % богатств). Топ-менеджер госбанка ВТБ Ю. Соловьев по итогам 2011 года получил 25 млн долларов (Forbes). В то же время, как отметили эксперты ОЭСР, 40 % российских семей с низкими доходами «...не могут обеспечить высокого уровня инвестиций в образование своих детей, что препятствует их продвижению по социальной лестнице». Была подчеркнута важность проведения социальной политики, направленной на повышение доходов этих семей, содействия образованию и медицинскому обеспечению их детей¹⁴⁵.

Неравенство в России является основным препятствием для снижения уровня бедности при общем среднем росте богатства домохозяйств. В том же докладе швейцарского банка отмечается, что при значительном росте богатства среднего домохозяйства (с 1 700 долларов в 2000 году до 13 600 долларов к середине 2012 года) доля бедного населения снижается медленно. Всего за два десятилетия российские миллиардеры завладели 30 % всех богатств страны (долларовые миллиардеры всего мира обладают 2 % мировых богатств). Богатство каждого взрослого россиянина (таковых в середине 2015 г. было 109 516 тыс.) невысокое, составляет 1388 долларов (в Пакистане – 2316 долларов). Этот уровень богатства стабилизировался, но тенденции углубления поляризации по доходам и сокращения доли среднего класса усиливается. По данным того же Credit Suisse, 10 % россиян владеют уже 87 % всего благосостояния России

¹⁴⁵ Самый высокий уровень неравенства в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/50499/> (дата обращения 07.11.2015); Чеховский Н. Богатые и очень бедные [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/59649/> (дата обращения 07.11.2015)

(против 85 % в 2014 году), а доля среднего класса упала до микроскопического уровня – 4,1 %¹⁴⁶.

Можно доверять или нет данным, приведенным швейцарским банком, но факт вопиющего имущественного расслоения подтверждается и другими исследованиями (статистика ООН, Всемирного банка, ОЭСР), в том числе российскими экспертами. По данным Всероссийский центра уровня жизни (ВЦУЖ), 48 % населения составляют «неблагополучные» слои населения, доход которых составляет менее трех прожиточных минимумов на работающего человека. Степень имущественного неравенства уже не поддается рациональному осмыслению. Все больше людей приходят к выводу, что личные трудовые усилия не имеют значения для достижения высокого благосостояния и социального статуса. Российская практика показывает, что надежными средствами обогащения являются не столько труд, сколько использование властных рычагов, казнокрадство, взяточничество и захват чужой собственности. Не обладающие этими возможностями все чаще не достигают высокого социального статуса, отходят от активной жизнедеятельности.

Основными причинами воспроизводства богатства одних и бедности других слоев населения являются, на наш взгляд, концентрация промышленных, финансовых и природных ресурсов в руках небольшой группы людей, рентоориентированность экономики и отсутствие механизма справедливого перераспределения доходов. Это воспроизводство невозможно остановить через улучшение качества труда, увеличение пенсий, субсидий и социальной помощи обездоленным. Богатство накапливается вне зависимости от трудового вклада или производительности труда, концентрируясь у работников сырьевых компаний, госкорпораций, финансового сектора и у приближенных к денежным средствам чиновников властных структур. Зачастую богатство быстро приращивается за счет использования колебаний котировок на рынке ценных бумаг, вывоза капитала и офшорных махинаций, позволяющих обходить налоговые барьеры.

¹⁴⁶ Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsentna-naseleniya-planetyi/> (дата обращения 03.04.2015)

Россия продолжает оставаться «богатой страной бедных людей» (В. Путин), а бедность и неравенство – главными угрозами прогресса и безопасности общества и его образовательной системы.

Констатируем, что в современных условиях экономический рост без активной государственной политики перераспределения доходов увеличивает в большей степени доходы богатых слоев населения и не может привести к кардинальному снижению масштабов неравенства и бедности. Тем самым, закрепляется свойственный России «механизм самовоспроизводящейся бедности» (по Л. Львову), подрываются национальная и образовательная безопасность. И это не может быть оправдано тем, что Россия здесь еще не на последнем месте, что наши люди еще не спят на улицах и на свои скромные доходы покупают больше продуктов, чем европейцы. Порог выживания у россиян исторически выше, чем у европейцев, но злоупотреблять этим нельзя. Коммерциализация общественных благ, сокращение доступности образования и здравоохранения в условиях бедности основной массы населения может разрушить эту российскую систему выживания и вызвать социальные потрясения. Особую опасность для человеческого потенциала представляет рост среди бедного населения прослойки учителей, ученых, врачей, работников сферы культуры. Существенная часть из них, осознав демотивацию своего труда, уходит в другие сферы деятельности или ищет счастья за рубежом.

Еще в 2007–2008 гг. российская наука обосновала свои рекомендации по преодолению бедности и неравенства. Учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) была выдвинута гипотеза о том, что продуктивное поведение человека обнаруживается тогда, когда уровень его дохода выше определенного порогового значения. Если повысить доходы всех индивидов и социальных групп до этого значения (функциональной границы), а доходы лиц выше его оставить неизменными, мы получим нормальное, позитивное неравенство. Налоговые нагрузки, не превышающие подоходные налоги в западных странах, остаются только для высокодоходных групп населения.

Конечно, нельзя не учитывать, что уровень бедности и социального неравенства имеет прямое, но не всегда пропорциональное влияние на развитие общества и показатели состояния образования, в том числе на его доступность для разных слоев населения по причине не линейного характера этой зависимости. Но нельзя игнорировать и доказанные факты отрицательного влияния избыточного неравенства и бедности на развитие общества и образования. Так, в исследованиях показано, что снижение избыточного неравенства на 0,01 пункт индекса Джини (показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны) повышает темп экономического роста на 1,87 процентного пункта, а темп роста объема инвестиций – на 3,6–3,8 процентного пункта. Снижение избыточного неравенства на один пункт повышает коэффициент рождаемости примерно на два пункта и понижает коэффициент смертности на три пункта. В результате, прогнозировался прирост ВВП сверх обычного за 5–6 лет на 30–53 % и рост населения к 2050 году до 159–161 млн человек¹⁴⁷, что требовало принятия мер в развитии образования, строительства дополнительных дошкольных учреждений и школ.

Директор ИСЭПН РАН А. Ю. Шевяков на заседании президиума РАН к основным причинам роста неравенства и бедности в России отнес недостатки механизмов формирования и перераспределения доходов населения, их настройку в пользу богатых. По его расчетам, каждые 100 р. прироста валового продукта на одного человека дают бедному 5 р. прироста дохода, а богатому – 200 р. (то есть в 40 раз больше). По его мнению, распределительные механизмы в системе «налогообложение – социальные льготы» должны быть перенастроены в пользу бедных слоев населения. Ученые ИСЭПН РАН пришли к выводу, что уменьшение темпов роста доходов у 10 % богатого населения налоговыми инструментами позволило бы существенно улучшить положение 80 % населения России, довести неравенство и бедность до приемлемых уровней. «Радикальный пересмотр распределительных отношений – увеличение налогов на сверхдоходы

¹⁴⁷ Зими́на Т. Во всем виновато избыточное неравенство // Наука и жизнь, 2008. № 1. С. 150–151.

и увеличение доходов малоимущих до уровня, соответствующего нормам социального государства, – поможет побороть нарастающую относительную бедность и решить демографические проблемы»¹⁴⁸.

Однако выводы науки и практические примеры, свидетельствующие о бедности, неравенства и состояния образования и социальных отношений в обществе, не в полной мере учитываются и реализуются в российской социальной политике. Основная причина, на наш взгляд, – недопонимание этой связи финансово-экономическим блоком правительства, сопротивление адекватным мерам богатейших слоев российского общества, их идеологов и части правящей номенклатуры. Новая элита российского общества имеет тенденции расширенного воспроизводства, омоложения и обогащения. Ее неумная ориентация на собственное материальное благополучие, устремленность к «большим деньгам» проявляются в использовании властных полномочий в корыстных целях, в коррупции, хищении бюджетных средств, в захвате чужой собственности и ведет к дальнейшему усилению неравенства и поляризации общества. Управленческая элита подобной ориентации формирует социальную политику, которая не ограничивает богатство богатых и, тем самым, не преодолевает, а порой и усиливает бедность малоимущих слоев населения. В трудных условиях развития экономики, наполнения бюджета и углубления бедности в 2014–2015 годах, по данным налоговой службы, число миллиардеров и миллионеров в России не уменьшилось, но возросло.

В то же время, Минфин предлагает пополнять доходы бюджета отнюдь не посредством возвращения долгов корпораций или отмены «золотых парашютов», не путем повышения налогов на элитное жилье или предметы роскоши. Вместо этого, под благовидным предлогом оптимизации расходов, предлагаются и реализуются меры, углубляющие бедность – приостановление повышения зарплат бюджетникам, сокращение объемов дотаций регионам на эти цели, уменьшение расходов на образование, отмена или снижение индексации. В результате,

¹⁴⁸ Там же.

численность бедных (во многом за счет пенсионеров) в I квартале 2015 г. увеличилась на 3,1 млн человек – до 22,9 млн, а это 16 % всего населения¹⁴⁹.

Представители прогрессивной части российской элиты понимают, что квалифицированная рабочая сила не может быть обеспечена только из богатых слоев российского общества. Очевидно и то, что человеческий капитал общественного прогресса можно развить только на основе повышения качества жизни всего общества, особенно бедных и креативных слоев населения. Однако все предпринимаемые меры не дают должного эффекта в преодолении бедности и неравенства, так как не согласуются с научной теорией и международной практикой и являются недостаточно системными, до конца не реализованными.

Социальное неравенство как проявление объективной социальной дифференциации российского общества, в том числе в избыточном варианте, многолико и проявляется в самых разных областях. Это неравенство этнических, социальных, профессиональных, половых и возрастных групп населения, региональное неравенство, неравенство в доходах и социальном обеспечении и в других его формах. Для нас важно рассмотреть *влияние неравенства на образование граждан*. Неравенство в образовании и его характер объективно детерминируется не только экономическим, но и социокультурным неравенством в обществе. Функцию инструмента включения человека в социокультурный мир образование выполняет при различных исходных уровнях восприятия этого мира и характера поведения, в зависимости от состояния социального слоя, семейных отношений, в которых прежде рос и воспитывался индивид. Сбалансированное образовательное неравенство¹⁵⁰ делает образование инструментом сглаживания социального неравенства, усиливает мотивацию приобретения знаний и борьбы за место в социальной иерархии, позволяет любому человеку повысить свою социально-статусную позицию, укрепляет осознание справедливости социальных отношений и чувство жизненного оптимизма. Усиление образовательного неравенства до избыточного, напротив, закрепляет и углубляет образовательными

¹⁴⁹ См. : Аганбегян А. Тающие пенсии // Аргументы и факты. 2015. № 31. С. 9.

¹⁵⁰ Не нарушающее принцип равнодоступности образования, позволяющее получить качественное или любое образование.

средствами существующее в обществе социальное неравенство, блокирует возможности использования обществом значительного креативного потенциала, вызывает обострение чувства несправедливости социальных и образовательных отношений. Есть и более категоричные точки зрения, согласно которым «образование ... никогда не выполняло функции устранения неравенства, а с точностью до наоборот – всегда воспроизводило неравенство, выступая одним из основных механизмов его воспроизводства»¹⁵¹.

Так или иначе, поляризация общества закономерно вызывает и поляризацию образования. Сущность избыточного образовательного неравенства в том, что оно в любом случае нарушает принцип равнодоступности образования, не позволяет получить качественное или любое образование и значительно снижает шансы обучения в учреждениях престижного и элитного образования, обеспечивающих гарантированную вертикальную социальную мобильность. Поступление в элитные образовательные учреждения доступно в основном детям из богатых семей.

За рамками качественного образования любого уровня остаются способные дети из неимущих сословий, чем потенциально обедняется интеллект нации. Согласимся, что ранжирование российской образовательной системы на элитное, престижное и массовое объективно обусловлено характером социальных отношений, разностью интеллектуальных потенциалов социальных групп, социальной потребностью воспроизводства высокоранговой общественной элиты. Однако такое деление не должно нарушать принцип доступности образования.

Объективную природу имеет также территориальное и региональное неравенство в образовании (тип поселения, удаленность региона от центра). Оно проявляется уже в том, что большинство «сильных» школ расположены в мегаполисах и крупных административных центрах. Выпускники таких школ показывают максимальные результаты по ЕГЭ и по поступаемости в вузы. Напротив, «обычные» школы (как правило, слабые) находятся преимущественно

¹⁵¹ Шолохов А. В. Неравенство в системе современного образования: основания и механизмы воспроизводства : автореф. дис. д-ра филос. наук [Электронный ресурс]. URL: http://www.ceninauku.ru/page_17653.htm (дата обращения 27.09.2015)

в районных центрах, поселках городского типа и в селах. Шанс ее выпускника преодолеть территориальную депривацию, выбрать сильную школу или поступить в вуз, невелик¹⁵². Но такое неравенство обусловлено местом проживания и едва ли устранимо политическими инструментами, в том числе средствами социальной и образовательной политики государства. Такой же характер приобретает образовательное неравенство, вызванное языковыми барьерами национальных меньшинств, мигрантов или неравенством врожденных способностей, личных амбиций, выбранных жизненных стратегий.

Здесь речь идет не о любом образовательном неравенстве, но о таком, которое обусловлено избыточным неравенством населения по доходам и может быть устранимо средствами социальной и образовательной политики. Подобное неравенство образуется как результат бедности части населения, неравномерности распределения образовательных учреждений по регионам страны, разного уровня их обеспеченности. Уже стало зачастую невозможным обучение в вузе за пределами места проживания: воздушный транспорт оказывается недоступным по дороговизне – авиабилет от Владивостока до Москвы стоит 2–3 средней зарплаты, в разы дороже, чем до Нью-Йорка. Неравенство усиливается также ростом сегмента платных услуг в образовании, зависимостью доступности образования от статуса родителей, недостаточным уровнем развития отдаленных регионов и сельских поселений. Непродуманное закрытие малокомплектных российских школ на селе¹⁵³ без принятия определенных мер привело к исчезновению самих поселений, нанесло удар по аграрному сектору экономики и не может не усилить образовательное неравенство. Такое неравенство порой не позволяет получить любое образование даже среднее. Так, по данным последней Всероссийской переписи населения, более 6 млн детей в возрасте более 15 лет имеют лишь начальное общее

¹⁵² Константиновский Д. Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-sfere-obrazovaniya-rossiyskaya-situatsiya> (дата обращения 26.03.2016)

¹⁵³ Было вызвано введением подушевого финансирования образовательных учреждений без учета наличия малокомплектных школ.

образование, а более 700 тыс. не имеют никакого, то есть фактически не ходили в школу по разным причинам, в том числе по бедности своих родителей¹⁵⁴.

Опрос органов управления образования, проведенный в девяти федеральных округах, подтверждает, что в стране уже существуют ограничения доступа не только к высшему, но и к качественному дошкольному и школьному воспитанию и образованию. Основным контингентом центров развития ребенка являются дети бизнесменов с высокими доходами, мелких и средних предпринимателей, специалистов интеллектуального труда. Полный же спектр услуг по уходу, воспитанию и образованию детей могут получить лишь бизнесмены с высоким уровнем доходов¹⁵⁵. Другими словами, расслоение общества приводит и к расслоению детей, в зависимости от имущественного и социального ценза их родителей. Дети, отторгнутые от образования неадекватной государственной политикой или бедностью родителей, оказываются в зоне социального риска, пополняют контингент малолетних преступников.

Значительное влияние на формирование рисков для образования оказывают так же территориально-административные различия населения на огромной территории России в условиях слабых миграционных тенденций, что обуславливает неравномерность развития и значительную специфику региональных моделей образовательных систем. Как показано в приведенной нами таблице, показатель численности студентов на 10 000 человек даже в пределах одного федерального округа различается в три и более раза (к примеру, в Московской и Костромской областях). Индекс качества жизни и доля бедного населения в регионах, во многом определяющие доступность образования, между передовыми и отстающими субъектами РФ также отличается в разы. Неравномерность образовательного пространства России по насыщенности регионов образовательными учреждениями привела к созданию сотен филиалов различных вузов, что резко усилило профанацию образования. К приведенным факторам неравенства, обусловленных рынком, следует добавить национальные,

¹⁵⁴ Российский статистический ежегодник. 2014. Стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 179.

¹⁵⁵ Социальное неравенство [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/sociology/2c0a65635a3ad68a4d53b89521316d37_0.html (дата обращения 26.03.2016)

языковые и религиозные различия интересов, также продуцирующие риски в образовании и требующие в социальном плане взвешенной национальной, конфессиональной и региональной политики. Этого требует и свойственное России рассеянное (дисперсное) расселение народов. Только в 5 республиках из 21 численность титульного населения превышает 50 %¹⁵⁶.

Основой социальной политики в образовательной сфере должны стать соблюдение конституционных положений в части обеспечения доступности и равенства в получении образования, социальная адресность и сбалансированность социальных интересов (обучающихся и их семей, педагогов, образовательных учреждений, производства, работодателей, всего общества и государства). Не менее важно учесть фундаментальные свойства образования, его роль в воспроизводстве труда и капитала, всей общественной жизнедеятельности, в развитии познавательных и практических, нравственных и идейно-политических качеств человека. Одним из важнейших направлений и принципом социальной политики в нейтрализации рисков в образовании является демократизация образовательных отношений.

Итак, образовательные отношения как часть социальных отношений являются основой духовного воспроизводства человека и общества. Образование в социальной сфере способствует воспроизводству его профессиональной и социальной структуры, обеспечивает горизонтальную и вертикальную мобильность в обществе, гармонизацию социальных отношений или, напротив, консервирует и углубляет противоречия между элементами социальной структуры. Поэтому даже в рыночном обществе они не могут быть чисто рыночными, а образование – сферой рыночных услуг, наряду с другими услугами. Ресурсы, вложенные в образовательное (общественное) благо, неправомерно считать затратными, поскольку вкладываются в настоящее и будущее развитие человеческого потенциала и в дальнейшем многократно окупаются.

¹⁵⁶ Проблемы и перспективы развития социальных отношений в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.vevivi.ru/best/index.php?s=9cbd5457f33c4d51b0d1d9b947b776f8&autocom=downloads&req=download&code=confirm_download&id=138109 (дата обращения 16.10.2015)

Основные угрозы для безопасности образования порождаются бедностью, избыточным социальным неравенством и поляризацией общества, дифференциацией образования на массовое, элитарное и элитное, снижением доступности качественного образования для детей из бедных семей. Воспроизводство угроз усиливается так же различиями моделей и уровня развития региональных образовательных систем, слабой демократизацией образовательных отношений. Усиление образовательного неравенства до избыточного, нарушение принципа равнодоступности образования (что фактически происходит в российском образовании) углубляет существующее в обществе социальное неравенство, блокирует возможности использования значительного креативного потенциала, вызывает обострение чувства несправедливости социальных и образовательных отношений.

Социальная политика в образовательной сфере должна быть направлена на соблюдение конституционных положений в части обеспечения доступности и равенства в получении образования, повышение социальной адресности и сбалансированности социальной поддержки нуждающихся, демократизацию образовательных отношений. Механизм образования общественных образовательных благ заключается в том, что социальная политика государства ограничивает «ненасытность» индивидуальных потребностей и, независимо от желания самодостаточного индивида, направляет часть созданного им фонда потребления на обеспечение общественно значимых благ, в том числе образования, на обеспечение потребностей не самодостаточной части населения.

Важнейшими задачами по снижению социальных рисков в обществе и их нейтрализации в образовании являются, во-первых, обеспечение права на образование, расширение охвата всей молодежи третичным образованием. Во-вторых – ликвидация тупиковых направлений образовательного спектра, обеспечение преемственности ступеней образования и образовательных стандартов. В-третьих – повышение качества образования во всех регионах и типах учебных заведений до уровня передовых. В-четвертых – усиление воспитательной функции образования, воспитание у обучаемых высоких

гражданских и нравственных качеств. В-пятых, углубление социальных связей образовательной системы (образование – производство; образование – наука; вуз – школа; университет – другие образовательные учреждения; учреждения центра и регионов и др.). «Важно как обосновать моменты и звенья, циклы и дифференцированные объекты, средства и рычаги политики в сфере образования, так и всесторонне согласовать их с политическим, экономическим и социальным измерениями общественного модуса воспроизводства знания»¹⁵⁷.

2.3. Зависимость безопасности образовательного пространства от духовных факторов: проблемы и противоречия

Задачей параграфа является исследование духовного фактора обеспечения безопасности образовательного пространства, выявление основных угроз, воспроизводимых в духовной культуре общества, для безопасности образования, обоснование путей и средств их блокирования и преодоления.

Актуальность решения поставленной задачи неизмеримо возрастает в связи с повышением роли духовной составляющей в обеспечении национальной безопасности страны и одновременным снижением качества духовной культуры российского общества. Социальное развитие последних десятилетий актуализировало необходимость рассмотрения духовной сферы как самостоятельной сущности, исходя не из ее вторичности по отношению к общественному бытию, но как определяющей специфику и качество общества, в том числе уровень его национальной безопасности. С учетом мировых тенденций глобализации и унификации духовной культуры важно формирование национальной идентичности, способность передавать новым поколениям свою культурную самобытность, преодолевать ценностное размежевание людей и поколений, сохранять и воспроизводить духовную целостность и единство, обеспечивать гармонию индивидуальных, групповых и социетальных интересов.

¹⁵⁷ Мухудаев М. О. Социальная политика и образование. С. 384–403.

Другой составляющей актуальности является устойчивая тенденция утраты духовно-нравственных ценностей и историко-культурных национальных традиций, поддерживаемая Западом с целью ослабления России (стимуляция национального сепаратизма, навязывание псевдокультуры, своих моделей жизни и образования и др.). Распад СССР, смена социального строя и реформы 1990-х гг. значительно ослабили духовные скрепы государства, вызвали качественные сдвиги во всех сферах жизни общества, включая духовную.

Этим воспользовались глобальные реакционные силы, которые никогда не оставляли попыток ослабления России как геополитического конкурента, посредством разрушения духовного потенциала нации, государства. Они предпринимают настойчивые попытки внедрить свою «вирусную» идеологию демократического плюрализма в духовное программное обеспечение российского общества. Через своих агентов влияния и СМИ совершается «невидимая подмена понятий», разрушаются система образования, образовательные и духовные традиции, связь поколений, целостность личности.

Личностная деградация, вытеснение из общественного сознания национальных ценностей и внедрение других, чуждых российскому менталитету, стирание исторической памяти народа должны были спровоцировать всеобщий кризис и смуту в обществе в условиях внутреннего нарастания дезинтегрирующих факторов. По такому сценарию Западу уже удавалось готовить современные «бархатные» и «оранжевые» революции, обеспечивать развал Югославии и распад СССР, конструировать кризисы в Карабахе, Киргизии, Таджикистане, Боснии, Албании и в других «горячих точках». За реализацией подобной технологии разрушения национального духа отчетливо просматривается организующая и направляющая роль определенных государств, их спецслужб и крупнейших корпораций. Идеологической основой этой технологии является современная теория «управляемого хаоса», изначально заложенная в трудах И. Пригожина, И. Стенгерс, З. Бжезинского и С. Манна¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Камашев С. В. Национальная безопасность и образование в условиях управляемого хаоса // Философия образования. 2013. № 5. С. 8–15.

Культурная самобытность России, проблемы сохранения российской духовности всегда привлекали интерес отечественных философов, социологов, педагогов (С. А. Алексеев (Аскольдов), Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. Я. Данилевский, Э. В. Ильенков, И. А. Ильин, В. С. Соловьев, П. А. Сорокин, Г. О. Флоровский и др.). Политическая элита России также постепенно приходит к осознанию важности духовных факторов в развитии общества и его образовательной системы.

Сегодня акцент философских исследований духовности смещается в сторону рассмотрения проблем и перспектив духовного развития общества. Изучению состояния духовной сферы и возникающих в ней угроз для образования, путей оптимизации процесса формирования национальной и гражданской идентичности в условиях глобализации и деидеологизации социума посвящены работы П. В. Алексеева, С. С. Аверинцева, Э. М. Андреева, А. С. Ахиезера, П. Н. Беспаленко, Б. Н. Бессонова, А. И. Буркина, А. В. Возженикова, М. К. Горшкова, Е. Р. Дубровина, Н. И. Губанова, Д. В. Коростылева, М. М. Крома, А. И. Кузнецовой, Н. В. Наливайко, В. В. Пыжа, Н. Е. Тихонова, А. В. Тонконогова, В. Б. Трипольского, В. П. Ширяева, Р. Г. Яновского и др.¹⁵⁹

¹⁵⁹ Алексеев П. В. Духовная сфера жизни общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-2669.html> (дата обращения 19.11.2015); Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Т. I. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 804 с.; Бессонов Б. Н. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры // Обществознание: ценностный подход. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 592 с.; Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социс. 2012. № 6. С. 121–126; Камашев С. В. Интеллектуальный потенциал России в условиях глобализации // Интеллектуальные ценности в современной России: Философия. Наука. Инновации: материалы 1-й Всерос. науч. конф. «Сибирский филос. семинар». Новосибирск : НГУ, 2011. С. 36–40.; Камашев С. В. Россия в диалоге культур «Запад»–«Восток» в условиях глобализации // Диалог в культуре и спорте : сб. ст. – Praha : Univerzita Karlova v Praze – Pedagogická Faculta, 2012. Р. 232–242; Наливайко Н. В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования // Философия образования. 2012. № 6 (45). С. 27–33; О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013. 400 с.; Пыж В. В. Духовная безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Politologia/2_149672.doc.htm (дата обращения 25.01.2016); Самыгин С. И., Верещагина А. В. Духовная безопасность России как основа российской государственности // Социологические науки. 2011. №1. С. 13–17; Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избр. науч. работы (1997–2007 гг.). – СПб. : СПб. ун-т, 2008. 479 с.; Тихонова Н. Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63; Тонконогов А. В. «Деструктивная духовность» как социально-философская категория // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 99–109.

Различные аспекты роли образования в духовной жизни и нейтрализации духовных угроз в его функционировании получили научное освещение в работах С. В. Камашева, Т. С. Косенко, А. Л. Никифорова, Е. А. Тихомировой, В. Ю. Троицкого и др.¹⁶⁰

Наша задача – проанализировать отдельные аспекты безопасности духовной жизни и образовательной сферы с точки зрения комплексного подхода и с использованием методов праксиологии, эпистемологии, аксиологии. Важными звеньями исследования являются анализ основных понятий духовной сферы, исследование современного состояния духовной культуры общества, выявление основных рисков духовного порядка, представляющих угрозу безопасности российского образования.

Методологическим инструментом решения этой задачи остается, прежде всего, философия образования, предметом которой является не только аксиологические аспекты образовательной деятельности, но и анализ всей социокультурной среды, ее духовной составляющей. Как справедливо утверждает Н. Розов, философия образования «...сводит в целостность все явления действительности, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание. Воспроизводство определенного образа социальной жизни и типов личности обеспечивает культура. Она транслирует накопленный социальный опыт»¹⁶¹. Добавим, что в философское знание как «метаязык всех наук» (М. М. Бахтин) включает все виды знания, все элементы духовной культуры. В первом приближении, *духовная сфера общества* как предмет социальной философии – важнейшая составляющая общественной жизни,

¹⁶⁰ Камашев С. В., Михалина О.А., Наливайко Н. В. Актуальные проблемы безопасности отечественной системы образования : моногр. Новосибирск : СО РАН, 2007. 330 с.; Косенко Т. С., Камашев С. В. Воспитание – необходимый атрибут успешного государственного устройства // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 3. С. 73–79; Камашев С. В. Стратегия национальной безопасности и образование: социально-философский анализ // Философия образования. 2010. № 1. С. 102–109; Камашев С. В. Диалог мировоззрений – основание для безопасного развития мировой цивилизации // Философия образования. 2012. № 5 (44). С. 91–97; Никифоров А. Л. Гуманитарная ориентация образования в России. // Вестн. МГПУ. Сер. «Философские науки». 2014. №1(9). С. 54–62.; Тихомирова Е. А. Межкультурная коммуникация и культурные нормы в развитии мирового и отечественного образовательного пространства // Философия образования. 2012. № 6(45). С. 49–52.; Тонконогов А. В. Образовательные и научные учреждения в системе обеспечения духовной безопасности российского общества // Право и образование. 2010. № 1. С. 50–55; Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 480 с.

¹⁶¹ Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск : НГУ, 1998. С. 193–217.

формирующаяся в процессе духовной деятельности людей на основе экономических и социально-политических отношений и определяющая специфику общества. Духовная сфера понимается нами как совокупность отношений, основанных на определенной, выработанной, осознанной и одобренной людьми системе идей, идеалов и духовных ценностей.

Человек рождается в уже существующей определенной материальной и духовной среде как существо, не только наделенное способностью сознания, но как существо общественное, олицетворяющее наличные общественные отношения. Эти отношения, люди, в них включенные (социальная группа, общество), посредством воспитания-образования и включение в деятельность «доводят» потенциального человека до уровня полноправного члена общества с устоявшимися духовными ценностями и практическими навыками, социализируют его. «Духовное, – подчеркивает А. Тонконогов, – есть высшее проявление социального, соединение реализуемых человеком интеллектуальных, моральных и творческих потенциалов, воплощенных в идеальных и материальных элементах духовного производства»¹⁶². Духовное наполнение социального человека становится, в свою очередь, достоянием духовной культуры общества. Можно достоверно утверждать, что духовность является не личностным, но общественно-личностным свойством – это не только характеристика личности, но и состояние общества в целом и его культуры.

Духовность является признаком и основой любой человеческой деятельности. Бездуховного общества, как мы привыкли иногда утверждать, быть не может. Правомерно говорить лишь о разном уровне духовности общества, того или иного социального слоя, той или иной личности в зависимости от степени восприятия ими прогрессивных духовных ценностей, различной в разных условиях жизнедеятельности. Духовные ценности, идеи и нормы являются высшими ценностями, поскольку дают знание настоящего, прошлого и будущего развития общества, пронизывают всю общественную жизнь и индивидуальную

¹⁶² Тонконогов А. В. «Деструктивная духовность» как социально-философская категория // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 99–109. (дата обращения 16.11.2015)

деятельность каждого человека. Они являются основой формирования ценностных установок личности, всех наличных ценностей, выстраивания генеральной линии индивидуального и группового поведения, вызревания планов познания и преобразования мира, вплоть до социальных революций.

Духовные ценности формируются на основе экономических и социально-политических отношений, всего общественного бытия людей в духовном производстве, в развитии человеческих отношений и культуры. Наличные духовные ценности усваиваются и воспроизводятся самостоятельно (часто – спонтанно) или в ходе целенаправленного обучения и воспитания. Субъектами целенаправленного духовного производства выступают профессионалы из среды интеллигенции, лучшие творения которых с опорой на исторические ценности становятся духовным достоянием народа и руководством к действию. В процессе производства и потребления духовного продукта личность и общество, народ, государство выступают одновременно объектами его воздействия и субъектами воспроизводства, основными творцами и потребителями.

Основная цель духовного производства – воспроизводство духовной культуры, общественного сознания на двух его уровнях (теоретическом и эмпирическом, общественной идеологии и психологии) и во всех формах (политическое сознание, правосознание, религиозное сознание, эстетическое, философское, научное). В процессе духовного производства: порождаются, сохраняются и распространяются фундаментальные идеи о развитии других сфер общественной жизни, генерируются новые знания о природе, обществе и человеке, формируются духовные ценности, регулирующие общественные отношения и поведение людей, складывается общественное мнение, как коллективная оценка различных аспектов общественного бытия. Основными каналами и средствами удовлетворения духовных потребностей являются воспитательно-образовательная система общества, СМИ и другие средства коммуникативного воздействия, самовоспитание и самообразование.

Усвоенные человеком идеи и ценности находятся в постоянном движении: трансформируются, взаимообогащаются, систематизируются, ослабевают

или усиливаются. Культивируемые в семье, учебном заведении, в обществе идеи, нормы и ценности, носят довольно мозаичный, разнообразный, порой неупорядоченный характер – от строгих философских систем до разнообразных художественных фантазий, от укрепляющих безопасность общества до разрушающих его.

Поэтому исследование безопасности образовательного пространства немислимо вне его связи и взаимодействия с культурным пространством общества, сущность которой мы рассмотрели в 1 главе диссертации. Здесь отметим закономерную зависимость состояния образовательного пространства и его безопасности от состояния духовной культуры общества. Прежде всего, от общего состояния духовной культуры и таких ее составляющих, как идеология и общественная психология, философия и образование, нравственность и искусство. Именно здесь, под воздействием господствующих идеологических концепций, образовательной и культурной политики, деятельности культурных учреждений и СМИ, воспроизводятся духовные ценности различного спектра и качества и, при определенном их состоянии, формируются угрозы для образовательного пространства. Среди всех составляющих духовной культуры особое место принадлежит образованию, выполняющему тройную функцию: как механизм расширенного воспроизводства духовных ценностей, как способ приобщения к ним всех обучающихся и как объект воздействия всей духовной культуры и исходящих из нее рисков¹⁶³.

Для нас важно выяснить, как духовная культура и образование в совместной жизни и деятельности людей порождают, хранят и воспроизводят духовные ценности, каковы причины изменения их содержания, девальвации одних и доминирования других ценностей. Динамика и направленность этих изменений позволит определить условия и механизмы порождения угроз и рисков для образования, наметить пути и средства их нейтрализации. Особое значение для выяснения этих вопросов имеют положения теории культуры В. Библера

¹⁶³ Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: филос. основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. С.193–217.

и М. Бахтина, предложивших логику «трансдукции» культуры в противовес индукции (обобщения) и дедукции (выведения частного из общего). Логику «трансдукции» культуры (ее суть рассмотрена нами в гл. 1) мы используем в качестве методологии при анализе идеологического поля предмета исследования и процессов диалога культур и образовательных систем. Такая логика требует восприятия из «другой» культуры лишь тех элементов и ценностей, которые соответствуют традиционным ценностям «своей» культуры, что обогащает национальную культуру, сближает народы и не приводит к потере собственной идентичности.

Рассмотрим *общее состояние духовной культуры* российского общества и ее возможность порождать риски и угрозы для образовательного пространства в зависимости от четырех основных причин: внутренних оснований российской культуры, состояния образовательной системы, внешних воздействий на духовную культуру и состояния общественного сознания в его различных формах и уровнях.

Пореформенная трансформация духовной культуры в России обусловлена объективными и субъективными причинами и имеет свою внутреннюю логику. Основными причинами стали коренное изменение на рубеже XX–XXI веков общественного и индивидуального бытия как основы духовной жизни, переход к капиталистическим отношениям и неадекватная реальная политика государства в пореформенный период. Тотальная приватизация исказила цели, сузила материальные и управленческие возможности государства в развитии культуры. Государство бросило систему образования молодежи на произвол судьбы: финансовое обеспечение культуры, образования и молодежной политики производилось по остаточному принципу (что сохраняется до сих пор). Проблемам семьи и молодежи должного внимания не уделялось, Госкомитет по делам молодежи был упразднен.

Россия в одночасье превратилась в государство рыночного олигархического капитализма на начальном, «диком» этапе развития. Рыночные отношения не приемлют нравственных регуляторов, обедняют духовность человека,

превращают в бесправных «лузеров», усиливают его индивидуализм, освобождают от моральных принципов (Э. Фромм), превращают в «одномерное существо» (Г. Маркузе). В процессе смены общественных отношений одухотворенный народ-творец превратился в послушного исполнителя воли пришедших к власти и к народному капиталу не совсем образованных и совсем не воспитанных власть имущих хозяев жизни. Оторванные от российских корней, не имеющие русского кода народности, справедливости и порядочности, они избрали в качестве основного инструмента управления людьми либеральную рыночную идеологию. Ее принципами управления стали невмешательство в стихию рынка, уход из образовательной сферы, забвение культурной и молодежной политики, остаточный принцип финансирования развития человеческого потенциала, обогащение управленческой и экономической элиты. Их психология и основной интерес – «распилить» бюджет, «огрбить» соседа, иметь роскошную яхту, особняк, счет в зарубежном банке, набор золотых часов в сейфе, развлечения под купленные ансамбли и тому подобное. Удел «лузеров» – работать на благо их роскошной жизни, потреблять заказанную ими отупляющую сознание музыку. Семена полуживотных потребностей и низкопробной заказанной «музыки» новых «хозяев жизни» дали свои всходы на поле духовной культуры общества, в молодежной среде.

В результате перехода к капиталистическим отношениям и деятельности новой общественной элиты изменились мировоззренческая парадигма общественного развития, нормативно-ценностный компонент духовной культуры, традиционные интеграторы и идентичности россиян. На смену отношениям коллективизма пришли отношения индивидуализма и прагматизма, утверждение власти денег, ценностей прибыли и успеха, повсеместное распространение получили социальная апатия, асоциальное поведение, вседозволенность, коррупция, грабежи и насилие. Утверждение власти денег и вседозволенности определило ненужность норм морального кодекса. Лозунг «все для человека» потерял свою актуальность под воздействием новой парадигмы развития общества – «все для сильных и богатых мира сего». Всестороннее развитие

личности в воспитании-образовании свелось к прагматической цели подготовки субъекта труда. Духовный потенциал российской нации, ее патриотический компонент скукожились до запредельного уровня, родина перестала быть Отечеством, усилилась «утечка мозгов».

Вместе с переходом к рыночным отношениям началась кардинальная перестройка основных универсалий культуры по западным образцам, что в значительной мере разрушило сущностную характеристику культуры, ослабило культурную функцию образования, вызвало трансформацию ценностей, ментальных оснований народа. Произошла коренная перестройка духовного уклада как основы духовных скреп общества и государства. На этом фоне значительно снизилась роль патриотических ценностей и коммерциализировались мотивы поведения индивидов и социальных групп. Отечество все больше рассматривалось как «эта страна», которую целесообразно покинуть в поисках лучшей жизни. Покидали страну не только обыватели, но лучшие и, в основном, молодые люди, занятые в областях духовной культуры общества, в образовании, науке. По данным Национального научного фонда США, Россию с 1990 г. покинули 70–80 % математиков, 50 % физиков-теоретиков, работающих на мировом уровне. По экспертным оценкам, за последние 5–6 лет за рубеж по контрактам выезжали не менее 100 тыс. российских ученых, и далеко не все из них вернулись на родину, в свои трудовые коллективы. Наибольший эмиграционный потенциал у 18–24-летних (39 %), высокообразованных респондентов (29 %), а также активных пользователей Интернета (33 %). Большинство из тех 75 % россиян, которые не имеют желания покинуть Родину – это, в первую очередь, пожилые (93 %) и малообразованные (85 %) сограждане, а также те, кто не пользуется Интернетом (87 %)»¹⁶⁴. По некоторым данным, существует и противоположная тенденция – наученные горьким опытом зарубежного бытия, девушки обнаруживают все меньшее стремление выйти замуж за иностранца и уехать с ним на постоянно место жительства.

¹⁶⁴ Миронов, В. В. Размышления о реформе российского образования // *Философия образования*. 2012. № 1 (40). Новосибирск : СО РАН. С. 30–32.

Смена традиционных ценностей духовной культуры общества до сего дня несут в себе серьезную угрозу национальной и образовательной безопасности России. На наш взгляд, среди обобщенных причин духовного регресса и роста девиантного поведения следует выделить неустроенность и падение уровня жизни, давление на человека огромного массива противоречивой, в основном негативной, информации, разложение общественной элиты, неадекватные действия властных структур. Патриотические настроения народа подпитываются в основном внешнеполитическими инициативами и действиями Президента В. В. Путина (воссоединение с Крымом, действия ВКС в Сирии и др.). В результате, по недавнему опросу «Левада-центра», большинство россиян доверяют лишь президенту (80 %) и армии (64 %) ¹⁶⁵.

Отмеченные явления своими корнями уходят в эффективность функционирования воспитательно-образовательной системы общества, всего образовательного пространства в единстве с духовной культурой. В этой системе готовились многие современные управленцы Минобрнауки, опустившие высокую планку советского образования до современного уровня через западные ЕГЭ, бакалавриаты и стандарты, которые отучили «образованцев» думать и творить и даже поступать в вузы без дополнительного репетиторства. Именно в этой образовательной системе обучалась и воспитывалась значительная часть непатриотичной управленческой и творческой элиты общества, менеджеры неэффективной экономики и неадекватных реформ, многие сотрудники и руководители правоохранительных и других ведомств. Именно отсюда произрастают утечка капитала, неадекватные властные решения, слабость борьбы с коррупцией и неравенством, десятилетнее опоздание с импортозамещением, двадцатилетнее – с созданием детских организаций («Движение школьников») и все другие беды России.

Оглядываясь на Вашингтон, Брюссель и МВФ, управленцы от образования не слышали тревожные сигналы образовательного сообщества России, не желали присмотреться к опыту других стран мира. С другой стороны, молодые люди,

¹⁶⁵ Аргументы факты, 2015. № 42. С. 2.

воспитанные такой духовной средой, приходят в учебные заведения снижают качество воспитания-образования. «Состояние образования уже сказывается на состоянии науки и технологий, в целом оставляет желать лучшего. Китай безо всякого ЕГЭ стимулировал развитие образования и науки у себя, преодолел тенденцию миграции кадров специалистов, вышел в мировые лидеры в технологической и научной сферах: на 3-е место в мире в области информатики, электроники и авиации, на 4-е – в нанотехнологиях и автомобилестроении»¹⁶⁶.

В сознании людей постепенно укреплялось убеждение, что сущность Российского государства не в полной мере соответствуют идеалу социального государства. Теоретической основой государственной политики как основного инструмента управления людьми оказалась либеральная рыночная идеология. К признакам этой идеологии относятся неуправляемая стихия рынка, сокращение государственных функций управления, уход из образовательной сферы, забвение культурной и молодежной политики, остаточный принцип финансирования развития человеческого потенциала, передача функций обеспечения образования и культуры нижестоящим субъектам и другие признаки. Основной заботой государства является развитие крупного бизнеса, обогащение экономической (крупный бизнес и нефтегазовые структуры), управленческой, военно-силовой и духовной элит, их организационных и производственных структур. Число чиновников в России с их непомерными аппетитами сегодня в полтора раза больше, чем в огромном СССР. Сюда направляются большинство материальных, властных, финансовых и других преференций, здесь оседает большая часть разворованных бюджетных средств, что вызывает недовольство населения, дальнейшее усиление его бедности и имущественного расслоения.

Состояние духовной культуры, вызванное переходом к капиталистическим отношениям, обусловило усиление воспроизводства рисков для безопасности образования и общества. Среди них отметим утрату традиционных ценностей и нарушение национальной идентификации, деидеологизацию и депатриотизацию сознания, наличие конфликта общественных и личных интересов.

¹⁶⁶ Там же. С. 5.

Такое состояние требует развития духовной культуры России в направлении снижения рисков, ее «очищение» от несвойственных ценностей, адекватной образовательной и культурной политики государства, без чего невозможны духовно-нравственное возрождение и модернизация страны.

Важным аспектом, требующим анализа, является *состояние образовательной системы общества* как основного источника воспроизводства и трансляции духовных ценностей, средства нейтрализации и преодоления рисков духовной сферы (современное общее состояние образования, его количественные и качественные характеристики мы выявили в предыдущей главе).

Социальная философия достигла консенсуса относительно кризисного состояния российского образования. О причинах кризиса имеется немало работ, для которых характерно значительное разнообразие подходов. Так, даже в одном номере журнала нам удалось обнаружить несколько различных трактовок этих причин. А. Наливайко связывает эти причины с духовной культурой общества, исключением воспитания из образовательного процесса, недостаточным вниманием субъектов образования к изучению русского языка, литературы, истории и живописи¹⁶⁷. Н. Шлемова – с утратой самосознания культуры из-за принижения роли философии в обществе и в образовательной системе¹⁶⁸. С. Черных видит причину кризиса образования в смене парадигмы традиционного образования, в возникновении его нового, электронного типа и в различных темпах развития элементов образовательного пространства¹⁶⁹. На наш взгляд, все эти причины имеют место. Но основными причинами разрушения традиционной образовательной системы и снижения его эффективности (утрата передовых позиций и падение до 35 места в мире) считаем отмеченный нами переход к рыночным отношениям, общий кризис духовной культуры,

¹⁶⁷ Наливайко А. В., Паршиков В. И. // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 3. С. 93–98.

¹⁶⁸ Шлемова Н. А. Философия в вузе или о подмене философии философованием // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 3. С. 25–32.

¹⁶⁹ Черных С. И. Кризис образования как состояние и как социально-философская проблема // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 3. С. 32–41.

внешние воздействия мировых тенденций и сил и неадекватность образовательной политики¹⁷⁰.

Надо отметить способность образования, несмотря на свою инерционность, чутко реагировать на любые изменения среды, подтверждая тесную взаимосвязь всех подсистем общественного организма. Так, новые требования инновационной экономики уже вызвали к жизни конкретные образовательные модели, которые учитывают не только новые экономические запросы, но и интересы консолидации общества и обеспечения конкурентоспособности на рынках инноваций, труда и образования¹⁷¹. Механизм взаимосвязи подсистем общества, в том числе культурного и образовательного пространств, сформулирован в монографии С. Черных и проявляется во «...взаимообмене материальными, информационными, человеческими и иного рода ресурсами с другими социальными подсистемами и в целом с социальной средой. Сфера образования воспринимает, интерпретирует, моделирует и экстраполирует в свои элементы и ячейки процессы, происходящие во всем обществе и природе, возвращая им те же человеческие ресурсы и информацию, уже опосредованные его (образования), воздействием»¹⁷².

Нетрудно заметить закономерность взаимодействия образования и культуры: культурное пространство, вместе с культивируемыми в обществе духовными ценностями, выполняет функцию воспитательно-образовательной среды, поставляет потребителям (в том числе образовательной системе) наличные ценности, включая угрозы и риски. Кризис духовной культуры вызывает ослабление национального духа и кризис образования через усиление расширенного воспроизводства угроз и рисков. В свою очередь, кризис образовательной системы способствует упадку всей духовной культуры

¹⁷⁰ Очередной учебный год многие родители встретили далеко не радостно из-за подорожания обеспечения ребенка к школе, закрытия ряда малокомплектных школ и учреждений дополнительного образования, повышения платы за репетиторство.

¹⁷¹ Якобсон Л. И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561970/model2020.pdf> (дата обращения 07.01.2016)

¹⁷² Черных С. И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества. Новосибирск : НГАУ, 2011. С. 50–51.

общества. Напротив, устойчивое развитие образования способствует культурно-образовательной социализации личности, формированию ее национальной идентичности как средства укрепления безопасности образовательного пространства.

Образовательное пространство, являясь частью культурного, выполняет триединую функцию: одновременно выступает объектом воздействия всех элементов культурного поля, источником воспроизводства культуры и средством (способом) приобщения всех обучающихся к культурным ценностям, социализации индивидов. В образовании не только воспроизводятся, развиваются и транслируются духовные ценности, но и формируются у обучаемых мотивы, знания и навыки их развития, порождения новых ценностей для обогащения культурного поля общества. Ослабление подобного взаимодействия этих подпространств приводит к тому, что образованный или просвещенный человек может не быть одновременно и человеком культурным. Только в тесном взаимодействии культурного и образовательного пространств человек усваивает культурные ценности, как в детстве, так и на протяжении всей жизни, происходит расширенное воспроизводство его социальной сущности.

Таким образом, образовательное пространство тесно взаимодействует с культурным пространством общества, а его целостность и безопасность во многом зависит от состояния последнего и способности образовательной системы нейтрализовать воздействие возникающих в культуре угроз и рисков. Способность преодоления рисков в системе образования значительно ослаблена в связи с его системным кризисом, вызванным уже рассмотренными выше качеством духовной культуры и неадекватностью культурной и образовательной политики. Среди рисков и угроз, возникающих в самой образовательной системе, следует выделить девальвацию функции воспитания в образовательном процессе, недостаточное внимание субъектов образования к изучению русского языка, литературы, отечественной истории, различные темпы развития элементов образовательного пространства, разрушение парадигмы традиционного образования, неадекватность его реформирования и др.

Рассмотрим еще одну причину усиления воспроизводства угроз для образования и общества – *внешние воздействия мировых тенденций и сил*. Ослабление государства привело к порождению другой причины ослабления российской духовности – зависимости России от западных держав, от воли и желаний глобальных мировых экономико-политических структур. Почувствовав готовность вождя объекта и его открытость для своих разрушительных воздействий, ведущие западные идеологи (З. Бжезинский, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.), некоторые государства, международные «мозговые центры», финансовые и силовые структуры (Фонд Дж. Сороса, Всемирный банк, МВФ, ВТО, НАТО, ЦРУ, Римский и Бильдербергский клубы, Бруклинский и Тавистокский институты, Стэнфордский университет США и др.) приступили к реализации ранее сконструированного плана. Его цель – ослабление духовного и, прежде всего, образовательного потенциала России, разрушение ее национального самосознания в рамках целей глобализации мира и создания «нового мирового порядка». И что бы там ни утверждали представители некоторых НКО и СМИ о значительной и искренней помощи Запада в развитии ослабленной тогда России и ее образовательной системы – это либо лукавство, либо откровенная ложь. Щедрость Дж. Сороса, Всемирного банка и других «благотворителей» всегда вдохновлялась идеей разложения российского духа по сценарию «управляемого хаоса». Любая помощь и финансовые кредиты, так необходимые ослабленной России, предоставлялись в комплекте с политическими и идеологическими требованиями (в интересах Запада), в категоричной (приватизация) или вежливо-рекомендательной (идеология, образование) форме. Реализация скрытых замыслов этой «помощи» обеспечивалась американскими советниками и деятельностью СМИ, а также всеми средствами информационной войны, и частично достигала поставленных целей.

Экономически сильная Россия с огромной территорией и природными запасами, с высоким национальным духом Западу не нужна по определению. Это подтверждают открыто враждебные высказывания идеологов и политиков о намерениях Запада: З. Бжезинского (США) – о способах расчленения

и разрушения России; бывшего премьер-министра Великобритании Дж. Мэйджора (Великобритания) – о необходимости сокращения населения страны до 50 млн человек; российских политиков, типа ныне покойного Е. Гайдара, – о тотальном обнищании населения и миллионному ежегодному его сокращению – как необходимых «издержках реформ» (им же задуманных и реализованных). Об этом же говорят и факты новейшей истории: многолетняя «холодная» и информационная войны, активное участие Запада в развале СССР, в событиях на Украине, в Югославии, Грузии, продвижение НАТО к российским границам, реакция на присоединение Крыма и участие ВКС России в борьбе против ИГИЛ.

Признавая важность образования для развития духовной культуры общества, укрепления российского национального самосознания в его традиционной идентичности, наши геополитические соперники уделяют особое внимание процессу реформирования российской образовательной системы. Основная цель их воздействий – разрушение позитивных элементов советской системы образования, достоинства которой, как основы могущества советской России, они искренне признавали ранее и осознали, что без ее разрушения невозможно реализовать цели мирового господства, утверждения «нового мирового порядка». Для достижения этой цели решалась задача вызвать системный кризис российского образования, реформировать его по западным лекалам и тем самым ослабить его способность нейтрализации рисков, генерированных в духовной и других сферах общественной жизни или спровоцированных извне. Реальные проекты использования «мягкой силы» против России, разрабатываемые сегодня в стенах Гарвардского и Хьюстонского университетов, в специальных лабораториях, следуют давней стратегии первого директора ЦРУ США А. Даллеса. «Посеяв в России хаос, – указывал Даллес, – мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. <...> Мы незаметно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. <...> Честность и порядочность <...> превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство

и наркомания – <...> все это расцветет махровым цветом. <...> Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда делать главную ставку на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них безнравственных пошляков – безмозглое быдло, без цели и смысла жизни...»¹⁷³.

Фактически, российское образование, как и российское общество в целом, в свое время утратило духовный и образовательный суверенитет, оказалось под внешним управлением, влиянием таких «доктрин» и не может освободиться от них до сих пор. Об этом говорят как излишне подражательное Западу реформирование образования, так и неудержимое стремление в подконтрольное США европейское образовательное пространство. Еще в 1991 году, с одобрения ЮНЕСКО, тогдашний министр образования РСФСР Э. Днепров начал реформы по западному образцу с целью «интеграции в глобальную цивилизацию будущего». Эта цель практически не отличалась от цели глобалистов в создании «управляемого хаоса». По их замыслу, место существующих ныне национальных государств, традиционных цивилизаций и культур «...должно занять совершенно новое общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью, что, в свою очередь, можно достичь при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования»¹⁷⁴.

Реформы с незначительными отклонениями от этой цели продолжались далее по рекомендациям специально созданных структур – Высшей школы экономики, Центра стратегических разработок, Российского общественного совета по развитию образования. Усердно копировались как способы уничтожения классического образования, «мутации менталитета», так и новая западная модель – от стандартов обучения и оценки его качества до способов финансирования и управления. Отсутствие собственного опыта подобных экспериментов над ментальностью народа с лихвой компенсировалось вдруг пришедшими на помощь западными (в основном американскими) советниками

¹⁷³ Доктрина-200 (выдержки из Доктрины А. Даллеса) [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/51/content/1520904>. (дата обращения 22.06.2015)

¹⁷⁴ Камашев С. В. Национальная безопасность и образование в условиях управляемого хаоса // Философия образования, 2013. № 5. С. 8–15.

и щедрыми спонсорами. И. Ильинский в своей работе приводит любопытные факты внешнего управления российским образованием особенно после октябрьских событий 1993 года. О том, что в этот период в российском правительстве и в регионах действовали более двух тысяч «советников» из США и Западной Европы; что в Вашингтон на экспертизу отсылались наиболее важные документы Правительства РФ; что Высшая школа экономики (ВШЭ) создавалась в 1992 г. на средства специального гранта Всемирного банка с целью разработки рекомендаций и программ модернизации российского образования под руководством американских советников (благодаря которым за 20 лет Россия лишилась более 18 тыс. школ). В то же время, советники решали задачу отбора всего лучшего, что пока сохранилось из советского образования, памятуя о предостережении комиссии конгресса США о том, что им придется овладевать русским языком, если не овладеют «русским методом образования молодежи»¹⁷⁵.

Не подлежит сомнению, что щедрые западные спонсоры российских реформ (Дж. Сорос, Фонд Карнеги, Всемирный банк, МВФ, ЕБРР и др.) преследовали свои корыстные цели. Прокомментируем в социально-философском аспекте опубликованные в указанной выше работе некоторые рекомендации Всемирного банка из доклада № 13 638-RUS от 22 ноября 1994 года, составленного под руководством Стивена Хайнемана «Россия: образование в переходный период» (степень секретности – «для служебного пользования»). Заметим, что Всемирный банк – международная финансовая организация, контролируемая США.

Рекомендация Всемирного банка – «закрывать педагогические институты и привлекать учителей из числа выпускников университетов», реализованная распоряжением Д. А. Медведева в 2009 г., привела к исходу опытных преподавателей из школ и вузов на заработки в другие сферы, к профанации педагогического образования в обычных вузах. Следующая рекомендация Всемирного банка – «закрывать профессиональные училища, которые не могут

¹⁷⁵ Ильинский И. М. Западу не нужен образованный русский народ. Реформа образования в России ведется по рекомендациям Всемирного Банка [Электронный ресурс]. URL: http://kprf.ru/rus_soc/90357.html (дата обращения 13.10.2015)

провести структурную перестройку». также была выполнена, и сейчас трудно найти квалифицированного сварщика, токаря или грамотного руководителя среднего и низшего звена для производства.

Третья рекомендация была направлена на уничтожение позитивных элементов советской школы, снижение качества содержания образования через введение «минимальных стандартов гражданственности», которые сводились (помимо толерантности и любви к литературе, искусству) к «способности правильного чтения карт, объяснению на иностранном языке, правильному заполнению налоговых деклараций». Выполнение рекомендаций привело к уничтожению воспитательной функции образования, воспитательной работы во всех школах и вузах, утрате квалифицированных кадров преподавателей обучающихся и воспитывающих.

Как справедливо подчеркивает в своей работе О. Четверикова, «никакой национальный суверенитет немыслим без сохранения духовного суверенитета, который, в свою очередь, невозможен без суверенной системы образования. Кто формирует сознание молодежи и воспитывает детей, тот контролирует будущее страны <...> Сохранение нашего духовного суверенитета возможно только путем отказа от нравственного и мировоззренческого релятивизма и навязываемой нам «глобальной этики» и утверждения четкой и ясной традиционной системы ценностей»¹⁷⁶. Реализовав все инструкции заокеанских «доброжелателей», инициаторы реформ не только разрушили традиционные элементы российского образования, его основные принципы (бесплатность, всеобщность и фундаментальность), но и построили надежный фундамент для вхождения в европейское образовательное пространство, также выпестованное и контролируемое США.

После тотальной «болонизации» менеджеры от образования частично освободились от внешнего управления и начали реализовывать «свои» стратегии реформирования (теперь – модернизации) образования, также ведущие

¹⁷⁶ Четверикова О. Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015. С.3, 116.

к духовному обнищанию нации. Очередной заботой Минобрнауки является кардинальное сокращение количества вузов, что также соответствует рекомендациям Всемирного банка «сократить число государственных вузов до пятидесяти». Среди озвученных Д. Ливановым особенно заметно стремление к оптимизации бюджетных расходов, а то и последующей приватизации вузовской инфраструктуры. Не забыты и обещания относительно отказа от фундаментальности образования. Бывший глава Минобрнауки в своем выступлении в Московском институте стали и сплавов дал программную установку преподавателям: «Перед нами стоит задача изменения содержания технического образования. Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии»¹⁷⁷.

В числе таких «стратегий» бесконечные изменения госстандартов, правил проведения ЕГЭ и условий приема в вузы, оценочных показателей работы учреждений, введение многоуровневой структуры образования (бакалавры до сих пор не могут найти применения в производстве и науке). Много усилий было затрачено на укрупнение и сокращение количества вузов и их филиалов, объединение и ликвидацию школ, а также другие «модернизации», «реформы», «инновации» и «оптимизации». Используемые методы реализации стратегии нарушают стабильную работу учебных заведений своей неожиданностью и предельной упрощенностью, бессистемностью и разнонаправленностью, приобретает черты «управляемого хаоса» и имеет устойчивую тенденцию к ухудшению качества образования, несмотря на значительные финансовые вложения в последние годы.

Среди рисков и угроз, снижающих безопасность образовательного пространства и порожденных внешним влиянием выделим: наличие внешнего управления, утрату духовного и образовательного суверенитета, разрушение позитивных элементов советской системы образования, ориентированное на западные стандарты реформирование образования, минимизация стандартов

¹⁷⁷ Смык В. Сколько университетов оставит России Всемирный банк? [Электронный ресурс]. URL: <http://netreforme.org/tag/vsemirnyiy-bank/> (дата обращения 25.09.2015)

гражданственности в воспитании-образовании, сокращение педагогических вузов и профессиональных училищ, тотальная «егэизация», «болонизация» и коммерциализация образования, выхолащивание фундаментальности образовательного процесса, бессистемность и разнонаправленность управленческих решений.

На наш взгляд, необходимо изменить направленность реформирования системы образования, обеспечить должное финансирование и реализацию программ развития вузов с целью повышения их конкурентоспособности на глобальном рынке образовательных услуг. Стратегической целью реформирования образования должно оставаться его выделение из сферы услуг, сокращение коммерциализации образования, усиление его традиционных составляющих и воспитательных функций, обеспечение фундаментализации, гуманизации и экологизации.

Далее рассмотрим состояние духовной культуры и системы ценностей, воспроизводимых рисках в различных *уровнях и формах общественного сознания*. На уровне *общественной психологии* состояние духовной культуры проявляется через их выражение в общественном мнении, настроениях людей. Общественная психология характеризуется, помимо прочих признаков, состоянием общественного мнения, умонастроений людей и их сообществ в разных сферах человеческой деятельности, в том числе в культуре и образовании, где занято около миллиарда учащихся и пятидесяти миллионов педагогов. В общественной психологии отражаются как позитивные, так и негативные стороны общественной жизни, которые, переходя и закрепляясь на идеологическом уровне, представляют серьезную угрозу образовательному пространству и обществу.

Изучение результатов социологических исследований психологических состояний и действий разных социальных групп позволяет выявить общую закономерность взаимосвязи поведения индивида и социальной группы и состояния общества. На наш взгляд, она заключается в том, что усиление сложности социальных проблем и темпов развития общества, высокий объем противоречивой информации снижают уровень массового понимания

происходящего в окружающем мире, повышает степень иррациональности общественного сознания, обуславливает неадекватность действий человека в конкретной обстановке. Результаты недавнего социологического опроса подтверждают такой вывод. В ситуации, когда нынешнее состояние России одобряют лишь 14 % россиян (доля ВВП в мире не превышает двух процентов от мирового, бюджет на 60 % зависит от нефти, самообеспеченность продовольствием не превышает 40 %, уровень жизни низок и продолжает снижаться), абсолютное большинство россиян смело утверждают, что сегодняшняя Россия – великая держава¹⁷⁸.

Другим фактором качественных сдвигов в массовом сознании и накоплении отрицательных эмоций является накопление проблем в развитии общества и их значимости для людей. Основной социальной проблемой для россиян, увеличивающей риски в духовной культуре, в общественном сознании (на психологическом уровне) и порождающей отрицательные эмоции и оценки, является отмеченное нами выше избыточное неравенство. По результатам социологического исследования, высокая квалификация человека (как характеристика человеческого капитала) даже не вошла в число пяти наиболее распространенных в обществе причин богатства. Ведущими причинами россияне называли «наличие нужных связей, деловую хватку, везение, умение использовать все возникающие шансы и работу без оглядки на время и здоровье»¹⁷⁹.

Безудержное обогащение элиты и снижение уровня жизни населения, неадекватность управленческих решений чиновников и неравенство образовательных возможностей образуют порочный круг с возможным результатом разочарования целых поколений. Выстраивается устойчивая «цепочка»: расширение платных услуг – неравенство уровня жизни – неравенство возможностей образования – неравенство качества получаемых знаний – неравенство возможностей на рынке труда – чувство недовольства судьбой

¹⁷⁸ Костиков В. Заплутавшие в белых березах. Аргументы факты. 2015. № 50. С. 5.

¹⁷⁹ Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М. : Ин-т социологии РАН, 2013. С. 9.

и готовность к протесту. Подобные «круги» и «цепочки», порожденные неравенством, образуются и в других сферах общественной жизни, отражаясь в общественном и индивидуальном сознании, в настроениях людей. Зависть одних и неудачи других в достижении этой цели порождают отчаяние и чувство ненависти к богатым. Постоянное воспроизводство данной цепи событий из года в год углубляет и обостряет противоречие между бесправными и всемогущими, вызывает чувство несправедливости и недовольства от невозможности достойно жить или получить качественное образование. В результате в сознании формируется устойчивая потребность разрушить установленный порядок вещей, достичь справедливости, иногда – в любой форме и любыми средствами. Такие настроения привносятся и в образовательные коллективы, создавая серьезные риски.

В целом, для психологического уровня общественного сознания важны характеристики общественного мнения, продуцирующие риски для образования. Среди них выделим основные, отмеченные социологами:

- утверждение плюрализма оценок и ценностей, разрушение прежней идеологической гомогенности;
- снижение роли социальных интеграторов; хаотизация ментального пространства личности и общества; замещение осознания единства с народом, Родиной на чувство формальной связи; «атомизация» сознания, формирование мини-идеологий на базе обособления интересов социальных, демографических, религиозных и национальных групп как основы идентичности;
- инверсия нравственных устоев общества, игнорирование традиционных норм поведения, рост цинизма и аномии, утверждение ценностей успеха и самоутверждения любыми средствами на фоне распада традиционных ценностей;
- недовольство несправедливостью установленного порядка, социальным неравенством, распределением собственности и доходов, усиление иммиграционных настроений;

– рост отрицательных оценок действий властных структур и правоохранительных органов, наличием «коррупционной составляющей» их решений;

– утверждение в качестве мотивов действий безадресной агрессивности.

Не подлежит сомнению, что выявленные в социологии свойства массового сознания проявляются и в молодежном сознании, которым будет наполняться сознание учебных коллективов образовательных учреждений с постепенным переходом на рационально-идеологический уровень обучающихся. Показательными являются общие тенденции трансформации основных ценностей молодежи, начиная с советских времен.

Одним из ведущих компонентов духовной культуры выступает *идеология*. История не знает примеров деидеологизированного классового общества. Любая идеология нашего времени, будь то либеральная или консервативная, право- или левоцентристская, выражает коренные интересы классов, наций и государства, выполняет функции методологии осмысления прошлого и настоящего, прогнозирования будущего. В отличие от науки, предметом идеологии, ее заботой являются не сущность объекта, не принцип объективности его оценки, но именно интересы социальных групп и соблюдение принципа партийности. В периоды усиления иррациональных компонентов общественного сознания она является эффективным инструментом управления людьми и их сообществами, странами и народами. Так, американская политика установления нового миропорядка в «однополярном мире», подготовки переворотов и «оранжевых» революций, вестернизации ценностей и образа жизни, ослабления России с помощью «жесткой» или «мягкой» силы обосновывается и направляется идеологией мирового господства. Идеология определяет не только политику, но и содержание, стратегию развития духовной культуры общества.

В новой России вопросы идеологического обеспечения развития общества и его духовной культуры фактически были сняты с повестки дня конституционным запретом государственной идеологии. Духовная культура оказалась «без руля и без ветрил», роль которых стала выполнять жажда наживы и получения

удовольствий пришедшей во власть новой элиты. Образовавшийся «идейный вакуум» в умах людей беспрепятственно заполнялся буржуазными политическими идеологиями и квазиценностями, чуждыми российскому менталитету. Духовная культура будет верно ориентированной и действенной только тогда, когда будет идеологически выверенной и обоснованной, исходить из господствующего мировоззрения, из национальной идеи. Осознание порочности деидеологизации общества началось только в новом столетии, но реализуется бессистемно, в виде разработки отдельных идеологических доктрин элитных групп. Они задают разрозненные и зачастую неоптимальные стратегические цели и основные векторы развития социума, а также некоторых сфер общественной жизни на ближайшую четверть века.

Российская элита и научное сообщество пока не вышли за пределы дискуссий о характере и ориентации национальной идеи – либеральной или консервативной, западной или славянофильской, социалистической или клерикальной. При всей своей актуальности проблема оказалась нерешенной, национальная идея не разработана, затихли даже споры о ее характере, по крайней мере, до предложения Президента РФ положить в ее основу патриотизм народа. Однако до сей поры в социокультурном пространстве существуют лишь разрозненные идеологические ориентиры, которые не выполняют функцию ведущего интегратора нации и определения вектора развития общества, его духовной культуры. Скорее наоборот: отсутствие заданного идеологией вектора развития порождает хаос в принятии политических решений, перекосы в реализации экономической, социальной и образовательной политики. К примеру, реализация политики импортозамещения успешно соседствует с первостепенным вниманием развитию ТЭК, перманентное реформирование образования ведет к ухудшению его качества и т. д.

Выделим лишь некоторые парадоксы реального процесса реформирования образования при отсутствии национальной идеи, отмеченные в научном труде А. Наливайко:

– «относительная прогрессивность государственной образовательной политики в целом и разрушительные, регрессивные тенденции в значительной части предлагаемых документов по реформированию;

– сильная государственная власть с ее «вертикалью» и стремление сбросить с себя заботу об образовании, отдать во власть рыночных отношений и региональной заботы;

– огромные государственные и частные финансовые накопления и нищенское ресурсное обеспечение образовательных реформ;

– богатые образовательные традиции и стремление свести реформы к западным, не лучшим образцам;

– обилие философско-педагогических талантов и вручение судьбы образования и его реформирования в руки малообразованных чиновников»¹⁸⁰.

Считаем, что *основными рисками для образования в идеологическом поле* являются отсутствие национальной идеи и цельной идеологической парадигмы развития общества и его духовной культуры, приводящие к парадоксам общественного развития и реформирования образования. Идеологическое обоснование содержания духовной культуры и образовательных программ, векторов их развития должно исходить из национальной идеи и ментальных национальных установок, приемлемых для всех социальных страт и религиозных конфессий. Такой национальной идеей может стать идея социальной справедливости, на основе которой определятся основные контуры будущей постлиберальной России. «Социальная справедливость» для России является атрибутивным качеством национальной идеи. Она является стержнем национального менталитета, а ее отсутствие в современной России – самым серьезным вызовом состоянию национального духа. Построение общества социальной справедливости в России – дело трудное, но достойное: в мире, извращенном потребительством и угнетенном несправедливостью социальных отношений, это будет, быть может, единственное притягательное общество

¹⁸⁰ Наливайко А. В. Социальные основы и аксиологическая природа современного образования : автореф. дис. канд. филос. наук. Новосибирск, 2012. С. 26.

на Земле, духовные ценности которого будут соответствовать традиционно-русским ценностям, и не будут противоречить христианским. Новую идеологическую парадигму необходимо нацелить на обоснование и реализацию стратегии построения постиндустриальной, духовно-ориентированной цивилизации, возвышающей общество и личность над утилитарно-потребительскими духовными ценностями. Пути и средства утверждения традиционных и общечеловеческих ценностей, принципа справедливости, очищения духовной культуры от ненасытного потребительства, грабительского отношения к человеку, обществу и природе, извращенных вкусов и потребностей, возрождения патриотизма, высоких культурных и духовно-нравственных ценностей, требуют сегодня глубокого идеологического и научного обоснования.

Большое значение для оценки духовной культуры имеет исследование *реального состояния сознания в его различных формах*. Состояние нравственного сознания рассмотрено выше через анализ его ценностного наполнения. Рассмотрим коротко возможные риски для образования, возникающие *в искусстве и в функционировании средств и каналов передачи информации и ценностей* в культурном поле (СМИ, интернет и др.).

В ряде исследований развивается теория, согласно которой «традиционный» человек не соответствует постиндустриальной эпохе и это противоречие можно разрешить только через изменение человека. С таким выводом науки, изначально сформулированным представителями Франкфуртской школы, можно было бы с некоторой оговоркой согласиться. Но здесь же предлагаются пути и средства «перепрограммирования» сознания людей и целых народов – и отнюдь не в интересах развития личности, но глобальной мировой элиты, которые уже используются реакционными силами (прежде всего США) в целях обеспечения глобального социального контроля, достижения мирового господства. Посредством развития индустрии развлечений, распространения западной массовой культуры происходит деградация ее потребителей, основным из которых является молодежь, что облегчает вестернизацию западных ценностей, ведет к повышению управляемости миром и, в конечном счете – к

созданию «Нового мирового порядка» в соответствии с представленной выше доктриной.

Открытие шлюзов проникновения «эрзац-культуры» в Россию в конце 1980-х – 1990-х годах привело к широкому распространению противоречащих традиционной российской культуре музыкальных, изобразительных и текстовых произведений, уже успевших развратить западную культуру и молодежь. Отсутствие надежных идеологических и правовых регуляторов творчества национальных субъектов духовной культуры (создание низкопробных произведений – от видеоклипов до учебников истории) и деятельности российских СМИ способствует созданию вышеописанной ситуации в российском культурном пространстве, извращают и развращают молодежное сознание, снижают действенность традиционных ценностей, желание читать, писать и даже думать. Телеэфир заполнен различными шоу, передающими отвратительные примеры или красивые картинки и способы обогащения из реальной жизни (МузТВ, MTV, «Дом-2» и др.). Значительное усиление подобного влияния СМИ произошло в связи с приходом в повседневную жизнь компьютеров и интернета.

Таким образом, отсутствие необходимых «фильтров» распространения разлагающих элементов западной культуры, идеологического и правового регулирования творчества отечественных деятелей культуры и функционирования СМИ создают благоприятные условия распространения квазиценностей, ослабления традиционных ценностей. Утрата смыслообразующих идеалов затронула, прежде всего, детей и молодежь, что представляет серьезную угрозу духовной культуре, отрицательно воздействует на безопасность образования, во многом определяет будущее не только воспитательно-образовательной системы, но и всего общества.

Рассмотренные нами причины ослабления национального духа (недостатки общественного бытия, внешние воздействия и слабая эффективность воспитательно-образовательной системы) вызвали системный кризис духовной культуры и повысили ее неустойчивость. Современное состояние российской духовной культуры с ее либерально-буржуазными ценностями,

гипертрофированными русофобией Запада и кризисом образования, воспроизводит *риски для образования* и всего общества, такие как недостаточность идеологического обеспечения модернизации общества, отсутствие прогрессивной системы общенациональных ценностей и национальной идеи, цельной идеологической парадигмы развития общества и его духовной культуры, культивирование чуждых ценностей, распространение деструктивных идеологем и стереотипов мышления, западного масскульта при слабом «иммунитете» от внешних влияний, дезинтеграция единого культурного пространства, утверждение криминальных и коррумпированных отношений, упадок морали и утверждение асоциальных норм поведения, забвение традиционной российской культуры.

С другой стороны, состояние самого образовательного пространства оставляет желать лучшего и также воспроизводит риски, которые ослабляют его сопротивляемость внешним угрозам и расширяют их совокупность в духовной культуре общества. Среди основных выделим: внешнее управление образовательной системой; неадекватный характер реформирования; ослабление традиционных элементов образования, его основных принципов (бесплатности, всеобщности и фундаментальности); недостаточность финансирования и снижение качества образования; ослабление его воспитательной функции.

Конечно, при существующих общественных отношениях и практике культивирования антиценностей в СМИ, полностью преодолеть отрицательные тенденции развития духовной культуры, исключить формирование угроз и рисков для образования в этой сфере вряд ли возможно даже при идеальной воспитательно-образовательной системе. Однако общее состояние различных сфер общественной жизни по оценкам опрошенных россиян постепенно улучшается, что внушает уверенность в наличии социально-психологической основы для возрождения национального духа и обеспечения консолидации российского общества. Россия в своем развитии способна сгладить существующие сегодня противоречия и негативные тенденции, снизить внешние и внутренние идеологические и информационные воздействия через возрождение

Отечества и развитие традиционных элементов воспитания-образования, через воспитание «духовного характера». Но теперь народное самосознание надо создавать практически заново: отсталость, коррумпированность и бездуховность можно преодолеть только через политическую волю государства и увлечение народа великой целью и национальной идеей перехода на новый цивилизационный уровень. «Россия встанет во весь рост только через воспитание в народе духовного характера, – подчеркивал И. Ильин. – Идея воспитания духовного характера должна стать и станет ведущей идеей, программой, мерой <...> Судьба будущей России лежит в руках русского учителя. <... > Дух национального воспитания необходим каждому русскому и каждому здоровому человеку»¹⁸¹.

Для победы российского духа необходимы новое качество, содержание и принципы российского образования. Образовательная система должна быть способной к воспроизводству высокообразованной и воспитанной профессиональной и интеллектуальной элиты общества. Элиты с развитым чувством гражданской ответственности, высоким уровнем духовной культуры, внутренней потребностью и готовностью служить Отечеству, народу. Второй центральной, на наш взгляд, способностью воспитательно-образовательной системы должно стать оживление патриотической составляющей народного духа. Патриотическое сознание как системообразующее ядро сознания в своей сущности является ценностным отношением человека, общества к прошлому, настоящему и будущему состоянию своего Отечества. Современное состояние Отечества при отрицательном воздействии внешних сил снижает роль патриотических компонентов национального духа, но это не должно снижать ответственности субъектов образовательной политики и образования по возрождению национального духа и его патриотической составляющей.

Укрепление безопасности образования, увеличение его вклада в развитие общества и трансляцию духовной культуры может быть обеспечено путем формирования самостоятельной, гармоничной, конкурентоспособной,

¹⁸¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. в 10 т. Т.1. М. : Русская книга, 1996. С. 12.

инициативно-креативной, творческой, критически-мыслящей, ответственной за свое Отечество и все человечество, личности, включенной в прошлую, настоящую и будущую культуру общества.

Итак, снижение качества духовной культуры российского общества актуализирует проблемы формирования национальной идентичности, сохранения духовной целостности и самобытности общества, социализации личности. Все элементы культурного пространства, благодаря ценностно-нормативному содержанию, выполняют функцию социализации личности посредством их трансляции различными средствами в сознание человека и образ его жизни в системе образования, семье, армии и других общественных институтах.

Наиболее серьезные угрозы национальной и образовательной безопасности России в духовной сфере связаны со сменой традиционных ценностей и нарушением национальной идентификации, деидеологизацией и депатриотизацией сознания, наличием конфликта общественных и личных интересов. На идеологическом уровне негативное влияние оказывают отсутствие национальной идеи и цельной идеологической парадигмы развития общества и его образовательной системы, воздействие западной идеологии мировоззренческого релятивизма и «глобальной этики», распространение антиценностей в СМИ. На уровне общественной психологии и общественного мнения основными рисками для образования выступают резкое снижение ценностной гомогенности, нарастание эгоцентризма и обособленности индивидов, утрата умения налаживать межличностные контакты, хаотизация и «атомизация» сознания, инверсия нравственных устоев общества и рост потенциала безадресной агрессивности.

Успешная модернизация страны, ее духовно-нравственное возрождение и укрепление национальной и образовательной безопасности страны требуют радикального снижения рисков для образования во всех сферах общественной жизни, «очищения» духовной культуры России от несвойственных ей ценностей. Для реализации этих задач необходимы адекватные этим установкам образовательная и культурная политика государства. Стратегия реформирования

образования должна включать его освобождение из-под внешнего управления, выделение из сферы услуг, сокращение коммерциализации, усиление его традиционных составляющих, обеспечение фундаментализации, гуманизации и экологизации, возрождение воспитательной функции образования и ее патриотической составляющей.

Образовательное пространство, являясь частью культурного, потребляет, воспроизводит в новом качестве и транслирует духовные ценности. Основные риски и угрозы для образовательной сферы воспроизводятся в сфере духовной культуры и самого образования под воздействием внутренних и внешних факторов. Развитие духовной культуры России в направлении снижения рисков, «очищение» от несвойственных ей ценностей, адекватная образовательная и культурная политика государства станут важной основой модернизации страны, ее духовно-нравственного возрождения. Образование должно оцениваться всеми субъектами как основной элемент духовной жизни общества и важнейшим инструментом ее оздоровления. Новую идеологическую парадигму необходимо направить на обоснование и реализацию стратегии построения постиндустриальной, духовно ориентированной, справедливой евразийской цивилизации, возвышающей общество и личность над утилитарно-потребительскими духовными ценностями.

Выводы

Любая сфера жизни общества при определенных условиях может продуцировать угрозы для образовательной системы. Существенные структурные и функциональные сдвиги, качественные изменения в подсистемах социума закономерно влекут изменения в образовании, способствуют развитию образовательной системы или тормозят его, укрепляют безопасность образовательной системы или увеличивают количество и качество угроз и рисков в ее функционировании. В настоящей главе выявлены внутренние риски и угрозы российскому образованию, всему образовательному пространству, которые порождаются в основных сферах общественной жизни – экономической, социально-политической и духовной.

Материальные основы состояния безопасности образовательного пространства обеспечиваются в *экономической сфере общественной жизни*: объемы финансирования, материального обеспечения образования при заданном качестве образовательной политики во многом коррелируют с состоянием экономики. Средства, выделяемые из бюджетов всех уровней, удовлетворяют расчетные потребности образовательных учреждений лишь частично, что порождает основные риски для образовательного пространства.

Значительное влияние на устойчивое развитие образования оказывает *состояние социальных отношений*, степень их гармонизации в обществе. Угрозы для образовательного пространства в этой сфере порождаются бедностью, избыточным социальным неравенством и поляризацией общества, дифференциацией образования на массовое, элитарное и элитное, снижением доступности качественного образования для детей из бедных семей. Образование в социальной сфере общества выступает средством воспроизводства его социальной и профессиональной структуры, обеспечения горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, гармонизации социальных отношений или консервации и углублению противоречий между элементами социальной структуры.

Устойчивое развитие образования и его безопасность существенно зависят от состояния *духовной сферы общества*. Прежде всего – от степени ценностного размежевания людей и поколений, возможности сохранения духовной целостности, самобытности и единства общества, обеспечения гармонии индивидуальных, групповых, и социетальных интересов граждан. Ядром духовной сферы выступает духовная культура как результат и средство духовного развития человека и общества, как проявление человеческой сущности.

Важными для формирования философской концепции безопасности образовательного пространства являются следующие выводы из главы 2 настоящей работы.

Устойчивость развития образовательной системы, качество образовательного пространства и его безопасности при заданной образовательной

политике определяются состоянием основных сфер общественной жизни. Основные риски для образования воспроизводятся в экономической, социальной и духовной сферах. Неверно выбранная стратегия развития любой из сфер, усиливающая риски для образования, в силу инерционности образовательной системы обретает свойство необратимости и может вызвать столь же необратимые процессы в обществе задолго до осознания ошибок воплощенных решений, что обуславливает высокую цену любой ошибки.

Экономическая, социальная и духовная зависимость безопасности образовательного пространства, обратное воздействие образования на развитие социума показывают, что каждая сфера жизни общества воспроизводит определенные риски для образования.

Основные риски и угрозы в различных сферах общественной жизни для российского образовательного пространства включают следующие:

– государственную бюджетную политику истощения человеческого капитала, хроническое недофинансирование образования и объектов образовательной системы, низкую оплату труда педагогов. Такая политика ведет к потере кадрового потенциала, снижению мотивации и квалификации педагогических кадров, увеличению платности образования, снижению его доступности и качества;

– высокий уровень бедности и избыточную поляризацию населения, вызывающие нарушение принципа равнодоступности образования;

– кризис духовной культуры, отсутствие национальной идеи, дезинтеграцию культурного пространства, разрушение идеологической гомогенности;

– неадекватность реформирования, обуславливающую разрушение традиционных элементов российского образования, резкое сокращение числа учреждений среднего общего и первичного профессионального образования, рост количества частных вузов и их филиалов;

– низкое качество образования и НИР в вузах, господство западной технократической идеологии, рост внешнего управления, зависимости образования от научно-образовательных систем других государств;

– отсутствие оптимальных связей между системой образования и средой, предложениями труда и потребностями спроса, элементами внутри образовательного пространства, обострение проблемы трудоустройства выпускников;

– неравномерность развития, обеспечения и значительную специфику моделей образовательных систем в регионах;

– недостаточный уровень «иммунитета» от вестернизации, распространение деструктивных идеологий и чуждых ценностей, западного мейнстрима в ущерб традиционной российской культуре;

– отсутствие социальных и государственных «фильтров» распространения через СМИ и интернет чуждых ценностей и норм поведения, инверсия традиционных нравственных устоев, патриотизма в молодежной среде, рост негативных умонастроений в общественной и индивидуальной идеологии и психологии;

– высокий уровень коррупции, утверждение в молодежной среде коррумпированных и криминальных отношений, падение общественных нравов, престижа трудовой деятельности.

Развитие всех сфер общественной жизни в направлении снижения рисков для образования, усиление материально-финансового обеспечения образовательной системы, «очищение» духовной культуры России от несвойственных ей ценностей, адекватная образовательная и культурная политика государства станут важной основой модернизации страны, ее духовно-нравственного возрождения и укрепления безопасности образовательного пространства. Для реализации этих задач необходимы адекватные этим установкам образовательная и культурная политика государства, признание статуса образования атрибутивной сферой духовной жизни общества и важнейшим инструментом обеспечения национальной и образовательной

безопасности. Реформирование образования должно включать его освобождение из-под внешнего управления, выделение из сферы услуг, сокращение коммерциализации, усиление его традиционных составляющих, обеспечение фундаментализации, гуманизации и экологизации, возрождение воспитательной функции образования и ее патриотической составляющей.

Глава 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

3.1. Геополитика и геополитические аспекты исследования национальной и образовательной безопасности

Задача настоящего параграфа – раскрыть сущность современной геополитики, содержание и особенности американской и российской геополитических школ в контексте социально-философского анализа, показать их влияние на образовательную, национальную и международную безопасность.

Необходимость обращения к рефлексии национальной и образовательной безопасности в геополитическом аспекте обусловлена значением данного аспекта анализа для обеспечения адекватности исследования образовательной безопасности в условиях новой геополитической реальности, глобализации и информатизации социума. Данный аспект анализа предполагает использование не только миросистемного, но и геополитического подхода, без реализации которого едва ли возможно постижение заявленной цели исследования. Наряду с миросистемным подходом такой подход расширяет рамки исследования национальной и образовательной безопасности. Он обеспечивает исследование геополитических процессов на национальном и наднациональном уровнях, позволяет исследовать тенденции перехода мира к многополярности, определить место России в системе мировых геополитических отношений, вероятность и пути ее превращения в один из ведущих геополитических центров мира. Геополитический подход позволяет обнаружить новые внешние геополитические риски и угрозы для России и ее образовательного пространства, обосновать оптимальные векторы геополитических устремлений России, в том числе в образовательной сфере. Геополитические аспекты анализа безопасности образовательного пространства позволяют выявить современные особенности диалога образовательных систем, культур и цивилизаций, проблему

вестернизации инокультурных ценностей, образовательных программ и моделей, оказывающих существенное влияние на обеспечение безопасности образовательного пространства и национальной безопасности России в условиях глобализации и информатизации социума.

Актуальность использования продуктивных идей геополитики как науки обусловлена также их значением для социально-философского осмысления прошлого, настоящего и будущего человечества, обеспечения национальной и планетарной безопасности в условиях предельного обострения социальных, социоприродных и техногенных проблем в мире. Геополитика во многом определяет роль государств в истории, формирует облик мира и даже характер эпохи (французское Просвещение – XVIII век; английская индустриализация – XIX век; американское доминирование – XX век). По справедливому выводу А. Дугина, к географии и территории «...сводятся все основополагающие аспекты человеческого существования, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования»¹⁸².

Несмотря на наличие развитого международного права и регулирующих его организаций (ООН и др.), уровень безопасности общества не повышается. Напротив, коренные изменения в мироустройстве и опасные геополитические практики государств подвели человечество к красной черте, за которой открывается мрачная перспектива гибели человечества. Возможность антропогенного конца истории реально существует как следствие избыточного технотронного воздействия на планету или как результат действия деструктивных сил, глобального силового решения антагонистических противоречий социума в однополярном мире. Действия США и НАТО показывают, что сила по-прежнему остается ведущим аргументом в регулировании международных отношений, инструментом воздействия на страны и народы в условиях «управляемого хаоса». Горькие тому свидетельства – нагнетание тотальной русофобии в мире,

¹⁸² Дугин А. Г. Основы геополитики. М. : Арктогея, 2000. С. 11.

выборочная борьба с терроризмом (деление террористических организаций на «хорошие» и «плохие»).

Геополитическая ситуация в России и вокруг нее, сложившаяся в последнее время также требует обоснования новых геостратегических приоритетов внутренней и внешней политики. Исследование вышеобозначенных проблем осуществляется с опорой на упомянутый выше методологический инструментарий, наряду с использованием современных геополитических концепций, теорий макросоциальной и культурной динамики в мире и современной России. Отметим возрастание роли и как науки, и как подхода к исследованию; несомненно влияние геополитических идей на образовательную сферу, на сознание – как сего общества, так и отдельной личности. Без глубокого знания геополитических отношений не может быть обеспечена в полной мере как национальная, так и образовательная безопасность.

В ответ на запросы новой социальной реальности пристальное внимание зарубежных и российских ученых уделяется выяснению сущности геополитической теории и содержания практики. При этом обнаруживается, что исследование геополитической теории и практики ведется с разных философских и политических позиций (либерализма или консерватизма), а философия используется чаще не как система доказанных профессионалами знаний о геополитике, но в основном как методология, подход к анализу геополитических проблем. Несмотря на обилие работ по данной проблематике, большая часть из них сводится к воспроизводству уже накопленных знаний. В результате, отсутствует достаточная рефлексия реальных быстротечных изменений геополитических отношений, что затрудняет прогнозирование их развития и мешает оценить степень адекватности геополитических концепций. В отечественных геополитических концепциях практически не рассматривается сущность и роль политической власти, государства в регулировании геополитических отношений. Такая ситуация требует нового качества системной рефлексии геополитики, новых методологических подходов и оснований анализа, уточнения парадигмы развития геополитической науки.

До сих пор в научной литературе нет четкой и полной формулировки понятия «геополитика». Данное понятие трактуется чаще всего чрезвычайно широко: например, в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремова «геополитика» – это политическая концепция, использующая данные физической, экономической и политической географии какой-либо страны или стран для обоснования захвата, экспансии. В Большом энциклопедическом словаре «геополитика» определяется как политологическая концепция, согласно которой политика государств, в основном внешняя, предопределяется географическими факторами (положение страны, природные ресурсы, климат и др.). Политический словарь определяет «геополитику» как понятие, характеризующее теорию и практику международных отношений, основанных на взаимоувязывании географических, геостратегических, социально-политических, военных, демографических, экономических и других факторов. В философском словаре «геополитика» (греч. Γη – земля πολιτική – искусство управления государством) – концепция, оправдывающая формы империалистической экспансии путем манипулирования ссылками на данные экономической и политической географии. Многие исследователи видят в геополитике науку, изучающую комплекс географических, исторических, политических и других факторов, взаимодействующих между собой и оказывающих большое влияние на стратегический потенциал государства¹⁸³.

Во многих случаях «геополитика» определяется как стратегия международной политики народов и государств, как «географический разум» государства, как мировоззренческая доктрина международной политики, как наука о власти и для власти или как теория позиционной игры на мировой шахматной доске. Таким образом, геополитику можно определить как концепцию о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных

¹⁸³ См. : Ефремов Т. С. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. Т. 1. 1168 с.; Новая философская энциклопедия / Ред. совет: Степин В. С., Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., Огурцов А. П. и др. в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 1. 744 с. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.; Политологический словарь / В. Ф. Халипов и др. М. : Высшая школа, 1995. 192 с.; Социологический словарь / под ред. С. А. Ерофеева. М. : Экономика, 2004. 619 с.

государств и межгосударственных объединений и контроле над определенной территорией.

В любом случае, геополитические теории всегда выступали инструментом идеологического прикрытия геополитической практики государств, и акцент делался на практическое воплощение геополитических отношений, а не на их изучении. Корень слова «гео» сегодня употребляется не только для обозначения пространственно-территориального аспекта политики, но и для характеристики взаимоотношений государств или их союзов, «столкновения цивилизаций», параметров изменения общей конфигурации общемирового пространства (например, с биполярной на моно- или поли-центрическую).

На наш взгляд, геополитику неправомерно считать лишь идеологическим неологизмом. Это особый тип политической мысли, требующий рассмотрения геополитики и как науки, и как политической практики. *Геополитическая практика* есть проявление политической активности субъектов, направленной на достижение максимально возможной власти в обществе или в мире. Она может опираться на государственное и международное право или осуществляться вне всяких правил, на основе чистого произвола. Субъектами геополитической практики выступают центры силы и отдельные государства. Вторая мировая война явилась результатом действий Германии в борьбе за мировое господство трех основных субъектов-центров силы: фашистско-арийской Германии, мессианской Советской России и «англосаксонского» блока «демократических» государств во главе с США.

Исходя из истории политики, мы полагаем, что геополитическая практика возникла задолго до появления теории, на заре развития классового общества и осознавалась постепенно – от элементарного описания до сегодняшних теорий¹⁸⁴. В советскую эпоху геополитика была объявлена буржуазной лженаукой, а практика осуществлялась на основе идеологии коммунистического мессианизма

¹⁸⁴ В России геополитическая практика берет свое начало еще от Киевской Руси. Крещение Руси в 988 году стало не только важным религиозным, но и геополитическим событием. Активизация российской геополитической практики в борьбе за сохранение и расширение территории стала заметной с XIII века (победа на Чудском озере в 1242 г., Куликовская битва в 1389 г., освобождение от ордынского ига в 1480 г. и др.).

и теории мировой революции, которые по своей сути были столь же геополитическими, предусматривали расширение социалистического пространства, щедрую помощь и поддержку стран социалистической ориентации, народно-освободительных движений (точнее тех, кто себя объявлял таковыми). Борьба за территорию была реализована присоединением Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Северной Буковины, Бессарабии и части Финляндии.

Самыми значимыми для России геополитическими событиями середины XX века явились участие во Второй мировой войне, защита Отечества в Великой Отечественной войне, освобождение Европы от фашизма и разгром Германии. В результате возникла новая геополитическая ситуация – другая конфигурация центров силы, биполярный мир и международные регуляторы геополитических отношений (ООН и др.). Результатом геополитической практики (с опорой на достигнутую мощь) стало расширение географического пространства (были присоединены восточная Пруссия, южный Сахалин, Курилы, Закарпатье и др.), образование мировой системы социализма, создание Организации Варшавского договора, достижение военно-стратегического паритета с НАТО, успешное сдерживание гегемонистских устремлений США, поддержка лояльных государств.

После распада СССР Россия утратила прежние позиции на международной арене почти по всем геополитическим параметрам (кроме национального духа и наличия ракетно-ядерного оружия), возникла новая геополитическая ситуация однополярного мира, безраздельного доминирования США на мировой арене. Однако постоянное внимание, которое уделяется субъектами российской геополитики вопросам национальной безопасности и обороны, обеспечило сохранение независимости и территориальной целостности, поддержание нового статуса потенциальной сверхдержавы. Во многом этому способствовало обладание современным ракетно-ядерным оружием – как фактор сдерживания

и возможного возмездия. Глубокому исследованию российской геополитической практики посвящены работы сибирского ученого Н. Розова¹⁸⁵.

На современном этапе геополитическая практика борьбы за сферы влияния значительно изменилась; причина тому – формирование новых мировых и региональных центров силы, появление новейших средств геополитики и возникновение большого числа новых геополитических теорий. Современные акторы геополитической практики насыщают ее базу новыми элементами, стремятся не столько к приобретению новых территорий, сколько к контролю над ними и линиями коммуникаций между этими территориями. Основной *целью* геополитической практики продолжает оставаться наращивание национальных (коалиционных) ресурсов за счет ресурсов и активов других стран (коалиций), подчинения, ослабления или уничтожения конкурентов. Основными *направлениями* достижения цели выступают ослабление или разрушение государственности, территориальной целостности, финансово-экономической, военной и духовно-мировоззренческой сферы.

Геополитическая наука возникла на основе геополитической практики и развивается под влиянием ее потребностей. Новая геополитическая практика становится объектом новых геополитических теорий. Геополитика должна быть свободна от идеи оправдания любых политических решений, что достигается далеко не всегда. В системе знаний геополитика выступает как теория, отражающая геополитические отношения, закономерные связи, корреляцию между географическими условиями и политикой, единство и борьбу различных мировых и региональных сил в условиях глобализации с использованием современных информационных средств.

Геополитическая наука носит междисциплинарный, комплексный характер. Она тесно связана с философией, политологией, историей, географией, военным

¹⁸⁵ В своей работе «Колея и перевал» Н. Розов рассмотрел значительный пласт российской истории в геополитическом измерении, раскрыл сущность и природу социально-политических циклов в России, определил макросоциологические основания стратегии развития России в XXI веке. Здесь обоснована возможность для России «выпрыгнуть» из колеи замкнутых циклов развития, преодолеть перевал, колебания между либерализмом и авторитаризмом, европоцентризмом и евразийством, подъемами и кризисами и обрести необратимый вектор прогрессивного развития. См.: Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.

делом, демографией и другими областями знаний. Но она отлична от других наук по своему объекту, предмету, методам. Если политология рассматривает мир по Р. Паркеру, составленный из отдельных «государств-кубиков», то геополитика – это «учение об узорах и структурах, которые могут быть из них сложены» (Г. Павловский). Она вся проникнута идеями защиты или расширения территории, государства, цивилизации, целями преобразования «...картины мира в цели и задачи конкретного игрока»¹⁸⁶.

Как всякая другая наука, она имеет свой объект и предмет изучения, категории анализа, субъектов геополитической практики и выполняет определенные функции. *Объектом* изучения геополитики выступает геополитическая структура мира (все планетарное пространство суши, воды и воздуха с его государствами, ресурсами и народами), его территориальные модели и силовые поля, включая региональные проблемы спорных территорий, определения границ, конфликты и другие региональные вопросы, которые решаются на глобальном уровне, а также вся геополитическая практика. Свойства объекта геополитики определяют уровень геополитической теории: мировой, региональный или национальный.

Предметом данной науки являются связи между политикой и свойствами той или иной территории, механизмы и формы контроля над территориями, их национальными богатствами. Кроме того, геополитика изучает закономерности влияния социально-экономических, культурно-исторических и военно-стратегических факторов в обеспечении национально-государственных интересов, суверенитета и национальной безопасности государства.

Основными терминами в исследовании предмета геополитики являются следующие: стратегическая география, государственный интерес, баланс сил, контроль над пространством, геополитический регион, военно-стратегический паритет, холодная война, глобализация, многополярный мир, однополярный мир,

¹⁸⁶ Павловский Г. Маргиналии о геополитике (При чтении диссертации В. Л. Цымбурского «Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX вв.»). [Электронный ресурс]. URL: <http://gefiter.ru/archive/14211> (дата обращения 14.11.2015)

национальная безопасность. Часто употребляются понятия, характеризующие центры силы, признаки государств-держав (великая, экономическая, космическая, ядерная, региональная, сверхдержава и др.). А. Изгарская справедливо отмечает, что геополитика становится «зрелой наукой» лишь с появлением научно-исследовательской программы Р. Коллинза, в большинстве случаев она «привязана» к «доминирующей в научном сообществе социальной теории»¹⁸⁷.

В числе функций геополитики – познавательная, мировоззренческо-идеологическая, аналитическая, прогностическая и прикладная. В ряде концепций допускаются и оправдываются любые *средства* (кроме запрещенных международными нормами – ядерных, химических, бактериологических и др.), обеспечивающие высокую эффективность использования имеющегося в распоряжении субъектов *геополитического потенциала*: географических, экономических, военно-технических, социально-политических и духовных ресурсов. Особое внимание на современном этапе развития геополитики уделяется теориям использования новых политических технологий и технических средств (СМИ, интернет), коммуникационных каналов для изменения сознания масс и общественной элиты в геополитических целях.

Итак, на наш взгляд, *геополитика* – это наука, представляющая собой систему знаний о законах и способах сохранения и изменения сфер влияния в пространстве мировых отношений, об искусстве управления ими с целью обеспечения безопасности и расширения власти политических субъектов. Не углубляясь в этимологию слова «геополитика», проследим эволюцию данного понятия в истории мировой и российской мысли с конца XIX века по настоящее. Понятие «геополитика» обосновал и использовал шведский политолог Р. Челлен (1846–1922 г.), исследуя пути формирования «сильного государства». Но широкое употребление понятия началось после выхода в 1916 г. книги немецкого географа Ф. Ратцеля (1844–1904 г.) «Государство как организм». В этой работе он заложил основы формирования геополитики как науки о взаимосвязи политики

¹⁸⁷ Изгарская А. А. Социально-философская реконструкция развития геополитических концепций // Время мира. Вып. 3. Война и геополитика / под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск, НГУ. 2003. С. 276, 280, 283–284.

с географическим положением страны, особенно важной для народов с «особым чувством пространства». Его соотечественник, классик немецкой геополитической мысли Карл Хаусхофер (1869–1946 г.), на основе этой теории обосновал наличие трех основных центров геопространства: «пан-Америка» во главе с США; «Великая Восточная Азия» во главе с Японией и «пан-Европа» во главе с Германией. Его теория о необходимости восстановления былой мощи и расширения жизненного пространства германской нации через поглощение других государств была взята на вооружение третьим рейхом¹⁸⁸.

В современных представлениях по основанию ведущих факторов влияния в мире различают традиционную геополитику (с опорой на военную и политическую мощь государства, «противостояние Суши и Моря», то есть сухопутных и морских держав), новую геополитику или геоэкономику (с акцентом на экономическую мощь) и новейшую цивилизационную геополитику, которую довольно часто и столь же неправомерно называют «геофилософией» (в качестве доминирующих выступают духовные факторы).

Геополитические концепции исторически развивались в рамках различных геополитических школ, что обусловило национальные особенности и теоретические нюансы данных концепций и, в целом, обогатило общее научное поле геополитики. Выделяются английская школа (противостояние сухопутных и морских сверхдержав, роль Хартленда), американская (контроль над Хартлендом, роль Римленда, динамическое сдерживание), немецкая (завоевание жизненного пространства, противостояние «номоса земли» и «номоса моря», роль континентальных и морских блоков, государство как самодостаточный организм), японская школа (азиатская сфера процветания, роль экономической и научно-технологической мощи Японии)¹⁸⁹. В российской геополитической теории

¹⁸⁸ Цит. по: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. 426 с.

¹⁸⁹ «Хартленд» (Х. Маккиндер) – центральная зона континентального полушария, Мировой Остров недоступный для морского проникновения – Россия и Средняя Азия; «Римленд» (Н. Спикмэн) – пограничная зона Суши и Моря вокруг «Мирового острова» с американскими военными базами для контроля над Хартлендом (Суть теории Х. Маккиндера о соотношении и роли «Хартленда» и «Римленда» нами выражена схематично; «Номос земли» – континентальный евразийский общий дом во главе с Германией; «Номос моря» – американский утилитаристско-глобалистский морской корабль (К. Шмитт). Политику сдерживания в Римленде (береговой зоне Евразии) американский ученый С. Коэн в 1963 г. остроумно сравнил с запираем дверей конюшни, когда лошадь уже сбежала (достигнут паритет военной мощи, доставлены ракеты на Кубу). Идеи немецкой школы о завоевании

выделяются школы предшествующего этапа (русская и советская) и современная, российская геополитическая школа.

Среди зарубежных представителей англо-американской, немецкой и французской школ отметим З. Бжезинского, У. Блума, И. Валлерстайна, Г. Дерлугьян, Р. Коллинза, И. Лакоста, Дж. Маккиндера, А. Мэхэна, Ф. Ратцеля, Н. Спикмэна, Х. С. Хантингтона, К. Хаусхофера, К. Шмитта, Ф. Эйджи и др.¹⁹⁰

В рамках настоящей работы ограничимся анализом содержания и особенностей американской и российской геополитических школ по причине их значимости для предмета исследования. Из приведенных здесь работ американской геополитической школы выделяется глубокое и продуктивное исследование Р. Коллинза о долговременной социальной динамике, на основе которого он конструирует свою оригинальную модель¹⁹¹. Согласно этой модели, факторы территориально-ресурсного преимущества вначале приводят к расширению державы, затем к упрощению ситуации через завоевание всего региона, а в итоге – к распаду по причине возрастания груза необходимого контроля от чрезмерного расширения территории. Цикл начинается заново, но уже с другими геополитическими центрами.

Теория и модель Р. Коллинза была основана на пяти принципах, обладающих признаками «охватывающих законов»¹⁹², приемлемых для анализа

мирового господства и японской школы о создании сферы процветания так же были опровергнуты общественно-исторической практикой, а также итогами второй мировой войны. Остальные геополитические идеи продолжают частично реализовываться и развиваться в разных ответвлениях современных геополитических исследований.

¹⁹⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 2005. 288 с.; Блум У. Смертоносный экспорт Америки: демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. М., 2014. 272 с.; Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. М., 2014. 704 с.; Валлерстайн И. и др. Есть ли будущее у капитализма? Does Capitalism Have a Future? М. : Ин-т Гайдара, 2015. 320 с.; Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 504 с.; Крейчи О. Геополитика Центральной Европы: Взгляд из Праги и Братиславы. М. : Научная книга, Прага : Оттово накладателств, 2010. 423 с.; Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421–437.; Мэхэн А. Т. Роль морских сил в мировой истории. М. : Центрполиграф, 2008. 606 с.; Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. М. : Типография товарищества «Просвещение», 1903. 1604 с.; Сорос Д. Тезисы о глобализации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/sor_tezis.php (дата обращения 26.10.2015); Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек (The End of History and the LastMan) / Пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2010. – 584 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : АСТ, 2003. 603 с.; Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Haus/geo_din.php (дата обращения 27.11.2015); Хаусхофер К. О геополитике. – М. : Мысль, 2001. 426 с.; Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. со швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М. В. Ильина. – М.: Рос. полит. энцикл., 2008. 319 с.

¹⁹¹ Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 504 с.

¹⁹² Такие теории допускают проверку, фальсификацию и уточнение, широко распространяют свое действие.

динамики любых геополитических отношений, по крайней мере, в пределах аграрно-индустриальной цивилизации. Современная ситуация однополярного мира и возможности взаимоуничтожения держав в современной войне требуют расширения или уточнения принципов и модели Р. Коллинза. Тем не менее, его верифицируемая теория стала основой достаточно достоверных прогнозов будущего развития социума. Так, на основе своей модели Р. Коллинз еще в 1980 г. предсказал неминуемый распад «Советской империи» и Варшавского блока¹⁹³.

Остальных геополитических теориях западной школы мы упомянем коротко, в исторической и логической последовательности. Вторая половина XX века ознаменовалась противостоянием капитализма и социализма; теоретическое обоснование этого противостояния можно обнаружить в геополитических идеях адмирала *А. Мэхена* (1840–1914) и его преемника – геополитика *Н. Спикмэна* (1893–1943). А. Мэхен развивал теорию о вечном противостоянии Суши и Моря, влиянии морской силы на историю, об использовании «принципа анаконды» для удушения стратегических объектов противника морской блокадой. Один из принципов его теории и стратегии: оборона своих берегов начинается у берегов противника. Отвечая на запрос экспансионистской геополитической практики США, Н. Спикмэн в своих работах – («Американская стратегия в мировой политике» (1942) и «География мирного устройства» (1944)) – обосновал принцип «интегрированного контроля над территорией». Борьба с геополитическими конкурентами должна вестись с использованием военно-политических союзов и военных баз, создаваемых на новой геополитической оси мира, в пограничной зоне Моря и Суши – «Римленде»¹⁹⁴. Идея сдерживания и «удушения» континентальной державы обилием военных баз и действиями блока НАТО была положена в основу

¹⁹³ Используя пятый принцип своей теории (о ресурсном перенапряжении и государственном распаде от чрезмерного расширения (overextension), Р. Коллинз приходит к выводу, что увеличение трудностей транспортировки ресурсов и уязвимости азиатской части России, идеологическая делигитимизация цели построения коммунизма и разложение советской центральной и региональной элиты формируют кумулятивный эффект разрушения державы и обеспечивают значительное геополитическое превосходство США. См.: Современная теория геополитической динамики: реконструкция исследовательской программы Р. Коллинза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/supposition/theory/>

¹⁹⁴ Спикмен: Контроль «Римленда» ведет к господству в Евразии и далее – во всем мире.

доктрины Г. Трумэна и американской стратегии всего периода холодной войны. «Сама форма Земли, писал он, отменяет мораль и санкционирует разрушение слабых теми, кто имеют силу... Все формы насилия, включая разрушительные войны, допустимы в международном сообществе, это значит, что борьба за силу, тождественная борьбе за выживание <...> – делается главной целью внутренней и внешней политики государств. Все остальное – второстепенно»¹⁹⁵.

Послевоенное возрождение СССР, достижение военно-стратегического паритета с США, успехи операции «Анадырь» на Кубе и упрочение позиций в Африке показали, что политика жесткого противостояния Суши и Моря, удушения советской России морскими базами и военными союзами провалилась. Но трагический распад СССР привел к формированию однополярного мира, дестабилизации всей системы мировых отношений. США отказались от жесткого дуализма во внешней политике, пересмотрели свои геополитические концепции и перешли к стратегии «динамического сдерживания» на всем геополитическом поле, не забывая о цели и следуя рекомендации З. Бжезинского об удушении и расчленении России¹⁹⁶.

В то же время? на рубеже XX–XXI веков стали очевидными новые тенденции – регионализации мировых геополитических отношений, их движение от однополярного к многополярному состоянию. Эти процессы актуализировали концепцию региональной геополитики С. Коэна. В своей работе «География и политика в разделенном мире» (1963) он предложил иерархическую модель разделения мира на геостратегические зоны и соответствующие им геополитические регионы с выделением реальных и потенциальных великих держав. Геостратегические сферы: морская (все приморские регионы) и евразийская (Хартленд и Восточная Азия). Геополитические регионы – азиатский, африканский, европейский, американский и другие регионы со схожими

¹⁹⁵ Цит. по: Крейтор Н. К. Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал-дарвинизм [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kreytor_american_geopolocity/ (дата обращения 17.02.2016)

¹⁹⁶ По замыслу сторонников расчленения России, ей достаточно ее европейской территории. Все Зауралье (до Енисея) становится нейтральной, демилитаризованной зоной, а остальные восточные территории переходят под юрисдикцию Китая или сдаются в бессрочную аренду.

политическими, экономическими и культурными признаками. Великие державы – Китай, Япония, Россия, США и объединенная Европа (ЕС). Новые мощные государства, пока не влияющие на глобальный мировой порядок (ЮАР, Иран, Индия, Турция и др.).

Геополитические регионы находятся на разных стадиях развития, но связаны потоками энергоресурсов, произведенных товаров, людей, идей и капиталов. Каждый регион и его субъекты обладают определенным уровнем энтропии («степени хаоса»), что связано в обратно-пропорциональной зависимостью с возможностями региона. Высокоэнтропийные регионы являются, как правило, источниками проблем и нестабильности. Геополитические регионы со сверхдержавами имеют низкий и средний уровень энтропии и потому определяют равновесие, баланс мировой геополитической системы и могут выступать как центры силы. Привлекательность данной концепции не только в ее близости к истинному положению вещей и в расширении поля творческих исканий в геополитической науке, но и в простоте ее практического приложения.

На основе теории С. Коэна определяются два возможных пути дальнейшего научного поиска и реальной трансформации геополитического пространства¹⁹⁷. Развитие теории по обоснованию одного из возможных путей (регионализации мира) нашло свое выражение уже в 1993 г. в концепции столкновения цивилизаций американского политолога *С. Хантингтона* (1927–2008)¹⁹⁸. Он обосновал переход народов к новым основаниям идентификации, заложил основы развития современной цивилизационной геополитики. С. Хантингтон отказался от использования формационного подхода в анализе истории и сделал упор на устойчивость культурно-генетических кодов, что позволило определить в мироустройстве несколько крупных цивилизаций. Опираясь на теоретические

¹⁹⁷ Первый путь – развитие концепции однополярного устройства мира и обоснование его долговременности. Реальная платформа – единство США, Европы и Японии по уровню экономики, идентичности политической системы и интересов. В результате образуется низкоэнтропийный центр силы, исключаящий войну между его субъектами. Этот путь положил начало целого направления геополитической науки не только в США (с обоснованием включения России в мировое униполюе) но и в Японии (Ф. Фукуяма с его идеей «конца истории»). Второй путь – развитие теории регионализации, прогнозирование новых центров силы, перехода к многополюсному устройству мира и практическая утрата геополитического доминирования США.

¹⁹⁸ Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2014. 576 с.

положения теории регионализации мировых отношений С. Коэна, он проследил динамику регионального разделения мира и отношений субъектов геополитики на основе идеологических, политических или экономических различий на многоступенчатое развитие в историческом времени отношений Запада с остальным миром:

- Запад и остальной мир (с XV в.);
- биполярный «мир холодной войны» (противостояние центров силы в послевоенный период: западный «свободный мир», «коммунистический блок», «неприсоединившиеся страны»);
- современный однополярный «мир разных цивилизаций» (после 1990-х годов), в котором, наряду с национальными государствами, субъектами геополитики выступают «мировые цивилизации».

Развивая идеи С. Коэна, С. Хантингтон показал, что интеграция и снижение энтропийности, уровня «хаоса» в регионах происходит не только на основе обменных процессов между субъектами региона, но, прежде всего, за счет их «десекуляризации» — возвращения к религиозной идентичности народов той или иной цивилизации. Ведущую роль в образовании центров силы начинает играть культурная идентичность. В результате, образуются новые локальные цивилизации, выходящие за пограничные рамки отмеченных С. Коэном регионов. В будущем геополитическое поле будет формироваться благодаря взаимодействию основных цивилизаций, среди которых: западная, индуистская, исламская, конфуцианская, латиноамериканская, православно-славянская, японская и африканская.

Все цивилизации не только отличаются от глобальной западной цивилизации по основным существенным признакам и генеральной стратегии поведения народов, но и имеют возможность приобретать роль ведущих центров силы. Самые значительные противоречия возникнут вдоль линий соприкосновения разных цивилизаций. Противостояние Запада одновременно

нескольким цивилизациям и даже сохранение присущей сегодня идентичности своих народов станет затруднительным или невозможным¹⁹⁹.

Основная концепция С. Хантингтона исходила из предпосылки, что модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта после холодной войны определяются различиями культур и культурных идентичностей («происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты»)²⁰⁰.

Первое: «Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделена от «вестернизации» (распространения западных идеалов и норм) и не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ».

Второе: «Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; незападные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур».

Третье: «Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: социумы, имеющие культурное сходство, сотрудничают друг с другом; попытки перемещения социума из условий одной цивилизации в другие и чуждые оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций».

Четвертое: «Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью – между мусульманами и не мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта».

Пятое: «Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентичность и примут ли жители Запада свою

¹⁹⁹ Там же. С. 7–9.

²⁰⁰ Там же. С. 7.

цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания»²⁰¹. На основе теории он выводит свою атлантическую доктрину, дает практические рекомендации по укреплению стратегических позиций западной цивилизации и недопущению любых альянсов против нее. Свою теорию С. Хантингтон использовал в качестве основы для прогнозирования развития социума²⁰².

Из авторов американской школы отметим также З. Бжезинского, но его теории являются предельно идеологизированными и русофобскими, не могут быть отнесены нами к числу научных и поэтому здесь специально не рассматриваются. На основе рассмотренных концепций С. Коэна, Н. Спикмэна и С. Хантингтона развиваются почти все современные геополитические школы, изучаются современные геополитические отношения и строятся прогнозы их развития.

Таким образом, основные концепции американской геополитической школы обнаруживают своевременную реакцию на быстрые социальные изменения, разнообразие теоретических подходов, обоснование применения новейших средств и методов, сочетания «мягкой силы» духовного воздействия и жестких мер силовых действий. Больше успехи достигнуты в области разработки новых категории науки и построение теорий на их основе, расширяющих предмет исследования геополитики, вводятся новые понятия («Римленд», «Хартленд»

²⁰¹ Там же. С. 6.

²⁰² Он смог увидеть скорый крах биполярности мира (что уже подтвердилось), предсказал недолговечность его однополярности и гегемонии США, смену оснований идентификации народов и борьбу цивилизаций (что начинает подтверждаться). Предвидел возможность конкретных событий типа теракта 11 сентября 2001 г. в США, правдоподобно очертил перспективы распада Украины на Западную и Восточную. Бурный рост исламского фундаментализма уже сегодня частично подтверждает истинность теории изменения светско-культурной идентичности народов в направлении идентичности, основанной на господствующих мировых религиях. Задолго до череды ужасающих терактов в мире он сделал политически мудрое предупреждение политикам, перекраивающим мир по своим лекалам: «В современном, политически пробудившемся, мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас (так же, как атомное оружие, представляющее опасность для всего человечества) ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями». (Там же. С. 3).

и др.). Геополитическая рефлексия, как правило, объективна и потому эффективно используется в предвидении и прогнозировании будущего.

Теории зачастую отягощены теоретическим обоснованием господства США в мире, субъективным подходом к изучению России, ее места и роли в мировом развитии. Заметна их направленность на борьбу против России, построение нового мирового порядка за счет России и без ее ведущей роли. Так, С. Хантингтон долго и мучительно колебался, решая вопрос о месте России в его иерархии цивилизаций – отнести ее к западной цивилизации или выделить для нее отдельную, православно-славянскую²⁰³.

Впрочем, в том, что касается взаимосвязи реальной политики, науки и философии, геополитическая практика США учитывает новые реалии и все основные выводы американских и мировых геополитических школ. Сохраняется антироссийская направленность военной стратегии и практических действий, что отчетливо просматривается в новой военной доктрине и практических шагах по ее реализации. Не забывается принцип игнорирования нравственности в политике, использования иерархического превосходства и силы как «источника закона» в искусственно созданном хаосе международных отношений. Учитываются новые реальности геополитического поля, возникновение региональных силовых центров, усиление европейского и восточных центров. Принимаются некоторые меры борьбы с исламским фундаментализмом, ограниченные рамками задач сохранения западной идентичности и доминирования США. Происходит постепенное сближение (относительное) позиций США и России в вопросах борьбы с терроризмом. Но основная забота – сохранить однополярность мира и мировое господство через ослабление соперничающих центров силы и,

²⁰³ В Западной цивилизации С. Хантингтон видел Россию лишь на вторых ролях, как не прошедшую этапа «просвещения». В конечном итоге пришел к достаточно робкому выводу: «Некоторые ученые, – пишет он, – выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе». Подобные поверхностные утверждения и аргументы несостоятельны. Даже по его же религиозным основаниям цивилизаций Россия, не знаящая, в отличие от Запада, инквизиций и ересей, сохранила русское православие как чистое и ортодоксальное христианское учение – основу идентификации христианских народов как особой евразийской цивилизации. Духовный прогресс и своеобразие России не могли прервать или изменить ни «деспотизм», ни «татарское иго».

прежде всего – России. «В интересах не только США, но и в интересах всего человечества необходимо, чтобы существовал один центр, из которого осуществлялся бы балансирующий и стабилизирующий контроль, сила арбитра, и чтобы этот стабилизирующий и балансирующий контроль находился в руках США»²⁰⁴.

В отношениях с Европой США проявляют сдержанность в политических отношениях, проводя меры по ослаблению европейской валюты, расширяя на европейском рынке сбыт своих товаров, провоцируя увеличение численности потока беженцев в Европу через усиление управляемого хаоса в регионах Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии.

Отношения с Китаем, на который уже невозможно накинуть глобалистскую великодержавную «уздечку», выходят за рамки прочих отношений. На рубеже веков Китай уже приблизился к статусу сверхдержавы и уверенно продолжает набирать форму мирового геополитического центра силы. Поэтому США стали относиться к нему с повышенным вниманием: с одной стороны, стремятся не допустить упрочения оси Москва – Пекин, о чем предупреждал ранее З. Бжезинский, с другой – стремятся втянуть Китай в отношения атлантической солидарности. Еще в 2010 г. США озвучили в Китае идею оформления «Большой двойки» сверхдержав (G2), хотя это противоречило идее однополярности мира С. Козна в части единства интересов объединительной платформы. По причине отсутствия такого единства Китай, разделяющий идею многополярности, не пожелал делить ответственность за гегемонистскую геополитику США в однополярном мире и отклонил данное предложение, выступая за многополярность мира.

Отношения со слаборазвитыми странами выстраиваются в направлении их ресурсного и экономического ограбления за счет неравного обмена, зависимости от экспорта техники и технологий, установление выгодных для США

²⁰⁴ Цит. по: Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 240 с.

политических режимов, превращения этих (и многих других, не отмеченных здесь) стран в сателлитов США во внешнеполитической сфере.

В отношениях с Россией США настойчиво продолжает осуществлять комплекс мер по ее ослаблению и разрушению. В новой военной доктрине США Россия рассматривается в статусе геополитического противника. В работах американского автора У. Блума дан глубокий анализ современной геополитической практики, показана изощренность методов и средств геополитической экспансии США в послевоенный период на основе самопровозглашенной американской «исключительности». На конкретных примерах (56 тайных и открытых вмешательств во внутренние дела других государств) показаны целеполагание, инструментарий, глобальный масштаб и жестокая изощренность американской геополитической практики, в том числе против России, с целью утверждения мирового господства и «Нового мирового порядка»²⁰⁵. На протяжении всей новейшей истории уничтожались негодные США руководители государств, партии, движения и негодные личности, нужные государства приводились в состояние готовности обслуживать американские интересы. В новом столетии цели остались прежними: рекламная упаковка действий как пиар по «продвижению демократии» по-американски по-прежнему фактически означает продвижение и утверждение в мире интересов США и мирового капитала. Отсутствие сдерживающих факторов в однополярном мире усилило агрессивность и скорректировало предлоги американского вмешательства. На смену борьбы с коммунизмом пришли лозунги противодействия терроризму, установления демократии и прав человека по американским стандартам. Политические, идеологические, военные и технические средства дополнились социальными сетями и интернетом. В связи с таким курсом геополитики американцы все чаще задаются вопросом: «Есть ли будущее у капитализма?». В книге с одноименным названием («Does Capitalism Have a Future?») авторы отстаивают прямо противоположные ответы:

²⁰⁵ Блум У. Смертоносный экспорт Америки: демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. М., 2014. 272 с.; Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. М., 2014. 704 с.

«капитализм может рухнуть» (И. Валлерстайн и Р. Коллинз) или он «может сохраниться» (С. Манн и К. Калхун).

Считаем, что Россия, будучи де-факто мощным региональным центром силы, остается для США в статусе потенциальной сверхдержавы; США оказывают отчаянное сопротивление тенденциям утраты своего доминирования, – а такие тенденции есть из-за усиливающейся китайской позиции в мире. Во главе угла американской политики по-прежнему остается сохранение мирового господства за счет России. Стратегия американского гегемонизма продолжает действовать в соответствии с рекомендациями Х. Маккиндера о создании «санитарного кордона» на западной границе России и о недопущении ее сближения с Европой и Германией. На очереди встал вопрос о полном разрушении самой России, о чем говорит поддержка Западом «парада суверенитетов» субъектов Российской Федерации (санкционированной еще Б. Н. Ельциным), – процесс который уже начал реализовываться путем создания местных государственных и силовых структур (Поволжье, Сибирь, Кавказ) и принятия решений по отделению от России (Чеченская республика). Полный распад России был остановлен только в 2000 г. Президентом РФ В. В. Путиным.

Другим направлением современной антироссийской стратегии США стало торможение экономического развития через разного рода санкции, создание препон для политического влияния со стороны России, поощрение русофобии в странах «береговой» зоны Хартленда, вовлечение их в НАТО и ее приближение к границам России. Осталось и традиционное направление борьбы – за сырьевые ресурсы, под предлогами борьбы с терроризмом, с монополизмом (на газовом рынке ЕС), демократизации стран по-американски и по другим поводам. Европа как составная часть Евразии отдалается от России, постепенно утрачивает свою субъектность в мировой политике, действует в угоду американским интересам и не способна (не пытается) ограничивать американские гегемонистские амбиции.

Последние события вокруг Украины, Крыма, Сирии показывают, что экспансия против России постоянно усиливается. Отмеченный нами фактор российского сдерживания обуславливает «мягкий характер» действий США.

Однако нельзя исключать, что по мере углубления экономического и ресурсного кризисов, роста народонаселения, сокращения пресноводных ресурсов и площадей плодородных земель, усиления экологического напряжения геополитическая практика может принять форму «жесткого варианта» территориальной экспансии. Ухудшение экономического и финансового положения, шаткость однополярности мирового устройства при наличии огромного арсенала оружия США могут усилить желание американских «ястребов» пересмотреть итоги Второй мировой войны, перейти к силовому варианту достижения геополитических целей. Уже предпринимаются серьезные шаги в этом направлении – выход США из договора по ПРО, продвижение НАТО на Восток, размещение ракетно-ядерного оружия на территории Германии, усиление военных баз вокруг России и др. Экс-канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, который неоднократно предостерегал Запад от конфронтации с Россией, в своем последнем визите в Россию (в конце 2013 г.), в беседе с Президентом России назвал США главным «возмутителем спокойствия» в мире, а русофобскую политику Евросоюза – «геополитическим ребячеством». Позже Г. Шмидт рассказал о своем видении современных тенденций изменения мирового геополитического поля: «...господство Америки в мире шаг за шагом будет уменьшаться, значение Китая шаг за шагом будет увеличиваться, а Россия будет шагать на месте»²⁰⁶.

Сегодня нельзя не видеть, что в связи с изменениями геополитического поля и серьезными ошибками американской геополитики в однополюсном мире, веер возможностей американской геополитической практики значительно сужается. Свидетельства тому – утрата позиций США в МВФ, на европейском пространстве и на Ближнем Востоке, провал стратегии использования «Исламского государства» в качестве инструмента «управляемого хаоса», успехи России в Сирии. Все больше усиливается сопротивление народов мира (в том числе европейских) политике вестернизации, глобальной американизации мира.

²⁰⁶ Германия потеряла человека, который мог говорить то, что думает [Электронный ресурс]. URL:<http://www.vz.ru/world/2015/11/10/777309.html>. (дата обращения 12.02.2016)

З. Бжезинский еще в 2007 г. констатировал, что Америка растратила свою былую мощь и престиж, и, чтобы восстановить глобальное лидерство в «эпоху всемирного политического пробуждения», необходим новый геополитический курс²⁰⁷.

Таким образом, можно выделить несколько аспектов американских геополитических теорий, требующих учета в достижении цели настоящей работы – формирования современной философской концепции безопасности образовательного пространства. Во-первых, анализ ряда концепций американской геополитической школы (теорий С. Коэна, Р. Коллинза, С. Хантингтона и др.) позволил уточнить определение понятия «геополитика». Адекватное понимание сущности геополитики позволяет сформулировать геополитические аспекты общей концепции национальной и образовательной безопасности, обосновать необходимость их учета в построении модели и практики обеспечения безопасности образовательного пространства, в подготовке молодежи к отстаиванию геополитических интересов России со знанием дела.

Во-вторых, для разработки теоретико-методологических оснований обеспечения национальной безопасности и безопасности российского образовательного пространства важное значение имеет ряд положений американских геополитических концепций. Так, выводы авторов американских школ о роли межцивилизационных отношений и толерантности народов разных цивилизаций, о переходе к религиозной идентичности, задающей основные парадигмы архитектоники будущего мироустройства, о росте конфликтного потенциала на границах цивилизаций требуют обоснования новых, геостратегических приоритетов российской внутренней и внешней политики, их учета в обосновании общей концепции обеспечения безопасности национального и образовательного пространств. Далее, в теории и методологии обеспечения безопасности необходимо учитывать теоретические выводы геополитики о смене приоритетов в действиях субъектов геополитики. На основе этих выводов

²⁰⁷ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М. : Международные отношения, 2007. 240 с.

современные акторы геополитической практики стремятся не столько к приобретению новых территорий, сколько к контролю над ними, финансовыми, товарными и людскими потоками, линиями коммуникаций между этими территориями. Такая переориентация практики требует теоретического обоснования и практического осуществления защиты и обеспечения безопасности именно этих геополитических объектов – российских коммуникаций и потоков. И наконец, исключительно важным представляется положение об уменьшении роли военных, экономических и политических факторов достижения геополитических целей за счет преимущественного использования духовного фактора, что еще более усиливает роль образовательного пространства и обеспечения его безопасности.

В третьих, рассмотрение геополитических школ США приводит к выводу о гегемонистской и антироссийской направленности ряда теорий (концепции А. Мэхена, Н. Спикмэна, З. Бжезинского), что снижает общий уровень безопасности в современном мире и требует усиления мировоззренческо-воспитательной функции российского образования. Различия лишь в нюансах: применение принципа «Анаконды» для удушения России или свержения неудобных режимов, абсолютное и вечное господство США, или относительное и временное. Отмеченные нами характерные черты, реализуемые субъектами политики, умножают угрозы и риски для России и требуют постоянного развития методологии, теории и практики обеспечения национальной и образовательной безопасности. В то же время, на основе анализа этих теорий расширяются возможности выяснения новых угроз для России и ее образовательной системы, уточнения задач их преодоления, в том числе дипломатическими, силовыми и образовательными средствами. Для формирования стойкого иммунитета к идеологическим диверсиям, способности к активному сопротивлению вестернизации ценностей необходимо обогащать геополитическими идеями программы учебных заведений, гуманитарных предметов и реализовать их в учебно-воспитательном процессе. Чтобы убежденно и убедительно отстаивать

интересы личности, общества и российского государства, каждый человек должен знать современные тренды этих теорий и геополитической практики.

Российская геополитическая школа представлена разными направлениями и значительным количеством работ по геополитической теории и практике. Общеизвестный факт, из которого исходят в равной степени российские геополитические концепции любой направленности, особенно евразийские – континентальное географическое положение России, совпадающее с самой Евразией (Heartland), с «Географической Осью Истории» (по Х. Д. Маккинтеру). Россия находится в центре материка, связующей основой для Европы и Азии, со своей культурой, отличной как от западной, так и восточной культур. В научных кругах России понятие «геополитика» широко используется уже в мессианских теориях русской историософии XIX века славянофилами (А. Хомяков, И. Киреевский, С. Аксаков и др.).

Российская геополитическая школа развивается с использованием позитивных достижений зарубежных концепций о роли территории, ее положения и наличных ресурсов в геополитике. Направления концепций российской геополитики классифицируются по различным основаниям (консервативные и либеральные, евразийские и западнические и т. д.). Наиболее адекватная их классификация, на наш взгляд, возможна, если исходить из основного содержания концепций. Здесь можно выделить мессианские и славянофильские, западнические и евразийские, националистические и цивилизационные теории и доктрины.

Современные геополитические идеи получили глубокое обоснование в работах *Д. А. Милютина* (о значении военной географии России и теоретических основах геополитики); *А. Вандама* (о местоположении России, противостоянии морских и континентальных держав); *В. П. Семенова-Тян-Шанского* (о трех системах геополитического контроля над пространством – кольцеобразной, клочкообразной и континентальной); *И. А. Ильина* (о России как «живом организме», ее органическом единстве и опасности расчленения). Развитию геополитических теорий посвятили свое научное творчество также Л. Н. Гумилев,

Н. Я. Данилевский, А. Г. Дугин, А. И. Зубков, Л. Г. Ивашов, В. В. Карякин, А. В. Коротаев, Н. А. Махутов, А. Л. Нарочницкий, П. Н. Савицкий, Н. В. Стариков и др.²⁰⁸

Вопреки расхожим мнениям об отсутствии развития геополитики в советский период (в связи с ее официальным статусом «империалистической науки мирового господства»), осмелимся утверждать, что геополитические теории, хоть в идеологизированной форме, продолжали развиваться. Следует признать, что основное внимание уделялось развитию прикладных направлений геополитики, изучению российских реалий и геополитической практики, в ущерб общей теории этой науки. Среди концепций советского периода следует выделить пересмотр идеи мировой революции, обоснование Брестского мира, идеологическое оправдание довоенного сотрудничества с Германией. Разрабатывались концепции оборонительного характера Варшавского блока государств, обеспечения военно-стратегического паритета, путей укрепления национальных геополитических ресурсов России. Геополитическими по своей сути были также установки и действия советских руководителей по усилению влияния в Европе (Л. И. Брежнев), на Ближнем Востоке (Е. М. Примаков), в мире (Н. С. Хрущев, А. А. Громыко) и в мировом океане (С. Г. Горшков) и др.

Значительный вклад в развитие общей теории геополитики советского периода внесли труды выдающегося историка, родоначальника российской

²⁰⁸ Аксаков К. С. Государство и народ. М. : Ин-т Русской Цивилизации, 2009. 608 с.; Бабурин С. Н. Российский путь: становление российской геополитики накануне XXI в. М. : АНКО, 1995. 384 с.; Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск : Водолей, 1996. 160 с.; Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М. : Кучково поле, 2002. 606 с.; Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб. : Лань, 2000. 318 с.; Гаджиев К. С. Введение в геополитику: учеб. для студентов вузов. М. : Логос, 1998. 415 с.; Гумилев Л. Н. От Руси до России. М. : Айрис-Пресс, 2008. 320 с.; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Ин-т Русской Цивилизации, 2008. 816 с.; Дергачев В. А. Геополитика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 526 с.; Дугин А. Г. Основы геополитики. М. : Арктогея, 2000. 928 с.; Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. М. : Юрид. центр Пресс, 2004. 240 с.; Зюганов Г. А. География победы: основы российской геополитики. М., 1998. 304 с.; Изгарская А. А. и др. Макродинамика. Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. № 2. Новосибирск : Наука, 2002. 468 с.; Карякин В. В. Геополитика третьей волны. Трансформация мира в эпоху постмодерна. М. : Граница, 2013. 432 с.; Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. СПб. : Петрополис, 2010. 326 с.; Межуев Б. Политическая критика Вадима Цымбурского. М. : Европа, 2012. 200 с.; Крашенинникова В. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М. : Кучково поле. 482 с.; Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. : АСТ, 2005. 625 с.; Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.; Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 464 с.; Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М. : РОССПЭН, 1996. 170 с.; Стариков Н. В. Геополитика: Как это делается. СПб. : Питер, 2014. 368 с.; Хомяков А. С. Всемирная задача России. М. : Ин-т Русской Цивилизации, 2008. 784 с.

геополитической школы, академика *А. Л. Нарочницкого* (1907–1989). Основные направления его исследований и деятельности – международные отношения и проблемы Балкан, колониальная политика капитализма, геополитические факторы российской внешней политики и опровержение мнений и установок ее критиков. Много внимания он уделял созданию историографической школы, воплощению идеи взаимосвязи внутренней и внешней геополитики в проекте создания российских региональных историй²⁰⁹.

Понятие «геополитика» всегда находилось в центре внимания представителей *евразийской и неоевразийской мысли* (Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Л. П. Карсавин, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и др.). Евразийские концепции развивались на основе теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, согласно которой Россия относилась к особому славянскому культурно-историческому типу, отличному от других типов (в том числе – и особенно – от европейской культуры). Эти особенности определяются евразийским пространством, исторической, экономической, политической и культурно-нравственной общностью и условиями развития²¹⁰.

В конце прошлого века и на рубеже XX–XXI веков общую теорию геополитики применительно к России в русле евразийства развивал российский политолог *В. Л. Цымбурский* (1957–2009), обосновавший свои концепции «Остров Россия» и «Великий Лимитроф»²¹¹. При обосновании «цивилизационной геополитики» и «цивилизационного изоляционизма» новой России автор стремится выйти за пределы конфликтующих взглядов «западников», тоскующих по Европе, и «славянофилов», отстаивающих уникальность своеобразия российской цивилизации. Однако использование им понятия «остров Россия» в качестве метафоры приводит, в конечном итоге, к реальному отрицанию

²⁰⁹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М. : Академия наук СССР, 1956. 898 с.; Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А. Л. Нарочницкого / отв. ред. С. Л. Тихвинский; Ин-т российской истории РАН. М. : Наука, 2007. 359 с.

²¹⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 816 с.

²¹¹ Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 269 с.; Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.; Цымбурский В. Л. Военная доктрина СССР и России: осмысление понятий «угрозы» и «победы» во второй половине XX века. М. : Российский научный фонд, Моск. отд-ние, 1994. 11 с.

не только имперской сущности России, но и России как особой субцивилизации. В условиях глобального вызова и острого дефицита ресурсов в мире Россия – континент, Россия – heartland (сердцевина суши по Х. Маккиндеру), «Россия – Евразия» (у других евразийцев) сжимается в представлении В. Цымбурского до России-острова, до «России в Евразии», до Великороссии с необходимым ей в новых условиях изоляционизмом и автаркией. Трехвековую великоимперскую историю России В. Цымбурский считает извращением подлинной российской цивилизационной идентичности. В. Цымбурский резко критиковал либеральный деструктивный курс новой России, но и не мог стать идеологом путинской России («корпорация утилизаторов») «суверенной демократии», «встающей с колен» энергетической державы, имеющей в настоящих союзниках лишь армию и флот. Самоидентификацию России как Европы («Похищение Европы») и постоянное стремление к сближению с ней в условиях отторжения Европой он так же считал несостоятельной. Редукционистская идентификация России в теориях Х. Маккиндера и евразийцев, описывающих Россию как сердцевину суши (heartland), по его мнению, не может объяснить суть российской цивилизации, которая требует ее описания как автономной реальности. Россия в ситуации после 1991 г. в теории В. Цымбурского – материковый остров с огромной территорией, окруженный от других цивилизаций океанами (с севера и востока) и «Великим Лимитрофом» «территориями-проливами», межцивилизационными землями (с юга и запада). Автор выделяет основные признаки России как геополитической реальности:

- целостная геополитическая ниша русского этноса со своей культурой и традициями, заполнившая цивилизационную платформу между Европой и Китаем;

- имеет огромное, труднодоступное и сложно осваиваемое пространство на Востоке;

- отделена от романо-германской европейской либеральной цивилизации поясом народов и «территорий-проливов» (strait-territories), «автономной балтийско-черноморской конфликтной системой». «Островитянство» России,

отгороженное от Запада «территориями-проливами», всегда помогало сохранять свою культурную идентичность и обеспечивать безопасность и независимость страны, одерживать победы в захватнических войнах Запада.

На основе этих признаков В. Цымбурского можно объяснить, почему Россия не перестала быть ею с утратой степного Казахстана, лесной Белоруссии или лесостепной Украины, обосновать необходимость геополитического курса внутреннего развития России в ее новых границах. Прежде всего, это освоение Зауралья, реформирование социально-политического устройства, воссоздание традиционной системы ценностей после духовного опустошения в период 1990-х годов. Для создания многополярного мира Россия сначала должна в сотрудничестве с Китаем и Ираном не допустить полного поглощения Евроатлантикой стран Великого Лимитрофа, вывести их из-под влияния Запада, не допускать стратегического присутствия и закрепления США на этом пространстве (Восточная Европа, Центральная Азия, Закавказье и др.)²¹².

Во внешней политике В. Цымбурский отстаивал принцип балансирования между основными геополитическими игроками на основе равноправного участия. «Россия XXI в. – не претендент на гегемонию, а противник абсолютной гегемонии любого из субцентров»²¹³. Он также обосновал необходимость укрепления влияния России в Средней Азии и на Кавказе через развитие связей с Китаем, Индией и Ираном, дальнейшей экспансии евроатлантических силовых структур в хартленд, о необходимости противодействия (в союзе с Ираном и Китаем) экспансии евроатлантических силовых структур в кавказский и центрально-азиатский регионы.²¹⁴ Интересно, что именно этот фактор риска упомянул Президент России Владимир Путин на Валдайском форуме 24 октября 2014 года, говоря об украинских событиях²¹⁵.

²¹² Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. С. 5–28; 127–131.

²¹³ Там же, С. 40

²¹⁴ Цымбурский В. Л. Это твой последний геокультурный выбор, Россия? // В. Л. Цымбурский Конъюнктуры Земли и Времени: геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М. : Европа, 2011. С. 75–84.

²¹⁵ Речь Путина на Валдае 24.10.2014 [стенограмма] [Электронный ресурс]. URL: <http://newsrw.com/politika/nеskritye-slova-prezidenta-putina-na-vstreche-valdaj-polnyj-tekst-rechi-1381.html> (дата обращения 12.12.2014)

Даже перечисление идей В. Цымбурского говорит об их актуальности для изучения и прогнозирования развития российской геополитической реальности. Нельзя не заметить, что эти идеи предвосхитили целый ряд направлений современной российской геополитической практики и обеспечения национальной безопасности России. Вот только некоторые из них:

- считать важнейшей угрозой для РФ нестабильность Лимитрофа (периферийного окружения) и использовать ее в качестве межцивилизационной буферной зоны;
- сделать все возможное для предотвращения полного поглощения Западом «территорий-проливов», важных для геополитики и обороны, безопасности России;
- сосредоточить усилия на внедрении новой системы ценностей в «духовно опустошенную страну»;
- создавать коммуникационные системы между Западом и Востоком;
- заняться внутренним цивилизационным обустройством и укреплением «Русской Евразии», ее заволжско-сибирским пространством; не создавать союзы против «мусульманско-конфуцианского блока»;
- не отождествлять изоляционизм в России и русофобскую ситуацию в мире со сдачей ценностных и геополитических позиций Западу;
- конструировать многополярный мир в сотрудничестве с Китаем и другими цивилизациями, государствами и т. д.

Современные российские концепции геополитики (общая теория и ее прикладные направления) продолжают развиваться на основе уже рассмотренных нами теорий Х. Маккиндера, С. Коэна, Н. Спикмэна, С. Хантингтона, А. Л. Нарочницкого, П. Савицкого, В. Цымбурского и др., и отличаются большим разнообразием. Западнические концепции формировались в конце прошлого века на основе идей «доктрины А. Козырева», бывшего министра иностранных дел России, продолжившего дело капитулянтской геостратегии Э. Шеварднадзе, и теоретической конструкции «либеральной империи» А. Чубайса. В основе «доктрины Козырева» были положены две ложные установки:

- уход России из Центральной Европы обеспечит доброжелательное отношение Запада и его финансовое обеспечение расцвета российской экономики;
- западная либеральная демократия, рыночная экономика и духовные ценности, перенесенные на российскую почву, значительно ускорят возрождение и развитие России.

Ясно, что обе эти идеи не были реализованы и фактически повлекли утрату национальной ориентации российской внешней политики, сдачу позиций в зоне своих стратегических интересов.

Попыткой ухода от критики западничества была позиция представителей «Союза правых сил», изложенная *А. Чубайсом* в концепции «либеральной империи». В ней вместо чисто западной модели предлагалось развитие российской экономики на основе традиционных ценностей истины и справедливости. На практике это оказалось обычной идеологической уловкой для оправдания политики «шоковой терапии». Консенсусная геополитическая модель предлагала также самостоятельную прагматичную внешнюю политику страны, эффективное использование имеющихся возможностей для усиления международного влияния, в том числе (и особенно) на постсоветском пространстве.

В качестве антиподов западных теорий выступают геополитические концепции националистического уклона, эксплуатирующие культурную типологию *Н. Данилевского* для обоснования исключительности русского мира на основе православия и его несовместимости в мировых отношениях как с западными (католическими) цивилизациями, так и восточными (исламскими). Его представители (*И. Кузьменко, В. Аксютин, Н. Павлов и др.*) возрождают панславистские и панправославные идеи позапрошлого века и усиливают их националистическими оценками современных реалий, углублением идеологического противостояния с другими геополитическими течениями. Основная идея – ограничение российского многонационального государства границами и культурой православной Киевской Руси, уход России с территорий

Кавказа и Центральной Азии, где доминируют другие религии. Основной девиз И. Кузьменко: «максимум русских на максимуме территории».

Эклектическими по форме и евразийскими по содержанию представляются геополитические взгляды лидеров ЛДПР и КПРФ. В. Жириновский в своей книге «Геополитика и русский вопрос» (1998) исследует российскую геополитическую практику в политическом и военно-стратегическом аспектах касаясь также экономических, исторических и культурных проблем. Он уделяет внимание и теоретическому анализу геополитического положения страны, обосновывая (вслед за К. Хаусхофером) региональное деление мира, мировой и региональной расстановки сил. «Новый мировой порядок», по мнению В. Жириновского ограничивает влияния любого центра силы пределами своей зоны. Всего таких зон пять: США и Латинская Америка; Западная Европа и Африка; Россия и Южная Азия (с выходом в Индийский океан); Китай; Япония и Океания. Лидер КПРФ Г. А. Зюганов также посвящает одну из глав своей книги («На рубеже тысячелетий») анализу российской геополитики. Исходя из географического детерминизма, геополитической идеи противостояния Суши и Моря, он объясняет противоположность интересов и враждебность отношений российской (сухопутной) и европейской (морской) цивилизаций. В отличие от авторов других геополитических теорий, он использует в качестве объекта анализа не только геополитическую практику, но и историю развития цивилизаций, российских геополитических доктрин. Основные опасности для современного однополярного мира, потребительского общества, по его концепции, кроются в демографической, экологической, сырьевой, экономико-технологической, либерально-демократической, военной и духовной сферах. Ответ на эти вызовы времени он видит в возрождении российской державы на основе «русского традиционализма», принципа социальной справедливости и исконных ценностей, формировании многополярного мира и объединении усилий человечества по устранению глобальных рисков.

Важный вклад в развитие геополитики и военной стратегии внес военный историк, геополитик и стратег Л. Г. Ивашов. Это, пожалуй, единственное

исследование, в котором каждое геополитическое положение автора подтверждается историческими и современными фактами развития отношений народов, государств и цивилизаций, где рядом с политической картой мира всегда присутствует историческое знание. Геополитику русской цивилизации автор рассматривает как проявление совокупной энергии около двухсот этносов на евразийских просторах по их освоению и гармонизации отношений с другими народами, цивилизациями, оберегая человечество от самоуничтожения. Европейское неприятие России обусловлено непониманием другой цивилизации, ее культуры, отличной от Западной и наличием способности материкового «хартленда» сдерживать имперские амбиции Запада. Второй основополагающий вывод его исследования – Л. Ивашов полагает, что США неспособны долго удерживать мировую гегемонию и потому имеет место закономерное движение мира к более устойчивому, биполярному состоянию. Состояние ближайшего, переходного будущего – устойчивая нестабильность или стабильная неустойчивость.

Качество геополитического поля России, по Л. Ивашову, определяется состоянием пространственного, этносоциального, управленческого и духовно-нравственного факторов, их состояния и особенностей функционирования. Это состояние появляется в четырех российских подпространствах: ядро с функцией нравственного лидера (Московский регион); срединная зона с преимущественно русским населением (территория между Санкт-Петербургом, Ростовом и Новосибирском); внутренняя периферия с балтийской, черноморской, каспийской и закаспийской критическими точками (от срединной зоны до государственных границ); внешняя периферия, нестабильная, подверженная разнонаправленным влияниям извне (двойной буферный пояс из бывших соцстран и советских республик). Отсутствие естественных границ и наличие «недоброжелателей» отвлекают значительные ресурсы на военные нужды, что замедляет развитие и ведет к отставанию страны. Основная задача внутренней геополитики – сохранение и развитие традиционных ценностей и социальной модели

православно-славянской цивилизации²¹⁶. В рамках российской геополитической школы разработано еще ряд современных теорий (А. Уткин, А. Неклесса и др.), рассмотрение которых в рамках настоящей работы не представляется возможным²¹⁷.

Рассмотрим подробнее лишь современное *неоевразийское* направление геополитики, как продолжение евразийской геополитики Н. Трубецкого и П. Савицкого. Начало неоевразийству положили идеи историка и этнографа Л. Н. Гумилева. Будучи приверженцем географического детерминизма и евразийства, он утверждал: «...если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»²¹⁸. Л. Гумилев обосновывает зависимость характера культуры, цивилизации, идеологии и политической судьбы России от геополитического сочетания Леса и Степи. Это предопределяет характер, свойства этноса, его пассионарность через абсорбирование человеком энергии внешней среды (живого вещества биосферы). Определенная норма (или избыток) пассионарности говорит о молодости, воспроизводящей и преобразующей силе человека, социальной группы, этноса и возможности образования «суперэтноса». Спад пассионарности говорит о деградации этноса, тенденции разрушения суперэтноса, распада империи. Путь от первичного пассионарного толчка (зарождения этноса) до упадка (превращения в «реликт» или исчезновения) проходит пять основных стадий на протяжении 150–200 и более лет. Россия пережила в данном цикле первые две фазы: фазу подъема с образованием «суперэтноса» в 1200–1500-е гг. и объединением народов Евразии в 1500–1800-х гг. и фазу надлома с нарастанием внутренних конфликтов в 1800–2000-х гг. В XXI веке она находится в медленной инерционной стадии, живет на основе выработанных ранее ценностей. Так евразийская идея о ведущей роли великороссов в процессе тюркско-славянского слияния доводится до обоснования их контроля над всей территорией Евразии и населяющих

²¹⁶ Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. – 800 с.

²¹⁷ См.: Баранов Н. А. Русская геополитическая школа [Электронный ресурс]. URL: http://nicbar.ru/geopolitika_lekzia5.htm (дата обращения 19.09.2015)

²¹⁸ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М. : Экспрос, 1993. С. 31.

ее народов. Великороссы являются относительно «свежим» и «молодым» этносом, сплотившим вокруг себя «суперэтнос» Россия–Евразия. Не социально-экономические интересы, но подобная цикличность в развитии этносов определяют человеческую историю и смену геополитических картин в мире. При этом Л. Гумилев, как и Х. Маккиндер, не противопоставляет Россию–Евразию всему остальному миру, но определяет ей роль как одного из геополитических центров, набирающих свой потенциал влияния. Его идеи об инерционной стадии развития России на основе выработанных ранее ценностей и о ее будущем как одного из геополитических центров могут явиться основанием коррекции целей и задач воспитания-образования.

Другая концептуальная теория неоевразийского направления представлена в работах А. Дугина, с которым по вкладу в развитие российской геополитической мысли, многообразию собственных выводов и новых идей, свежести философско-политической мысли, категоричности антизападных суждений не сможет, пожалуй, сравниться никто из современных российских ученых²¹⁹. К сожалению, содержание и общая направленность его теории отягощены крайне правым уклоном и радикализмом, что может отрицательно сказаться на формировании мировоззрения и идейной убежденности обучаемых, на содержании образовательных программ в системе профессионального образования, на nive которого автор реализует свои идеи²²⁰.

Не имея возможности рассмотреть все многообразие идей А. Дугина, отметим факт значительного влияния его идей на формирование интеллектуальной среды крайне правых сил в России и выделим его методологические и основные теоретические установки. А. Дугин наряду с авторами других теорий неоевразийства, использует цивилизационный подход, на основе которого он осуществляет жесткую критику западной цивилизации, рыночного капитализма и российского либерализма. Для его концепции

²¹⁹ Дугин А. Г. Основы геополитики. 928 с.

²²⁰ См.: Хёлльверт А. Сакральная евразийская империя Александра Дугина. Дискурсивный анализ постсоветского русского правого экстремизма. Штутгарт, 2007.

характерна фундаментальность анализа основных геополитических категорий, тесная связь геополитических и исторических аналогий, аргументированное обоснование констатации факта «конца истории» с возникновением однополярного мира (Ф. Фукуяма) и неординарность подходов к поиску путей ее продолжения путем антиатлантической борьбы объединенных в «большие пространства» цивилизаций («все против Запада»). Он стремится подтвердить положение Х. Маккиндера о том, что Россия есть «heartland», «большое пространство», «географическая ось истории» и пытается доказать, что вокруг этой оси вращается вся цивилизация.

Основной слабостью методологического подхода А. Дугина в развитии геополитических идей является, на наш взгляд, узость его платформы (антиамериканизм) и порой вольная трактовка отдельных фактов и тенденций истории российской и других цивилизаций. Заметна излишняя вовлеченность его теории в проектирование расширения российского пространства (часто в ущерб интересам самой России), давно сложившегося, причем помимо его воли. В отличие от Л. Ивашова или В. Цымбурского, его прожекты слишком часто игнорируют исторический опыт, что приводит к геополитическому идеализму, к утверждению приоритета суверенитета «Больших Пространств» над суверенитетом наций и государств. Видимо, отсюда и незаконченность решения им благородной задачи поиска альтернативного пути развития России, отличного от капитализма и коммунизма, ошибочный выбор в качестве его идеологической платформы «германского национал-социализма».

На основе во многом справедливого антиамериканизма А. Дугин ищет противовес США в мире, развивает идеи Л. Гумилева о нисходящей стадии этногенеза западной цивилизации и ее закате, расширяет понятие «Россия–Евразия» до «Большой Евразии», до «Европейской империи» с центром в Германии как противовеса американскому «Левиафану». В противовес «левому мондиализму»²²¹, утверждающему «конец истории», торжество американизма,

²²¹ «Мондиализм» понимается как идеология интеграции мира под началом Запада с перспективой создания единого мира с единым мировым правительством.

западничества (Ф. Фукуяма) и «правому мондиализму», пытающемуся остановить американизацию мира через «войну цивилизаций» (С. Хантингтон), А. Дугин предлагает третий проект, в котором допускает, на наш взгляд, целый ряд не совсем верных (даже совсем неверных), но всегда категоричных суждений, претендующих на абсолютную истину.

Россия, по его мнению, является хартлендом, осью истории, центром цивилизаций, единственной страной с мессианским народом и общепланетарным типом мировоззрения, причем страной, имеющей основания выступать от имени всего континента и объединять другие народы. Из всех существующих цивилизаций (конфуцианская, японская, индуистская и др.) автор видит – кроме западной, антитрадиционной – лишь две цивилизации, которые являются не только антизападными, традиционными или мессианскими, но и «носителями интегральной планетарной идеологии» – православная и исламская, которым «принадлежит последнее слово в истории человечества». На основе такого идеологического единства и его миссии создается новая международная конструкция – от создания «больших пространств» (средняя Европа на Западе, Китай, Иран, Турция и арабский мир на Востоке), до создания всеобщей геополитической оппозиции атлантизму и мондиализму в лице «Евразийской империи». Для этого предусматривается выстраивание промежуточных осей: «Москва–Берлин», «Москва–Токио», «Москва–Дели», «Москва–Тегеран» и общей оси: «Берлин–Москва–Токио–Тегеран». На основе общей оси «хартленда» формируется прожектерский проект создания планетарного атлантистского центра силы: «Новый континентальный альянс должен либо включить в себя всю Европу до Атлантики и несколько важнейших секторов южного побережья Евразии: Индию, Иран, Индокитай и т. д., либо обеспечить дружественный нейтралитет этих же пространств, то есть вывести их из-под контроля атлантизма... Если Россия выберет какой-то иной путь... континентальную миссию Heartland начнут брать на себя новые державы или блоки государств... Либо Китай предпримет отчаянный бросок на Север – в Казахстан и Восточную Сибирь, либо Срединная Европа двинется на западно-русские земли – Украину,

Белоруссию, западную Великороссию, либо исламский блок постарается интегрировать Среднюю Азию, Поволжье и Приуралье, а также некоторые территории Южной России»²²². В качестве усиления «планетарности» русской идеологии рекомендуется «тотальное оцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви», выстраивается весьма специфическая, *трехступенчатая идентификация человека*: «Русские <...> в первую очередь <...> являются православными, во вторую – русскими и лишь в третью – людьми»²²³.

Из теоретических заблуждений (в том числе обоснование исключения Китая из предполагаемого альянса) вытекают двусмысленные, часто противоречащие российским интересам и подрывающие национальную и международную безопасность, политические рекомендации автора. Приведем лишь некоторые из них: прибегать «к *любым* (выделено нами – С. К.) политическим и экономическим методам» в обострении отношений со США, «продавать оружие, *в том числе ядерное*, исламским странам», «*поощрять военную мощь...* исламских и конфуцианских государств», «наращивать стратегическое вооружение России на Дальнем Востоке и по возможности *подключить к этому Японию*», отдав ей Курильские острова и т. д.

По мнению А. Дугина, новый геополитический неоевразийский проект является исторически обоснованным и полным, противоположным по своему содержанию западным атлантистским и мондиалистским проектам. В свою очередь, неоевразийство, как идеология и мировоззрение, должно стать теоретической платформой всех планетарных стратегий образования «Европейской Империи», должно показывать пример отрицания ценностей и геополитических претензий атлантизма, формирования евразийской идеократии в обществе и «традиционно русских качеств» у человека, единства «демотии» (соучастия народа во власти) и «евразийского авторитаризма» в управлении. Для достижения целей проекта требуется осознание наличия врагов в лице США,

²²² Дугин А. Г. Основы геополитики. С. 162, 171.

²²³ Там же. С. 255–256.

Великобритании и внутри страны, допускаются «исключительные обстоятельства» и «партизанские действия»²²⁴. Правда, в более поздних работах²²⁵ А. Дугин не повторяет ряд из этих суждений, но слово сказано, позиция определена. На наш взгляд, в «дугинской» теории мирового устройства России отводится незавидная общая судьба – истощение природных богатств, технологическая деградация и потеря геополитической субъектности, растворенной в суверенитете новой империи «большого пространства». Россия расширяет свое пространство до границ континента, формирует русско-исламский альянс и получает выход в южные океаны, обеспечивая, в обмен на это, остальных субъектов новой империи своими природными ресурсами и защищая их ракетно-ядерным оружием. Несмотря на более лояльное ныне отношение А. Дугина к политикам и политике России, его идеи объединяют лишь небольшую часть националистически настроенной интеллигенции, его концепцию «...не приемлют ни консерваторы классического направления, ни национал-социалисты, ни православные реакционеры»²²⁶. Целый ряд его концептов противоречит сегодняшней стратегии, целям и задачам образования российской молодежи и должна быть отвергнута педагогикой и философией образования.

На основе рассмотрения российской геополитической школы (исключая ошибочные суждения и заблуждения) определим *характерные черты и особенности российской геополитической науки*.

Во-первых, российская геополитическая наука определяет роль России в современном мире и специфику российской геополитики после 90-х годов XX века. Разрабатываемые категории и концепты отражают современные геополитические реалии, особенности и потребности российской геополитической практики в единстве ее внутренних и внешних аспектов.

²²⁴ Дугин А. Г. The Rest Against The West. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alleng.rudpolitpol043.html>

²²⁵ Дугин А. Г. Геополитика постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://log-in.ru/books/geopolitika-postmoderna-dugin-a-g-informacionnye-voiny/> (дата обращения 18.02.2016); Дугин А. Г. Социология геополитических процессов России: лекционный курс. М. : Международное «Евразийское Движение», 2010. 356 с.

²²⁶ Диунов М. Александр Дугин в преддверии нового политического перерождения // Русский Журнал. 2008. № 1. С. 17–25.

При этом внутренние отношения выступают первичными и определяющими для внешнего позиционирования страны и испытывают обратное воздействие последних. Однако, судя по рассмотренным нами геополитическим теориям, анализу сущности и роли субъектов геополитики (в том числе государства) достаточного внимания не уделяется.

Другая особенность российской школы – пространственно-временной подход к анализу предмета геополитики, исследование геополитической реальности во взаимосвязи трех основных координат: пространства, времени и технологий. Использование постплюралистической теории социального пространства-времени (М. Кастельс) обусловлено многомерностью и полиструктурностью геополитических отношений. Однако временные характеристики пространства ограничиваются, как правило, современным состоянием отношений в мире, без основательного включения истории развития российских геополитических отношений в предмет анализа в рассматриваемом контексте, что обедняет историческую основу и снижает ценность исследований.

Третья особенность российской геополитической науки заключается в преимущественно цивилизационном подходе к развитию геополитической науки, в уходе от концепций жесткого детерминизма геополитики в западных школах. Такой подход востребован современной геополитической практикой. Пространственно-временной и цивилизационный подходы к анализу предмета геополитики позволяют освободить российскую геополитическую науку от географического, экономического и военно-стратегического детерминизма геополитики, присущего западным геополитическим школам. Российской геополитической науке, в отличие от американской, свойственно отсутствие гегемонистских тенденций в содержании и внутрироссийская направленность исследований, цель которых – обоснование оптимальных векторов геополитических устремлений России, поиск путей достижения статуса ведущего геополитического центра, построение многополярного мира, решение проблем интеграции России в мировое образовательное пространство.

Содержание российских теорий обосновывает новые аспекты и подходы к организации образовательной и национальной безопасности России. Геополитические аспекты безопасности образовательного пространства играют важную роль в анализе диалога образовательных систем, культур и цивилизаций, проблем вестернизации ценностей, образовательных программ и моделей, оказывающих существенное влияние на обеспечение безопасности российского образования. В то же время, ограничение объекта исследования в большинстве теорий российскими реалиями ведет к тому, что выявленные геополитические тенденции не могут выступать в качестве универсальных законов, а следовательно, применять их для анализа внероссийского поля межкультурных отношений, следует при условии некоторых ограничений.

Нельзя не отметить тесную связь российских геополитических теорий с концепциями и организацией *обеспечения национальной и образовательной безопасности*. Для нашей философской концепции безопасности образовательного пространства важнейшими идеями российской геополитической науки являются: *во-первых*, внешние для образования риски и угрозы определяются с учетом геополитической составляющей и во многом зависят от состояния национальной безопасности России, ее способности обеспечить устойчивое развитие образования, нейтрализовать отрицательные тенденции глобализации и вестернизации инкультурных ценностей в процессе взаимодействия культур, сохранить свои образовательные традиции в системе глобального образования.

Во-вторых, необходимо использовать идеи российских геополитических теорий о России как Евразии со свойственными ей стратегическими интересами. Безальтернативным приоритетом в обеспечении национальной безопасности должно стать превращение России в один из основных геополитических центров мира за счет усиления собственного геополитического потенциала, его экономической, оборонной и духовной составляющих. Необходимыми условиями обеспечения устойчивого развития и безопасности России становятся преодоление дезинтеграционных процессов и настроений региональных элит

внутри России, разрешение межнациональных противоречий на постсоветском пространстве, укрепление СНГ и достижение внутри него стратегического единства, утверждение лояльного отношения к России в буферных зонах.

В-третьих, следует учитывать своеобразие и особенности российского культурно-образовательного пространства, для которого нет специальной ниши в западном пространстве господства трансатлантических, талассократических ценностей. В этой связи актуализируется задача сохранения традиционных ценностей общества и его образовательной системы.

В-четвертых, геополитические аспекты обеспечения национальной безопасности требуют обустройства новых границ и восточных территорий, соединение «рассеченных» вдоль оси народов, собирание русскоязычного населения на коренной территории, расширение выходов к Черному и Балтийскому морям на основе дружественных и союзнических отношений с прибрежными государствами. Эти и другие, рассмотренные здесь выводы геополитической науки, будучи внедренными в индивидуальное и общественное сознание россиян с помощью воспитательно-образовательной системой общества, окажут благотворное влияние на укрепление национальной и образовательной безопасности.

В-пятых, в рамках российской геополитики рассматриваются непосредственно военные аспекты обеспечения национальной безопасности, обеспечения независимости и территориальной целостности России. Упомянутый В. Цымбурский, занимаясь геополитикой и проблемами духовного преобразования России, ее «интеллектуальной модернизации», исследовал вопросы концептуального оформления разоруженческого процесса, анализировал понятия «угроза» и «победа» в советских военных доктринах. Военные аспекты геополитики В. Цымбурского успешно развиваются в трудах родоначальника военно-стратегического направления геополитики А. Вандама («Неуслышанные пророки грядущих войн»), в работах Л. Ивашова и А. Кокошина. Ими выдвинута и научно обоснована концепция обеспечения суверенитета и национальной безопасности России, рассмотрены проблемы

политологии и социологии военной стратегии, вопросы взаимосвязи геополитики и стратегии государства, типология возможных ядерных конфликтов, последствия современной войны²²⁷.

На основе других, рассмотренных нами теорий, можно вывести еще ряд утверждений, важных для национальной и образовательной безопасности:

- не допускать усиления конфронтации между российской православной и другими цивилизациями, принимать все возможные приемлемые меры по сглаживанию противоречий между Россией и Европой, а также США, нейтрализовать попытки реализации полицейских функций США в мире;

- в современном западном пространстве однополярного мира, в пространстве господства трансатлантических, талассократических ценностей для России как Евразии со свойственными ей стратегическими интересами, особенностями культурно-образовательного пространства нет специальной ниши, невозможно и «похищение Европы». Поэтому безальтернативным приоритетом в обеспечении национальной безопасности должно стать превращение России в один из основных центров биполярного мира с сохранением традиционных ценностей в обществе и его образовательной системе;

- прекращение безраздельного господства США, создание биполярной модели мира, усиливающей национальную и образовательную безопасность России, – эти задачи могут быть решены только за счет усиления собственного геополитического потенциала (всех составляющих его факторов: экономического, военного, управленческого и духовного). Заслуживает внимания и утверждение о необходимости создания континентального альянса либо с Европой (этой точки зрения придерживаются европоцентристы, западники), либо с Китаем, Индией (как считают евразийцы). Поскольку Европа отвергает центростремительные

²²⁷ Вандам А. Е., Головин Н. Н., Бубнов А. Д. Неуслышанные пророки грядущих войн. М. : АСТ, Астрель, 2004. 368 с.; Ивашов Л. Г. Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. М., 2000; Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. 800 с.; Кокошин А. А. Политология и социология военной стратегии. М. : Стереотип, 2016. 616 с.; Кокошин А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М. : ВШЭ, 2014. 330 с.; Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники. М. : Медиа-Пресс, 2003. 144 с.

тенденции России, второй путь определяется более вероятным и предпочтительным, требующим усиления восточного вектора геополитики;

– в биполярном мире Россия сможет обеспечить свою и международную безопасность посредством проведения внутренней и внешней политики, основанной на традиционных для нее принципах справедливости, уважения суверенитета и миролюбия, преодоления порожденного однополярностью «хаоса» в отношениях между людьми и народами;

– необходимым условием обеспечения устойчивого развития и безопасности России, ее образовательного пространства становится преодоление дезинтеграционных процессов и настроений региональных элит внутри России, разрешение межнациональных противоречий на постсоветском пространстве, укрепление СНГ и достижение внутри него стратегического единства, утверждение лояльного отношения к России в буферных зонах. Основы для этого пока сохраняются: общие потребности обеспечения национальной безопасности государств и укрепления сохранившихся остатков экономического, социального и культурного единства и сотрудничества;

Особо следует отметить, что большинство рассмотренных нами теорий утверждают кардинальное изменение мирового геополитического поля и взаимодействия центров силы, отмечают безраздельное господство США в международных отношениях и ищут альтернативы их более справедливого переустройства. Тем самым, они прокладывают пути будущего развития геополитических отношений и участия в них субъектов геополитики, в том числе (и особенно) России. Действительно, в 1990-х годах прошлого века восточный фактор обеспечения паритета Запада и Востока был фактически разрушен с помощью Запада и при содействии недальновидных руководителей нашей страны. К 1991 г. были ликвидированы три основных фактора стратегического паритета: Советский Союз; социалистический лагерь и Организация Варшавского Договора; поддержка России со стороны многих лояльных, дружественных стран с просоветскими режимами. Территория России сократилась до небывалых ранее

размеров, с произвольными границами, разделившими столь же произвольно народы, как и предвидел ведущий американский идеолог З. Бжезинский.

На рубеже XX–XXI веков восточный полюс поддержания равновесия в мире был фактически ликвидирован, мир перешел в однополюсное состояние при подавляющем господстве США. Территория России и ее экономический потенциал сократились до небывалых размеров, с произвольными границами, разделяющими народы. Оставаясь ядерной державой, Россия ослабила свою роль как мирового центра силы: сокращение территориального, экономического и духовного потенциалов, окружение нестабильными и часто враждебными странами, ограничение возможности выхода в Черное и Балтийское моря. В странах ближайшего территориального окружения (в «береговой» зоне хартленда), ведется работа проамериканских структур по вовлечению их в военный северо-атлантический союз, настойчиво продолжается приближение НАТО к границам России. В этой ситуации перед российской геополитической наукой актуализируется задача обоснования оптимального выхода из создавшейся ситуации, построения многополярного мира, укрепления национальной безопасности. Геополитическая наука обосновывает самые разные варианты ближайшего будущего мировых отношений, конфигураций центров силы, построения многополярного и безопасного мира, который уже видится на горизонте мирового развития и подтверждается стремлением Америки в китайские «объятия».

Российская геополитическая практика в реализации своих и континентальных интересов продолжает укреплять свои геополитические позиции, делом доказывает прогрессивность своих геополитических устремлений. Уже сейчас проявляется тенденция к усилению геополитической роли России, особенно в позиции по отношению к Украине, к воссоединению России с Крымом и Севастополем, действий российских ВКС в борьбе с ИГИЛ в Сирии, демонстрации самых передовых образцов вооружений. Эти геополитические тенденции должна обобщить геополитическая наука и предложить свою концепцию для обогащения содержания учебников по истории,

обществоведению, что благотворно повлияет на формирование мировоззрения обучающихся.

Итак, изложенные здесь геополитические идеи расширяют и углубляют мировоззрение обучаемых, позволяют распознать идеологический характер, гегемонистскую и антироссийскую направленность ряда американских геополитических теорий (концепции А. Мэхена, Н. Спикмэна, З. Бжезинского), усвоить особенности российской геополитической науки и использовать позитивное содержание российских и западных теорий для анализа современных геополитических процессов. Геополитические концепции России опираются на существенные положения зарубежных теорий с учетом статуса России в мировой политике. Общими чертами российской геополитической школы и ее особенностями, в отличие от западных (американских школ), являются:

- опора на позитивные идеи мировых школ с учетом российской специфики;
- обоснование геополитических преимуществ России как особой цивилизации и направленность на их сохранение и укрепление;
- не гегемонистский, оборонительный характер геополитики;
- обязательный учет международного правового поля в обосновании целей и средств геополитики России;
- культурно-образовательная насыщенность геополитических исследований, рассмотрение проблем в единстве внутренней и внешней политики;
- приоритетность в исследованиях российской геополитической практики.

Разработанные российской геополитической школой теории используются в геополитической практике, в том числе в *обеспечении национальной и образовательной безопасности*. Существенное влияние оказывают как содержание и методы геополитики, так и ее специальные военно-стратегические аспекты. Автор не разделяет, однако, неоевразийскую точку зрения на Россию как на «остров» и не считает правильным ограничение российской геополитики лишь восточным вектором. Мы убеждены, что Россия – это и есть Евразия,

цивилизационная платформа между Европой и Китаем, целостная геополитическая ниша российского этноса. Мы полагаем, что создание прочных союзов со странами континента Евразии не исключает поиска путей сближения с центральной Европой и государствами славянского мира, борьбу за контроль зоны «проливов», прилегающих к России.

Российская геополитическая практика учитывает многие теоретические положения геополитической науки об основных векторах геополитических устремлений. Борьба с терроризмом, преодоление экономического кризиса, укрепление обороноспособности и восточного вектора геополитики являются адекватными ответами на вызовы времени, объективно закономерны и стратегически оправданы, укрепляют положение России как мирового геополитического центра, открывают путь построения многополярного и более безопасного мира.

Адекватное понимание сущности геополитики позволяет сформулировать геополитические аспекты общей концепции национальной и образовательной безопасности, обосновать необходимость их учета в построении модели и практике обеспечения безопасности образовательного пространства, в подготовке молодежи к отстаиванию геополитических интересов России со знанием дела. Выводы геополитической науки, будучи внедренными в индивидуальное и общественное сознание россиян воспитательно-образовательной системой общества, окажут благотворное влияние на укрепление национальной и образовательной безопасности, расширят поле исследования современного мира, целей и задач образования и гражданского воспитания молодежи.

3.2. Анализ современной цивилизационной геополитики в контексте обеспечения национальной и образовательной безопасности России

В данном параграфе ставится задача – раскрыть содержание и особенности цивилизационной (постнеклассической) геополитической теории, необходимость их учета в достижении геополитических целей, построении моделей

национальной безопасности и безопасности образовательного пространства России.

Рассмотренные нами выше геополитические теории явились основой формирования новейшей, цивилизационной геополитики как ее последнего этапа развития. Новейшая геополитика («третьей волны») как научная теория формируется под различными названиями (в зависимости от ракурса анализа или предпочтений авторов: Ж. Делёз, В. Дергачев, М. Каччари, И. Кефели и др.) как «цивилизационная» или «информационная» геополитика, как «геокультура», «геопсихология» или «кибергеополитика»²²⁸. Однако, в любом случае, общей ее характеристикой является преодоление ограниченности географического и экономического детерминизма прошлых теорий.

Возникновение цивилизационной геополитики как науки вызвано потребностью геополитической практики в освоении мира и обеспечении господства без территориального расширения, имеющего свой предел и требующего больших затрат и людских жертв. В результате социальных изменений на рубеже веков предыдущие парадигмы классической геополитики (силовой экспансии) и неклассические парадигмы идеологической экспансии геополитических центров с помощью применения «мягкой силы» перестали соответствовать реалиям XXI века и заменяются парадигмами постнеклассической геополитики, требующими исследования многомерного геополитического пространства с применением новейших средств и технологий в условиях «управляемого хаоса».

Актуализация теоретических основ новейшей цивилизационной геополитики с применением «мягкой силы», исследование путей и новейших средств идеологического и психологического воздействия на сознание населения и политической элиты как субъектов геополитики обусловлена характером

²²⁸ «Кибергеополитика» – новое понятие геополитической науки, введенное Л. Савиным для обозначения изошрэнного способа геополитической практики с помощью интерфейса «человек-машина» в контексте политики и географии, включая интерактивное взаимодействие социальных сетей, виртуальное пространство, дипломатию с целью установления и распространения власти и теоретическое отражение этой практики в одноименной науке. См.: Савин Л. В. Императивы кибергеополитики и евразийская интеграция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasec.com/analitika/4606/> (дата обращения 06.11.2015)

современной геополитической практики («цветные революции», «гибридные войны» и др.) и достижениями техники (цифровые и коммуникационные технологии). Для глобальных информационных сетей не существует прежних границ суверенных государств и территорий. Они легко преодолевают их и, в случае несовершенства кибербезопасности и духовного иммунитета народа, воздействуют на морально-психологическое состояние, превращают людей в орудие разрушения собственного государства, выступают «оружием массового поражения» в новой геополитической экспансионистской практике.

Социальная динамика на постсоветском пространстве в последние два десятилетия (распад СССР, славянского мира, «цветные революции», распространение русофобии и др.) во многом явилась результатом такой практики информационно-идеологического воздействия Запада. Современная геополитическая практика показала невозможность рефлексии новейшей истории с позиций прежней геополитической науки. Осознание определяющего влияния духовно-идеологических, нравственных и этноконфессиональных факторов на политическую активность народных масс и результатов их действий привел не только к появлению новых форм геополитической практики, но и к развитию цивилизационной геополитики как методологии исследования динамики социальных объектов в эпоху постмодерна, многовариантности и хаотичности социальных процессов. Выяснению сущности и особенностей цивилизационной геополитики уделяется все большее внимание представителей философии, политологии, культурологии и других наук²²⁹.

²²⁹ Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений) : дис. канд. полит. наук. М., МИД РФ, 2014; Карякин В. В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. М., 2013. 432 с.; Кефели И. Ф. Философия геополитики. СПб. : Петрополис, 2007. 208 с.; Лепский В. Е. Рефлексивный анализ технологий управляемого хаоса как оружия субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16); Манн С. Реакция на хаос [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html (дата обращения 18.10.2015); Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. «Мягкая сила» как фактор современной политики. PolitBook. 2015. Вып. № 1; Радиков И. В., Лексютина Я. В. «Мягкая сила» как атрибут великой державы // МЭиМО. 2012. № 2; Савин Л. В. Императивы кибергеополитики и евразийская интеграция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasec.com/analitika/4606/> (дата обращения 06.11.2015); Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1; Харкевич М. В. Мягкая сила: политическое использование научной концепции // Вест. МГИМО. 2014. Т. № 2 (35); Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2014. 576 с.

Цивилизационная геополитика включает парадигмы классической геополитики силовой экспансии, парадигмы неклассической геополитики «непрямых действий» и «мягкой силы» и расширяет их новой парадигмой постнеклассической геополитики, включающей в число факторов воздействия «силу духа». Содержание этой парадигмы включает, помимо военных и экономических способов расширения и усиления господства, переформатирование сознания и национальной идентичности людей в пространстве социальной энтропии и «управляемого хаоса» при помощи использования «мягкой силы», новейших информационно-сетевых и политических технологий. Важнейшее положение цивилизационной геополитики сводится к уменьшению роли военных, экономических и политических факторов достижения геополитических целей за счет преимущественного использования духовного фактора и информационных технологий и др. (См. : *Приложение 7*).

Основания, базисные факторы мирового влияния прежних геополитических школ (расширение территории господства государства силовыми способами) расширяются под воздействием множественности и многомерности больших коммуникационных пространств и междивилизационных отношений. Объектами анализа становятся не только и не столько государства, сколько цивилизации, которые рассматриваются вместе с присущим им разнообразием культурно-генетических кодов. Внешние воздействия на них предусматривают использование новейших информационных средств, новейших технических и политических технологий, ведение сетевых войн для достижения геополитических целей.

Это обязывает нас обратить пристальное внимание на рефлексию новых вызовов мироустройства и миродинамики через призму цивилизационной геополитики, использование ее положений в построении моделей национальной безопасности и безопасности образовательного пространства.

Одна из успешных попыток применения такого методологического подхода в развитии новейшей геополитической теории осуществлена В. Карякиным

при обосновании новой системы парадигм²³⁰ концепции геополитики «третьей волны» в эпоху постмодерна²³¹. На его взгляд, стратегии непрямых действий и «мягкой силы», «цветные» революции и события «арабской весны» вызвали потребность расширения поля исследования и применения постнеклассических теорий. Опираясь на базовые парадигмы классической и неклассической геополитики (географические аспекты, концепты геоэкономики и др.), он расширяет геополитическое поле новыми объектами исследования и формулирует постнеклассическую парадигму геополитики. Объектами включаются социально-политическое, экономическое, информационно-коммуникационное, культурно-конфессиональное, военно-стратегическое и когнитивное многомерные пространства общества.

Классическая геополитика («первой волны» – по В. Карякину) традиционного общества развивалась на основе геофизической парадигмы. Субъектами геополитики были отдельные государства, которые действовали в естественном пространстве, достигая целей в основном силовыми средствами. В основе развития неклассической геополитики («второй волны») индустриального общества, эпохи модерна и массовой культуры, лежала идеологическая парадигма, и человек выходил за рамки естественного пространства, действовал в идеологическом поле. В арсенале ученых появились новые понятия: «тоталитаризм», «диктатура», «автократия», «демократия», «свободный рынок». Субъектами геополитики становятся союзы государств, общественно-политические системы, в действиях которых прежние способы достижения целей дополнялись идеологическими, применением стратегий «непрямых действий» и «мягкой силы». Новейшая, постнеклассическая геополитика постиндустриального общества постмодерна («третьей волны»)

²³⁰ Геополитическая парадигма – это определенный, общепринятый на данном этапе развития научного знания, стандарт для исследования геополитического поля любого объема и определения определенных аналитических стратегий. См.: Извозчиков В. А. Информационная парадигма науки // Человек и образование. М., 2005. № 1. С. 18–20.

²³¹ Карякин В. В. Геополитика третьей волны. Мир и политика. 2012. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16846-geopolitika-tretyey-volny.html> (дата обращения 10.12.2015); Карякин В. В. «Третья волна» – геополитика постмодерна // Междунар. отношения. 2015. № 1. С. 4–13; Карякин В. В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. 432 с.

развивается в условиях глобализации на основе парадигмы многомерного геополитического пространства, которое дополняется космическим и информационным пространствами (с 1950-е гг.).

Новая парадигма геополитики определяет приоритетными «информационно-сетевые технологии создания и последующего управления социально-политическим хаосом и социальной энтропией, а также технологии манипулирования сознанием масс и реформирования национальной и культурно-конфессиональной идентичности народов»²³². В рамках новой, постнеклассической парадигмы «вектор геополитических устремлений государств смещается из чисто силового, военно-географического аспекта в экономическую, финансовую, информационную сферы, а в последнее время и в конфессионально-культурную области противоборства субъектов международной политики»²³³.

На наш взгляд, постнеклассическая парадигма геополитики повышает степень адекватности анализа современного миропорядка, основных трендов и движущих сил эволюции международных отношений, форм и методов завоевания и удержания лидерства великих держав. Основной целью геополитической практики становится не расширение территорий господства, но обеспечение контроля над финансовыми, товарными и людскими потоками, используется для обеспечения благоприятных условий для собственного развития, для процветания «золотого миллиарда». Главным объектом и ареной противоборства центров силы становится не физическое, но финансово-экономическое, идеологическое и виртуально-информационное пространства, а основными ресурсами — информация, информационные и политические технологии, которые применяются в рамках стратегий «непрямых действий» и «мягкой силы» в ситуациях «управляемого хаоса». Кроме государств и их союзов субъектами геополитики становятся негосударственные акторы (крупные частные компании государств, ТНК и неправительственные политические организации, глобальные

²³² Карякин В. В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. С. 65.

²³³ Там же. С. 70–71.

цифровые сети). Структура субъектов геополитики сузилась до отдельного человека, действующего в социальных и коммуникационных сетях.

Исходя из новой геополитической парадигмы (экспансионизм с применением «мягкой силы», новейших средств и политических технологий «управляемого хаоса» и переформатирования сознания человека в многомерном геополитическом пространстве)²³⁴. сформулируем в первом приближении определение цивилизационной геополитики («третьей волны», в понимании В. Карякина). *Новейшая цивилизационная геополитика* есть система знаний об управлении людьми в ситуации социально-политического хаоса, преимущественно путем манипулирования сознанием масс и национальных элит, переформатирования культурно-конфессиональной идентичности народов с целью перераспределения сфер влияния субъектов в многомерных, жизненно важных пространствах посредством применения информационно-сетевых и политических технологий «мягкой силы» и «непрямых действий» (См. : Приложение 7).

Новейшие информационно-коммуникационные средства и интернет в единстве с такими технологиями усложняют международные отношения, но одновременно расширяют и усиливают возможности социального инжиниринга, манипулирования общественным мнением, позволяют осуществить адресное воздействие на сознание больших социальных групп и элиты общества, становятся ведущими и эффективными средствами достижения геополитических целей. Вторжение в социально-политическое, финансово-экономическое, информационное и культурно-конфессиональное пространства, переформатирование сознания масс, разрушение государственности становится обычным делом, особенно когда объект воздействия оказывается не защищенным. Владение новейшими средствами и технологиями воздействия на сознание все больше становится решающим условием обеспечения мирового господства без разрушения захваченных материальных ценностей. Субъекты экспансионистской геополитики не только финансируют, поддерживают нужный им «хаос»

²³⁴ Там же. С. 74.

финансами (Дж. Сорос, В. Нуланд и др.)²³⁵, но и создают специальные институты под эгидой Государственного департамента США и Пентагона для разработки теорий и конкретных инструкций их воспроизводства²³⁶. Этим объясняется ряд успехов «цветных революций» в государствах постсоветского пространства и других регионах мира. Отсюда следует необходимость развития собственных технических средств и технологий для воздействия на противника и защиты от его кибергеополитических воздействий.

Смещение приоритетов в современной геополитике от силовых методов достижения господства в сторону информационно-психологических, идеологических, национально-этнических и религиозных факторов значительно повышает роль мировоззренческо-воспитательной функции образования. Современная геополитическая практика выдвигает новые требования к построению моделей национальной и образовательной безопасности, требует включения идей цивилизационной геополитики в программы учебных заведений по гуманитарным наукам. Российская образовательная геополитика в отличие от политики ряда других образовательных ареалов, имеет социокультурную специфику. Здесь не преследуется цель насильственной экспансии российских образовательных технологий, ценностей и стандартов в другие социокультурные миры, при этом, безусловно, должна пресекаться экспансия и навязывание инокультурных образовательных концептов и технологий, разрушительно воздействующих на менталитет, общественное сознание, индивидуальное и социальное поведение обучающихся и всех граждан нашей страны.

В философской концепции безопасности образовательного пространства эти идеи играют важную роль при анализе диалога образовательных систем, культур и цивилизаций, проблем вестернизации инокультурных ценностей,

²³⁵ Только для свержения Э. Шеварднадзе в Грузии и обеспечения прихода к власти М. Саакашвили Дж. Сорос потратил около 42 млн долларов. См.: Carlson R. W. Georgia on His Mind. George Soros's Potemkin revolution [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weeklystandard.com/Content/Protected/Articles/000/000/004/104ygtvi.asp> (дата обращения 14.10.2015)

²³⁶ Наиболее известный идеолог «цветных революций» Д. Шарп разработал и описал около двухсот методов «ненасильственного» подрыва суверенитета государства. См.: Шарп Д. Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120217_gene_sharp_revolutions_interview (дата обращения 12.02.2016)

образовательных программ и моделей, оказывающих отрицательное влияние на ее обеспечение в России. В современной геополитической ситуации образовательная система должна не только противостоять расширению «конфликтосферы» и тенденциям социальной деконструкции в мире, манипулированию сознанием масс и национальной элиты, переформатированию культурной и конфессиональной идентичности народов России, насаждению чуждых образовательных стандартов. Она должна также использовать позитивные стороны геополитической науки, реальных процессов глобализации и информатизации для повышения эффективности и качества образования, формирования глобального мировоззрения обучаемых, средством интеллектуального и нравственного совершенствования социума в ноосферной образовательной стратегии.

Только с учетом этих положений возможно обоснование адекватной стратегии национальной и международной безопасности, сохранение государственного суверенитета и устойчивое развитие образовательных систем. Однако необходимо учитывать, что переход к новой геополитической парадигме постмодерна не закончен, границы предметного поля цивилизационной геополитики постоянно изменяются с появлением новых угроз и вызовов современности, изменением геополитического ландшафта в стране и мире. Поэтому отправной точкой анализа наличных вызовов и угроз государственному суверенитету, способов обеспечения национальной и образовательной безопасности должно стать изучение состояния России, определение ее места в современной системе мировых геополитических отношений после разрушительных процессов 1990-х гг. в контексте цивилизационной геополитики.

Состояние геополитического потенциала России мы уже анализировали в предыдущих главах. В данном параграфе мы определим *место России в современном мире*, учитывая множественность парадигм исследования мирового пространства социальных отношений (цивилизационной, формационной, эволюционистской, модернизационной, миросистемной, геополитической и др.). Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, но факт множественности

свидетельствует, как минимум, о полипарадигмальности исследования столь сложного предмета и необходимости междисциплинарного подхода к его изучению. Сегодня в анализе мирового пространства социальных отношений все чаще применяется методология миросистемного подхода (основоположники – А. Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, А. И. Фурсов и др.), на основе которой исследуются и моделируются мировые социальные отношения, исторические системы. Она преодолевает ограниченность прежних подходов, ограничивавшихся изучением единичных обществ и государств, исследуя системы государств в их иерархии и взаимной связи. Иерархичность миросистемных моделей предполагает, как правило, наличие одного доминирующего мирового центра (сегодня это Запад), зависимость периферийных стран от центра по разным основаниям: эксплуатация, военно-политическое давление, инновационные преимущества, внутренние возможности. Но теоретического инструментария данной методологии недостаточно для анализа конкретных подсистем миросистемы, их общих свойств и взаимосвязей, тенденций и факторов их роста и распада, движения в пространстве иерархии влияния. Зачастую из поля исследований упускается современная тенденция роста значения других государств и регионов, реальная возможность (и результаты) радикальной трансформации существующей архитектуры мировых отношений, образования новых экономических и военно-политических центров (что сейчас и происходит). На недостатки методологии миросистемщиков обращают внимание А. Франк, Дж. Модельски, У. Бек, К. Уолц, Т. Скочпол, Дж. Абу-Луход, И. Ионова, В. Хачатурян и другие исследователи²³⁷.

Существенную попытку преодоления отмеченных предприняла А. Изгарская предложив вслед за Р. Коллинзом, методологию «геополитико-миросистемного» анализа, построения модели миросистемы со сложной структурой множественных политических обществ²³⁸. Синтез миросистемного

²³⁷ Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира : альманах. Вып. 2. Структуры истории. С. 449–461.

²³⁸ Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск : НГПУ, 2012. 250 с.

подхода и цивилизационной геополитической теории позволил соединить два уровня макроявлений – национальный и наднациональный, адекватно описать проблемы конкуренции, борьбы за пространство и капитал внутри выделенных групп стран, предвидеть переход от однополярной организации социума к системе с множественными центрами.

С использованием этого инструмента было определено место России в мировом пространстве социальных отношений и ее основные характеристики, в тесной связи с проблемами накопления капитала и контроля за пространством, стратегией «встраивания» в миросистему²³⁹.

Характеристики российской цивилизации можно свести к четырем системообразующим особенностям:

- не окраинное положение огромной территории с ограниченными выходами в Черное и Балтийское моря и Атлантику, с недружественными в западной части территориями-проливами, которые используются потенциальным противником для размещения американской ПРО и продвижения НАТО к границам России;

- растянутость России по долготе, которое обуславливает наличие непомерных транспортных и логистических нагрузок, диспропорции центра и регионов, неосвоенность больших пространств Сибири и Дальнего Востока, с возможной перспективой его освоения населением Китая;

- слабое внимание развитию человеческого капитала, недостаточный уровень справедливости в социальных отношениях (как горизонтальных, так и вертикальных), избыточное экономическое и социальное неравенство и высокий уровень бедности населения;

- стратегия «встраивания» в миросистему, обрекающая страну на «догоняющее развитие» и роль поставщика сырья в мире, затрудняющая модернизацию и преодоление зависимости от Запада.

²³⁹ Стратегии «встраивания» в миросистему означает поиск ниши в мировом разделении труда. Ведет к закреплению «однобокости» экономики и усилению зависимости от индустриально развитых стран, тормозит развитие общества, углубляет противоречия интересов центра и регионов. См.: Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. С. 14–16, 39, 41.

Из приведенных особенностей России следуют такие задачи, как преодоление сырьевого характера экономики и зависимости от Запада, достижение оптимальности распределения ресурсов между центром и периферией, ослабление дезинтеграционных тенденций в стране. Эти же признаки определяют основные внутренние угрозы и риски как национальной безопасности, так и безопасности российского образовательного пространства:

Во-первых, стратегия «встраивания» России в мировую систему отношений в условиях односторонности российской экономики, уже сформированных сетей неравного обмена и наличия стремлений Запада ослабить Россию, объективно определяет и закрепляет ее место поставщика сырья в мировой системе экономических отношений. Равно как и место российского образования – в системе мировых образовательных отношений. Это затрудняет переход к инновационной экономике, усиливает зависимость от западных промышленных и образовательных технологий, инвестиций, финансовых институтов и ТНК, повышает вероятность *риска превращения страны в периферию мирового пространства геополитических отношений и глобального образования.*

Во-вторых, обострение трудностей социально-экономического развития России, вызванное как объективными факторами, так и низкой эффективностью макроэкономической, инновационной и кадровой политики²⁴⁰, усиливает первую, обозначенную нами угрозу, и является основой формирования другой угрозы – *недостаточности экономического, материального и финансового обеспечения национальной безопасности и безопасности образования.*

В-третьих, слабый уровень освоенности восточных регионов России, естественная и миграционная убыль населения, слабое развитие инфраструктуры и межрегиональных связей, диспропорции центра и регионов по темпам развития, уровню жизни населения и состояния образования, огромные транспортные

²⁴⁰ Ключевыми среди экономических трудностей являются: сырьевая ориентация экономики и ее зависимость от Запада; уменьшение объема иностранных инвестиций и национальных золотовалютных резервов; сокращение стабильных рынков сбыта; сокращение источников капитала и технологий (в связи с западными санкциями); старевание основного капитала; бедность инфраструктуры и слабый инновационный потенциал предприятий; значительный отток капитала и коррупция; низкая производительность труда, конкурентоспособность товаров и доля экспорта высокотехнологичной продукции; отставание в развитии цифровых технологий; слабая эффективность макроэкономической, инновационной и кадровой политики.

и логистические издержки в производстве и себестоимости производимых товаров, увеличение нагрузки на регионы-доноры в пользу депрессивных регионов усиливает разобщенность национальных и региональных интересов, материальную и культурную дифференциацию населения и создает *угрозу внутренней дезинтеграции, разрушения единого экономического и образовательного пространства, территориальной целостности страны.*

В-четвертых, глубокое социальное и духовное расслоение общества, неадекватная политика развития человеческого капитала, системный кризис и негативные проблемы в развитии культуры, науки и образования, утрата смыслообразующих идеалов и ценностей обуславливают *риск ослабления духовного потенциала, мобилизационного компонента ресурсов возрождения страны и образовательной системы, превращения России из потенциально – в реальную великую державу, ведущий центр силы в системе мировых геополитических отношений.* Все перечисленные здесь факторы и риски непосредственно касаются состояния не только национальной безопасности, но и безопасности образовательного пространства.

Нейтрализация и снижение рассмотренных здесь рисков возможны только через совокупность мер по их недопущению, снижению или преодолению средствами науки, технологий и образования-воспитания, находящихся в лоне разумной политики государства. К числу основных мер необходимо отнести увеличение темпов экономического роста, преодоление сырьевого характера экономики, обеспечение приоритетности развития человеческого капитала в государственной политике, освоение восточных территорий, выравнивание уровня развития центра и регионов. Важно осуществить перестройку структуры экономики и образовательной системы, внедрение новейших технологий, отлаженной организации производства, образования и управления ими; формирование инновационного рынка труда и обеспечение соответствия спроса и предложения; активизацию политики импортозамещения, расширение внутреннего рынка и межрегиональных связей; значительное увеличение материально-финансового обеспечения образования; объединение ресурсов

капитала и рынка товаров с ресурсами знаний и навыков, с информационными средствами и новыми технологиями.

С этой целью необходимо переориентировать приоритеты государственной политики в направлении человека, обеспечить интеграцию производства и бизнеса с образованием и наукой, оптимизировать госбюджет и денежно-кредитную политику, вывести экономику за пределы зависимости от ее сырьевого характера и западных санкций, еще более усилить восточный вектор экономического, социального и культурного сотрудничества, актуализировать транзитную функцию территории России в товарообмене между Китаем и Европой, Востоком и Западом. Такие меры могут превратить Россию в ведущий центр силы, оказывающий заметное влияние на глобальном уровне в будущем многополярном мире и снимающий сегодняшние внутренние риски и угрозы национальной безопасности.

Рассмотрим далее внешние факторы, опасности и риски для образовательной и национальной безопасности, возникающие в *международной и военной сферах*, выясним новые задачи образования в связи применением новейших средств геополитической практики. Современные международные отношения характеризуются формированием многополярной международной системы, усилением неопределенности и многовариантности развития, применением «мягкой силы» в их регулировании. Наряду с традиционными факторами военной мощи и военно-политических блоков, на первый план выдвигаются другие, в том числе фактор цивилизационной идентичности и информационные факторы обеспечения безопасности. «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»²⁴¹. Однако следует отметить, что действенность мягкой силы зависит

²⁴¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Ст. 20. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 03.04.2015)

не только от применяемого инструментария, но и накопленного потенциала жесткой силы (экономической и военно-политической мощи). Огромное значение имеет способность объекта сопротивляться воздействию новых факторов, которая формируется образованием и воспитанием населения.

Важнейшим отрицательным фактором для устойчивого и безопасного развития России и ее образовательной системы является современная стратегия поведения геополитических соперников на международной арене. Россия оказалась в эпицентре борьбы геополитических бенефициаров за передел мирового порядка послевоенной эпохи, стала объектом стремлений США вывести ее из этой борьбы. Всеми силами США стремятся сохранить однополярность мира без отказа от трендов расширения НАТО, ослабления России, реализации проектов Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств. Европа демонстрирует отсутствие общеевропейских интересов и не сопротивляется гегемонии США. Страны ЕС поглощены решением собственных проблем и вопросами наплыва беженцев, но по-прежнему не стремятся к объединению с Россией в единый континентальный центр силы. Послевоенная внешняя политика США неоднократно менялась в зависимости от тенденций мирового развития. На сегодняшний день сформирован новый внешнеполитический курс США, но в его основе по-прежнему лежат антироссийская и гегемонистская направленность, концепции американской исключительности и военного превосходства. Материальные основы такого курса – военная мощь, научно-технический потенциал и мировой статус резервной национальной валюты.

В целом наблюдаются целенаправленные действия стран Запада во главе со США по снижению уровня присутствия и активности России в мировом пространстве социальных отношений: поощрение тенденций разобщения государств «славянского мира» и поглощение значительной части «лимитрофа» России Западом, насаждение русофобии и размещение оружия НАТО на этих территориях. Попутно продлеваются санкции, ограничивается приобретение новых техники и технологий, так необходимых стране после распада СССР и разрушения его экономических связей. Отрицательный фактор для России –

нестабильность в регионах российского окружения: Южного Кавказа, Центральной и Южной и Юго-Восточной Азии. Тревогу вызывают расширение влияния ИГИЛ на Ближнем Востоке и рост экстремизма в Афганистане.

Международная политика Российской Федерации в современном мире направлена на «обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе...»²⁴². Объективные основы такой политики – отрицание однополярности и борьба за многополярное мироустройство с опорой на свою ресурсную базу, боеспособную армию, сближение с Китаем и другими странами БРИКС. Жесткая и справедливая позиция России в вопросах борьбы за Украину, Крым и вступление в прямую схватку с ИГИЛ в Сирии повысили ее самостоятельную субъектность в мировой политике. Появление общего врага человечества, углубление трудноразрешимых глобальных проблем, наличие соизмеримого со США ядерного оружия, усиление российских Вооруженных Сил, наличие авторитета и каналов влияния в Европе и в других регионах мира демонстрируют Вашингтону и Брюсселю готовность России к выполнению функций геополитического центра, невозможность решения мировых проблем без России или в обход ее.

С позиций цивилизационной геополитики, Россия территориально вынуждена существовать между Евроатлантикой и Китаем, проявляя настороженность к соседям и отвечая на постоянное давление со стороны США, и решать при этом решать вопросы безопасности в евроатлантическом, евразийском и азиатско-тихоокеанском пространствах мира. В то же время, отсутствие несовместимых интересов обуславливает реальную возможность использовать такое положение в расширении доступа к новым технологиям, капиталам и мировым рынкам сбыта, в реализации совместных проектов. Ситуация формирует для российского руководства очередной импульс к активизации ОДКБ, Евразийского союза, к созданию и укреплению других союзов на восточном пространстве континента, не забывая про западное направление сотрудничества.

²⁴² Там же.

Существенным фактором обеспечения национальной безопасности выступает наличие или отсутствие военной опасности. На основе реального уровня военных опасностей разрабатываются внешнеполитические доктрины, концепции национальной безопасности и военные доктрины государств, в том числе США и России. В американских военно-политических кругах Россия рассматривается чаще всего как региональная держава, влияние которой на трансформацию современного мирового порядка не столь существенно и можно смело покусаться на энергетический потенциал Черноморско-Каспийского региона, разжигать конфликты на около российских Балканско-Черноморско-Кавказском или Среднеазиатском пространствах.

Примерно такое отношение к России просматривается в новой *доктрине национальной безопасности США*, которую изложил президент страны Б. Обама. Среди ключевых целей политики национальной безопасности США – преодоление «тиранических режимов» и установление «свободы», обеспечение лидерства в «сообществе демократических наций» и руководство решением глобальных проблем, контроля киберпространства, космического, воздушного и морского пространств. Предложено избегать конфронтации и «развивать конструктивные отношения» с Китаем. Далее изложены основные помехи обеспечению американской безопасности, экономические и идеологические цели, задачи установления нового мирового порядка в регионах. Среди помех доминированию США Б. Обама выделил «возрождение российского могущества». Таким образом, очевидно, что США ориентированы на реализацию прежних амбициозных планов мирового господства и в целом – антироссийская направленность предложенной доктрины национальной безопасности США. Л. Ивашов подчеркивает, что в утвержденной Конгрессом США в феврале 2015 г. стратегии национальной безопасности «Россия 13 раз упоминается в качестве

главной угрозы человечеству, главной угрозы безопасности Соединенных Штатов и как страна-агрессор»²⁴³.

На основе предложенной президентом доктрины и разработанной Пентагоном «Национальной военной стратегии» создана новая военная доктрина США. В конце 2014 г. Чак Хейгел (будучи еще министром обороны) представил ее как «третью инновационную оборонную инициативу США»²⁴⁴. В ней поставлена задача эффективно реагировать на непредсказуемые кризисы и действовать «на опережение» как в традиционных войнах, так и в гибридных, и в кибервойнах, с уничтожением субъектов угроз таких войн.

На собрании Ассоциации Армии (октябрь 2014 г.) министр обороны Ч. Хейгел обосновал необходимость повышения военных расходов и задачи армии, которая должна быть готовой бороться не только с террористами и мятежниками, но и «с ревизионистской Россией, с ее современной и боеспособной армией <...> опережать не только действия, но и планы любого потенциального противника... Около 400 тыс. человек <...> размещены на базах передового базирования почти в 100 странах мира, от Афганистана до Филиппин и Гватемалы. Это <...> дает руководству США непревзойденные стратегические и операционные возможности, обеспеченные кадровым, технологическим и организационным превосходством»²⁴⁵.

Кроме того, к России приближены точки размещения ядерных боеприпасов, укрепляются силы НАТО: Министр обороны России С. Шойгу, подводя итоги 2015 года, отметил, что в Германии, Бельгии, Голландии, Италии и Турции уже размещено около 200 американских ядерных авиабомб, в готовности находятся 310 самолетов-носителей. Контингент НАТО за 2015 г. в странах Балтии, Польши и Румынии увеличился в 13 раз, а по числу военных самолетов – в восемь раз²⁴⁶.

²⁴³ Ивашов Л. Г. Новая военная доктрина развивает установки принятой в феврале 2015 года Конгрессом США национальной стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33927> (дата обращения 04.03.2016)

²⁴⁴ Матвеев В. Новая военная доктрина США – экспансия [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/novaya-voennaya-doktrina-ssha-ekspansiya/> (дата обращения 10.02.2015)

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Коллегия Минобороны: оборонный потенциал как основа суверенитета [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20151211/1340337151.html> (дата обращения 14.11.2015)

Эти факты свидетельствуют, что наряду с усилением угроз исламского экстремизма на южных рубежах РФ со стороны Афганистана и Ближнего Востока, растут агрессивные амбиции и действия США, военно-политическое давление НАТО на западных границах России.

Агрессивно-наступательный и антироссийский характер американской военной доктрины обязывает Россию, как подчеркивает Л. Ивашов, «готовиться к отражению возможной агрессии Соединенных Штатов и НАТО не только в линейном измерении, но и учитывая нелинейные варианты, потому что против России обязательно будут использованы различные нелинейные, не прямые методы воздействия, в том числе и в военной сфере»²⁴⁷. Федеральный закон РФ «Об обороне» (с изменениями на 12 февраля 2015 года) включает прогнозирование и оценку военной опасности и военной угрозы, разработку основных направлений военной политики и положений военной доктрины Российской Федерации, организационные и правовые основы обороны, предназначение и задачи Вооруженных Сил Российской Федерации и другие аспекты организации обороны страны как в мирное время, так и в состоянии войны²⁴⁸.

В новой военной доктрине Российской Федерации²⁴⁹ анализируются военные опасности и угрозы, формулируются основные положения военной политики, военно-экономического обеспечения обороны. Военные меры предусмотрены только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера. В военной доктрине используется ряд понятий, через которые раскрывается ее содержание. Обратим преимущественное внимание на те понятия и положения Доктрины, которые не выходят за рамки геополитического анализа. Военная угроза определяется

²⁴⁷ Ивашов Л. Г. Новая военная доктрина развивает установки принятой в феврале 2015 года Конгрессом США национальной стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33927> (дата обращения 04.03.2016)

²⁴⁸ Федеральный закон РФ «Об обороне» (с изменениями на 12 февраля 2015 года): [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9020348> (дата обращения 18.05.2015)

²⁴⁹ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. № 6570.

как состояние возможности возникновения военного конфликта. Военная опасность – как наличие факторов, ведущих к возникновению военной угрозы. Военный конфликт – как форма разрешения противоречий с применением военной силы. Отсюда *военная безопасность* РФ определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять» (ст. 8).

В Доктрине отмечается неустойчивость и напряженность мирового развития, силовое разрешение региональных конфликтов, тенденция смещения военных опасностей и угроз в информационное пространство и внутригосударственную сферу, определяются внешние и внутренние военные опасности и непосредственные угрозы. Одной из серьезных внутренних угроз является провоцирование межнациональной и социальной напряженности, а также «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь, на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества» (ст. 13). В Доктрине также определены *новые особенности современных военных конфликтов*: комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций; участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний; применение непрямых и асимметричных способов действий; использование финансируемых и управляемых извне внутренних политических сил, общественных движений (ст. 15). Это значительно повышает *ответственность субъектов образования в части реализации воспитательной функции образования и ее патриотической составляющей*.

Военная политика России направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, недопущение ядерной войны и развитие оборонного

потенциала, снижение всех видов существующих угроз. В качестве одной из основных задач отмечено создание условий, обеспечивающих снижение риска использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях (ст. 18, 21). Вооруженные Силы РФ применяются как в мирное, так и военное время, для решения внешних и внутренних задач, с применением ядерного и высокоточного оружия или обычными средствами, в войне, в борьбе с терроризмом или в обеспечении общественной безопасности только в рамках правового поля (ст. 19–26). Далее в Доктрине определяются задачи военной организации и Вооруженных сил РФ в различных ситуациях и направления их развития. Достаточно конкретно определены две типичные ситуации, в которых Россия вправе применить ядерное оружие (ст. 27, 32–53). Для нас интерес представляют положения о международном военно-политическом и военно-техническом сотрудничестве и его приоритетах. В числе приоритетов упоминается сотрудничество и взаимодействие в разных аспектах с Беларуссией, Абхазией, Южной Осетией, государствами ОДКБ, СНГ, ШОС, а так же с ООН и другими международными организациями. Заметим, что европейских стран и США в их числе нет.

Отметим некоторые особенности новой Военной доктрины РФ. Во-первых, новая военная Доктрина имеет сугубо оборонительный характер, что просматривается во всем ее содержании, в том числе в задачах Вооруженных Сил, военной организации и их развития (они определены исходя из трех наличных ситуаций: мирное время, период непосредственной угрозы агрессии и военное время). Оборонительный характер Доктрины и определенных в ней задач ставит Россию по отношению к США в выгодное положение в нравственно-политическом аспекте, но повышает ее военно-стратегические риски. Из руководящих документов справедливо изъято положение о стратегическом «партнерстве» с Западом как основы российской безопасности. Запад может и должен рассматриваться сегодня в качестве военной угрозы, а Соединенные Штаты – в качестве военного противника. Доктрина разработана с учетом новых

опасностей и угроз для России, в том числе ситуации на Украине и вокруг нее, обстановки в Афганистане, Сирии и Ираке.

Во-вторых, в Доктрине совершенно не увязаны действия НАТО и США, что не соответствует реальной военно-политической ситуации и освобождает их от взаимной ответственности за возможную военную агрессию исходящую от них. Не четко определяется ответственность США и правомерность военного ответа России в случае нанесения удара с территории базы, расположенной вне американского континента, равно как и ответственность государства, с территории которого совершена агрессия против России.

В-третьих, недостаточно выделен гецивилизационный аспект Доктрины, практически никаких мер не предусмотрено при ведении кибервойн, гибридных войн и подготовки к ним, не обозначены особенности военной защиты и ведения вооруженной борьбы на различных театрах военных действий.

В-четвертых, Доктрина предусматривает военную защиту не только РФ, но и ее союзников и, конечно, стран ОДКБ. Судя по самостоятельному участию ВКС России в борьбе с ИГИЛ («защищая себя на дальних подступах»), но при этом подобные обязательства не приняты у данных стран в отношении военной защиты России. Кроме того, в числе приоритетов сотрудничества едва ли оправдано отсутствие некоторых государств Евразийского союза и стран БРИКС.

В-пятых, заметим, что новая Доктрина по-прежнему не планирует превентивных ядерных ударов, но окончательно определилась с возможностью и условиями применения ядерного оружия. Право его применения (по решению Президента РФ) предусмотрено не только как ответ на применение любых видов оружия массового поражения против России и (или) ее союзников, но и в случае вооруженной агрессии против России обычными средствами, «когда под угрозу поставлено само существование государства» (ст. 27)²⁵⁰.

Проблема особенностей, типов современных войн и применяемых средств в противоборстве центров силы (гибридные и сетцентричные войны, обычное,

²⁵⁰ Очевидно, имеется в виду ситуация, когда обычных средств оказывается недостаточно для сохранения государства по причине несоизмеримого превосходства противника и неизбежности поражения в войне (например: в случае с Китаем или США и НАТО).

высокоточное или ядерное оружие и др.) приобретает все большее значение как в реальных отношениях в мире, так и в качестве предмета теоретического анализа. А. Кокошин в своих трудах выделяет общие типы войн (тотальные и ограниченные, обычные и ядерные), подчеркивает опасность недооценки ядерной конфронтации США и России, анализирует потенциальные возможности возникновения ядерных конфликтов в связи с дальнейшим распространением ракетно-ядерного оружия в мире. Такие конфликты могут возникнуть не только в отношениях «старых ядерных держав», но и в отношениях новых обладателей этого оружия (Индия и Пакистан), потенциальных «многовершинных» конфигураций при возможном появлении новых ядерных государств, и как результат действий радикальных политических и террористических организаций²⁵¹.

Риски возникновения и разрастания военных конфликтов с применением всех имеющихся на сегодня средств (исключая ядерные) обусловлены самыми разными причинами, в том числе финансово-экономическими и национально-религиозными факторами. Небезынтересным в этом плане представляется, например, точка зрения А. Н. Фомина, который рассматривает вероятность осложнений военно-политической обстановки и возникновения войн с возможным участием США и НАТО, исходя из мировых факторов риска. Нефтяной фактор риска (нефтяной и энергетический кризис, борьба за передел зон влияния) воспроизводит наиболее сильные угрозы для Ирана, Казахстана, Венесуэлы, Нигерии и России и может перерасти в мировую угрозу. Валютный фактор (выпуск новой резервной региональной или глобальной валюты – динар, юань, золото и др.) порождает риски для Ирана, Казахстана и России. Китайский фактор (борьба за мировое влияние и энергетические ресурсы) грозит Ирану, Казахстану, Венесуэле и России. Национально-религиозный фактор (противостояние Израиля и Ирана, Палестины, клановые и этнические противоречия в Ливии, Иране и Казахстане и др.) актуален для Ирана

²⁵¹ См.: Кокошин А. А. Политология и социология военной стратегии. М. : Стереотип, 2016. 616 с.; Золотарев В. А. Военная безопасность государства Российского. М. : Кучково поле, 2001. 484 с.

и Казахстана. Поскольку Иран и Казахстан попадают в пространство логического пересечения всех указанных факторов риска, то именно они рискуют стать первоочередными мишенями для военной агрессии уже в ближайшем будущем²⁵².

Таким образом, центробежные тенденции ряда стран (бывших потенциальных и реальных российских союзников), расширение НАТО за счет стран бывшего Восточного блока и размещение ПРО на их территориях, использование военных баз по периметру «острова Россия», другие военные угрозы со стороны США, НАТО и международного терроризма являются звеньями американской стратегии «Анаконды» (окружения России с трех сторон и ее удушения), создают риск проигрышной военно-стратегической позиции России. Для обеспечения гарантированной национальной безопасности России необходимо и дальше укреплять как западную линию противостояния (от Заполярья до полуострова Крым), так и южную, особенно на Кавказском и Среднеазиатском направлениях. Срочные меры приходится принимать и в связи с новыми угрозами в Заполярье, в акваториях Черного моря и Мирового океана. Необходимость и целесообразность изучения военно-стратегического положения России и существующих угроз в образовательной системе не может вызывать сомнения.

В этих условиях, чтобы оставаться самодостаточным центром мировых сил, Россия должна реализовать свою военную доктрину через усиление своей военной мощи и обороноспособности. В связи с ростом военных угроз военный бюджет России с 2008 г. ежегодно растет (наиболее резко – с 2011 г.) и в 2016 году составит 87,8 млрд долларов или 3,3 трлн р. По доле военных расходов в ВВП (3,9 % против 2,4 % в 2008 г.) мы уже превзошли США и большинство западных стран (в ФРГ военный бюджет составляет 1,3 % ВВП, в Италии – 1,2 %, в Канаде – 1 %). Численность персонала российских вооруженных сил составляет 766 тыс. человек (при кадровом резерве – 2 485 млн человек). Уникальное преимущество российского военного потенциала

²⁵² Фомин А. Н. Факторы риска в анализе современной военно-политической обстановки. М. : Центр стратегических оценок и прогнозов. 2013. 27 с.

– 15 500 танков. Появляются новейшие уникальные образцы военной техники. Почти половина выделяемых средств идет на приобретение новых видов оружия в рамках госпрограммы вооружения до 2020 года²⁵³. За 5 лет доля расходов на оборону в федеральном бюджете выросла с 7,5 % в 2010 г. до 20,1 % в 2015 г. В абсолютных цифрах оборонные расходы выросли в 3,7 раза, при росте общих расходов бюджета в 1,7 раза. К сожалению, в тот же период расходы на образование сократилась с 5,1 до 3,5 %, на здравоохранение – с 4,6 до 2,9 %²⁵⁴. Специфика момента в том, что перевооружение армии и флота совпало с периодом стагнации российской экономики, сокращением наполняемости бюджета. В поиске средств приходится сокращать другие статьи расходов и основным «спонсором» средств избраны расходы на развитие человеческого капитала как источника модернизации экономики и всего общества, которые и без того постоянно сокращаются. Это обостряет отмеченные нами противоречия развития образовательной системы, особенно ее материально-финансовой обеспеченности. Уровень жизни населения снизился, но приоритеты обороноспособности и национальной безопасности остались неизменными по причине необходимости обеспечения безопасности, а также в надежде на роль «оборонки» как локомотива экономики.

На заседании расширенной коллегии Министерства обороны, состоявшейся в декабре 2015 года, отмечалось, что к настоящему времени утвержден обновленный пятилетний план обороны. Создан новый вид войск Воздушно-Космические Силы, принята обновленная Морская доктрина, усилена оборона стратегически важных регионов страны, в том числе Арктики, образовано Объединенное стратегическое командование на базе Северного флота. По намеченному плану госпрограммы вооружений до 2020 г. идет оснащение Вооруженных Сил современной техникой. В 2015 г. в войска поступило на четверть больше новых и модернизированных образцов вооружения, чем в 2014 г.

²⁵³ См.: Военный бюджет стран мира [Электронный ресурс]. URL: <http://domfactov.com/voennyiy-byudzhets-stran-mira.html> (дата обращения 11.09.2015); Зачем России увеличивать расходы на оборону? [Электронный ресурс]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/264010> (дата обращения 11.09.2015)

²⁵⁴ См.: Бюджет-2016 в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilru.com/news/485894/> (дата обращения 21.03.2016)

(доля новой техники в войсках достигла 52 %). «Проект модернизации Вооруженных сил страны предусматривает к 2020 году замену 70 % военной техники, получение Военно-Морским Флотом 50 новых кораблей, ВКС – сотен новых самолетов, а сухопутными силами – тысяч новых машин. Гособоронзаказ 2015 г. выполнен на 100 %, войска РФ получили 243 летательных аппарата, 90 зенитных ракетных систем и комплексов, 208 радиолокационных систем, 18 тыс. новейших средств связи. В декабре зенитные ракетные комплексы С-400 «Триумф» заступили на опытно-боевое дежурство на северо-западе России. И сегодня вооруженные силы оснащены современным оружием на 47 % <...> Стратегические ядерные силы России в 2015 году получили 35 межконтинентальных баллистических ракет, десять модернизированных бомбардировщиков и две подлодки <...> В 2016 г. армия и флот получают 7 надводных кораблей и 2 подводные лодки, первый комплект зенитной ракетной системы Бук-М3, два модернизированных самолета Ту-160 и семь Ту-95МС, всего – более 200 новых образцов авиатехники <...> Будут усилены группировки войск на западном, юго-западном и арктическом стратегических направлениях»²⁵⁵.

Президент страны высоко оценил действия ВКС России в Сирии, отметил, что Россия «вышла на новый уровень оперативного применения войск» и выделил основные приоритеты: боеспособность и перевооружение армии и ВМФ, борьба с терроризмом, защита интересов в Арктике и на южных рубежах, в Крыму и Сирии. Тогда же были поставлены предстоящие задачи: своевременная корректировка плана обороны, техническое переоснащение армии и флота, укрепление боевого потенциала стратегических ядерных сил, решение социальных вопросов в армии и на флоте. Предусмотрены учения и внезапные проверки готовности вооруженных сил и органов власти к выполнению задач в условиях военного времени²⁵⁶. Принимаемые меры и успехи российских ВКС в борьбе с ИГИЛ в Сирии укрепляют национальную безопасность, повышают

²⁵⁵ Коллегия Минобороны: оборонный потенциал как основа суверенитета [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20151211/1340337151.html> (дата обращения 14.11.2015)

²⁵⁶ Там же.

уверенность россиян и руководства страны в том, что никакое внешнее давление и военные угрозы, никакие санкции не сломят Россию и ее народ.

Одним из самых существенных факторов, влияющих на национальную и образовательную безопасность России, являются применяемые Западом *новые средства, технологии и методы решения геополитических задач* по ослаблению России. Новые технологии геополитики применяются как на постоянной основе (ведение информационной войны различной интенсивности), так и в проведении специальных операций. В любом случае, преследуются следующие цели: достижение победы (или смена режима) посредством ослабления противника «изнутри», реформатирования сознания целого народа в культурно-конфессиональном его аспекте посредством информационных «мягких» воздействий, «информационной геополитики».

Информационная геополитика характеризуется усилением и расширением возможностей политики с помощью информационного фактора. Это политика, обеспечивающая господство и экспансию геополитических субъектов за счет влияния в информационном «*киберпространстве*», контроля над информацией и информационными ресурсами во всех видах и измерениях многомерного социального пространства на основе использования новейших техники и технологий.

Киберпространство используется средствами цивилизационной геополитики не со стороны его физических средств хранения и передачи информации или программного обеспечения, но, прежде всего, в его социальном наполнении, как совокупность субъектов (личность, политическая структура, гражданское общество или интернет-сообщество), изменяющих свою или иную идентичность, сознание и поведение на основе целенаправленных информационных воздействий способом публичной дипломатии и/или использования социальных сетей²⁵⁷.

²⁵⁷ См.: Малюк А. А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. М. : Горячая линия-Телеком, 2004. 280 с.; Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Книга по требованию, 2013. 430 с. и др.

Как подчеркивает главный редактор журнала «Геополитика» Л. Савин, борьба за киберпространство «буквально повторяет тот мегацивилизационный раздел, который пролегал между странами и народами, относящимися к Sea Power и Land Power. США, страны ЕС и их сателлиты выступают за полную свободу действий в Интернет, что является явным лицемерием, в то время как Россия, Иран, Китай, Индия и ряд других государств требуют того, чтобы Интернет был суверенным и находился под юрисдикцией норм международного права»²⁵⁸.

Информационная геополитическая практика возникла отнюдь не вчера, ее концептуальные основы восходят к XVIII в., когда английский философ И. Бентам предложил создать «тюрьму-паноптикум», когда заключенные находились бы под постоянным наблюдением, не зная кто, когда и откуда за ними наблюдает. Уже в XX в. французский философ М. Фуко назвал эту форму контроля «наблюдающим взглядом», тюрьмой для человеческого сознания, которое наблюдает за самим собой и против своей воли становится послушным наблюдающему извне. Дешевизна и эффективность такой формы контроля над поведением людей была принята на вооружение глобальной элитой, Госдепартаментом, Советом национальной безопасности США и Пентагоном для запуска нового глобального проекта осуществления мирового господства. С помощью социальных сетей и сервисов Интернета (Facebook, Twitter, Google и др.) они расширили «паноптикум» до международной сетевой тюрьмы, в которой «добровольно» оказались целые народы и государства²⁵⁹. В 2013 г., продолжая лицемерно рассуждать о личных правах и свободах граждан, Национальное агентство безопасности США обязало телекоммуникационную компанию Verizon Communications в рамках и под прикрытием войны против терроризма ежедневно собирать и пересылать данные о всех разговорах в коммуникационных сетях. В том же году была расширена программа подготовки киберпрофессионалов

²⁵⁸ Савин Л. В. Введение в кибергеополитику // Геополитика. 2013. Вып. XXII. С. 5.

²⁵⁹ Савин Л. В. Киберпаноптикум. О контроле над массовым сознанием [Электронный ресурс]. URL: <http://rugraz.net/index.php/publikationen/1088-l-savin-kiberpanoptikum-o-kontrolle-nad-massovim-soznaniem> (дата обращения 06.11.2015)

по обеспечению кибербезопасности США²⁶⁰. Самой масштабной практикой использования технологий информационных войн явились действия Запада по разрушению духовной, образовательной и социальной сфер советского народа, созданию духовных предпосылок для развала СССР²⁶¹.

Одним из методов информационной геополитической практики является использование «теории управляемого хаоса» (*χάος* (греч.) – «пустота, пропасть, бездна»), которая была разработана в США еще в середине 80-х годов прошлого века (Д. Шарп, С. Манн и др.). В обыденной жизни наиболее распространенным представлением о хаосе является идея о беспорядке, ведущем к гибели. Идея первичного хаоса распространена в древних мифах, в учениях древних греков, а также в восточной философии. Хаос, в переводе с греческого, означает бесконечное пространство, изначальное состояние мира. Таким образом, хаос совмещает в себе принципы как универсального порождения, так и универсального поглощения и разрушения сущего. Начало современным представлениям об управляемом хаосе положили физические идеи с глубоким философским смыслом, изложенные в 1979 г. И. Пригожиным и И. Стенгерс. В рамках их концепции хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных систем. Создать управляемый хаос – значит довести систему до точки бифуркации, вызвать непредсказуемость и разнонаправленность (хаотичность) ее движения²⁶².

В 1992 г., в докладе «Теория хаоса и стратегическое мышление», С. Манн расширил поле применения данной теории экстраполируя ее на международные отношения. По его утверждению, международная среда обречена быть хаотичной, потому что «многообразные аттракторы человеческой политики в динамической системе <...> имеют разные цели и ценности»²⁶³. Исходный тезис – физическое насилие не всегда продуктивно, вызывает разрушения и ответное насилие, ведет

²⁶⁰ См.: Савин Л. В. Императивы кибергеополитики и евразийская интеграция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasec.com/analitika/4606/> (дата обращения 06.11.2015)

²⁶¹ Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб. : Питер, 2010. С. 7.

²⁶² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 132 с.

²⁶³ Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII. P. 54–68.

к установлению диктатуры. Продуктивнее вызвать недовольство людей властью и направить их действия в русло социального, политического и экономического бойкота власти, через поддержку либеральной демократии и рыночных реформ, повышение жизненных стандартов элиты и населения, вытеснение традиционных ценностей и дальнейшее управление социальным пространством через нужную идеологию (своего рода «компьютерный вирус»). «С этим идеологическим вирусом, – писал он далее, – в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека»²⁶⁴. При этом хаос в понимании С. Манна – не разнородная масса людей, но заранее спланированное изменение сознания общества и каждого его члена посредством применения определенных технологий, позволяющее контролировать ситуацию и управлять ее развитием. Принципы и приемы создания управляемого хаоса были успешно применены под эгидой Пентагона, Госдепа и ЦРУ США на постсоветском пространстве. Их суть: быстрое объединение всех оппозиционных сил с помощью интернета и социальных сетей, формирование «агентов влияния» из числа представителей элиты, работников культуры и образования, силовых структур и госаппарата, организация «безлидерских» движений и массовых протестных выступлений с целью смены власти²⁶⁵. На основе этой теории были организованы «цветные революции» для свержения неудобных США режимов и ослабления геополитических соперников. Осознание высокой действенности управляемого хаоса и «нелинейного» управления им привело к появлению специальных организаций, «группа кризисного управления», отдельных государств и корпораций, берущих на себя обязательства оказания помощи в принятии управленческих решений в условиях кризиса. На самом деле их заинтересованность проявлялась не в урегулировании, а в конструировании кризисов, причем именно в духе «создания управляемого хаоса». Основная цель –

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Цомаев Т. Теория управляемого хаоса [Электронный ресурс]. URL: <http://коммунист.su/index.php/kob/105-2011-09-03-07-13-26> (дата обращения 22.11.2015)

демонтаж национальных государств, традиционных культур и цивилизаций в угоду субъектам создания хаоса: этот сценарий был реализован в Карабахе, Киргизии, Таджикистане, Боснии, Албании и ряде других стран. Так, действия США, направленные на раскол славянского мира и вывод Украины из российской сферы влияния велись с указанной выше целью: не допустить возрождения России в союзе с Украиной в виде евразийской империи. «Оранжево-коричневая» революция осуществлялась в ситуации уже созданного «хаоса» на Украине, который усиливался и управлялся посредством технологии организации «цветных революций» с применением как «мягкой силы» на майданном этапе (soft power), так и «жесткой силы» при захвате власти (hard power). Ультраправые националистические силы обеспечивались всем необходимым – от финансов и оружия до теоретических разработок и конкретных инструкций к действиям, и в результате достигли поставленных целей²⁶⁶.

Лепский В. Е. указывает на возможные последствия применения технологий «управляемого хаоса» в отношении России: разрушение сложившейся системы управления страной; бюрократизация государственной системы; коррупция и криминализация общества; актуализация системы мифов: «рынок сам всё отрегулирует», «административно-командная система – это зло», «все западные товары лучше отечественных»; ослабление контроля за вывозом капитала из страны; усиление импортной зависимости в жизненно важных сферах; разрушение отечественной науки и образования; усиление расслоения общества на богатых и бедных (создание коммуникативных барьеров); экспорт политических технологий «блокировки рефлексии» в избирательные кампании; превращение СМИ в субъектов рыночной экономики; индивидуализация через неолиберализм, атомизация общества; насаждение культа денег и системы примитивных ценностей массовой культуры; разрыв связей между поколениями;

²⁶⁶ См.: Пихорович В. Д. Украина между Западом и Востоком: Война на Донбассе. М. : Ленанд, 2015. 208 с.; Суций С. Я. Украина, Россия и мир: Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. М. : Ленанд, 2015. 304 с.

разрушение связей ближайшего социального окружения (через культовые организации, секты, снижение качества жизни у большей части населения) и др.²⁶⁷

Среди технологий конструирования «управляемого хаоса» (информационных и социально-культурных) особая роль отводится СМИ, образованию и «агентам влияния». В образовании теория хаоса предполагает слом традиционного образования, внедрение чужеродных моделей, выхолащивание из образовательного процесса традиционной воспитательной функции и внедрение ценностей, обуславливающих разрушение целостности личности, ее деградацию, неадекватность оценок среды и принятие любого положения в «своей» социальной нише.

Неудачи «цветных революций» в других регионах мира (Казахстан, Армения, Белоруссия и др.) свидетельствуют о том, что для их предотвращения необходимы адекватные действия властных структур и недопущение внутренних для этого условий (назовем их «цветной революционной ситуацией»). Признаками такой ситуации являются избыточный уровень социального неравенства и бедности населения, разложение элиты, высокая интенсивность национальных, конфессиональных и межэлитных конфликтов, высокий уровень недоверия к власти и социально-политическая нестабильность. Существенное значение имеют уровень безработицы среди молодежи, доля дискриминируемых национально-религиозных групп, деятельность оппозиционных СМИ и социальных сетей и другие факторы, но главным из всех факторов является легитимность политического режима²⁶⁸. Добавим, важнейшим фактором является также низкое качество и забвение воспитательной функции образования. «Политика, проводимая США и поддерживаемая Западом <...> генерирует хаос, но не может создать аттракторы (специфические «зародыши» хаоса или порядка), которые заключали бы этот хаос в структуры ожидаемого порядка <...> Фактически, концепция управляемого хаоса – это новая форма колониальной

²⁶⁷ Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4. С. 69–78.

²⁶⁸ Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: «арабская весна» 2011 года. Разд. V. М. : Ленанд, 2015. 424 с.

политики. Противостоять ей возможно на основе выверенной образовательной политики, потенциал которой должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и устойчивого развития государства в целом»²⁶⁹.

В. Крашенинникова отмечает, что стратегия мирового господства США строится на прежней (использовавшейся от Древнего мира до Третьего рейха) идее самопровозглашенной «исключительности» и применении современных геополитических средств и методов его достижения и обеспечения. С опорой на работы У. Блума²⁷⁰ в ее книге подробно описываются теория и практика вмешательств США, их целеполагание, подходы и инструментарий – от НКО, интернета, социальных сетей и до военных средств²⁷¹. Одно из последних проявлений этой стратегии – действия вице-президента США Д. Байдена в ходе своего визита на Украину в декабре 2015 года. Здесь он снова подогрел русофобию, заявив парламентариям о том, что США поддерживают украинское стремление вернуть Крым Украине и никогда не признают его присоединение к России. В России реализация подобных стратегий не достигает успеха, но не будем отрицать его возможности в случае допущения созревания внутренних условий – дальнейшего разложения социальной элиты, утраты легитимности власти и глубокого социально-политического кризиса в стране, так желанных для США. Сконструированные в западных школах цивилизационной геополитики, упомянутые формы и методы новейшей геополитической практики применяются преимущественно для ослабления военной (оборонной) и общественной

²⁶⁹ Камашев С. В. Национальная безопасность и образование в условиях управляемого хаоса // *Философия образования*, 2013. № 5. С. 8–15.

²⁷⁰ Уильям Блум опровергает миф Вашингтона о том, что «распространение демократии» США в мире движимо «заботой» о судьбах других народов и «великодушием» Америки и приводит неумолимую статистику: с 1945 по 2003 г. Соединенные Штаты пытались свергнуть правительства более чем в 40 государствах, подавили более 30 народно-патриотических движений, боровшихся против диктаторских режимов, нанесли бомбовые удары по 25 странам; в результате погибло нескольких миллионов человек, и еще миллионы были обречены жить в агонии и отчаянии. См.: Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. М., 2014. 704 с.; Блум У. Смертоносный экспорт Америки: демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. М., 2014. 272 с.

²⁷¹ Крашенинникова В. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. – М. : Кучково поле, 2014. 482 с.

безопасности с конечной целью подрыва национальной безопасности, ослабления или устранения геополитических соперников, достижения экономического и военно-политического доминирования. Основным объектом таких воздействий для Запада всегда была и остается Россия.

В свете такой геополитической практики и конкретных действий США активизировалась деятельность российского руководства и представителей науки по разработке стратегии информационной безопасности и формированию системы международной информационной безопасности. Информационная деятельность регулируется законом федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 13 июля 2015 г.)²⁷². В июле 2013 года были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года». В них формулируются задачи и направления деятельности по формированию системы международной информационной безопасности, противодействию угрозам использования информационных и коммуникационных технологий в экстремистских и экспансионистских целях²⁷³.

Основой для формирования государственной политики в области обеспечения внутренней информационной безопасности и дальнейшего развития Концепции национальной безопасности Российской Федерации служит «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (далее – Доктрина ИБ).²⁷⁴ В Доктрине ИБ «информационная сфера» определяется как «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений»²⁷⁵ (в научной литературе данное понятие

²⁷² Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения 18.05.2015)

²⁷³ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения 08.01.2016)

²⁷⁴ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html> (дата обращения 12.09.2015)

²⁷⁵ Там же.

употребляется часто как «информационное пространство» или «киберпространство»). Здесь же определяется понятие «информационной безопасности Российской Федерации» как «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»²⁷⁶.

Примечательно, что в Доктрине наличествует целый ряд положений, сопряженных с духовной сферой общества, функциями образовательной системы, ее состоянием и безопасностью. Так, среди компонентов национальных интересов в информационной сфере на первом месте выделяется духовная составляющая: соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны. Далее идут информационное обеспечение государственной политики, развитие информационных технологий и техники, защита информационных ресурсов²⁷⁷.

В качестве одной из серьезных угроз определена девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе (разд. I, п. 2). В числе источников угроз отмечено снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности (там же, п. 3). Поставлена задача по созданию единой системы подготовки и воссоздания кадров, квалифицированных специалистов в области информационной безопасности и информационных технологий (там же, п. 4). В Доктрине ИБ определяются так же основные виды и источники угроз информационной безопасности, содержание государственной

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же.

политики, организационная основа и методы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

В новой редакции Доктрины ИБ (обсуждена на Инфофоруме – 2015) уточнены национальные приоритеты в этой сфере (оборона, качество жизни и экономика), выделены конкретные угрозы для России. Основными из них называются: рост потенциала информационно-коммуникационных технологий в зарубежных странах; использование отдельными странами и их спецслужбами технологического доминирования для достижения экономического и геополитического преимущества, подрыва суверенитета и территориальной целостности других стран; рост масштабов компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере; отставание России от ведущих зарубежных государств в создании конкурентоспособных информационных технологий²⁷⁸. Д. А. Медведев на второй Всемирной конференции по вопросам интернета, прошедшей в Китае в конце 2015 г., отметил бурный рост аудитории интернет-пользователей в России (почти до 80 млн человек). В его выступлении была обоснована необходимость усиления роли мирового сообщества в управлении интернетом и разработке глобальной политики в этой области под эгидой международных институтов²⁷⁹.

На наш взгляд, содержание Доктрины ИБ требует доработки в четырех аспектах. Во-первых, необходимо выявлять наличие и характер внутренних угроз информационной безопасности (ИБ) страны и предлагать способы их преодоления, к числу которых относятся и технологические угрозы. Отставание России в создании конкурентоспособных информационных технологий требует признания этого факта и его включение в число угроз ИБ РФ. До тех пор, пока отечественные технологии будут использовать иностранные (импортные) детали и оборудование, говорить о полной защищенности российского информационного пространства не имеет смысла.

²⁷⁸ Новая «Доктрина информационной безопасности» разработана в России [Электронный ресурс]. URL: http://so-1.ru/news/show/10_10_2015_13_07_novaya_doktrina_informacionnoy (дата обращения 05.01.2016)

²⁷⁹ Дмитрий Медведев выступил за международное регулирование Интернета // Российская газета. 2015. 17 дек. № 6856.

Во-вторых, отсутствие границ в киберпространстве и разнообразие способов кибервоздействий Запада требуют не только предусмотренного Доктриной создания международного правового поля и решения внутренних вопросов информационной безопасности. Для ее надежного обеспечения необходимо объединить усилия всех дружественных России государств, как в рамках ОДКБ, так и по линии Таможенного Союза, БРИКС и других союзов, расширить взаимодействие с другими силовыми центрами мира.

В-третьих, если ограничиться в кибергеополитике лишь на защите национального информационного пространства, то невозможно достичь целей обеспечения национальной безопасности, повышения престижа страны и преодоления русофобии в мире. Необходимо расширить оборонительный, сугубо защитный характер Доктрины ИБ до активно наступательного содержания, обоснования целей, задач и методов использования имеющегося информационного потенциала России в современной информационной борьбе.

В-четвертых, широкая трактовка сущности ИБ как «защищенности национальных интересов» размывает центральную задачу ИБ – «кибернадзор», то есть защиту от сторонних воздействий самой информации и поддерживающей ее инфраструктуры. От состояния этой инфраструктуры как раз и зависит защищенность национальных интересов, всего информационного поля. В Доктрине изложены источники опасности, но нет четких определений объектов, субъектов, средств и принципов обеспечения информационной безопасности, видов и направленности вредных информационных потоков. ИБ призвана защищать не только информацию, но и технические компоненты системы ИБ и всю окружающую природную, социальную, духовную и космическую среду, все глобальное информационное пространство. Для решения этих проблем требуется развитие методологии и теории ИБ на основе мультидисциплинарного подхода к исследованию.

Считаем, что производство и распространение в мире по всем коммуникационным каналам позитивного образа не выдуманной, но настоящей России, прогрессивности и справедливости ее внутренней и внешней политики

является одним из существенных компонентов обеспечения не только информационной, но и национальной безопасности. Отечественное и мировое вещание должно настойчиво и повсеместно развенчивать двойные стандарты Запада в оценке действий российского руководства, лживость идеологических штампов об «агрессивности» России и авторитарности россиян. Наступательная информационная политика – сильнейшее средство применения «мягкой силы», в том числе для преодоления русофобии. Она помогает народам мира ближе узнать Россию, ее богатую и уникальную историю, культуру, без идеологических наслоений оценить ее поведение на международной арене, узнать российскую позицию в оценке актуальных проблем современности.

Уже накоплен некоторый опыт открытой и наступательной информационной политики России. К основным ее видам относятся выступления руководителей страны на международных форумах, распространение произведений российской культуры и искусства, выступления художественных коллективов, деятелей культуры, спорта и политики за рубежом, использование социальных сетей, радио, телевидения, других видов инновационного вещания в демонстрации достижений России, позитивных черт и проявлений российского менталитета. Примерами такого рода могут служить недавнее выступление Президента России в ООН, показ западной аудитории документального фильма «Президент», десятилетняя деятельность на шести языках мира телеканала RT и других СМИ. Однако подобная работа требует значительного расширения и усиления.

Особое значение в этих условиях приобретает *обеспечение информационной безопасности образовательного пространства и использование преимуществ информатизации в учебно-воспитательном процессе. Информатизация общества способствовала усилению бесконтрольности потоков информации, открытой пропаганде индивидуализма и прагматизма, культа насилия, распущенности нравов. Новейшие информационно-коммуникационные средства и интернет в единстве с современными технологиями и процессами глобализации усложняют защиту образовательного пространства от нежелательных воздействий, требуют новых технологий в образовании-воспитании. Современные информационные*

средства и интернет расширяют и усиливают возможности социального инжиниринга, манипулирования общественным мнением, позволяют осуществлять адресное воздействие на сознание больших социальных групп и элиты общества, что значительно повышает требования к содержанию воспитания-образования.

Образовательная система должна противостоять не только расширению «конфликтосферы» и тенденциям социальной деконструкции в мире, но и манипулированию сознанием масс и национальной элиты, переформатированию культурной и конфессиональной идентичности народов России, насаждению чуждых образовательных стандартов и духовных ценностей. В числе негативных последствий важно отметить возможность компьютерного отчуждения, инфострессов: все больше возрастает скорость и объем информационных потоков, с которыми не всегда справляется человеческая психика. Использование информационных технологий предполагает целенаправленное «производство» и распространение специальной информации, оказывающей положительное или отрицательное влияние на функционирование и развитие информационно-психологической среды государства, психику и поведение социальных групп, учебных коллективов.

Вместе с тем, образовательная система должна использовать позитивные стороны современных информационных и телекоммуникационных технологий, реальных процессов глобализации и информатизации и компьютеризации общества для повышения эффективности и качества образования, формирования глобального мировоззрения обучаемых, их интеллектуального совершенства и одухотворения социума в ноосферной образовательной стратегии.

Итак, новейшая цивилизационная постнеклассическая геополитика «третьей волны» в единстве с миросистемными взглядами обеспечивает более глубокое исследование современной пространственно-временной модели мира, геополитических процессов на национальном и наднациональном уровнях, позволяет адекватно рефлексировать тенденцию перехода мира к многополярности, определить место России в системе мировых геополитических

отношений, вероятность и пути ее превращения в ведущий геополитический центр мира. Цивилизации рассматриваются здесь вместе с присущим им разнообразием культурно-генетических кодов. Внешние воздействия на них предусматривают использование новейших информационных средств и политических технологий для достижения геополитических целей. Тем самым, новая парадигма геополитики формирует основы адекватной оценки мировых событий и анализа современного миропорядка, определения основных трендов и движущих сил эволюции международных отношений, форм и методов завоевания и удержания лидерства великих держав.

Современная российская образовательная геополитика имеет социокультурную специфику. Здесь не преследуется цель насильственной экспансии российских образовательных технологий в другие социокультурные миры, но должна, безусловно, пресекаться насильственная экспансия инокультурных образовательных концептов и технологий, разрушительно воздействующих на менталитет, общественное сознание, индивидуальное и социальное поведение граждан нашей страны.

Основные положения цивилизационной геополитики сегодня дают возможность адекватно определить современное состояние миросистемы, существенные характеристики современного состояния российской цивилизации и ее системообразующие признаки, выяснить основные угрозы и риски для образовательного пространства, задачи, пути и средства их преодоления. Важно, что содержание многих, рассмотренных здесь геополитических идей, убеждает нас в их актуальности, необходимости использования не только в построении моделей безопасности образовательного пространства, но и включения в программы учебных заведений по гуманитарным наукам.

3.3. Геофилософия безопасности российского образовательного пространства: основное содержание концепции

В данном параграфе решается задача обоснования и реализации геофилософского подхода к построению современной философской концепции безопасности образовательного пространства, формулируются рекомендации по гарантированному обеспечению безопасности образовательного пространства, построению его надежных моделей.

Термин «геофилософия» появился относительно недавно для обозначения цивилизационной геополитики (В. Дергачев, М. Каччари и др.)²⁸⁰. Такое избыточное расширение в данном термине содержания и объема понятия «геополитика» мы считаем несостоятельным. Геополитика сама по себе не может геофилософией, как философия не является политикой. На наш взгляд, допустимыми являются понимание геофилософии как геокультуры, или как культуры безопасности образовательного пространства, или, еще точнее, как философской интерпретации современной постнеклассической геополитики. Другими словами, геофилософия выступает как особый тип философского мышления («философский разум государства») или, по мысли французского философа Ж. Делёза, как «пространственная модель имманентной философии»²⁸¹. При таком понимании геофилософия гораздо шире всей совокупности геополитических теорий, ибо она есть не только философское осмысление географического пространства, но общее видение мироустройства и человека в упорядоченном соотношении космоса (природы), микрокосмоса (души человека) и местности (полиса, государства, территории) в данном пространстве и в определенный промежуток социального времени.

Геофилософия акцентирует внимание в исследовании безопасности на философском осознании существующих реальных и потенциальных опасностей и угроз для рассматриваемого объекта. Такой подход предполагает рассмотрение

²⁸⁰ Дергачев В.А. Цивилизационная геополитика (геофилософия). Киев: ВИРА-Р, 2004. 668 с.; Каччари М. Геофилософия Европы Издательство: Пневма, 2004. 192 с.

²⁸¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. . СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

безопасности как отсутствие или «снятие» опасностей и угроз для личности, общества и государства. Безопасность без опасностей не существует, она наполняется содержанием лишь с появлением опасностей и угроз для человека и общества. Опасности осознаются человеком в форме «чувства опасности» (ее наличия или отсутствия, усиления или ослабления). Будем считать правомерным использование понятия «геофилософия безопасности» в качестве геофилософского подхода к исследованию безопасности образовательного пространства, отличного от геополитико-миросистемного подхода и применимого в исследовании любого объекта, в том числе в качестве методологического инварианта конструирования теории БОП.

Будем считать, что *геофилософия безопасности* – это область философии, разрабатывающая методологию и теорию защиты личности, общества и государства от природных, техногенных и социальных опасностей и угроз в связи с геополитическими аспектами государственных и национальных отношений.

Геофилософский ракурс осмысления безопасности образовательного пространства опирается на положения и выводы цивилизационной геополитики, на методологию геополитико-миросистемного анализа. В то же время, геофилософский подход обогащает рефлексию безопасности образовательного пространства новыми аспектами, углубляя его методологию и теорию, формируя новые парадигмы осмысления вызовов современности, в том числе современных тенденций глобализации и информатизации социума. К основным преимуществам и существенным признакам геофилософского подхода, на наш взгляд, относятся:

– не отменяет, не ревизует и не ограничивает в развитии прежние философские подходы и результаты исследования безопасности образовательного пространства;

– имеет более высокий статус философского обобщения достигнутых знаний и массива информации в сфере безопасности образовательного пространства;

– дает возможность выработки единого и целостного видения этого сложного и многоаспектного феномена общественной жизни, формирования философской концепции безопасности образовательного пространства (что трудно достижимо в рамках одного исследования);

– позволяет выявить некоторые парадигмы перспективного развития теории безопасности образовательного пространства, требующие философского осмысления;

– усиливает возможности пространственно-временного подхода в рассмотрении безопасности образовательного пространства с учетом факторов внешней среды, расширяя границы взаимодействия образовательного пространства вширь (макрокосмос) и вглубь (микрокосмос);

– позволяет учитывать новые факторы макросреды, адекватно описывать изменение параметров взаимодействия среды и системы безопасности образовательного пространства, их коэволюционное отношение.

Исходя из этих признаков, можно предложить следующее определение: *«геофилософский подход»* – это методологический принцип, который предполагает рассмотрение образовательного пространства в системе глобальных образовательных взаимодействий субъектов образования с природой, обществом и человеком в данное историческое время, по законам постнеклассической геополитики, на принципах реализации концепции национальной безопасности, с отторжением опасных инокультурных воздействий, ассимиляцией лучших достижений мировой образовательной среды и сохранением социокультурной идентичности российского образовательного пространства.

Эффективность геофилософского подхода в рефлексии безопасности образовательного пространства объясняется усложнением совокупности всех факторов, воздействующих на безопасность. Единство внутренних и внешних факторов, идеологических и психологических воздействий, использование «мягкой силы», гибридных войн, новейших коммуникационных и политических технологий, ставка на русофобию и «цветные революции» требуют глубокого философского осмысления. Новые формы геополитической практики, усиление

влияния духовно-идеологических, нравственных и этноконфессиональных факторов на политическую активность граждан, на состояние национальной и образовательной безопасности обусловили востребованность геофилософского подхода к их осмыслению. В связи с этим принятая нами ранее методология исследования сложных факторов обеспечения безопасности образовательного пространства при их высокой динамике в эпоху постмодерна, многовариантности и хаотичности социальных процессов требует дальнейшего развития и дополнения рядом важных положений – в качестве элементов геофилософского подхода.

Во-первых, большинство геополитических процессов разворачивается под воздействием не только международных, но и внутригосударственных процессов, что требует философского (комплексного, междисциплинарного, конкретно-исторического и др.) подхода к рефлексии всех элементов геополитического пространства в единстве экономических, социально-политических, военно-стратегических, информационных и духовных составляющих внутренней и внешней политики.

Во-вторых, быстротечный, турбулентный, непредсказуемый характер общественного развития, рост численности, разнонаправленности и противоречивости факторов, определяющих динамику геополитики, затрудняют осмысление причинно-следственных связей, исключают возможность надежного прогнозирования будущего геополитических отношений на основе прошлого опыта и знаний. Современная ситуация в геополитике характеризуется расширением и высокой динамикой изменений сфер борьбы за лидерство (военная, экономическая, финансовая, информационная, религиозная, культурная), требует нового, геофилософского подхода к рефлексии геополитических отношений и борьбы за лидерство в мире.

В-третьих, многомерность и полиструктурность геополитического пространства с нелинейным построением его элементов требуют усилить методологию рассмотрения геополитических процессов идеями и инструментарием постмодернистской философии. Некоторые ее категории

приемлемы и полезны для обогащения и развития геополитических знаний. Таковы идеи самоорганизации и открытости социума, нелинейности социальных процессов, теории информационного взаимодействия, теории диссипативных структур, синергетики и др.

Наконец, сегодня, наряду с традиционными составляющими достижения геополитического доминирования (военные и экономические рычаги), все чаще используются теории «мягкой силы», воздействия на духовную сферу с применением современных технических средств, коммуникационных каналов и политических технологий. Технические средства информационного общества в рамках новых политических технологий воздействуют на человека и управляют им во всех плоскостях многомерного социума, расширяют возможности манипулирования общественным сознанием, реализации политики «мягкой силы» в прежних, экспансионистских геополитических целях. В новейшей геополитике самыми задействованными факторами (и сферами) влияния на национальную и образовательную безопасность, становятся финансово-экономические, информационно-психологические, идеологические, национально-этнические и религиозные факторы, требующие для их исследования геофилософского подхода. Отсюда следует, что геофилософский подход является основой рефлексии новых вызовов мироустройства и миродинамики, дальнейшего исследования развития геополитики и важнейшим инструментом построения философской концепции безопасности образовательного пространства, моделей национальной и образовательной безопасности.

На основе диалектического метода и геофилософского подхода как единства миросистемного и геополитического подходов нами предлагается *современная философская концепция безопасности образовательного пространства* в качестве основного результата исследования.

Концепция безопасности образовательного пространства состоит из четырех основных блоков:

– исходные установки концепции и рекомендации по их практическому применению;

- основные понятия национальной безопасности, определенные в правовых документах РФ и использованные в настоящей концепции;
- категориальный аппарат концепции, основные понятия, разработанные или уточненные диссертантом;
- основные теоретико-методологические положения концепции и некоторые практические рекомендации.

I. Исходные установки концепции и рекомендации по их практическому применению²⁸².

В практическом применении положений концепции необходимо учитывать:

а) основные угрозы устойчивому развитию и безопасности образовательного пространства формируются и воспроизводятся внутри российского общества и его образовательной системы, внешние факторы лишь усиливают их;

б) влияние существующих угроз на реальное состояние безопасности всегда обратно пропорционально (чем сильнее угроза, тем ниже уровень безопасности). Изменение во времени рассчитывается в зависимости от нарастания (уменьшения) угроз для образования, его сопротивляемости угрозам, уровня и характера управленческих решений;

в) какому тренду современного образования соответствует рассматриваемая образовательная система или учреждение, сторона образовательного процесса.

Основные современные тенденции развития образовательного пространства и его безопасности: интеграция и интернационализация, диверсификация и массовизация, открытость и децентрализация, прагматизация и технологизация, гибкость и нелинейность образовательных траекторий. Существенным отрицательным трендом выступает нивелирование законов духовного воспроизводства в образовании за счет абсолютизации экономических законов рынка, что ведет к нарастающей коммерциализации образования, расширению его

²⁸² См.: Форсайт: основные тренды образования будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tpu.ru/actual/2013/09/09/20082/>); Какой должна быть школа будущего? [Электронный ресурс]. URL: http://vio.uchim.info/Vio_117/cd_site/articles/pavlovsk1.pdf (дата обращения 03.04.2016); Николаева Е. М., Щелкунов М. Д.. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/696/word/trend> (дата обращения 11.04.2016) и др.

платного сектора и к торговле образовательным продуктом, к изменению отношений «преподаватель – студент» на отношения «производитель – потребитель» («консюмеризация», «макдональдизация» образования).

В контексте временной координации глобального образования с его российским сегментом в научной литературе выделяются и другие тренды, фиксирующие новые парадигмы образовательных систем, отдельных сторон образования, образовательной среды и их безопасности (организационные формы, содержание, цели образования и др.):

- усиление роли безопасности образовательного пространства для устойчивого развития образовательной системы;

- усиление роли международных стандартов и рыночных законов в деятельности образовательных учреждений (от создания и продажи собственной интеллектуальной продукции до «бизнес-инкубаторов» товарного обмена студентами);

- интеграция образования, как фактор безопасности образовательного пространства;

- единство общего и дополнительного образования с увеличением доли дополнительного образования в учебно-воспитательном процессе;

- переход к бесплатному и всеобщему высшему образованию;

- кластеризация вузов, бизнеса и профессиональных сообществ;

- увеличение доли пожилого населения в образовании («образование через всю жизнь»);

- развитие дистанционного образования на базе новых технологий;

- поляризация элитного и массового образования;

- непрерывность образовательной траектории развития преподавателя, постоянное расширение его функций и компетенций;

- расширение вариативности образовательных программ, содержания и технологий образования;

- свобода выбора индивидуальных траекторий обучения;

– обогащение инфраструктуры учебно-воспитательного процесса (переход от использования мела, классной доски и кодоскопа к цифровым образовательным ресурсам и т.д.)

– геймификация (включение игр, симуляторов) в образовании.

В предлагаемой концепции безопасность российского образовательного пространства рассматривается целостно, в единстве с национальной безопасностью и с учетом новых геополитических факторов. Концепция сформулирована с учетом смещения приоритетов в современной цивилизационной геополитике от силовых методов достижения господства в сторону информационно-психологических, идеологических, национально-этнических и религиозных факторов (перераспределение сфер влияния субъектов путем манипулирования сознанием масс и национальных элит, переформатирования идентичности народов).

Концепция безопасности образовательного пространства использует некоторые положения Закона РФ «О безопасности» (ст. 2, 3) и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 6, 32, 67–70, 76–82), опирается на систему разработанных автором или уточненных понятий, среди которых: образование; образовательное пространство; безопасность образовательного пространства; объект безопасности; угроза для образовательного пространства; уровень безопасности; параметры безопасности; геополитика; цивилизационная постнеклассическая геополитика; геофилософский подход в исследовании; геофилософия безопасности.

Концепция исходит из того, что степень безопасности образования (при заданной образовательной политике) определяется наличием и качеством существующих (в том числе геополитических) угроз, реальным состоянием общества, его материальными и духовными возможностями обеспечения устойчивого и эффективного развития образования. Поэтому концепция представлена в четырех аспектах:

– как самостоятельная сущность, как зависимость безопасности от состояния самой образовательной системы, ее внутрисистемных возможностей

преодоления отрицательных воздействий, обеспечения устойчивого функционирования и развития;

– в зависимости безопасности образовательного пространства от состояния национальной безопасности, способности государства предотвращать опасности и угрозы в отношении системы образования, обеспечивать благоприятные условия для ее развития;

– во взаимосвязи и зависимости безопасности образовательного пространства с основными сферами общественной жизни, с культурным пространством;

– в тесной связи с геополитическими факторами общественного развития, процессами глобализации и информатизации социума.

Предполагается, что реализация диалога культур через образовательные системы, решение проблем интеграции российского образования в европейское и мировое образовательное пространство, широта мировоззренческого кругозора обучаемых во многом будут зависеть от усвоения субъектами образования основных положений предлагаемой концепции. Знание и реализация основных положений предлагаемой концепции поможет оптимизировать систему безопасности образовательного пространства любого уровня и сконструировать эффективную модель конкретного образовательного пространства.

II. Основные понятия национальной безопасности, определенные в правовых документах РФ и использованные в настоящей концепции.

Закон «О безопасности»²⁸³ (ст. 2, 3):

Основные принципы обеспечения безопасности:

- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- системность и комплексность применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности.

²⁸³ Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (дата обращения 07.06.2014)

Деятельность по обеспечению безопасности:

- прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности;
- разработка и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;
- организация научной деятельности в области обеспечения безопасности;
- участие граждан, общественных объединений и координация деятельности ответственных субъектов в обеспечении безопасности и др.
- взаимодействие ответственных субъектов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 6, 32, 67–70, 76–82)²⁸⁴.

Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Национальные интересы – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

Угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

Система обеспечения национальной безопасности – совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения

²⁸⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Введ. в действие указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

Состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Основные риски в сфере науки, технологии и образования»: отставание в развитии высоких технологий, зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении российских научных и образовательных организаций, недостаточное развитие нормативно-правовой базы, неэффективная система стимулирования деятельности в области науки, инноваций и промышленных технологий, падение престижа профессий преподавателя и инженера, снижение уровня социальной защищенности работников инженерно-технического, профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава, качества общего, среднего профессионального и высшего образования.

Угрозы национальной безопасности в области культуры»: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры.

Ш. Категориальный аппарат концепции, основные понятия, разработанные или уточненные в исследовании.

Образование – атрибутивный элемент социокультурной сферы общества, социально значимый целенаправленный процесс и результат обучения и воспитания с целью духовного, физического и профессионального развития личности, передачи культурного наследия общества от поколения к поколению, удовлетворения образовательных потребностей и интересов личности, общества и государства.

Образовательное пространство – это динамичная, многомерная социальная реальность открытого социального энергоинформационного поля, которое формируется взаимодействием субъектов образовательной системы, ее подсистем и всех образовательно ориентированных процессов по развитию и социализации личности, воспроизводству духовно-интеллектуальной культуры общества с использованием имеющихся адекватных образовательных технологий.

Безопасность образовательного пространства определяется как защищенность и устойчивость функционирования всей его структурно-функциональной организации, возможность нейтрализации и преодоления неблагоприятных воздействий внутренних и внешних угроз, стимулирования позитивных тенденций развития, обеспечиваемые силами и средствами государственных, общественных и образовательных структур.

Культура безопасности образовательного пространства – гармоничная организация безопасности образовательного пространства высокоподготовленными субъектами в контексте требований национальной безопасности во взаимодействии с образовательными системами и народами других стран и регионов мира.

Цель обеспечения безопасности образовательного пространства определяется ее функциями и заключается в обеспечении устойчивости функционирования образовательной системы и всех ее элементов под воздействием деструктивных факторов и угроз (достигается совокупностью

стратегических и тактических действий субъектов, обеспечивающих реализацию функций системы безопасности образовательного пространства).

Основные функции безопасности образовательного пространства:

- обеспечение физической безопасности субъектов образования и образовательных подразделений: антитеррористическая, противопожарная, экологическая, дисциплинарная и другие подвиды безопасности образовательного пространства учреждения;

- обеспечение безопасности учебно-воспитательного процесса: доступность и посильность учебных материалов, охрана педагогического и учебного труда, забота о сохранении здоровья субъектов образования;

- обеспечение безопасности образовательной системы (локальной, региональной и национальной) и всех ее элементов: (содержание, средства и методы образования, материально-техническая и научно-методическая база, информационное поле и др.), сохранение целостности, устойчивого функционирования и развития системы в условиях наличия внутренних и внешних угроз и рисков.

Объект безопасности – образовательная система и все образовательное пространство, их элементы и сопряженные с ними сферы общественной жизни: экономическая, внутривластная, социальная, научная, культурная, информационная, экологическая, международная, военная, оборонно-промышленная и сфера общественной безопасности. Структура объектов не оставляет сомнений в том, что безопасность образовательного пространства не существует вне и независимо от безопасности основных сфер общественной жизни, от национальной безопасности.

Субъект обеспечения безопасности – все руководители, педагоги и воспитатели образовательных учреждений, государственные и общественные организации сферы национальной и образовательной безопасности.

Угроза для образовательного пространства – деструктивные природные или социальные факторы внешней среды или образовательной системы критического уровня, препятствующие устойчивому развитию и обеспечению

безопасности образовательной системы и ее элементов, снижающие влияние образования на безопасность страны.

Геополитика – система знаний о законах и способах сохранения и изменения сфер влияния в пространстве геополитических отношений с целью обеспечения безопасности и расширения территории власти политических субъектов.

Современная цивилизационная постнеклассическая геополитика – система знаний об управлении людьми в ситуации управляемого социально-политического хаоса, преимущественно путем манипулирования сознанием масс и национальных элит, переформатирования культурно-конфессиональной идентичности народов с целью перераспределения сфер влияния субъектов в многомерных жизненно важных пространствах посредством применения информационно-сетевых и политических технологий «мягкой силы» и «непрямых действий».

Информационная геополитика – политика, обеспечивающая господство и экспансию геополитических субъектов за счет влияния в информационном киберпространстве, контроля над информацией и информационными ресурсами во всех видах и измерениях многомерного социального пространства на основе использования новейших техники и технологий.

Геофилософский подход в исследовании – это методологический принцип, который предполагает рассмотрение образовательного пространства в системе глобальных образовательных взаимодействий субъектов образования с природой, обществом и человеком в данное историческое время, по законам постнеклассической геополитики, на принципах реализации концепции национальной безопасности, с отторжением опасных инокультурных воздействий, усвоение лучших достижений мировой образовательной среды и сохранением социокультурной идентичности российского образовательного пространства.

Геофилософия безопасности – это область философии, разрабатывающая методологию и теорию защиты личности, общества и государства от природных,

техногенных и социальных опасностей и угроз в связи с геополитическими аспектами государственных и национальных и цивилизационных отношений.

Понятия, раскрывающие механизм обеспечения безопасности образовательного пространства и конструирования конкретных моделей безопасности образовательного пространства (их содержание раскрыто в заключительном пункте основных положений настоящей стратегии): сферы безопасности; наличие и характер опасностей; оценка состояния опасности; уровень безопасности; параметры безопасности»; критический уровень безопасности; достаточный уровень безопасности образовательного пространства; система принимаемых мер.

IV. Основные теоретико-методологические положения философской концепции безопасности образовательного пространства и некоторые практические рекомендации.

1. С позиции национальных интересов образование и его безопасность есть не только атрибутивная составляющая социальной, экономической и политической сфер общественной жизни, но и основной фактор обеспечения жизнеспособности общества, его национальной безопасности. По общепризнанным выводам ООН, в информационно-знаниевую эпоху основным двигателем прогресса общества и его жизнеспособности (безопасности) становится человеческий потенциал, основными признаками которого являются качество образования (знания), уровень благосостояния и долголетия. Образование все более становится основным элементом человеческого потенциала, его мировоззренческо-знаниевой основой.

Социальная образовательная реальность является атрибутивной сферой общественной жизни, национальным приоритетом и приобретает ключевое значение для сохранения суверенитета и укрепления безопасности любого государства. Образование является важнейшим ресурсом обеспечения свободы, благосостояния и безопасности граждан, базовым элементом социокультурной идентичности народа, основным инструментом достижения стабильности общества, богатства его духовной сферы. В образовании, в подготовке личности

и специалиста реализуются текущие и перспективные конкурентные преимущества социально-экономических систем, всех социальных сфер как на макроуровне, так и на локальных уровнях.

В предлагаемой концепции образование, как атрибутивная социальная ценность, рассматривается комплексно: как род деятельности, социальный институт, инструмент передачи и приобретения знаний и ценностей, движитель производства, науки и общества, источник оптимизации национальных и межкультурных, геополитических отношений.

Положения первого пункта философской концепции безопасности образовательного пространства акцентируют внимание субъектов образования на важность, особую значимость обеспечения безопасности образовательной системы

2. Образование реально функционирует в пространственно-временных координатах, через сложную сетевую и вертикально организованную систему образовательных структур (система управления, субъекты, учреждения, содержание, формы, средства и др.), взаимодействующих с сопутствующими сферами и структурами общества и мировой образовательной системой. Такая сложная и развивающаяся система (объекты, события, связи и отношения), будучи нелинейной, обладая определенной протяженностью в социальном пространстве и развиваясь во времени, образуя свою историю, требует рассмотрения в пространственно-временных координатах.

Образовательное пространство отражает не только объемную совокупность компонентов образовательной системы, но и энергоинформационные отношения между ними, образующие в их функциональном единстве новое системное качество, отличное от качеств его отдельных подсистем и приобретающее общую тенденцию развития во времени. Образовательное пространство является частью культурного. Оно выступает одновременно и как объект воздействия всех элементов культурного поля, и как источник воспроизводства культуры, ее постоянного обогащения через развитие сознания личности и общества. Необходимость «встраивания» личности во все более сложные связи и отношения

социального и культурного пространства усиливают атрибутивную роль образовательной сферы в обществе, в социализации личности и в обеспечении национальной безопасности.

Ядром российского образовательного пространства является система образования, в которой сегодня функционируют 92 912 учебных заведений (43 200 дошкольных, почти 45 000 школ, более 4000 профессиональных организаций начального и среднего звена и 950 вузов). Здесь находят место и обучаются 28 млн 785 тыс. учащихся (более 5 млн студентов) и трудятся 299 700 преподавателей. В образовательной системе развивается человеческий ресурс, сохраняется, мобилизуется и актуализируется интеллектуальный и нравственный потенциал инновационного развития России. В образовании происходит расширенное воспроизводство национальной культуры, гражданской и этнической идентичности общества, сохраняются и развиваются нравственные, гуманистические и патриотические традиции и ценности, готовятся «менеджеры безопасности» для образования и всего общества. Образовательная система также ограждает избытки интеллектуального ресурса от безработицы и криминала в кризисные периоды общественного развития и сохраняет его в качестве потенциала будущего.

В ходе развития и обогащения новыми элементами российская образовательная система во взаимодействии со всей духовной культурой все больше приобретает мультикультурное измерение, расширяет свои возможности взаимодействия с другими культурами и образовательными системами. По мере движения личности по ступеням образования или по образовательным траекториям пространство-время образовательной среды, энергоинформационные связи и отношения постоянно усложняются и уплотняются, понуждая человека «вписываться» всякий раз в качественно новый пространственно-временной континуум.

Выводы второго пункта концепции актуализируют вопросы открытости образовательных систем, отбора качественного контингента обучаемых на «входе» в образовательную систему, обязательного учета пространственно-

временного характера функционирования образовательной системы при построении моделей безопасности образовательного пространства.

3. Философская рефлексия и построение модели безопасности образовательного пространства возможна только в единстве и во взаимосвязи с национальной безопасностью, как концепт социально-философского дискурса и как его устойчивость и защищенность от внутренних и внешних (в том числе геополитических) угроз, подразумевает ее обеспечение в единстве с национальной безопасностью, в тесной связи с экономической, социальной и духовной сферами жизни общества. Построение адекватной модели безопасности образовательного пространства требует учета внешних (в том числе геополитических) условий системного кризиса цивилизации, факторов глобализации и информатизации социальных процессов.

В современных условиях одно без другого не существует: обеспечение государством безопасности образования и конструктивное использование образовательной системы для укрепления национальной безопасности – это двуединый процесс успешного функционирования общества. Наряду с образованием, которое является основополагающей, атрибутивной сферой общества, безопасность образовательного пространства имеет статус атрибутивного элемента среди главных сфер национальной безопасности. Закономерность взаимовлияния безопасности образовательного пространства и национальной безопасности заключается в том, что все элементы безопасности образовательного пространства экстраполируют сопряженные с ними факторы и свойства национальной безопасности, и, уже в новом качестве, усиливают свое влияние на обеспечение безопасности общества. Высокий уровень безопасности образовательного пространства является важнейшим условием и средством обеспечения национальной безопасности. С другой стороны, надежная национальная безопасность России является гарантом устойчивого функционирования и обеспечения безопасности ее образовательного пространства.

В конечном итоге, состояние безопасности образовательного пространства, понимается как его устойчивость и защищенность от внутренних и внешних угроз, определяется состоянием национальной безопасности (ее возможностей защиты образования от внешних угроз) и устойчивостью самой образовательной системы, образовательной политикой государства. Любая сфера общественной жизни, включая образование, выступает одновременно как потенциальный источник опасности, как объект безопасности, и как ресурс и средство обеспечения собственной безопасности и безопасности национальной. При заданной образовательной политике и данном уровне угроз безопасность образования определяется реальным состоянием общества, его экономической, социальной, культурной и образовательной сфер, их возможностями по обеспечению устойчивого и эффективного развития образования. Нижний предел устойчивости образовательной системы – это ее простое воспроизводство, обеспечивающее образовательные потребности личности, общества и государства на минимально-достаточном уровне.

Данный пункт концепции требует учета состояния национальной безопасности и координации ее уровня с намечаемыми мерами изменения параметров образовательной системы при построении модели безопасности образовательного пространства.

4. Опасности (риски и угрозы) для устойчивого функционирования образовательного пространства определяются многими факторами, каждый из которых оказывает разновеликое воздействие в различных объемах образовательного пространства и в его развитии во времени. Степень влияния макрофакторов будет наивысшей при максимальном объеме (для образовательного пространства всего общества). По мере снижения уровня управления, уменьшения объема пространства (до учебного заведения, учебной группы) или упрощения ситуации во времени (снижение внешних угроз, улучшение финансирования и др.) на передний план выходят микрофакторы, как правило, внутренние для образовательной системы (организация и обеспечение

учебного процесса, содержание учебных программ, качество преподавателей, техническое оснащение учебно-воспитательного процесса и др.).

Основные опасности и угрозы для образовательного пространства вызревают внутри общества и, при заданном качестве образовательной политики, связаны с состоянием его экономической, социально-политической и духовной сферы. Каждая сфера жизни общества воспроизводит определенные риски и угрозы для образования, которые усиливаются при неверно выбранной стратегии развития любой из сфер. Невыверенная стратегия порождает такие угрозы, как:

- низкая материально-финансовая обеспеченность образовательной сферы;
- экстраполяция экономических рыночных законов в духовную образовательную сферу как со стороны управления Минобрнауки, так и в учебных заведениях (финансово-экономические критерии оценки качества работы, превращение продукта образования в товар, увеличение его платного сегмента и др.);

- внедрение инокультурных моделей учебных заведений, программ и стандартов, учебников, противоречащих российским образовательным традициям;

- рост зависимости образования от научно-образовательных систем других государств;

- резкое сокращение количества школ, дошкольных учреждений, учреждений профессионального образования первичного звена и увеличение количества частных вузов и их филиалов и другие.

Огромная роль в обеспечении безопасности образовательного пространства принадлежит стратегии его реформирования, которая зачастую приводит не к уменьшению, но к усилению угроз, продуцируемых самой *образовательной системой*. Такие угрозы также необходимо учитывать в локальных и региональных образовательных стратегиях и моделях безопасности образовательного пространства. Они заключаются в снижении престижа профессий преподавателя и инженера, уровня их социальной защищенности, в низком качестве общего и профессионального образования, в неоптимальности

структуры и неустойчивости связей элементов образовательного пространства, высоком уровне коррупции, в эмпирическом характере содержания учебных программ и абсолютизации экономических законов рынка в руководстве развитием учебного процесса в учреждении, регионе.

Подчеркнем, что в силу значительной инерционности образовательной сферы, реализация неверных решений в образовательной политике (превращение в сферу услуг, недофинансирование, забвение воспитательной функции, допущение коррупции) или в реформировании образования (подчинение рыночным законам, внедрение инокультурных моделей, западных технологий и стандартов), приобретает свойство необратимости и успеваает вызвать столь же необратимые процессы в обществе задолго до осознания и исправления ошибок воплощенных решений. Такая закономерность обуславливает высокую цену любой ошибки реформирования образования и руководства им как для обеспечения национальной безопасности (вплоть до потери независимости и суверенитета), так и для безопасности самого образовательного пространства (вплоть до деградации и разрушения образовательной системы общества).

При построении моделей безопасности образовательного пространства необходим комплексный подход: своевременный учет всей совокупности как внешних (для образовательной системы), так и внутрисистемных рисков и угроз и их возможное влияние на все элементы системы образования и все стороны учебного процесса.

5. Экономическая обусловленность безопасности образовательного пространства заключается в его зависимости от состояния российской рыночной экономики и обратном влиянии образования и его результатов на развитие экономического потенциала страны. Наличие и разрушительная сила продуцируемых рисков зависит от общего состояния экономики, темпов экономического роста, структуры экономики и инновационного рынка труда, политики развития человеческого капитала. Эти факторы определяют также качество обучающихся, как на «входе», так и на «выходе» образовательной системы.

Особую опасность представляет экономический детерминизм в образовании. Экстраполяция рыночных экономических законов в образовательную сферу уничтожает главную, духовно-интеллектуальную сторону обучения и воспитания цельного человека, обуславливает оценку эффективности образовательных учреждений по экономическим показателям. В свою очередь, это приводит к ошибкам в целеполагании реформирования (сокращение малокомплектных учебных заведений на селе и др.), способствует формированию «усеченного» индивида как элемента рыночной экономики (за счет прагматизации содержания образования, девальвации его мировоззренческо-воспитательной функции, превращения образования в сферу услуг, нарастания коммерциализации обучения и пр.).

Российская экономика воздействует на состояние и безопасность образовательного пространства посредством материального обеспечения развития культурной и интеллектуальной образовательной среды, создания рынка труда для подготовленных специалистов, материально-технического, информационного и методического обеспечения объектов образования и учебно-воспитательного процесса, выделения достаточных средств на оплату трудовой и учебной деятельности субъектов образования, на научные исследования и разработку образовательно-воспитательных технологий. Средства, выделяемые сегодня из бюджетов всех уровней, удовлетворяют расчетные потребности образовательных учреждений лишь частично, что порождает основные риски для образовательного пространства.

Для ликвидации данной причины воспроизводства рисков необходимо разорвать порочную цепочку. Развитие образования, повышение его качества тормозится слабым материально-финансовым обеспечением и отсутствием востребованности специалистов высокого уровня экономикой и обществом. Эти причины, в свою очередь, обусловлены недостаточным уровнем экономического развития, технологий производства. Последние факторы вызваны отсутствием оптимальных долгосрочных стратегий развития с опорой на человеческий, территориально-ресурсный, научно-технический, военно-технологический

и культурный потенциалы. На бумаге сверстаны самые разные стратегии (экономические, научно-технические, военные, национальной безопасности и др.), не скоординированные по ресурсному обеспечению, замкнутые на «тощий» государственный бюджет, слабо вписанные в какую-либо нишу глобальной мировой экономики. Управленческий экономический блок не имеет перспективных целей, занят проблемами сегодняшней выживаемости, но не долгосрочного развития.

Таким образом, первостепенными задачами для снижения воспроизводства экономических рисков для образования являются:

- переход от сырьевой экономики к инновационной, техническая и технологическая перевооруженность несырьевых отраслей производства и подготовка для них востребованных высококвалифицированных кадров;
- интеграция производства и бизнеса с наукой, образованием и новыми технологиями, ликвидация диспропорций рынков труда и образования;
- определение стратегических целей социально-экономического развития, встраивание в выбранную нишу (поток средств и товаров) мировой экономики, выбор опорных ресурсных потенциалов России, создание новых стратегий развития и обеспечения безопасности России, сбалансированных в ресурсном обеспечении.

Для повышения возможностей государства в материально-финансовом обеспечении образования смена экономического курса в направлении перехода от сырьевой к инновационной экономике, увеличение инвестирования в реальный сектор экономики не только актуальны, но и жизненно необходимы.

Пятый пункт концепции требует повышения качества подготовки экономических менеджеров, учета экономических возможности страны или региона, принятия мер снижения экономического детерминизма в развитии образовательной системы и в конструировании модели безопасности образовательного пространства.

6. Социально-политическая детерминация безопасности образовательного пространства проявляется во взаимодействии социальной и образовательной сфер общества: образование выступает средством воспроизводства социальной и профессиональной структуры общества, обеспечения горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, гармонизации социальных отношений или средством консервации и углубления противоречий между элементами социальной структуры. Усиление образовательного неравенства до избыточного, нарушение принципа равнодоступности образования углубляют существующее в обществе социальное неравенство, блокируют возможности использования значительного креативного потенциала, вызывают обострение чувства несправедливости социальных и образовательных отношений, дестабилизирует общество.

Образовательные отношения как основа духовного воспроизводства человека и общества складываются в рамках социальных отношений и являются фундаментальной, атрибутивной их частью. Поэтому даже в рыночном обществе они не могут быть чисто рыночными, а образование – сферой рыночных услуг, наряду с другими услугами. Ресурсы, вложенные в образовательное общественное благо, неправомерно считать затратными, поскольку вкладываются в настоящее и будущее развитие человеческого потенциала и в дальнейшем многократно окупаются.

Основные угрозы для безопасности образования порождаются бедностью, избыточным социальным неравенством и поляризацией общества, дифференциацией образования на массовое, элитарное и элитное, снижением доступности качественного образования для детей из бедных семей. Основные меры по снижению образовательных рисков в социальной сфере сводятся к следующему: обеспечение доступности и равенства в получении образования, социальная адресность и сбалансированность социальной поддержки нуждающихся групп населения.

Изложенные здесь положения важны при построении модели безопасности образовательного пространства, с учетом социальных отношений

и преобразования образовательной системы, в целях гармонизации всех общественных отношений.

7. Проблемы зависимости безопасности образовательного пространства от духовных факторов актуализированы в связи со значительной утратой духовно-нравственных ценностей при переходе к новым социальным отношениям и усилением мировых тенденций глобализации и унификации духовной культуры. Рыночные отношения не приемлют нравственных регуляторов, ослабляют национальную идентичность человека, усиливают его индивидуализм, освобождают от моральных принципов, превращают в «одномерное существо» (Г. Маркузе). Попытки Запада внедрить свой идеологический «вирус» в духовное «программное обеспечение» российского общества, разрушить систему российского образования, образовательные и духовные традиции через своих агентов влияния, интернета и СМИ ослабляют национальный дух, усиливают воспроизводство угроз и рисков для образования в культурном пространстве.

Общие угрозы национальной и образовательной безопасности России в духовной сфере связаны с отказом от традиционных ценностей, нарушением национальной идентификации, деидеологизацией и депатриотизацией сознания, конфликтом общественных и личных интересов. На идеологическом уровне негативное влияние оказывают: отсутствие государственной идеологии, национальной идеи и цельной идеологической парадигмы развития общества, ослабление мировоззренческо-воспитательной функции образования, воздействие западной идеологии мировоззренческого релятивизма и «глобальной этики», распространение антиценностей в СМИ.

На уровне общественной психологии и общественного мнения основными рисками для образования выступают резкое снижение ценностной гомогенности, нарастание эгоцентризма и обособленности индивидов, утрата умения налаживать межличностные контакты, господство плюрализма оценок, хаотизация и «атомизация» сознания, инверсия нравственных устоев общества и утверждение безадресной агрессивности.

Духовно-нравственное возрождение и укрепление национальной и образовательной безопасности страны требуют радикального снижения идеологических рисков для образования, «очищения» духовной культуры России от несвойственных ей ценностей, освобождение образования из-под внешнего управления и усиление его традиционных составляющих, возрождение воспитательной функции образования и ее патриотического содержания. Новую идеологическую парадигму необходимо направить на обоснование и реализацию стратегии построения постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации, возвышающей общество и личность над утилитарно-потребительскими духовными ценностями. Образование должно оцениваться всеми субъектами атрибутивной сферой духовной жизни общества, приоритетным объектом финансирования, важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности, международного сотрудничества, освоения этнокультурных, национальных и общечеловеческих ценностей.

Седьмой пункт концепции ориентирует субъектов на построение такой модели безопасности образовательного пространства, которая бы не только учитывала состояние российской духовной культуры и качество сознания обучаемых на «входе» в образовательную систему, но и предусматривала модернизацию системы в направлении усиления воспитательно-мировоззренческой функции образования и ее патриотической составляющей.

8. Внешние, геополитические аспекты в философской концепции безопасности образовательного пространства значительно расширяют поле его исследования и усложняют механизм конструирования безопасности образовательного пространства. Это связано с осмыслением новой геополитической ситуации в мире, содержанием современных геополитических теорий, особенностями диалога культур разных цивилизаций и новыми трендами глобального образования. С учетом современной стратегии поведения геополитических соперников на международной арене Россия оказалась в эпицентре борьбы геополитических бенефициаров за передел мирового порядка послевоенной эпохи, стала объектом стремлений США ослабить и вывести ее

из этой борьбы, что требует уяснения новых угроз для России и задач по их преодолению, их учета в построении модели безопасности образовательного пространства. В то же время, огромное материковое пространство России и ее географическое положение обеспечивают ей статус своеобразного центра диалога культур между Востоком и Западом, что порождает новые задачи для российского образования. Геополитический подход становится также основой предвидения будущего развития архитектоники мирового устройства, что требует углубления исследований национальной и образовательной безопасности, в том числе в образовательных учреждениях.

Геополитика и образование тесно связаны друг с другом. Состояние образования и безопасность образовательного пространства, качество, количество и спектр подготовленных специалистов определяют не только экономические и/или культурные достижения, но и устойчивость, динамичность развития всего российского полиэтнического и многоконфессионального геополитического пространства, обуславливают межкультурные взаимодействия цивилизаций, успехи или неудачи реализации геополитических интересов России.

Современная цивилизационная постнеклассическая геополитика как наука вызвана новыми потребностями геополитической практики в освоении мира и расширении господства без территориального расширения, имеющего свой предел и требующего больших затрат и человеческих жертв. Акторы современной геополитической практики больше стремятся к контролю над финансовыми, товарными и людскими потоками, линиями коммуникаций между территориями с преимущественным использованием духовного фактора и информационных технологий, реформирования идентификации людей, коллективов и целых народов. Цивилизационная геополитика включает парадигмы классической геополитики силовой экспансии, парадигмы неклассической геополитики «непрямых действий» и «мягкой силы», и расширяет их новой парадигмой постнеклассической геополитики. По своей сути она продолжает развивать идеи С. Хантингтона (США), отказавшегося от использования формационного подхода в анализе истории, сделавшего упор на устойчивость культурно-генетических

кодов и предложившего теорию, согласно которой в мире существуют несколько крупных цивилизаций и отношения которых определяют конфигурацию миросистемы, модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта после холодной войны. Представители этого направления в России могут принадлежать как к либеральному, так и к консервативному крылу. Важно, что в российской политической науке широкое распространение получило определение понятия цивилизационной постнеклассической геополитической теории как геофилософии, с чем нельзя согласиться по причине неправомерного расширения объема и содержания понятия «геополитика».

Основные выводы современных геополитических теорий важно учитывать в предложенной автором философской концепции не только при построении моделей безопасности образовательного пространства, но и включать в программы учебных заведений по гуманитарным наукам для формирования мировоззренческой основы рефлексии геополитических аспектов обеспечения национальной и образовательной безопасности. Так, современная геополитика обосновывает закономерность смены светско-культурной идентичности народов на религиозную, усиление исламского радикализма и ряд других, уже проявившихся тенденций.

Важное мировоззренческое значение приобретают теории российской геополитики (Л. Н. Гумилев, А. Л. Нарочницкий, П. Н. Савицкий, В. Л. Цымбурский, Л. Г. Ивашов и др.) о построении многополярного мира. В данных теориях говорится о России как Евразии и тенденциях ее превращения в один из основных геополитических центров мира за счет усиления собственного геополитического потенциала, его экономической, оборонной и духовной составляющих; о своеобразии и особенностях российского культурно-образовательного пространства, для которого нет специальной ниши в западном пространстве господства атлантических, талассократических ценностей. В связи с русофобией западного мира актуализируются геополитические идеи обустройства зауральских территорий, собирания русскоязычного населения на историческую

Родину, усиления восточного вектора внешней политики, сохранения традиционных ценностей общества и его образовательной системы.

Геополитические аспекты анализа безопасности образовательного пространства. раскрывают современные особенности диалога образовательных систем, культур и цивилизаций, проблем вестернизации инокультурных ценностей, образовательных программ и моделей, других процессов, оказывающих существенное влияние на обеспечение безопасности российского образования. В современной геополитической ситуации образовательная система должна не только противостоять опасности появления глобальной конфликтосферы на планете, манипулированию сознанием масс и национальной элиты, переформатированию культурной и конфессиональной идентичности народов России, насаждению чуждых образовательных стандартов, но также использовать позитивные стороны глобализации и информатизации для повышения эффективности и качества образования, формирования глобального мировоззрения обучаемых, стать противовесом глобальной социальной деконструкции, направлением интеллектуального совершенства и одухотворения социума в ноосферной образовательной стратегии.

Теоретические положения восьмого пункта концепции требуют построения моделей безопасности образовательного пространства с учетом новых внешних геополитических угроз. Они ориентируют субъектов безопасности образовательного пространства на необходимость расширения мировоззренческого кругозора обучаемых до геополитического уровня через усвоение конструктивных положений геополитических теорий, формируют готовность молодежи отстаивать геополитические интересы России со знанием дела. Выводы геополитической науки, будучи усвоенными в индивидуальным и общественным сознанием россиян при помощи воспитательно-образовательной системы общества, окажут благотворное влияние на укрепление национальной и образовательной безопасности, расширят ракурс видения современного мира, целей и задач воспитания.

9. *Методологической основой в исследовании и конструировании безопасности образовательного пространства является геофилософский подход* как единство миросистемного и геополитического подходов в их взаимосвязи. Геофилософский подход – это методологический принцип, который предполагает рассмотрение образовательного пространства в системе глобальных образовательных взаимодействий субъектов образования с природой, обществом и человеком в данное историческое время по законам постнеклассической геополитики, на принципах реализации концепции национальной безопасности, с отторжением опасных инокультурных воздействий, усвоением лучших достижений мировой образовательной среды и сохранением социокультурной идентичности российского образовательного пространства.

Основные преимущества и признаки геофилософского подхода:

- не отменяет, не ревизует и не ограничивает в развитии прежние философские подходы и результаты исследования безопасности образовательного пространства;
- имеет более высокий статус философского обобщения достигнутых знаний и массива информации в сфере безопасности образовательного пространства;
- дает возможность выработки единого и целостного видения этого сложного и многоаспектного феномена общественной жизни, формирования философской концепции безопасности образовательного пространства (что трудно достижимо в рамках одного исследования);
- позволяет выявить некоторые парадигмы перспективного развития теории безопасности образовательного пространства, требующие философского осмысления;
- усиливает возможности пространственно-временного подхода в рассмотрении безопасности образовательного пространства с учетом факторов внешней среды, расширяя границы взаимодействия образовательного пространства вширь (макрокосмос) и вглубь (микрокосмос);

– позволяет учитывать новые факторы макросреды, адекватно описывать изменение параметров взаимодействия среды и системы безопасности образовательного пространства, их коэволюционное отношение;

– дает возможность предвидеть возможность и опасность появления на планете глобальной конфликтосферы, продуцировать противовесы глобальной социальной деконструкции, в том числе через интеллектуальное совершенство и одухотворение социума в ноосферной образовательной стратегии.

Геофилософский подход обогащает рефлексию безопасности образовательного пространства и практику построения ее моделей новыми элементами, углубляя его методологию и теорию, формируя новые парадигмы осмысления вызовов современности, в том числе современных тенденций глобализации и информатизации социума. На основе геофилософского подхода обнаруживаются новые свойства процессов глобализации и информатизации, обуславливающие иные подходы к построению концепции безопасности образовательного пространства и конструированию его моделей.

Глобализация рассматривается как процесс объективный, изначально никем не заданный, безразличный к судьбам людей, не имеющий нравственных регулятивов. В то же время, глобализация, будучи направляемой в угоду финансовой олигархии, используется реакционными силами и все больше сводится к американской гегемонии в однополярном мире, к навязыванию либеральных идей и социальных образцов США в корыстных геополитических целях, что придает глобализации конфликтонесущий характер. Свободное перемещение людей и капиталов приобрело несвободный, однозначно негативный вектор: «долларизованные» капиталы в части прибыли от неравного обмена и грабежа глобальных ресурсов устремлялись в высокоразвитые страны, а ограбленные народы – к углублению бедности.

Возникновение глобального рынка образования с транснациональными образовательными корпорациями, возможности конвергенции образовательных и общественных систем, интеграции и стандартизации в образовании усиливают внимание субъектов глобализации к национальным образовательным системам.

В результате, российская система образования попала под внешнее управление, стала готовить кадры для сырьевой экономики по западным учебникам и технологиям, что способствовало воспроизводству бедности российского населения, расхищению российских богатств и дальнейшему процветанию США за счет утечки умов и капиталов из России.

Информатизация общества способствовала усилению бесконтрольности потоков информации, открытой пропаганде индивидуализма и прагматизма, культа насилия, распущенности нравов. Новейшие информационно-коммуникационные средства и интернет в наряду с современными технологиями и процессами глобализации усложняют международные отношения и требуют новых технологий образования. Одновременно расширяются и усиливаются возможности социального инжиниринга, манипулирования общественным мнением, которые позволяют осуществить адресное воздействие на сознание больших социальных групп и элиты общества, что повышает требования к содержанию воспитания-образования.

Упомянутые выше политические технологии становятся эффективными средствами достижения геополитических целей, обеспечивают мировое господство без разрушения захваченных материальных ценностей, расширяют возможности распространения нужных субъектам геополитики ценностей. Воздействие на государственный суверенитет через переформатирование сознания масс, как показал опыт «оранжевых революций», предъявляет высокие требования к состоянию образовательного пространства и его безопасности, актуализирует воспитательно-мировоззренческую функцию образования.

Преодоление опасных тенденций и последствий глобализации и информатизации в международном аспекте требуют перехода к многополярному миру, достижения консенсуса в принципах организации мирового порядка и равноправного диалога между цивилизациями, возрождения национальных образовательных ценностей и традиций, запрета на неправомерное использование кибертехнологий. В числе первоочередных мер для обеспечения *безопасности российского образования* – реализация национальной модели развития

образования, использование позитивных и блокирование отрицательных возможностей информационных технологий, обеспечение защиты учебно-воспитательного информационного поля, оптимальное использование медиасредств в формировании сознания молодежи через медиавоспитание, устранение ошибок при продвижении российского образования в мировое и европейское образовательные пространства.

Геофилософский подход в конструировании моделей безопасности образовательного пространства позволяет учитывать всю совокупность факторов, воздействующих на безопасность. Построенная модель безопасности образовательного пространства будет эффективной, если она отвечает новым вызовам мироустройства и миродинамики, учитывает новые формы геополитической практики (использование «мягкой силы», гибридных войн, новейших коммуникационных и политических технологий, ставку на русофобию, «цветные революции» и др.) и успешно противостоит всей совокупности внутренних и внешних, идеологических и психологических, нравственных и этноконфессиональных воздействий.

В целом, геофилософский подход обеспечивает конструирование модели безопасности образовательного пространства во взаимосвязи отмеченных выше четырех групп воздействующих на безопасность факторов, воспроизводящихся в образовательной системе, в системе национальной безопасности, в сферах общественной жизни и в геополитической миродинамике.

Основная эвристическая нагрузка девятого пункта концепции – мотивация субъектов образования и обеспечения его безопасности на использование широкого, геофилософского подхода в реализации современных тенденций глобализации и информатизации общества и образования в конструировании конкретных моделей безопасности образовательного пространства.

10. Основные звенья механизма обеспечения безопасности образовательного пространства. Реализация функций безопасности образовательного пространства (обеспечение безопасности субъектов образования, учебно-воспитательного процесса и образовательной системы)

осуществляется посредством *механизма обеспечения безопасности* образовательного пространства как инструмента поддержания системной инвариантности образовательной системы, устойчивости присущих ей родовых свойств в условиях внешних деструктивных воздействий (угрозы, риски, реформы и др.). Основные звенья такого механизма, которые необходимо использовать при построении модели безопасности образовательного пространства любого управленческого уровня, таковы: сферы, уровни, параметры и методы оценки безопасности, принимаемые меры, позволяющие блокировать или снизить деструктивные, разрушающие воздействия и способствующие функционированию и развитию образовательного пространства как идентификационного целого.

Сферы безопасности – объекты ее обеспечения: от отдельных элементов, образовательных подсистем (общее или профессиональное образование, учебный коллектив, учреждение или городская система, содержание образования или система управления и др.) до образовательной системы в целом (определяются структурой образовательного пространства).

Наличие и характер опасностей (рисков и угроз) – степень вероятности и разрушительности их воздействия, возможности предотвращения и нейтрализации (оцениваются как маловероятные, потенциальные, реальные, существенные, несущественные, обратимые или необратимые и др.).

Оценка состояния (уровня) опасности для образовательного пространства – определение вероятности наступления и совокупной силы угроз, уровня сопротивляемости системы неблагоприятным воздействиям, степень возможных отклонений в развитии без потери минимальной устойчивости и расширенного воспроизводства образовательной системы: отсутствие опасностей, допустимый и предельный (критический) уровни (измеряется соответствием системы параметрам безопасности).

Уровень безопасности – степень защищенности, поддержания системной инвариантности и сопротивляемости образовательного пространства от потенциальных и реальных опасностей и угроз (определяется оценкой

вероятности и глубины воздействия угрозы, возможным отклонением системы от параметров устойчивого развития в результате влияния деструктивных факторов).

Параметры безопасности – критерии оценки состояния образовательного пространства и допустимых границ его отклонений в развитии без потери устойчивости и снижения безопасности образовательной системы до критического уровня. К таким критериям для образовательной системы любого уровня управления (национальной, региональной и локальной) относятся уровень финансирования, качество обучения, относительная численность субъектов, степень отклонения показателей от среднего уровня развитых стран, соответствие потребностям личности, общества и государства, устойчивость внутренних и внешних связей и ряд других.

Критический уровень безопасности образовательного пространства – нижний предел устойчивости образовательной системы, обеспечивающий ее простое воспроизводство и удовлетворяющий образовательные потребности личности, общества и государства на минимально достаточном уровне.

Достаточный уровень безопасности образовательного пространства – состояние параметров безопасности, обеспечивающее устойчивое функционирование и расширенное воспроизводство образовательной системы, удовлетворяющее общественные образовательные потребности на уровне, достаточном для общественного прогресса и национальной безопасности.

На основе оценки состояния и уровня безопасности образовательного пространства посредством применения механизма его обеспечения *определяется система принимаемых мер* для снижения уровня опасности и преодоления опасных воздействий. Система мер обеспечения безопасности конкретного образовательного пространства и его субпространств определяется исходя из поставленных задач, наличия материальных, финансовых и кадровых возможностей, состояния системы образования и стадии ее развития, характера опасностей, вероятности и возможной глубины их воздействия.

Положения десятого пункта концепции акцентируют внимание субъектов на необходимость всестороннего подхода и использования всех элементов

механизма безопасности для определения и реализации адекватных мер в построении оптимальной модели безопасности образовательного пространства.

Итак, реализация геофилософского подхода в исследовании позволяет сформулировать всесторонне обоснованную философскую концепцию безопасности образовательного пространства, дать рекомендации по гарантированному обеспечению безопасности образовательного пространства, построению его надежных моделей.

Выводы

Социально-философский анализ содержания современной геополитики, а также особенностей американской и российской геополитических школ при обосновании современной геополитической практики позволило определить их влияние на образовательную, национальную и международную безопасность. На основе применения геофилософского подхода к анализу безопасности образовательного пространства сформирована философская концепция, учитывающая требования национальной безопасности и с использованием положений современной цивилизационной геополитической науки.

Реализация диалога культур через образовательные системы, решение проблем интеграции российского образования в европейское и мировое образовательное пространство, широта мировоззренческого кругозора обучаемых во многом будут зависеть от усвоения ими основных положений предложенной концепции безопасности образовательного пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование является атрибутивной сферой жизни и источником прогресса современного общества. В образовании, в подготовке личности и специалиста реализуются текущие и перспективные конкурентные преимущества социально-экономических систем, отдельных сфер общественной жизни как на мегауровне, так и на локальных уровнях. Происходящие в России и мире глубокие социально-политические и экономические преобразования и наличие серьезных (в том числе новых) угроз развитию общества и его образовательной системы требуют разработки новых концептуальных подходов к проблеме обеспечения безопасности российского образовательного пространства, их философско-мировоззренческого и методологического обоснования. Образовательное пространство является частью культурного, отражает не только «объемную» совокупность компонентов образовательной системы, но и энергоинформационных отношений между ними, образующих в их функциональном единстве новое системное качество, отличное от качеств его отдельных подсистем и приобретающее общую тенденцию развития во времени.

На основе принципов диалектического метода и применения трехуровневой методологии в их единстве осуществлен философский анализ понятия «безопасность образовательного пространства». С использованием геофилософского подхода установлена и доказана взаимозависимость безопасности образовательного пространства и национальной безопасности в условиях новой геополитической ситуации, процессов глобализации и информатизации в мире. Обоснована не только экономическая, но и социальная, культурно-мировоззренческая и ценностная детерминация безопасности образовательного пространства, его геополитические и миросистемные, международные и национальные, глобализационные и информационные аспекты. В результате, сформирована современная философская концепция безопасности образовательного пространства, и это позволяет утверждать, что *цель исследования достигнута*. Большинство обоснованных в концепции понятий и теоретических положений содержат существенные характеристики безопасности

образования и связаны с динамикой развития образовательных систем не только в рамках российской цивилизации, но и в поле глобального образования, имеют признаки общих законов его функционирования и развития в пространстве и времени.

Категориальный аппарат концепции безопасности образовательного пространства включает как понятия, сформулированные в законодательных актах, так и понятия, разработанные или уточненные автором диссертации. Среди них: основные принципы обеспечения безопасности; деятельность по обеспечению безопасности; национальная безопасность; национальные интересы; угроза национальной безопасности; система обеспечения национальной безопасности; основные риски в сфере науки, технологии и образования»; угрозы национальной безопасности в области культуры; образование; образовательное пространство; безопасность образовательного пространства; цель обеспечения безопасности образовательного пространства; основные функции безопасности образовательного пространства; объект безопасности; субъект обеспечения безопасности; угроза для образовательного пространства; геополитика; цивилизационная геополитика; информационная геополитика; геофилософский подход в исследовании; геофилософия безопасности. Отдельную группу составляют понятия, раскрывающие механизм обеспечения безопасности образовательного пространства и конструирования конкретных моделей безопасности образовательного пространства (их содержание раскрыто в заключительном пункте основных положений предложенной концепции): сферы безопасности; наличие и характер опасностей; оценка состояния опасности; уровень безопасности; «параметры безопасности; критический уровень безопасности; достаточный уровень безопасности образовательного пространства и др.

Центральная категория исследования – *безопасность образовательного пространства* – определяется как защищенность и устойчивость функционирования всей его структурно-функциональной организации, а также возможность нейтрализации и преодоления неблагоприятных воздействий

внутренних и внешних угроз, стимулирования позитивных тенденций развития, обеспечиваемые силами и средствами государственных, общественных и образовательных структур. Гармоничная организация безопасности образовательного пространства высокоподготовленными специалистами с учетом требований национальной безопасности и во взаимодействии с образовательными системами и народами других стран и регионов мира, может быть определена как культура безопасности образовательного пространства. Обеспечение достаточного уровня безопасности образовательного пространства сегодня не только актуально, но и жизненно необходимо. Высокий уровень безопасности образовательного пространства укрепляет национальную безопасность, усиливает способность образования сохранять и передавать культурную самобытность народа, обеспечивать духовную интеграцию, единство и гармонию интересов всех социальных групп. В современных условиях безопасности образовательного пространства не существует вне и независимо от национальной безопасности, является ее атрибутивным элементом. Обеспечение государством безопасности образования и конструктивное использование образовательной системы для укрепления национальной безопасности – это двуединый процесс успешного функционирования общества.

Безопасность образовательного пространства рассмотрена в нескольких аспектах:

- как самостоятельная сущность, как зависимость безопасности от состояния самой образовательной системы;
- в ее зависимости от состояния национальной безопасности;
- во взаимосвязи с основными сферами общества, с культурным пространством;
- в тесной связи с геополитическими факторами общественного развития, процессами глобализации и информатизации социума;
- с учетом основных трендов развития образования на современном этапе (включая глобальное), в числе которых: интеграция и интернационализация, диверсификация и массовизация, открытость и делокализация, технологизация и

прагматизация, нелинейность и гибкость траекторий образования, рост коммерциализации высшего образования и другие, представленные в концепции.

– как концепт социально-философского дискурса и как устойчивость и защищенность образовательного пространства от внутренних и внешних (в том числе геополитических) угроз, безопасность образовательного пространства подразумевает ее обеспечение наряду с национальной безопасностью, в тесной связи с экономической, социальной и духовной сферами жизни общества, новых геополитических факторов.

В диссертации показано, что уровень безопасности образовательного пространства определяется, прежде всего, *внутренними факторами*. При заданной образовательной политике и данном уровне угроз безопасность образования определяется реальным состоянием общества, его экономической, социальной, культурной и образовательной сфер, их возможностями по обеспечению устойчивого и эффективного развития образования. Наиболее серьезные общие угрозы национальной и образовательной безопасности России связаны с отказом от традиционных ценностей, нарушением самоидентификации, деидеологизацией и депатриотизацией их сознания, конфликтом общественных и личных интересов в пореформенные годы. Сегодня эти угрозы усиливаются недостаточным материально-финансовым обеспечением образования, его неадекватным реформированием, отсутствием национальной идеи и цельной идеологической парадигмы развития общества, а также другими факторами.

Основными звеньями механизма по обеспечению как национальной, так и образовательной безопасности являются:

- прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности и их источника;
- определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;
- правовое регулирование в области обеспечения безопасности;
- разработка и применение комплекса мер по выявлению, устранению угроз безопасности, локализации последствий их проявления;

– организация научной деятельности в области обеспечения безопасности. В силу значительной инерционности образовательной сферы реализация неверных решений в оценке угроз, намечаемых мерах или в реформировании образования приобретает свойство необратимости и успеваает вызвать столь же необратимые процессы в обществе задолго до осознания и исправления ошибок воплощенных решений в образовательной сфере.

Уровень безопасности образовательной системы как ядра образовательного пространства определяется ее возможностями обеспечить свое устойчивое развитие и расширенное воспроизводство, удовлетворение образовательных потребностей личности, общества и государства. Достаточный уровень безопасности образовательного пространства достигается тогда, когда образование наполнено национально-гуманным содержанием, использует передовые технологии, обеспечивает высокое качество, является общедоступным, удовлетворяет основные социальные потребности общества и государства, соответствует интересам и ожиданиям людей. Нижний предел, критический уровень устойчивости и безопасности образовательной системы – такое их состояние, которое обеспечивает простое ее воспроизводство, удовлетворяет образовательные потребности личности, общества и государства на минимально достаточном уровне. В настоящий момент состояние безопасности образовательного пространства близко к критическому уровню. Целевые установки государства о повышении качества, доступности и эффективности образования как важнейшего ресурса обеспечения свободы, благосостояния и безопасности граждан пока далеки от воплощения.

Среди *внутренних угроз* для образовательного пространства, определяемых состоянием общества и образовательной политикой следует выделить:

– государственную бюджетную политику истощения человеческого капитала, хроническое недофинансирование образования и объектов образовательной системы, низкую оплату труда педагогов, снижение кадрового потенциала;

– высокий уровень бедности и избыточную поляризацию населения, нарушение принципа равнодоступности образования;

– кризис духовной культуры, отсутствие национальной идеи, дезинтеграцию культурного пространства, разрушение идеологической гомогенности;

– низкое качество образования и научно-исследовательской работы в вузах, господство западной технократической идеологии, рост внешнего управления, зависимости образования от научно-образовательных систем других государств;

– неадекватность реформирования, разрушение традиционных элементов российского образования, резкое сокращение числа учреждений среднего общего и первичного профессионального образования, рост количества частных вузов и их филиалов;

– экономический детерминизм в образовании, экстраполяцию рыночных экономических законов в образовательную сферу, что уничтожает главную, духовно-интеллектуальную сторону обучения и воспитания личности, обуславливает оценку эффективности образовательных учреждений по экономическим показателям. В свою очередь, это приводит к ошибкам в целеполагании реформирования (сокращение малокомплектных учебных заведений на селе и др.), способствует формированию «усеченного» индивида как элемента рыночной экономики (за счет прагматизации содержания образования, девальвации его мировоззренческо-воспитательной функции, превращения образования в «сферу услуг», нарастания коммерциализации обучения);

– отсутствие оптимальных связей между системой образования и средой, производством, между элементами внутри образовательного пространства, несоответствие предложения труда потребностям спроса, обострение проблемы трудоустройства выпускников;

– неравномерность развития, обеспечения и значительную специфику моделей образовательных систем в регионах;

– недостаточный уровень «иммунитета» от инокультурной вестернизации, распространение деструктивных идеологий и чуждых ценностей, западного мейнстрима в ущерб традиционной российской культуре;

– отсутствие социальных и государственных «фильтров» распространения через СМИ и интернет чуждых ценностей и норм поведения, инверсию традиционных нравственных устоев, патриотизма в молодежной среде, рост негативных умонастроений в общественной и индивидуальной идеологии и психологии;

– высокий уровень коррупции, утверждение в молодежной среде коррумпированных и криминальных отношений, падение общественных нравов, престижа трудовой деятельности.

Основные меры по снижению образовательных рисков видятся в развитии экономики передовых технологий, обеспечении приоритетности развития человеческого капитала в государственной политике, обеспечении доступности и равенства в получении образования, социальной адресности и сбалансированности социальной поддержки нуждающихся групп населения. Все более актуальными становятся «очищение» духовной культуры России от несвойственных ей ценностей, освобождение образования из-под внешнего управления и усиление его традиционных составляющих, патриотического содержания.

Внешние, геополитические аспекты безопасности образовательного пространства значительно расширяют поле его исследования и усложняют механизм конструирования безопасности образовательного пространства. Геополитика и образование тесно взаимосвязаны. Состояние образования и безопасность образовательного пространства, качество, количество и спектр подготовленных специалистов определяют не только экономические и/или культурные достижения страны, но и устойчивость, динамичность развития всего российского полиэтнического и многоконфессионального геополитического пространства, обуславливают межкультурные взаимодействия цивилизаций, успехи или неудачи реализации геополитических интересов России.

Актуальность геополитических аспектов безопасности образовательного пространства связана также с необходимостью осмысления новой геополитической ситуации и новых угроз для образования, особенностями диалога культур разных цивилизаций, новыми трендами глобального образования.

Влияние внешних угроз во многом зависит от уровня национальной безопасности России, от ее способности обеспечить устойчивое развитие образования, нейтрализовать отрицательные тенденции информатизации, глобализации и вестернизации в процессе взаимодействия культур и систем глобального образования. Наряду с использованием инноваций, нужно научиться противостоять как экспансии зарубежных традиций и концептов образования, так и бездумному копированию готовых образовательных форм и моделей, несовместимых с российскими образовательными традициями. В то же время, необходимо обеспечить надежную защиту учебно-воспитательного информационного поля, обеспечить подготовку квалифицированных кадров обеспечения информационной безопасности с учетом применения современных средств и способов информационной войны и кибервойн, в том числе в образовательной сфере. В такой ситуации необходимо формирование превентивной стратегии управления системой обеспечения безопасности образовательного пространства с созданием специальных органов управления, как на государственном, так и на региональном уровнях. Основная задача органов управления – обеспечение устойчивого развития образовательной системы посредством защиты образования от реальных угроз, минимизация их воздействия и недопущение снижения уровня безопасности образовательного пространства до критического. Особое внимание вновь созданной структуры должно уделяться информационным средствам и новым приемам геополитических воздействий, анализу информационной политики государства в обеспечении безопасности образовательного пространства в условиях глобализации и информатизации в мире.

Разнообразие воздействующих на образование факторов требует нового, *геофилософского подхода* в формировании концепции безопасности образовательного пространства и построении его моделей. Геофилософский подход рассматривается как единство миросистемного и геополитического подходов в их взаимосвязи, что обеспечивает своевременный и всесторонний учет всей совокупности как внешних, так и внутрисистемных рисков и угроз, их влияния на все элементы системы образования и все стороны учебного процесса. Такой подход предполагает рассмотрение образовательного пространства в системе глобальных образовательных взаимодействий субъектов образования с природой, обществом и человеком по постнеклассическим законам, в данное историческое время, на принципах реализации концепции национальной безопасности. Существенными свойствами этого подхода являются отторжение опасных инокультурных воздействий, усвоение лучших достижений мировой образовательной среды и сохранение социокультурной идентичности российского образовательного пространства. Геофилософский подход позволяет выстраивать концепты безопасности образовательного пространства во взаимосвязи с национальной безопасностью, с учетом глобализации и новой геополитической ситуации, что совпадает с целью и задачами проведенного диссертационного исследования.

В диссертации и в предложенной концепции безопасности образовательного пространства показаны необходимость и пути развития всех сфер общественной жизни в направлении снижения рисков для образования. Любая сфера общественной жизни, включая образование, выступает одновременно и как потенциальный источник опасности, и как объект безопасности, и как ресурс и средство обеспечения собственной и национальной безопасности. Модернизация страны, ее духовно-нравственное возрождение и укрепление безопасности образовательного пространства в принципе невозможны без возрождения национальной духовной культуры и формирования новой, патриотичной управленческой элиты общества, а также без адекватной

культурно-образовательной политики государства и усиления материально-финансового обеспечения образовательной системы.

Новую идеологическую парадигму развития России необходимо направить на обоснование и реализацию стратегии построения постиндустриальной, духовно ориентированной, справедливой цивилизации, возвышающей общество и личность над утилитарно-потребительскими духовными ценностями. В своей совокупности, предложенные здесь меры способны значительно повысить качество образования, уровень безопасности образовательного пространства и степень его воздействия на состояние национальной безопасности, определить основные контуры будущей постлиберальной России, устроенной на основе *национальной идеи социальной справедливости*. Социальная справедливость для России является атрибутивным качеством национальной идеи. Она является стержнем национального менталитета, а ее отсутствие в современной России – самым серьезным вызовом состоянию национального духа. Построение общества социальной справедливости в России – дело трудное, но достойное: в мире, извращенном потребительством и угнетенном несправедливостью социальных отношений, это будет, быть может, единственное притягательное общество на Земле, духовные ценности которого будут соответствовать традиционно-русским ценностям, и не будут противоречить христианским. Сформированное на такой идее чувство патриотизма станет движущей силой как национального, так и образовательного прогресса.

В концепции безопасности образовательного пространства сделана попытка обоснования такой парадигмы развития образовательной системы, которая адекватно отвечала бы мировым трендам, угрозам и вызовам современности, обеспечивала оздоровление духовной и всех других сфер общественной жизни. Для создания благоприятных условий развития образования необходимы совершенствование механизмов финансирования образования и государственного управления им, значительные изменения содержания и технологий образования. Требуются такие образовательные реформы, которые способны повысить качество российского образования до уровня и стандартов передовых стран

с сохранением национальных образовательных традиций и достижений. Образованию нужны современные, обученные и материально обеспеченные педагоги, мотивированная на обучение молодежь. Необходим высокий уровень развития материальной базы, информационного и учебно-методического обеспечения учебного процесса, отлаженные внутренние и внешние связи элементов образовательного пространства и его субпространств, гуманитарное и гуманное содержание образования с ориентацией на развитие личности. Тренды перехода от образования на всю жизнь – к образованию в течение всей жизни, от подготовки «человека экономического и социально-производственного» к подготовке человека социально-духовного являются адекватными ответами на вызовы времени. Только на этой основе можно преодолеть сырьевой характер экономики, глубокое социальное, экономическое, культурное и идеологическое расслоение общества, бедность людей и регионов, дезинтеграционные тенденции социума и, тем самым, обеспечить безопасность, как образования, так и всего общества.

Образование и образованность, человеческий и, прежде всего, интеллектуальный потенциал страны безусловно являются определяющими факторами прогрессивного развития России, обеспечения как национальной, так и международной безопасности, предотвращения опасности появления глобальной конфликтосферы на планете. Образование призвано быть инструментом консолидации общества, преодоления напряженности в социальных отношениях, ограничения социального неравенства и взращивания новой, патриотичной общественной элиты. Такая элита должна способствовать построению нового, социально-духовного и богатого государства, которое призвано справедливо регулировать распределение собственности, достойно субсидировать человеческий капитал, будет уделять достаточное внимание образованию, инвестициям, освоению территорий страны, сбалансирует финансовый федерализм. Наука должна стать производительной силой, а культура – источником нравственности и народности; вернется национальная идентичность,

а образование – станет бесплатным, качественным, эффективным и несущим воспитательную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники

1. Конституция Российской Федерации : Офиц. изд. – М. : Юрид. лит., 2010. – 64 с.
2. Федеральный закон от 1 дек. 2014 г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов». – 671 с.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. – 31 декабря. – № 5976.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 3 июля. – № 6418.
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля. 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" на 2013–2020 годы» // Собр. законодательства Российской Федерации. – Ст. 2058. – 2014. – № 17.
6. Постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 года № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан"» // Собр. законодательства Российской Федерации. – Ст. 2059. – 2014. – № 17.

ІІ. Литература

7. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопр. экономики. – 1994. – № 12. – С. 11–14.
8. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира : альманах. – Вып. 2. Структуры истории. – С. 449–461.
9. Аверин А. Н. Государственная система социальной защиты населения : учеб. пособие. – М. : РАГС, 2010. – 124 с.
10. Аганбегян А. Тающие пенсии // Аргументы и факты. – 2015. – № 31.

11. Аксаков К. С. Государство и народ. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. – 608 с.
12. Андре А. Принцип социального государства и его закрепление в конституции / Социальный прогресс. – Бонн, 1990. – С. 1–6.
13. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. – 2014. – № 4. – С. 59–95.
14. Антимова Е., Мосина А. Модель проектирования воспитательного пространства факультета // Alma mater: Вест. высш. шк.. – 2006. – № 9. – С. 61–63.
15. Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. – М. : Правосл. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2006. – 236 с.
16. Арбатов А. Г. Уравнение безопасности. – М. : РОДП, «Яблоко». – 2010. – 296 с.
17. Ариели Д. Поведенческая экономика. – М. : МИФ, 2013. – 288 с.
18. Астафьева Н. В. Нормативное бюджетное финансирование как фактор инновационных изменений регионального образования // Народное образование. – 2006. – № 10. – С. 106–113.
19. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – Т. I. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
20. Ахиезер А. С. Возможен ли диалог цивилизаций? // Диалог культур и цивилизаций. – 2006. – Вып. 7. – С. 38.
21. Ашилова М. С., Наливайко Н. В. Глобализация образования и глобальные вызовы современности // Философия образования. – 2015. – № 1. – С. 26–37.
22. Бабурин С. Н. Российский путь: становление российской геополитики накануне XXI в. – М. : АНКО, 1995. – 384 с.
23. Батова В. Н. Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений высшего профессионального образования в новых условиях финансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 24 (162). – С. 36–50.

24. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
25. Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь мир, 2014. – 304 с.
26. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
27. Бегалинов А. С. Социально-философский анализ медиавоспитания : дисс. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2014. – 141 с.
28. Бегалинова К. К., Бегалинов А. С. Особенности образовательной системы в условиях глобализации // Философия образования. – 2015. – № 1. – С. 5–14.
29. Безопасность России / Махутов Н. А. и др. // Геополитика и безопасность : энцикл. слов.-справ. – М. : Знание, 2014. – 832 с. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
30. Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та. – 2009. – №12 (16). – С. 132–140.
31. Белая О. П., Горовая В. И. Инновационное образовательное пространство и инновационная культура общества: диалектика взаимовлияния // Вест. МГОУ. Сер. Педагогика. – 2010. – № 3. – С. 15–19.
32. Бельков О. А. Политология военного управления : учеб. пособие. – М. : Военный ун-т, 2008. – 220 с.
33. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1990. – 132 с.
34. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. – Томск : Водолей, 1996. – 160 с.
35. Бессонов Б. Н. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры // Обществознание: ценностный подход : сб. ст. – М. : Ин-т социологии РАН, 2010. – 592 с.

36. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М. : Междунар. отношения. – 2004. – 288 с.
37. Бжезинский З. К. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике.– 2006. – Т. 4. – № 1.
38. Бжезинский З. К. Великая шахматная доска. – М. : Междунар. отношения, 2005. – 288 с.
39. Бжезинский З. К. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М. : Междунар. отношения, 2007. – 240 с.
40. Библер. В. С. Диалог культур (Опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – С. 31–42.
41. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
42. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М. : Дело, 1996. – 687 с.
43. Блум У. Смертоносный экспорт Америки: демократия. Правда о внешней политике США и многом другом. – М., 2014. – 272 с.
44. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. – М., 2014. – 704 с.
45. Богомолов В. А. Экономическая безопасность : учеб. пособие. – М. : Юнити, 2012. – 295 с.
46. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 2001. – 314 с.
47. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец.– М., 2007. – Т. 7. – 768 с.
48. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
49. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. – М. : Книжный мир, 2004. – 860 с.

50. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М. : ДА МИД РФ, 2014.
51. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Алетейя, 2007. – 288 с.
52. Бялый Ю. Управляемый хаос. Концепт Стивена Манна и его проекции на мировую политику // Суть времени. – М., 2012. – № 6. – С. 43–45.
53. Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. – М. : Кучково поле, 2002. – 606 с.
54. Вандам Е. А., Головин Н. Н., Бубнов А. Д. Неуслышанные пророки грядущих войн. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 368 с.
55. Васильева М. В., Федорова О. В. Развитие системы финансирования инвестиционных проектов в рамках государственно-частного партнерства в России // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 9. – С. 17–18.
56. Васюнина М. Л. О нормативах бюджетного финансирования высшего образования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 7 (241). – С. 13–20.
57. Васюнина М. Л. Результативность расходов бюджета на оказание образовательных услуг: методологические подходы к оценке // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2014. – № 10. – С. 26–31.
58. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
59. Вернадский Г. В. Начертание русской истории : учеб. пособ. – СПб. : Лань, 2000. – 318 с.
60. Вест. Моск. гос. обл. гуманитар. ин-та. Сер. История, философия. Политология, Право. – 2012. – № 1. – С. 67–71.
61. Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / под ред. Ш. Рамон ; пер. с англ. А. В. Соловьёва. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 256 с.
62. Власюк Н. Н. Аксиологизация мирового образовательного пространства – путь к новой цивилизации // Профессиональное образование в современном мире. – 2014. – № 4 (15). – С. 5–14.

63. Водянова В. В. Экономическая безопасность. Системное представление. – М. : ГУУ, 2010. – 177 с.
64. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. – 2014.– 30 дек. – № 6570.
65. Возжеников А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. – М., 2002. – 423 с.
66. Возжеников А. В., Глебов И. Н., Золотарев В. А. Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI веке. – М. : ЭДАС-ПАК, 2000. – 48 с.
67. Волкогонов Д. А. Троцкий: Политический портрет: в 2 т. – М. : Новости, 1992. – Т. 1. – 414 с.
68. Выступление Д. Медведева за международное регулирование Интернета // Российская газета. – 2015. – 17 дек. – № 6856.
69. Гаджиев К. С. Введение в геополитику: учеб. пособие. – М. : Логос, 1998. – 415 с.
70. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
71. Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А. Л. Нарочницкого / отв. ред. С. Л. Тихвинский : Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 2007. – 359 с.
72. Герасимов А. Н., Громов Е. Н., Нинева Е. Н. Совершенствование региональной системы управления пространственными экономическими образованиями региона. – Ставрополь : Агрус, 2012. – 116 с.
73. Герасимов А. Н., Левченко С. А. Проблемы функционирования и развития региональных социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. – 2012. – № 2. – С. 27–31.
74. Гершунский Б. С. Менталитет и образование. – М., 1996. – 234 с.
75. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. – М. : Пед. об-во России, 2002. – 512 с.

76. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
77. Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов : науч. докл. / РАН. – М. : НИР, 2007. – 134 с.
78. Глобализация // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. – М., 2007. – Т. 7. – С. 245–247.
79. Глущенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика) : моногр. / под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : ВЛАДОС, 1998. – 441 с.
80. Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 20–31.
81. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. – М. : Ин-т социологии РАН, 2013. – 54 с.
82. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века: моногр. / отв. ред.: Горшков М. К., Чунлинь Ли, Голенкова З. Т., Козырева П. М. – М. : Новый хронограф, 2014. – 424 с.
83. Государственные приоритеты в науке и образовании / под ред. А. И. Ракитова. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – 232 с.
84. Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. – М. : Праксис, 2003. – 368 с.
85. Громов Е. И., Герасимов А. Н., Нинева Е. Н. Совершенствование региональной системы управления пространственными экономическими образованиями региона : моногр. – Ставрополь : Агрус, 2012. – 116 с.
86. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 656 с.
87. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. – М. : ЭКОПРОС, 1993. – 576 с.
88. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М. : Айрис-Пресс, 2008. – 320 с.

89. Гуриев С. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2011. – 296 с.
90. Гуртов В. А. Финансирование системы образования. – М. : Ажур, 2010. – 85 с.
91. Гусейнов В. Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка? // Вест. аналитики. – 2001. – № 3. – С. 83–114.
92. Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Современные образовательные теории : учеб.-метод. пособие. – М. : Университетская книга, 2004. – 256 с.
93. Данилевский Н. Я. Россия и Европа // Классика геополитики XIX век. – М. : АСТ, 2003. – 720 с.
94. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М. : Ин-т Русской Цивилизации, 2008. – 816 с.
95. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналит. докл. – М., 2011. – 304 с.
96. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. – М., 2003. – 592 с.
97. Делягин М. Г. После СНГ: одиночество России // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т. 3. – № 4. – С. 32–38.
98. Дергачев В. А. Геополитика. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 526 с.
99. Дергачев В. А. Цивилизационная геополитика (геофилософия). – Киев : ВИРА-Р, 2004. – 668 с.
100. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. – СПб : Алетейя, 1998. – 288 с.
101. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М. : Академический Проект, 2009. – 261 с.
102. Джурицкий А. Н. История педагогики. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 432 с.
103. Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Основы обеспечения безопасности России. – М. : Экономика, 2003. – 423 с.

104. Диев В. С., Лыгденова В. В. Российская организационная культура: традиции и вызовы глобализации // Ценности и смыслы. – 2011. – № 5. – С. 101–111.
105. Диунов М. Александр Дугин в преддверии нового политического перерождения // Русский журнал. – 2008. – № 1. – С. 17–25.
106. Дмитриев А. П. Методика формирования концепции национальной безопасности : учеб. пособие. – М. : ВАГШ, 1994. – 72 с.
107. Дмитриев А. П. Методологические основы общей теории безопасности : моногр. — М. : Юрид. ин-т МИИТ, 2013. – 196 с.
108. Дмитриев Д. Гонка на грани вымирания // Top-manager. – 2007. – № 6. – С. 27–34.
109. Дмитриева О. Забились под корягу? // Аргументы факты. – 2016. – № 14. – С. 4.
110. Добреньков В. И., Нечаев В. Я. Общество и образование. – М.: Инфра-М, 2003. – 381 с.
111. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Курганский С. А. Методология человеческого капитала // Экономика образования. – Кострома, – 1999. – № 1. – С. 6–18.
112. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб. : Наука, 1999. – 312 с.
113. Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая индустриальная волна на Западе. – М., 1999. – 217 с.
114. Дугин А. Г. Основы геополитики. – М. : Арктогея–Центр, 2000. – 928 с.
115. Дугин А. Г. Социология геополитических процессов России: лекционный курс. – М. : Междунар. «Евразийское Движение», 2010. – 356 с.
116. Дугин А. Г. The Rest Against The West // Дугин А. Г. Основы геополитики. – М. : Арктогея–Центр, 2000. – 426–434 с.

117. Дюпюи И. А. Международные интеграционные процессы в образовании и национальная безопасность России : дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2004. – 225 с.
118. Дюпюи И. А. Международные интеграционные процессы в образовании. – СПб. : СПГУ, 2003. – 104 с.
119. Дюркгейм Э. Социология образования / под ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. – М., 1986. – 364 с.
120. Дятлов С. А. Человеческий капитал России: проблемы эффективного использования в условиях переходной экономики. – СПб., 1995. – 209 с.
121. Егорова И. В. Качество образования как проблема // Педагогика и просвещение. – 2013. – № 1. – С. 72–78.
122. Егоров В. В., Скибицкий Э. Г., Храпченков В. Г. // Педагогика высшей школы. – Новосибирск : САФБД, 2008. – 260 с.
123. Елецкая М. А. Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 82–96.
124. Есть ли будущее у капитализма? Does Capitalism Have a Future? / И. Валлерстайн и др. – М. : Ин-т Гайдара, 2015. – 320 с.
125. Ефремов Т. С. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. – М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. – Т. 1. – 1168 с.
126. За чертой бедности // Аргументы и факты. – 2015. – № 13. – С. 18.
127. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : моногр. – М. : Юрид. ин-т МИИТ, 2013. – 196 с.
128. Зимина Т. Во всем виновато избыточное неравенство // Наука и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 150–151.
129. Золотарев В. А. Военная безопасность Государства Российского. – М. : Кучково поле, 2001. – 484 с.
130. Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. – СПб. : Пресс, 2004. – 240 с.

131. Зюганов Г. А. География победы: основы российской геополитики. – М., 1998. – 304 с.
132. Иванова С. В. О целях образования и механизмах их достижения (российский опыт) // Вест. Рос. филос. об-ва. – № 4 (72). – С. 73–79.
133. Ивашов Л. Г. Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. – М. : Талея-Мишин, 2000. – 335 с.
134. Ивашов Л. Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. – М. : Эксмо, 2002. – 416 с.
135. Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. – 800 с.
136. Извозчиков В. А. Информационная парадигма науки // Человек и образование. – М., 2005. – № 1. – С. 18–20.
137. Изгарская А. А., Розов Н. С., Вертгейм Ю. Б. Макродинамика. Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. – Новосибирск : Наука, 2002. – Вып. 2. – 468 с.
138. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России : моногр. – Новосибирск : НГПУ, 2012. – 250 с.
139. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях : автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Красноярск, 2015. – 45 с.
140. Изгарская А. А. Образование в эпоху модернизации с позиций миросистемного подхода // Философия образования. – 2011. – № 3(36). – С. 12–18.
141. Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т.– М. : Русская книга, 1996. – Т. 1. – 400 с.
142. Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике.– 2005. – № 1. – Т. 3. – С. 8–26.
143. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социс. – 2012. – № 6. – С. 121–126.

144. Камашев С. В. К вопросу о концептуальном анализе безопасности образования России в современных условиях // Профессиональное образование. – 2013. – № 2. – С. 29–34.

145. Камашев С. В. Национальная безопасность и образование в условиях управляемого хаоса // Философия образования. – 2013. – № 5. – С. 8–15.

146. Камашев С. В. Интеллектуальный потенциал России в условиях глобализации // Интеллектуальные ценности в современной России: Философия. Наука. Инновации : материалы I Всерос. науч. конф. «Сибирский филос. семинар». – Новосибирск : НГУ, 2011. – С. 36–40.

147. Камашев С. В. Россия в диалоге культур «Запад»–«Восток» в условиях глобализации // Диалог в культуре и спорте : сб. статей. – Praha : Univerzita Karlova v Praze – Pedagogická Faculta, 2012. – Р. 232–242.

148. Камашев С. В., Михалина О.А., Наливайко Н. В. Актуальные проблемы безопасности отечественной системы образования : моногр. – Новосибирск : СО РАН, 2007. – 330 с.

149. Камашев С. В. Стратегия национальной безопасности и образование: социально-философский анализ // Философия образования. – 2010. – № 1. – С. 102–109.

150. Камашев С. В. Диалог мировоззрений – основание для безопасного развития мировой цивилизации // Философия образования. – 2012. – № 5 (44). – С. 91–97.

151. Камашев С. В. Методологические проблемы исследования безопасности образования // Философия образования. – 2013. – № 2 (47). – С. 113–124.

152. Камашев С. В., Косенко Т. С. Безопасность и образование России в условиях интеграции в мировое образовательное пространство // Духовность современного образования и религия : сб. науч. ст. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – С. 202–208.

153. Камашев С. В., Косенко Т. С. Диалог культур «Запада», «Востока» и России как форма сосуществования в условиях глобализации // Проблема

понимания и диалога в контексте гуманитарного знания. – Хабаровск : ДВГУ, 2012. – С. 23–30.

154. Камашев С. В., Панарин В. И. Образование в условиях рынка // Философия образования. – 2008. – № 3 (24). – С. 196–201.

155. Кананыкина Е. С. Педагогические модели развития образования стран романо-германской правовой семьи // Философия и культура. – 2010. – № 2. – С. 104–107.

156. Капелюшников Р. И. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вест. общественного мнения. – 2005. – № 4. – С. 46–54.

157. Карелова Г. Социальная защита: вчера, сегодня, завтра // Человек и труд. – 2001. – № 6. – С. 24–28.

158. Карякин В. В. Геополитика третьей волны. Трансформация мира в эпоху постмодерна. – М. : Граница, 2013. – 432 с.

159. Карякин В. В., Козин В. П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. – М. : Граница, 2014. – 368 с.

160. Карякин В. В. Стратегии непрямых действий, «мягкой силы» и технологии «управляемого хаоса» как инструменты реформирования политических пространств // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. – М. : ИНИОН, 2014. – Вып. 9. – Ч. 1. – 682 с.

161. Карякин В. В. Геополитика третьей волны // Мир и политика. – 2012. – № 10 (73).

162. Карякин В. В. «Третья волна» – геополитика постмодерна // Междунар. отношения. – 2015. – № 1. – С. 4–13.

163. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 458 с.

164. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антол. / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.

165. Каччари М. Геофилософия Европы. – М. : Пневма, 2004. – 192 с.

166. Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. – СПб. : Петрополис, 2010. – 326 с.
167. Кефели И. Ф. Философия геополитики. – СПб. : Петрополис, 2007. – 208 с.
168. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2007. – 448 с.
169. Кирсанов К. А. Экономическая безопасность образования и образовательных учреждений: проблемы периодизации // Вест. ЮРГТУ (НПИ). – 2012. – № 2. – С. 65–79.
170. Козловски П. Принципы этической экономики / пер. с нем. В. Н. Белова. – СПб., 2002. – 339 с.
171. Кокарева Ю. В. О необходимости преподавания философских дисциплин в школе // Философия образования. – 2013. – № 5. – С. 45–49.
172. Кокошин А. А. Политология и социология военной стратегии. – М. : Стереотип, 2016. – 616 с.
173. Кокошин А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М. : Высшая школа экономики, 2014. – 330 с.
174. Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники. – М. : Медиа-Пресс, 2003. – 144 с.
175. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М., 2015. – 504 с.
176. Кондратов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. – М. : МЮИ МВД России, 1998. – 296 с.
177. Коновалов В. Н., Хоперская Л. Л. Национальная и региональная безопасность на Северном Кавказе // Политическая регионалистика. – Ростов н/Д, 2004.
178. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – Разд. V. – М. : Ленанд, 2015. – 424 с.

179. Картунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 373 с.
180. Косенко Т. С., Камашев С. В. Воспитание – необходимый атрибут успешного государственного устройства // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С. 73–79.
181. Косенко Т. С., Наливайко Н. В., Наливайко А. В. О взаимодействии онтологии и аксиологии в воспитании: через развитие к социализации // Философия образования. – 2009. – № 4 (29). – С. 255–265.
182. Кочетков В. В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. – Социология и политология. – 2005. – № 1. – С. 144–159.
183. Крашенинникова В. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. – М. : Кучково поле, 2014– 482 с.
184. Крейчи О. Геополитика Центральной Европы: Взгляд из Праги и Братиславы. – М. : Научная книга; Прага : Оттово накладателстви, 2010. – 423 с.
185. Кудрявцев В. Н., Нерсисянц С., Кудрявцев Ю. В. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. – М. : Юрид. лит., 1984. – 320 с.
186. Куликов Н. М. Общественные блага: проблема многогранности понятия // Дискуссия. – Екатеринбург : Ажур, 2014. – № 10. – С. 84–88.
187. Курганский С. А. Тенденции развития человеческого капитала в России // Известия ИГЭА. – 2011. – № 2 (76). – С. 17–24.
188. Курганский С. А. Человеческий капитал: сущность, структура, оценка : моногр. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. – 206 с.
189. Леге Ж-М. Кого страшит развитие науки? / пер. с франц. М. Е. Рыгалова. – М. : Знание, 1988. – 192 с.
190. Леонидова Г. В. Образование: вчера, сегодня, завтра // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5 (67). – С. 7–15.
191. Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. – 2010. – № 4 (16). С. 69–78.

192. Леонова О. Образовательное пространство как педагогическая реальность // *Alma mater: Вест. высш. шк.* – 2006. – № 1. – С. 36–40.
193. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М. : Европа, 2005. – С. 123–143.
194. Лихачев Б. Т. Педагогика: курс лекций. – М. : Прометей, 2005. – 589 с.
195. Лунеев В. В. Глобализация и преступность // *Государство и право.* – 2003. – № 6. – С. 115–118.
196. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. И. Кушнаревой. – М. : Ин-т Гайдара, 2012. – 416 с.
197. Майбуров И. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // *МЭиМО.* – 2004. – № 4. – С. 3–13.
198. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М. : ЮрИнфоР, 2000. – 142 с.
199. Малюк А. А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. – М. : Горячая линия-Телеком, 2004. – 280 с.
200. Ман П. Диалог и диалогизм // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В. Л. Махлина. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 191–203.
201. Манилов В. Л. Национальная безопасность России // *Геополитика и безопасность.* – 1996. – № 4. – С. 286–315.
202. Манилов В. Л. Угрозы национальной безопасности России // *Военная мысль.* – 1996. – № 1. – С. 7–18.
203. Мареева С. В. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // *О чем мечтают россияне: идеал и реальность* / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2013. – С. 54–76.
204. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 3. – 1078 с.

205. Марцинкевич В. И., Соболева И. В. Экономика человека : учеб. пособие. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 286 с.
206. Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. «Мягкая сила» как фактор современной политики // PolitBook. – 2015. – № 1. С. 165–179.
207. Модернизация России: ключевые проблемы и решения : материалы XV междунар. науч. конф. – М. : ИНИОН РАН, 2014.
208. Медведев М. С. Сравнительный анализ традиционной и современной культуры // Педагогика и просвещение. – 2012. – № 3. – С. 80–87.
209. Межуев Б. Политическая критика Вадима Цымбурского. – М. : Европа, 2012. – 200 с.
210. Миронов В. В. Размышления о реформе российского образования // Философия образования. – 2012. – № 1 (40). – С. 3–43.
211. Михеева Н. Н., Мордвинцева Н. В. Новая система оценки знаний: зарубежный опыт // Актуальные проблемы реализации образовательных стандартов нового поколения в условиях университетского комплекса : материалы Всерос. науч.-метод. конф. – Оренбург : ОГУ, 2011. – 2405 с.
212. Модестов С. А. Стратегическое сдерживание на театре информационного противоборства // Вест. Акад. Воен. наук. – 2009. – № 1. – С. 33–36.
213. Морарь Н. Коррупция в вузах: 618 млн долларов и – никаких проблем? // The New Times. – 2008. – № 22. – С. 15–16.
214. Мухудадаев М. О. Социальная политика и образование // Коммуникация и образование : сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. – СПб. : С.–Петербург. филос. общество, 2004. – С. 384–403.
215. Мэхэн А. Т. Роль морских сил в мировой истории. – М. : Центрполиграф, 2008. – 606 с.
216. Надель С. Н. Социальные факторы экономического роста // Социальные источники экономического развития. – М. : ИМЭМО РАН, 2005. – С. 7–18.

217. Найт Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. – М.–Новосибирск : Тренды, 2006. – 224 с.
218. Найт Дж. Последствия международной торговли образовательными услугами // Экономика образования. – 2006. – № 5. – С. 58–65.
219. Наливайко А. В. Социальные основы и аксиологическая природа современного образования : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2012. – 26 с.
220. Наливайко Н. В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования // Философия образования – 2012. – № 6 (45). – С. 27–33.
221. Наливайко Н. В. Функции философии как основы рассмотрения глобальных вопросов российского образования // Профессиональное образование. – 2012. – № 4. – С. 41–47.
222. Наливайко Н. В. Безопасность образовательного пространства // Безопасность образовательного пространства: формирование концепции и путей ее реализации (в рамках проекта Администрации Новосибирской области). – Новосибирск : НМЦ ФО НГПУ, 2005. – С. 14–17.
223. Наливайко Н. В., Наливайко А. В. Региональное образование: некоторые вопросы современного развития // Философия образования. – 2012. – № 1 (40). – С. 259–266.
224. Наливайко А. В., Паршиков В. И. Духовные ценности образования и аксиологические основы формирования патриотизма молодежи // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С. 93–98.
225. Наливайко Н. В., Паршиков В. И. Философия образования как объект комплексного исследования : моногр. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. – 192 с.
226. Нартов Н. А. Геополитика : учеб. для вузов. – М. : ЮНИТИ, 1999. – 359 с.
227. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. – М. : АН СССР, 1956. – 898 с.

228. Никифоров А. Л. Гуманитарная ориентация образования в России. // Вест. МГПУ. Сер. Философские науки. – 2014. – № 1 (9). – С. 54–62.
229. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т филос. РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; В. С. Степин. – М., Мысль, 2010. – Т. 4. – 736 с.
230. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т филос. РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; В. С. Степин. – М., Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.
231. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе / Парадоксы наследия, векторы развития : моногр. – М. : Эгвес, 2000. – 272 с.
232. Новиков С. Г. Стратегия развития российского образования в эпоху «глобальных перемен» // Профессиональное образование. – 2015. – № 1. – С. 26–33.
233. Новичкова Г. А. Культура образования и социализация как две составляющие человеческого бытия // Педагогика и просвещение. – 2013. – № 3. – С. 234–246.
234. Образование в Российской Федерации 2014 : стат. сб. – М. : ГУ ВШЭ, 2014. – 464 с.
235. Общая теория национальной безопасности : учеб. / оод общ. ред. А. А. Прохожева. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 320 с.
236. Овсянников А. А. Система образования в России и образование России // Мир России. – 1999. – № 3. – С. 73–132.
237. Овчинский В. Мафия XXI века: сделано в Китае // Россия в глобальной политике. — 2006. – Т. 4. – № 4. – С. 65–76.
238. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.
239. Олейников А. Социокультурные факторы геополитики России (к вопросу о том, как преодолеть «запирающие технологии» в сфере государственного управления) // Геополитика. – Вып. XXIV, 2014. – С.47–51.
240. Олейникова О. Д. Нравственное воспитание как условие качественного образования // Философия образования. – 2010. – № 1 (30). – С. 259–266.

241. Осипов Е. И. Социология (социальная безопасность). – Иваново : Ин-т Гос. противопожар. службы МЧС России, 2014. – 96 с.
242. Основы национальной безопасности России / Абдурахманов М. И. и др. ; под общ. ред. В. Л. Манилова . – М. : Друза, 1998. – 352 с.
243. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2013. – 400 с.
244. Павленко С. З. Безопасность Российского государства как политическая проблема : автореф. дис. ... д-ра. политол. наук. – М., 1998. – 59 с.
245. Павленко С. З., Рыкунов В. И. Управление социальной безопасностью (концепции, технологии) : моногр. – М., 1998. – 245 с.
246. Павловский В. В. Всемирный философский конгресс – 2013 и философия образования: некоторые размышления // Философия образования. – 2013. – № 5. – С. 188–196.
247. Павловский В. В. О необходимости пересмотра политики образования в России // Профессиональное образование в современном мире. – 2015. – № 1. – С. 45–53.
248. Панарин В. И. Тенденции развития отечественного образования (социально-философский анализ) : моногр. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. – С. 259.
249. Панарин И. Н. Информационная война и коммуникации. – М. : линия-Телеком, 2014. – 236 с.
250. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. – СПб. : Питер, 2010. – 256.
251. Парсонс Т. О социальных системах. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.
252. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997. – 215 с.
253. Патраков В. П. Время Евразийского меридиана // Геополитика «Книги перемен». – М.–Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 41 с.

254. Пахаропулос Дж. Высшее образование в развивающихся странах: сценарий будущего // Экономика образования. – Кострома, 2000. – № 3. – С. 40–44.

255. Пахаропулос Дж. Вклад образования в экономический рост. Международные сравнения // Экономика образования. – 1999. – № 1. – С. 62–71.

256. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М. : АСТ : Terra Fantastica, 2005. – 625 с.

257. Петров В. В. Российская образовательная политика: основные принципы управления развитием знания // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – № 4 (7). – С. 67–74.

258. Пещеров В. Г. Политическая составляющая вхождения Российской системы образования в общеевропейское образовательное пространство // Вест. МГОУ. Сер. История и политические науки. 2010. – № 2. – С. 126–129.

259. Пирумов В. С. Методология комплексного исследования проблем безопасности России. Проблемы глобальной безопасности. – М. : ИНИОН, 1995. – 247 с.

260. Пихорович В. Д. Украина между Западом и Востоком: война на Донбассе. – М. : Ленанд, 2015. – 208 с.

261. Плаксий С. И. Парадоксы высшего образования. – М. : Национальный институт бизнеса, 2005. – 424 с.

262. Плотников В. Н. Национальная и экономическая безопасность высшего образования: вопросы теории и практики : моногр. / науч. ред. И. А. Максимцев. – СПб. : СПбГЭУ, 2015. – 262 с.

263. Политологический словарь / В. Ф. Халипов и др. – М. : Высшая школа, 1995. – 192 с.

264. Попов Е. А. Современная социология и человек: грани объективации мира в науке и образовании // Педагогика и просвещение. – 2012. – № 1. – С. 36–41.

265. Права человека и интересы национальной безопасности / Хлобустов О. М. и др. – М. : Моск. шк. прав человека, 1999. – 181 с.
266. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. : Книга по требованию, 2013. – 430 с.
267. Проблемы бедности в трансформационный период: науч. докл. – Уфа : РИО БАГСУ, 2006. – 232 с.
268. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе / Игнатов В. Г. и др. – Ростов н/Д : СКАГС, 2000. – 48 с.
269. Прохожев А. А. Теория развития и безопасности человека и общества. – М. : Ин-октаво, 2006. – 288 с.
270. Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Влияние геополитических факторов на становление образования // Философия образования. – 2015. – № 1. – С. 14–25.
271. Путин В. В. Коррупция: докл. – М., 2011. – 40 с.
272. Путин В. В. Россия: общие идеи и общие ценности. – Российская газета. – 2015. – 4 дек. – № 275 (6846). – С. 4.
273. Пфаненштиль И. А., Пфаненштиль Л. Н., Яценко Л. Н. Образование и будущее развитие России в контексте современных процессов глобализации // Философия образования. – 2012. – № 6 (45). – С. 20–27.
274. Рассказов Л. Д. Фетишизм образования в условиях глобализации: социально-философский анализ актуальных явлений кризисного сознания // Профессиональное образование в современном мире. – 2014. – № 4 (15). – 2014. – С. 24–35.
275. Радиков И. В., Лексютина Я. В. «Мягкая сила» как атрибут великой державы // МЭиМО. – 2012. – № 2. – С. 19–26.
276. Ратцель Ф. Народоведение: в 2 т. – М. : Тип. Товарищества «Просвещение», 1903. – 1604 с.
277. Рогов С. М., Золотарев П. С., Есин В. И. Многосторонняя система ядерного контроля и нераспространения: новые подходы к стратегической стабильности в XXI веке : моногр. – М. : ИСКРАН, 2006. – 400 с.

278. Родачин В. М. Обеспечена ли национальная безопасность России? // Власть. – 2005. – № 3. – С. 38–41.
279. Розин В. М. Прогнозирование и методологическое осмысление российского образования и социальности // Педагогика и просвещение. – 2012. – № 3. – С. 44–56.
280. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
281. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: филос. основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск : НГУ, 1998. – 292 с.
282. Российская газета. – 2014. – 16 мая. – № 6381
283. Российская газета. – 2015. – 17 дек. – № 6856
284. Российский статистический ежегодник. 2014 : стат.сб. – М. : Росстат, 2014. – 693 с.
285. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Ин-т социологии РАН. – М. : Весь Мир, 2015. – 336 с.
286. Россия: тенденции и перспективы развития : сб. ст. / Алексеев А. В. и др. ; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИОН РАН, 2014. – Вып. 9. – Ч. 1. – 682 с.
287. Россия в цифрах. 2015 : Краткий стат. сб. – М. : Росстат, 2015. – 543 с.
288. Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – 166 с.
289. Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2010 г.). – М. : Научный эксперт, 2010. – С. 318–336.
290. Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / РАН; ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей ; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М., 2014. – Вып. 9. – Ч. 1. – 682 с.
291. Рубанцова Т. А., Фурьева О. В. Образование постмодерна в поликультурном мире // Философия образования. – 2012. – № 6 (45). – 272 с.

292. Руденко Д. Ю. Альтернативные подходы к измерению бедности в регионах России // XII-я Междунар. конф. по проблемам развития экономики и общества. – М. : ГУ ВШЭ, 2012. – Т. 2. – С. 589–598.
293. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. – М. : Моск. психол.-социал. ин-т, 2006. – 269 с.
294. Савин Л. В. Геополитика. – М. : Книга по требованию, 2011. – 120 с.
295. Савин Л. Введение в кибергеополитику // Геополитика. – 2013. – Вып. XXII. – С. 5–21.
296. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
297. Садовничий В. А. В поисках нового подхода к развитию образования и производительных сил в России // Университетское управление. – 2000. – № 2 (13). – С. 7–11.
298. Самерханова Э. Принципы организации единого образовательного пространства в вузе // Alma mater: Вест. высш. шк. – 2006. – № 4. – С. 54–56.
299. Самыгин С. И., Верещагина А. В. Духовная безопасность России как основа российской государственности // Социологические науки. – 2011. – №1. – С. 13–17.
300. Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. – 2011. – № 4 (6) – С. 15–19.
301. Сверхвысокое неравенство – реальная угроза стабильности общества: обсуждение науч. сообщ. // Вест. РАН. – 2008. – Т. 78. – № 4. – С. 314–316.
302. Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: избр. науч. работы (1997–2007 гг.). – СПб. : С.–Петерб. гос. ун-т, 2008. – 479 с.
303. Сенчагов В. К. Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10. – С. 8–18.
304. Серебрянников В. В., Хлопьев А. Н. Социальная безопасность России. – М. : ИСПИ РАН, 1996. – 352 с.

305. Силласте Г. Г. Безопасность личности как условие ее свободы и соблюдения прав человека // Безопасность : информ. сб. Фонда нац. и междунар. безопасности. – 1996. – № 1–2. – С. 21–29.

306. Сластенин В. А. Основные тенденции развития современной образовательной политики в Российской Федерации // Педагогическое образование и наука. – 2005. – № 3. – С. 20–28.

307. Сокращение доли среднего класса в России // Аргументы факты. – 2015. – № 44. – С. 30.

308. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 1988. – Кн. 1. – Т. 1–2. – 798 с.

309. Смолин О. Н. Осенний марафон: новые старые ветры в образовательной политике // Народное образование. – 2006. – № 10. – С. 9–15.

310. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. – М. : РОССПЭН, 1996. – 170 с.

311. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность. // Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – С. 302–373.

312. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под. ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. – М. : Наука, 2008. – 423 с.

313. Социальное неравенство в России признали избыточным и нелегитимным // Коммерсантъ. – 2015. – 26 фев.

314. Социологический словарь / под. ред. С. А. Ерофеева. – М. : Экономика, 2004. – 619 с.

315. Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учеб. – М. : ПБОЮЛ, 2001. – 304 с.

316. Стариков Н. В. Геополитика: как это делается. – СПб. : Питер, 2014. – 368 с.

317. Степин В. С. Философия // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2001. – Т. 4. – С. 195.

318. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. – М. : Наука, 1966. – 531 с.
319. Субетто А. И. Образование: будущее России и человечества // Стандарты и качество. – 1994. – № 5. – С. 53–55.
320. Судьбы продленки // Аргументы и факты. – 2015. – № 28. – С. 15.
321. Суций С. Я. Украина, Россия и мир. Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. – М. : Ленанд, 2015. – 304 с.
322. Сцепинский Ю. Е. Военно-стратегические перспективы безопасности России в СНГ. – М. : РИСИ, 1994.
323. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. – 2014. – № 5. – С. 97–108.
324. Тимофеев Ю. В. Современные проблемы реализации государственной социальной политики в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 8. – С. 82–87.
325. Тинякова Е. А. Образ преподавателя современного вуза для общественного диалога // Политика и общество. – 2013. – № 3. – С. 104–107.
326. Тихомирова Е. А. Межкультурная коммуникация и культурные нормы в развитии мирового и отечественного образовательного пространства // Философия образования. – 2012. – № 6(45). – С. 49–52.
327. Тихонова Н. Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. – 2015. – № 1. – С. 52–63.
328. Тонконогов А. В. «Деструктивная духовность» как социально-философская категория // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 3. – С. 99–109.
329. Тонконогов А. В. Образовательные и научные учреждения в системе обеспечения духовной безопасности российского общества // Право и образование. – 2010. – № 1. – С. 50–55.

330. Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы. / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. – 480 с.
331. Турко Н. И. Геополитические факторы обеспечения национально-государственной и международной безопасности. – М. : ВАТИС, 1995. – 78 с.
332. Турченко В. Н. Образование в глобализирующемся мире: парадигмальный анализ // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – №4 (7). – С. 17–24.
333. Туроу Л. Будущее капитализма / пер. А. И. Федоров. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 432 с.
334. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период / У. Блум и др. – М., 2013. – 484 с.
335. Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве»: о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России : пер. с нем. Е. Сивуды // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 74–82.
336. Управление развитием образования: учеб. для вузов / под ред. М. М. Поташника, В. С. Лазарева. – М. : Новая школа, 2008. – 302 с.
337. Урсул А. Д. Процесс футуризации и становление опережающего образования // Педагогика и просвещение. – 2012. – № 2. – С. 20–33.
338. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Эволюционные парадигмы и модели образования XXI века // NB: Педагогика и просвещение. – 2012. – № 1. – С. 1–67.
339. Феофанов К. А. Цивилизационная безопасность Российской Федерации. – М. : Луч, 2003. – 254 с.
340. Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 9–18.
341. Фомин А. Н. Факторы риска в анализе современной военно-политической обстановки : аналит. докл. – М. : Центр стратегических оценок и прогнозов, 2013 – 27 с.

342. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек (The End of History and the Last Man) / пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2010. – 584 с.
343. Хомяков А. С. Всемирная задача России. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. – 784 с.
344. Чанышев А. Н. Мировоззрение и философия // Мысль и жизнь. – Ч. 1. – Уфа, 1993. – С. 226–240.
345. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. со швед. и примеч. М. А. Исаева, предисл. и примеч. М. В. Ильина. – М. : РОССПЭН, 2008 – 319 с.
346. Чернова В. В. Экономическая безопасность системы образования как фактор устойчивого развития регионов : дис. ... канд. экон. наук. – Ярославль, 2003. – 189 с.
347. Черных С. И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества. – Новосибирск : НГАУ, 2011. – 254 с.
348. Черных С. И. Кризис образования как состояние и как социально-философская проблема // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С. 32–41.
349. Четверикова О. Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. – М., 2015. – 118 с.
350. Чубайс А. Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. – 2003. – 1 окт.
351. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М. : Проспект, 2005. – 432 с.
352. Чуринов Н. М. Философия образования как методология научного познания образовательной деятельности // Философия образования. – 2012. – № 6 (45). – С. 4–10.
353. Шевелев Э. Г. Введение в методологию анализа возможностей государства по обеспечению национальной безопасности : учеб. пособие. – М. : РАГС, 1999. – 350 с.

354. Шевяков А. Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестн. Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 78. – № 4. – С. 304–316.

355. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М. : ГУ ВШЭ, 2012. – 526 с.

356. Шлемова Н. А. Философия в вузе или о подмене философии философованием // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С. 25–32.

357. Шульц Т. У. Экономика пребывания в бедности // В кн.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. – М. : Мысль, 2004. – Т. V. – Кн. 1. – 767 с.

358. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. – М. : РОССПЭН, 2007. – 269 с.

359. Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом : цивилизация и ее геополитика. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с.

360. Цымбурский В. Л. Военная доктрина СССР и России: осмысление понятий «угрозы» и «победы» во второй половине XX века. – М. : Рос. науч. фонд, Моск. отд-ние, 1994. – 11 с.

361. Харкевич М. В. Мягкая сила: политическое использование научной концепции // Вест. МГИМО. – 2014. – № 2 (35). – С. 22–30.

362. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ, 2014 – 576 с.

363. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

364. Хаусхофер К. О геополитик: Работы разных лет. – М. : Мысль, 2001. – 426 с.

365. Эйнгорн И. Д. Актуальные проблемы безопасности в Сибирском регионе: методология, методика, практика : материалы межвуз. науч.-метод. семинара. – Новосибирск : СибАГС, 2002. – С. 102–108.

366. Экономическая безопасность России: общий курс: учеб. / под. ред. В. К. Сенчагова. – М. : БИНОМ : Лаборатория знаний, 2010. – 815 с.

367. Юнусов А. М. Социальная безопасность в социологическом дискурсе // Вест. Моск. гос. обл. гуманитар. ин-та. – 2012. – № 1. – С. 67–71.

368. Юревич А. В., Журавлев А. Л., Юревич М. А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // ВВ: Национальная безопасность. – 2013. – № 2. – С. 182–202.

369. Яценко, М.П. Глобализация как форма исторического процесса // Известия РГПУ. – 2009. – № 11. – С. 103–110.

III. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

370. Agnew J. A. Geopolitics re-visioning world politics. – London ; N. Y. : Routledge, 1998. – 150 p.

371. Alesina A. and Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. – 1994. – Vol. 109. – No. 2. – P. 465–490.

372. Becker G. S. Human capital: theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – N. Y., 1964. – 412 p.

373. Collins R. Geopolitics in an era of internationalism // Social evolution & history. Studies in evolution of human societies. – 2002. – № 1. – Vol. 1. – P. 118–139.

374. Coulomb F. Economic theories of peace and war. – London : N.Y. : Routledge, 2004. – 273 p.

375. Druckrey T., Bender G., eds. Culture on the Brink. Ideologies of Technology. – Seattle : Bay Press, 1994. – 361 p.

376. Geopolitics and high finance / G. Arrighi and all // Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999. – 368 p.

377. Graham E. M., Marchick D. M. US national security and foreign direct investment. – Washington : DC, 2006. – 190 p.

378. Kendrick J. W. Formation and stocks of total capital. – N. Y., 1976. – 256 p.

379. Lambert R. D. International education and international competency in the United States // European education. – 1993. – Vol. 28. – № 3. – P. 309–325.

380. Larrain F. and Vergara R. Income Distribution, Investment and Growth. Development Discussion Paper. Harvard University, 1997. – Aug. – No. 596.

381. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. – 1904. – № 23. – P. 421–437.

382. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. – 1958. – P. 281–302.

383. Persson T. and Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence // American Economic Review. – 1994. – Vol. 84. – P. 600–621.

384. Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. – N. Y., 1971. – 272 p.

IV. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

385. Федеральный закон Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/111.html> (дата обращения 07.06.2014)

386. Федеральный закон «Об обороне» (с изменениями на 12 февр. 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9020348> (дата обращения 18.05.2015)

387. Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения 18.05.2015)

388. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями на 22 дек. 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9028333> (дата обращения 13.03.2015)

389. Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 25.03.2016)

390. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162182/?frame=1#p30 (дата обращения 17.02.2016)

391. Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/11925/> (дата обращения 17.02.2016)

392. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2014–2020 годы». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/2056/> (дата обращения 27.02.2015)

393. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию на 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 07.04.2016)

394. Абрамов М. Д. Налоговая система – угроза национальной безопасности России [Электронный ресурс]. URL: http://www.modern-rf.ru/actual/actual_6.html (дата обращения 22.02.2015)

395. Алексеев П. В. Духовная сфера жизни общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-2669.html> (дата обращения 19.11.2015)

396. Акимов М. Преступления США. Americrimes. Геноцид, экоцид, психоцид, как принципы доминирования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/24926417/> (дата обращения 19.11.2015)

397. Аналитическая записка по вопросу «О нормативно-подушевом финансировании имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://urlid.ru/c8en> (дата обращения 03.04.2016)

398. Арин О. Проблемы образования в России или иллюзия бурной деятельности (ИБД) [Электронный ресурс]. URL: http://olegarin.com/olegarin/Problemy_obrazovania_v_Rossii.html (дата обращения 15.06.2015)

399. Баранов Н. А. Русская геополитическая школа [Электронный ресурс]. URL: http://nicbar.ru/geopolitika_lekzia5.html (дата обращения 19.09.2015)

400. Бедность в России по данным Всемирного Банка [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/bednost-v-rossii-po-dannym-vsemirnogo-banka/> (дата обращения 12.02.2016)

401. Березовский В. А. Источники финансирования образования [Электронный ресурс]. URL: http://obr.econ.muh.ru/images/stories/doc/120216_berezov_01.pdf (дата обращения 12.02.2016)

402. Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность [Электронный ресурс]. URL: http://sci.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html (дата обращения 12.02.2016)

403. Бондаренко Т. Управление рисками в деятельности школы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.menobr.ru/materials/15/28261/> (дата обращения 18.11.2015)

404. Ботнева Н. Ю., Филаткин В. Н. Образование и его влияние на рост экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibl.ru/konf/021210/105.html> (дата обращения 12.12.2015)

405. Бюджет 2016 г. в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilru.com/news/485894/> (дата обращения 21.03.2016)

406. Валлерстайн И. О миросистемах, неизбежном конце капитализма и о комплексной социальной науке [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/13823> (дата обращения 08.11.2015)

407. Ваш индекс лучшей жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/russian-federation-ru/> (дата обращения 04.02.2016)

408. Военный бюджет стран мира [Электронный ресурс]. URL: <http://domfactov.com/voennyiy-byudzhet-stran-mira.html> (дата обращения 11.09.2015)

409. Военные расходы США и России в цифрах и фактах [Электронный ресурс]. URL: <http://inforesist.org/voennye-rasxody-ssha-i-rossii-v-cifrax-i-faktaх/> (дата обращения 11.09.2015)

410. Волков А. Е. [и др.] Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561970/model2020.pdf> (дата обращения 11.02.2016)

411. Выступление Путина В. В. на ПМЭФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2014/05/23/stenogramma.html> (дата обращения 28.04.2016)
412. Германия потеряла человека, который мог говорить то, что думает [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/world/2015/11/10/777309.html>. (дата обращения 12.02.2016)
413. Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/razvitie-rossijskoj-ekonomiki/> (дата обращения 23.11.2015)
414. Грачев С. В. Геополитика в истории образования нерусских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://portalus.ru> (дата обращения 23.11.2015)
415. Депутат Госдумы рассказал РИА «Омск-Информ» о причинах тотальной безграмотности – в обществе, политике и даже в сфере образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omskinform.ru/news/80004> (дата обращения 18.10.2015)
416. Доклад о человеческом развитии. 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf> (дата обращения 18.10.2015)
417. Доклады Центра научной политической мысли и идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-upravlenija-mirom-kognitivnye-instrumenty> (дата обращения 13.11.2015)
418. Доктрина-200 (выдержки из Доктрины А. Даллеса) [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/51/content/1520904> (дата обращения 22.06.2015)
419. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html> (дата обращения 12.09.2015)

420. Доля импорта в стратегических отраслях превысила 80 процентов [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/07/10/import/> (дата обращения 12.02.2016)

421. Доля расходов от ВВП определяет уровень финансирования в зависимости от объема ВВП и от численности учащихся, образовательных учреждений. Расходы на образование в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/economy/3c0b65625b3ac79b5d53b88521216d27_0.html (дата обращения 24.02.2016)

422. Другая страна. Россия 11 лет спустя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusfact.ru/node/22> (дата обращения 07.03.2016)

423. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://log-in.ru/books/geopolitika-postmoderna-dugin-a-g-informacionnye-voinyu/> (дата обращения 18.02.2016)

424. Духовная безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Politologia/2_149672.doc.html (дата обращения 25.01.2016)

425. Ежегодный доклад «Обзор образования: индикаторы ОЭСР» [Электронный ресурс]. URL: <http://oecdru.org/zip/Russian-Federation-EAG2014-Country-Note-russian.pdf> (дата обращения 29.11.2015)

426. Жизнеспособность народов [Электронный ресурс]. URL: <http://ustoj.com/LiveAblt.html> (дата обращения 06.10.2015)

427. Жук Е. И. Концептуальные основы информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/143237.html> (дата обращения 12.09.2015)

428. Заключение Комитета ГД по обороне №130/2 от 19 марта 2015 года по проекту федерального закона № 744090-6 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=130106> (дата обращения 27.08.2015)

429. Зачем России увеличивать расходы на оборону? [Электронный ресурс]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/264010> (дата обращения 11.09.2015)

430. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 12.11.2015)

431. Ивашов Л. Новая военная доктрина развивает установки принятой в февр. 2015 года Конгрессом США национальной стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33927> (дата обращения 04.03.2016)

432. Известия. 2013. 3 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/547957> (дата обращения 14.08.2015)

433. Изгарская А. А. Проблемы методологии и перспективы развития миросистемного подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=65> (дата обращения 22.11.2015)

434. Ильинский И. М. Западу не нужен образованный русский народ. Реформа образования в России ведется по рекомендациям Всемирного Банка [Электронный ресурс]. URL: http://kprf.ru/rus_soc/90357.html (дата обращения 13.10.2015)

435. Индекс лучшей жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/russian-federation-ru/> (дата обращения 24.02.2016)

436. Индекс человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705> (дата обращения 24.03.2016)

437. Интервью газете «Известия» руководителя Рособнадзора Сергея Кравцова [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&date=&sid=32260&ntype=nuke (дата обращения 15.04.2016)

438. Какой должна быть школа будущего? [Электронный ресурс]. URL: http://vio.uchim.info/Vio_117/cd_site/articles/pavlovsk1.pdf. (дата обращения 11.04.2016)

439. Капелюшников Р. И. Теория человеческого капитала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertarium.ru> (дата обращения 11.09.2015)

440. Карякин В. В. Геополитика третьей волны. Мир и политика. 2012. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16846-geopolitika-tretey-volny.html> (дата обращения 10.12.2015)

441. Ключевые тренды в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://itmultimedia.ru/klyuchevye-trendy-v-obrazovanii/> (дата обращения 11.04.2016)

442. Коллегия Минобороны: оборонный потенциал как основа суверенитета. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20151211/1340337151.html> (дата обращения 14.11.2015)

443. Константиновский Д. Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-sfere-obrazovaniya-rossiyskaya-situatsiya> (дата обращения 26.03.2016)

444. Крейтор Н. К. Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал–дарвинизм [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kreytor_american_geopolocity/ (дата обращения 17.02.2016)

445. Кузьменко А. В. Занятость и безработица в РФ в июне 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/centers/labourlaw/messagelist.asp?blockID=42> (дата обращения 18.10.2015)

446. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 03.04.2015)

447. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/194365/> (дата обращения 03.04.2015)

448. Манн С. Реакция на хаос [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html (дата обращения 18.10.2015)

449. Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo->

bogatstva-v-rukah-odnogo-protsenta-naseleniya-planetyi/ (дата обращения 03.04.2015)

450. Матвеев В. Новая военная доктрина США – экспансия [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/novaya-voennaya-doktrina-ssha-ekspansiya/> (дата обращения 10.02.2015)

451. Минфин России [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2014/09/23/1315779708/bd_14-15.pdf (дата обращения 02.02.2016)

452. Моисеева Т. П. Избыточное неравенство как сдерживающий фактор развития человеческого потенциала, модернизации современного российского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 7 (15) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения 17.04.2015)

453. Мордвинцева Н. В., Михеева Н. Н., Резник И. А. Проблемы современной системы образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.osu.ru/handle/123456789/764> (дата обращения 11.02.2015)

454. Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.html> (дата обращения 05.01.2016)

455. Николаева Е. М., Щелкунов М. Д. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/696/word/trend> (дата обращения 11.04.2016)

456. Новая «Доктрина информационной безопасности» разработана в России [Электронный ресурс]. URL: http://sol.ru/news/show/10_10_2015_13_07_novaya_doktrina_informacionnoy (дата обращения 05.01.2016)

457. Новая доктрина национальной безопасности США (USA National Security Strategy) [Электронный ресурс]. URL: <http://athropos.com/2015/02/12/120220151/> (дата обращения 10.10.2015)

458. Новая программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы»: цели, прогнозы и результаты реализации [Электронный ресурс]. URL:

http://sch1934uv.mskobr.ru/files/DOCUMENTS/progr_razv_obr/new_progr_RF.pdf.

(дата обращения 15.10.2015)

459. Новая философская энциклопедия. Дух [Электронный ресурс]. URL:<http://iph.ras.ru/elib/1032.html> (дата обращения 08.09.2015)

460. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf> (дата обращения 22.12.2015)

461. Образовательное пространство в современной философии и теории образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcde.ru/method/985.html> (дата обращения 08.04.2015)

462. О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5 (дата обращения 18.01.2016)

463. Основные заявления Путина в ходе прямой линии [Электронный ресурс]. URL: <http://point.md/ru/novosti/v-mire/glavnie-tezisi-pryamoj-linii-s-putinim> (дата обращения 17.05.2016)

464. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL : <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения 08.01.2016)

465. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 12.02.2016)

466. ОЭСР в поисках нового инструмента для устойчивого роста: итоги Глобального форума 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://oecdru.org/> (дата обращения 07.02.2016)

467. Павловский Г. Маргиналии о геополитике (При чтении диссертации В. Л. Цымбурского «Морфология российской геополитики и динамика

международных систем XVIII–XX вв.») [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/14211> (дата обращения 14.11.2015)

468. Петербургский экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/archive/radio-svoboda-news/210/016564/16564.html> (дата обращения 21.05.2016)

469. Повышение зарплаты бюджетникам 2015–2016 г.г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assessor.ru/notebook/oplata_truda/povyshenie_zarplaty_byudjetnikam (дата обращения 02.02.2016)

470. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию на 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 16.09.2015)

471. Почему Россия заняла 20-е место в мире по уровню образования [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1081981/> (дата обращения 12.01.2016)

472. Проблема образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=564563> (дата обращения 12.01.2016)

473. Проблемы и перспективы развития социальных отношений в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.vevivi.ru/best/index.php?s=9cbd5457f33c4d51b0d1d9b947b776f8&autocom=downloads&req=download&code=confirm_download&id=138109 (дата обращения 16.10.2015)

474. Проблемы и тренды современного образования. Форум «Образование завтра»: тьюторство, инновации, пути развития. О будущем российской школы. [Электронный ресурс]. URL: http://vio.uchim.info/Vio_117/cd_site/articles/art37.html (дата обращения 03.04.2016)

475. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5 (дата обращения 23.11.2015)

476. Пугач В. Н. Экономическая безопасность высшего учебного заведения [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/?id=176> (дата обращения 11.12.2015)

477. Путин В. В. рассказал о разочаровании многих стран в «плодах глобализации» : заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20141024/1029924808.html> (дата обращения 13.05.2016)

478. Пыж В. В. Духовная безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Politologia/2_149672.doc.html (дата обращения 04.03.2016)

479. Расходы на образование в России в 2015 году составят 3,3 трлн рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2014/10/31/428887/> (дата обращения 18.02.2015)

480. Расходы на образование в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/economy/3c0b65625b3ac79b5d53b88521216d27_0.html (дата обращения 22.12.2015)

481. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование (от 13.06.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info> (дата обращения 22.12.2015)

482. Рейтинг стран мира по уровню образования (от 18.03.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения 22.12.2015)

483. Реформа образования в России (1991–1999) [Электронный ресурс]. URL: <http://newsruss.ru> (дата обращения 07.11.2015);

484. Речь Путина на Валдае 24.10.2014 [стенограмма] [Электронный ресурс]. URL: <http://newsrw.com/politika/ne-skrytye-slova-prezidenta-putina-na-vstreche-valdaj-polnyj-tekst-rechi-1381.html> (дата обращения 12.12.2014)

485. Россия в цифрах. 2005. Разд. 8. Образование [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (дата обращения 18.11.2015)

486. Российский экономический кризис: антирекорды 2014 года в графиках [Электронный ресурс]. URL: <http://daily.rbc.ru/photoreport/29/12/2014/549df5479a794792e5567938/1.shtml> (дата обращения 09.08.2015)

487. Росстат об образовании россиян [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&sid=27050 (дата обращения 22.12.2015)

488. Рудакова Е. Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в образовательном пространстве России [Электронный ресурс]. URL: <http://knigilib.net/book/460-istoriya-i-politicheskie-nauki-vestnik-mgou-2-2012/30-mexanizm-obespecheniya-nacionalnoj-bezopasnosti-v-obrazovatelnom-prostranstve-rossii.html> (дата обращения 11.05.2015)

489. Савин Л. В. Киберпаноптикум. О контроле над массовым сознанием [Электронный ресурс]. URL: <http://rugraz.net/index.php/publikationen/1088-1-savin-kiberpanoptikum-o-kontrole-nad-massovim-soznaniem> (дата обращения 06.11.2015)

490. Савин Л. В. Императивы кибергеополитики и евразийская интеграция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasec.com/analitika/4606/> (дата обращения 06.11.2015)

491. Самый высокий уровень неравенства в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/50499/> (дата обращения 07.11.2015)

492. Сергеев В. Влияние экономики на систему образования России [Электронный ресурс]. URL: <http://8i1.com/good/914/> (дата обращения 05.09.2015)

493. Система образования в России с точки зрения обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/pedagogics/3c0a65635a2bd68b4d53a89521216d26_0.html (дата обращения 27.09.2015)

494. Смолин О. Н. Образование и национальная безопасность России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smo-lin.ru/news/3/2436> (дата обращения 25.09.2015)

495. Смолин О. О роли образования в обеспечении национальной безопасности России [Электронный ресурс]. URL: http://libelli.ru/magazine/96_3/smolin.html (дата обращения 25.09.2015)

496. Смык В. Сколько университетов оставит России Всемирный банк? [Электронный ресурс]. URL: <http://netreforme.org/tag/vsemirnyiy-bank/> (дата обращения 25.09.2015)

497. Современная теория геополитической динамики: реконструкция исследовательской программы Р. Коллинза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/supposition/theory/> (дата обращения 15.11.2015)

498. Сорос Д. Тезисы о глобализации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/sor_tezis.php (дата обращения 26.10.2015)

499. Социальное неравенство [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/sociology/2c0a65635a3ad68a4d53b89521316d37_0.html (дата обращения 26.03.2016)

500. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения 17.02.2016)

501. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (Введ. в действие указом Президента РФ от 31 дек. 2015 года № 683) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 02.03.2016)

502. Социальные риски [Электронный ресурс]. URL: <http://bgdstud.ru/bezopasnost-zhiznedeyatelnosti/601-socialnye-riski.html> (дата обращения 18.12.2015)

503. Сулакшин С. С. Национальная безопасность страны и качество образования [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/natsionalnaja-bezopasnost-strany-i-kachestvo-obrazovaniija> (дата обращения 11.10.2015)

504. Сулакшин С. С. Образ будущей России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/obraz-buduschej-rossi> (дата обращения 11.10.2015)

505. Субетто А. И. Россия и человечество на перевале истории в преддверии третьего тысячелетия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00160198.html> (дата обращения 05.06.2015)

506. Тебиев Б. К., Авдеев А. А. Экономический рост и образование [Электронный ресурс]. URL: http://economicarggu.ru/2012_3/tebiev.pdf (дата обращения 13.11.2015)

507. Тезисы Министра образования и науки Российской Федерации к совещанию у Президента России 7 мая 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fxn> (дата обращения 18.09.2015)

508. Тонконогов А. В. «Деструктивная духовность» как социально-философская категория [Электронный ресурс]. URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from> (дата обращения 16.11.2015)

509. Тренды в образовании XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-executive.ru/wiki/index.php/> (дата обращения 11.04.2016)

510. Тумилевич Е. Н. Инвестиции в человеческий капитал: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.ru.com/rossiyskaya-ekonomika-rf/investitsii-chelovecheskiy-kapital-problemyi.html> (дата обращения 12.10.2015)

511. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/blago/272716> (дата обращения 03.02.2015)

512. Форсайт: основные тренды образования будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tpu.ru/actual/2013/09/09/20082/> (дата обращения 03.04.2016)

513. Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Haus/geo_din.php (дата обращения 27.11.2015)

514. Царев А. С. Высшее образование как социальный институт современного общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.education.rekom.ru/4_2006/34.html (дата обращения 04.10.2015)

515. Цомаев Т. Теория управляемого хаоса [Электронный ресурс]. URL: <http://коммунист.su/index.php/kob/105-2011-09-03-07-13-26> (дата обращения 22.11.2015)

516. Чеховский Н. Богатые и очень бедные [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/59649/> (дата обращения 07.11.2015)

517. Что значит бедная семья? Опыт США, Великобритании [Электронный ресурс]. URL: http://www.modern-rr.ru/otsenka-situatsii/otsenka-situatsii_38.html (дата обращения 07.11.2015)

518. Шарова Е. А. Всемирный экономический форум в Давосе – 2015: что подразумевается под «новым контекстом» развития мировой экономики? [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.ru/?q=node/4394> (дата обращения 21.02.2016)

519. Шарп Д. Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120217_gene_sharp_revolutions_interview (дата обращения 12.02.2016)

520. Шолохов А. В. Неравенство в системе современного образования: основания и механизмы воспроизводства : автореф. дис. ... докт. филос. наук [Электронный ресурс]. URL: http://www.ceninauku.ru/page_17653.html (дата обращения 27.09.2015)

521. Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Январь 2014. Основные выводы и рекомендации. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/Overview_RUSSIA_Rus_2013.pdf (дата обращения 12.08.2015)

522. Эффект Гронингена [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 18.10.2015)

523. Юсманов И. Проблемы современной российской системы образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epochtimes.ru/problemu-sovremennoj-rossijskoj-sistemy-obrazovaniya-98913405/> (дата обращения 28.09.2015)

524. Якобсон Л. И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561970/model2020.pdf> (дата обращения 07.01.2016)

525. Carlson R. W. Georgia on His Mind. George Soros's Potemkin revolution [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weeklystandard.com/Content/Protected/Articles/000/000/004/104ygtvi.asp> (дата обращения 14.10.2015)

ПРИЛОЖЕНИЯ***1. Нормативно-правовое обеспечение вопросов национальной и образовательной безопасности**

Документ	Основная идея
1	2
1. Конституция Российской Федерации	Определена возможность ограничения прав и свобод для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в условиях чрезвычайного положения, обязанности должностных лиц по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.
2. Федеральный закон РФ от 28 дек. 2010 г. № 190-ФЗ «О безопасности»	Определены основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности личности, общества, государства и иных видов безопасности, а также функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере безопасности.
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»	Определены основы, содержание, цели, задачи, порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.
4. Федеральный закон Российской Федерации «Об обороне» (с изменениями на 12 февр. 2015 года)	Предусмотрены прогнозирование и оценка военной опасности и военной угрозы; разработка основных направлений военной политики и положений военной доктрины Российской Федерации.

1	2
5. Указ Президента РФ от 10 июня 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»	Концепция национальной безопасности – это система взглядов на обеспечение в РФ безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах деятельности.
6. Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»	Уточнены основные понятия национальной безопасности и определена зависимость ее состояния от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 9 сент. 2000 г., № Пр-1895. (в 2016 г. вводится новая Доктрина как «документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ»)	Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

2. Количество организаций высшего образования, обучающихся в них студентов и престиж специальностей

Год	Образовательные организации высшего образования (вузы, шт. / студенты, тыс. человек)			Выпущено специалистов, бакалавров, магистров по направлениям (тыс. человек)
	всего	Государственные и муниципальные	Частные	Экономика и управление / гуманитарные науки / информационная безопасность
2000	965	607/4270,8	358/407,6	–
2005	1068	655/5985,3	413/1079,3	292,7/145,1/1,3
2010	1115	653/5848,7	462/1201,1	386,7/178,9/3,6
2011	1080	634/5453,9	446/1036,1	380,1/175,7/3,7
2012	1046	609/5143,8	437/930,1	359,3/177,1/3,8
201	969	578/4762,0	391/884,7	350,5/177,2/3,4
2014	950	548/4406,0	402/804,0	331,0/158,0/3,5

См. : Россия в цифрах. 2015. Краткий стат. сб. М. : Росстат. С. 208–210.

3. Соотношение профессорско-преподавательского состава и студентов в образовательных организациях высшего образования (ППС/студентов, тыс. человек)

Год	Всего	Образовательные организации	
		Государственные и муниципальные	Частные
2001	279,6/1292,5	265,2/1140,3	14,4/152,2
2005	358,8/1640,5	322,1/1372,5	36,7/268,0
2010	356,8/1399,5	324,8/1195,4	32,0/204,0
2012	342,0/1298,2	312,8/1111,6	29,2/186,6
2013	319,2/1246,5	288,2/1066,8	331,1/179,7
2014	299,7/1191,7	271,5/1020,8	28,2/170,9

См. : Россия в цифрах. 2015. С. 208–210.

4. Распределение преподавателей с ученой степенью или званием между государственными (муниципальными) и негосударственными образовательными организациями (тыс. человек)

Год	Образовательные организации					
	Государственные и муниципальные			Частные		
	Всего	Ученая степень	Ученое звание	Всего	Ученая степень	Ученое звание
2000	265,2	153,4	116,8	14,4	7,6	6,2
2005	322,1	192,6	135,5	36,7	22,7	15,7
2010	324,8	209,4	139,3	32,0	20,1	12,2
2012	312,8	2008,8	138,9	29,2	19,2	11,8
2013	288,2	197,5	129,9	31,1	22,1	13,9
2014	271,5	192,2	126,6	28,2	21,0	13,2

См. : Там же.

5. Задачи, которые ставит Президент РФ по обеспечению устойчивого развития и безопасности образовательной системы в «Посланиях Федеральному Собранию».*

Год	Цитата
1	2
2008	«Решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы. Её прежние успехи были признаны во всем мире. Сегодня, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, положение дел в образовании оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать: с передовых позиций мы уже «откатились». И это становится серьезной угрозой нашей конкурентоспособности».
2009	«Очевидно, что реализация наших стратегических планов невозможна без полноценных перемен в обществе. Укрепление политической системы и правовых институтов, внутренняя и внешняя безопасность государства, социальная стабильность, современное образование и культура (культура в самом широком смысле этого слова) – без всего этого мы не добьемся успехов».
2011	«Надо исправить положение, которое сложилось за последние 20 лет в высшем образовании, где, к сожалению, моду по-прежнему определяют не классические и исследовательские университеты, а сотни третьесортных институтов. Нам нужно продолжить создание сети современных вузов, которые отвечают именно мировым стандартам как по качеству образования, так и по уровню проводимых научных исследований».
2012	«Поручаю Правительству в двухгодичный срок разработать и внедрить национальную систему оценки качества профессионального образования. В каждой организации – медицинской, образовательной, научной – должна быть сформирована собственная программа развития и кадрового обеспечения».

1	2
2013	<p>«Считаю, что для обновления всей системы высшего образования нужно использовать потенциал лучших вузов, делегировав им право и полномочия по оценке качества образования, в том числе с их помощью и добиться того, чтобы выпускники были востребованы на рынке труда, а экономика и общество получили реальную отдачу.</p> <p>Ни в коем случае нельзя создавать барьеры для образовательной мобильности наших граждан».</p>
2014	<p>«Важным показателем эффективности изменений в профессиональном образовании должны стать результаты конкурсов по рабочим и инженерным профессиям. Такая система профессиональных соревнований уже давно существует в мире. Образование, здравоохранение, система социальной помощи должны стать подлинным общественным благом, служить всем гражданам страны. Нельзя имитировать преподавательскую, медицинскую, социальную помощь».</p>
2015	<p>«Для хорошего образования недостаточно только комфортных зданий. Нужна профессиональная, мотивированная работа учителя, прорывные новые обучающие технологии и, конечно, возможности для творчества, занятий спортом, дополнительного образования. Сбережение нации, воспитание детей и раскрытие их талантов – то, что определяет силу и будущее. Россия заявила о себе как сильное самостоятельное государство с тысячелетней историей и великими традициями, как нация, которая консолидирована общими ценностями и общими целями. Мы ответим на все вызовы, будем действовать творчески и результативно, трудиться ради общего блага и ради России».</p>

Цит. по: Российская газета. 2015. 4 дек. № 275 (6846). С. 4.

6. Взаимосвязь расходов на образование и уровня образованности населения (место, занимаемое в мировом рейтинге)

Государство	Расходы на образование (доля в % от ВВП /место)	Образованность (индекс / место)
Белоруссия	4,5/83	0,820/21
Великобритания	5,6/45	0,860/13
Германия	4,6/79	0,884/7
Казахстан	3,1/125	0,762/44
Куба	12,9/3	0,743/50
Молдова	9,1/5	0,653/91
Россия	4,1/98	0,780/36
США	5,4/52	0,890/5
Франция	5,9/34	0,816/22
Южная Корея	5,0/66	0,865/11
Япония	3,8/104	0,808/26

См. : Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование (ред. от 13 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info> (дата обращения 22.12.2015); Рейтинг стран мира по уровню образования (ред. от 18 марта 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения 22.12.2015)

7. Цивилизационная геополитика – генезис, сущность

Типы Свойства	Классическая геополитика (1-я волна)	Неклассическая геополитика (2-я волна)	Постнеклассическая геополитика (3-я волна)
Цели	Территориально-экономическая экспансия	Территориально-экономическая, идеологическая экспансия	Ценностная экспансия
Средства и методы	Силовые	Гонка вооружений, идеологическая борьба, «мягкая сила»	Информационные и политические технологии мягкой силы в «управляемом хаосе»
Объект воздействия	Государство	Государство, системы государств, элиты	Сознание народов и элит, все виды социальных пространств